

ХАБАРОВ Ю.А.

**ЭТОТ
ФАТАЛЬНЫЙ
МЕСЯЦ ОКТЯБРЬ**

ИЗДАТ

ХАБАРОВ Ю.А.

**ЭТОТ
ФАТАЛЬНЫЙ
МЕСЯЦ ОКТЯБРЬ**

МОСКВА

ИЗДАТ

1997 г.

ББК 6П2.8(09Р)
Х 12
УДК 623.454.8(092)

Х 12 **Хабаров Ю.А.**
Этот фатальный месяц октябрь.— М.: ИздАТ, 1997.—
320 с.
ISBN 5-86656-075-5

Читателю представляется жизнь человека, не уклонявшегося от испытаний, посланных судьбой. Время позаботилось поставить на его жизненном пути невыносимые преграды. Остается удивляться, как человек такой судьбы, не уклоняясь ни от одного испытания, выжил.— Видимо для того, чтобы донести до нас дух того времени. Написанные непрофессиональным пером воспоминания вводят нас в мир контрразведчиков, военных, атомщиков.

Книга будет интересна не только для специалистов, связанных с оборонной тематикой, но и для широкой публики, для которой ранее закрытая тематика разворачивается на этих страницах.

ББК 6П2.8(09Р)

ISBN 5-86656-075-5

© Автор, 1997
© ИздАТ. Оформление, 1997

Георгий, нареченный
родителями Юрием.

Автор книги сорок семь лет прослужил в Вооруженных Силах СССР (1941—1988 годы). Участвовал в Великой Отечественной войне.

В 1952 году окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета.

В 1952—1988 годах работал в атомной промышленности (18 лет в ядерном центре Арзамас-16 и 18 лет в Центральном аппарате Министерства среднего машиностроения).

Будучи офицером действующего резерва КГБ СССР и МВД СССР, свою жизнь посвятил защите и охране атомных секретов страны, сохранению документов как научно-исторических источников и обеспечению мобилизационной готовности отрасли к работе в условиях военного времени.

В 1986—1987 гг. участвовал в работах по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жизнь страны, семьи и отдельного человека складывается из случаев, событий и обстоятельств, располагающихся во времени.

Дни, месяцы и годы нанизываются на образную нить, составляющую саму жизнь, так же, как жемчужины и бусинки, нанизываясь на нить, образуют ожерелье.

У каждого человека, каждой семьи, каждой страны какие-то части этой образной нити жизни высвечиваются по-разному. Одни ярче, другие темнее, в зависимости от того, какой период был в это время жизни, благополучный или не очень. Именно поэтому образные жизненные нити разных людей, семей и стран могут высвечиваться одинаково или по-разному в зависимости от их положения и состояния.

В жизни России, например, высветился месяц октябрь. Он был судьбоносным, и высветился по-разному. Это касается 1917-го, 1957-го, 1961-го, 1964-го, 1991-го, 1993-го и других годов.

(Октябрь 1917-го — Великая Октябрьская социалистическая революция.

— 1957-го — Запуск Первого в мире искусственного спутника земли. Опала Г.К. Жукова.

— 1961-го — XXII Съезд КПСС Новая программа КПСС торжественно объявила о том, что нынешнее поколение Советских людей будет жить при коммунизме.

— 1964-го — Замена Н.С. Хрущева Л.И. Брежневым.

— 1991-го — Последний съезд Верховного Совета СССР.

— 1993-го — Осада Белого дома в Москве.)

В жизни Георгия, о ком здесь пойдет рассказ, судьбоносным станет тот же октябрь. В разные годы в октябре у него происходят случаи, события и возникают обстоятельства, круто менявшие его жизнь. То были и позитивные, и негативные изменения.

Георгий, будучи в меру суеверным, не больше, чем все или большинство людей, этот месяц отнес к фатальным.

Присмотришься, уважаемый читатель, к своей жизни, к своей судьбе и ты сможешь определить, какой месяц года был в твоей жизни судьбоносным и что он приносил тебе с собой.

*Жизнь — этот дар природы, прекрасна,
как роза, но и у нее есть свои шипы.*

РОДНЫЕ МЕСТА И РОДНЫЕ ЛЮДИ

В жизни тех, кто забыл или порвал связи со своими родными, со своим прошлым (не криминальным) называют “Фомами, не помнящими родства”.

Когда герой нашего повествования стал докапываться до корней своей родословной, то понял, что он не Георгий, а настоящий “Фома”. Он знал и помнил свою родословную только до дедов и бабок, и то не всех. То, что он не один такой, что многие из тех, кто родился и рос после Октябрьской революции, являются такими же фомами, его не обрадовало. Раньше люди, жившие даже в глухомани, знали о своих предках больше и глубже. В старых деревенских домах и в городских квартирах на стенах, комодах, этажерках, в общем, везде на видных местах были целые галереи фотографий. В различных рамках и без них были фотокарточки дедов, прадедов и их близких и родных и их потомков. С уходом старых поколений пропадали фотокарточки и постепенно рвалась родословная память. Когда-то ухоженные погосты, где упокоился прах предков, оказались брошенными и практически затерялись на широких просторах страны.

В октябре 1966 года, когда умер отец Георгия, на похоронах он встретился со своим крестным — средним братом покойного. Там они и договорились начать собирать сведения о своих предках, пока не все еще ушли в лучший мир. Они объездили свою округу. Кое-где застали в живых близких и дальних родственников, доживавших свой век. Все эти поездки дали немного. Удалось собрать некоторые данные о дедах и прадедах по отцу и матери Георгия.

Мать Георгия своего деда не знала. Дед Назар умер, когда ее еще не было на свете. О нем рассказали те, кто чуть-чуть знал и помнил его. По рассказам он был крепким хозяином. Не брезгал никакой работой. К этому он приучил и своего сына Алексея, который мог работать и по дереву и по металлу. В начале нового столетия Алексей женился. Взял в жены Веру, молодую работающую девку. Взял по нраву и по вере. Через год у них родилась двойня: мальчик Володя и девочка Маша. Володя умер малолеткой. Когда Маше шел четвертый год, умерла ее мать — Вера Васильевна. Спустя положенный срок овдовевший Алексей Назарович женился вторично. В жены взял Евдокию Яковлевну — родную тетку будущего мужа Марии.

Перед второй женитьбой отца Маша ушла жить к своей тетке Анне Васильевне — сестре матери, в соседнюю деревню Оморково. Тетка жила с мужем. Своих детей им Бог не дал и они с радостью приняли племянницу и растили ее как родную дочь. Марии исполнилось восемь лет, когда в новой семье отца родился сын. С его появлением отец забрал Машу обратно домой и она стала помощницей по хозяйству и нянькой маленькому братику. Мачеха имела доброе сердце и мягкий характер. Она по-матерински относилась к падчерице. Прошло несколько лет и на ее детские плечи легла забота нянчиться со вторым братиком Алексеем и сестричкой Антониной.

Когда Маша заневестилась, к ней стал лепиться племянник мачехи, приехавший из Питера на лето в село. Сердце Маши прикипело к другому парню и она сторонилась Александра — племяша мачехино. Отец Марии, не без влияния мачехи, встал на сторону Александра и Маше пришлось покориться воле отца. Они были обвенчаны.

Александр и Мария (родители Георгия).

О прадеде по отцу удалось узнать немного. Яков Иванович жил безвыездно в селе. Жену Ульяну взял из другой деревни, которую почему-то называли Крутоврагом, хотя оврагов там не было и в помине. Его

сын Петр после женитьбы на Александре Мельниковой уехал из села в Кронштадт, а дочь Евдокия стала женой Алексея Назаровича Ханьгина, отца Марии.

В Кронштадте у Петра Яковлевича родились два сына: Александр, названный так в честь матери, и Иван, названный так в честь деда по матери. Когда Петр Яковлевич (дед Георгия по отцу) заболел, вся семья возвратилась в село. Александр и Иван в селе прожили недолго. Сначала в Питер уехал Александр, а спустя два года уехал в Кронштадт Иван. Ребята работали полowymi у купцов, выходцев из их же села. Нароботав немного денег и купив гостинцев, ребята приезжали в село, как правило, в сенокос и помогали родителям заготавливать корма для скотины. После революции, когда еще шла гражданская, они возвратились в село добрыми молодцами-женихами. Первым обзавелся семьей Александр. Он отвык от сельской жизни и вскоре после женитьбы уехал в Ярославль. Стал работать в ВЧК, изредка навещая село, жену и детей, которые появлялись, как грибы после дождя. В семье их было уже трое: одна дочь и два сына. В селе они жили до зимы 1929 года.

Старшей из детей была дочь Зоя. Георгий был вторым ребенком. Он родился летом, когда наступили жаркие дни жатвы. Отец в память о своем друге-командире назвал было сына Юрием, но при крещении он был наречен Георгием. Оказалось, что в православном словаре нет имени Юрий.

Он родился на шестой год после Великой революции. Родился в Ростовском уезде Ярославской губернии. Село названо было кем-то Ивашково. Когда появилось село и почему его так называли, никто не знал. Скорее всего это было в XIII веке. В те годы население южно-русских сел и городов пребывало в страхе и тревоге из-за междоусобиц князей и набегов степняков, уводивших захватываемых при набегах пленных в рабство. Из-за этого народ стал уходить в северные и восточные края Руси, на верхнюю Волгу, в Ростово-Суздальские земли. Возможно, один из переселенцев с юга, некто по имени Ивашко, став дружинником в дружине князя Всеволода III Большое Гнездо или в дружине его сына Константина, за свою верную службу был дарован землей в Ростовском уезде. Так было принято у князей. Да и до наших дней сохранилась такая практика благодарить подчиненных за усердие. Если Ивашко получил в дар землю, то, естественно, свое поселение или село он обозвал "Ивашково село", а не иначе. Возможно, это так и было. А может быть и нет. Кто его знает.

Для Георгия Ивашково стало его родиной. Не той, под которой понимается вся страна, вся Россия. А той, где он появился на свет Божий, где впервые его шлепнули по попке, чтобы он вздохнул первый раз воздух и прокричал всем о своем появлении. Где впервые он умылся своими собственными слезами и первый раз в жизни улыбнулся новому миру, который его окружил.

Ивашково в уезде значилось в числе больших сел. Три посада. До сотни домов. Две церкви. Летняя — пятиглавая и зимняя поменьше. При зимней — церковно-приходская школа, в которой в свое время учились родители Георгия. Село располагалось на возвышенном месте. С трех сторон протекали небольшие речки, которые, судя по широкой пойме и высоким берегам, были в прошлом большими и многоводными. Речки были богаты рыбой и раками. В четырех прудах водилось много карасей. Вокруг села — большие леса и ореховые заросли-сечи.

Сельчане, как и всюду в России, трудились на земле, гуляли свадьбы, крестили новорожденных, сносили на погост умерших, торжественно отмечали престольные праздники с колокольным звоном и крестным ходом, застольем, гуляньями, кадрилями и хороводами.

На ярманки, как называли в селе ярмарки, стекались сотни жителей окрестных сел и деревень. Строились карусели, качели, гигантские шаги (на высоких столбах ставился поворотный круг с крючьями, за которые крепились длинные до земли веревки с петлями на концах. Петли надевались на пояс или ниже. Надевшие петли разбегались и раскручивались до тех пор пока центробежная сила не поднимала их ввысь).

На земле, где трава была не вытоптана, устраивались чайные. Вокруг больших трех-пяти ведерных самоваров усаживались любители погонять чай.

Ограда летней церкви служила привязью для лошадей, коров и другой крупной живности.

Приезжал зверинец с обезьянками и дрессированными зверями. Клетки с ними ставили в большом сарае, служившем пожарным депо. Каждый день в депо и у соседнего пруда было полно зевак. Особенно шумно было возле пруда, когда в нем купался медведь. Мишка гонялся за плавающей в воде большой деревянной бочкой, пытаясь взобраться на нее. Зверь барахтался, взбирался, а вернее, заползал животом на ныряющую бочку, делал попытки встать на нее ногами, но бочка переворачивалась и медведь булькал с головой в воду. Выныр-

нув, он вновь озлобленно кидался на бочку и все повторялось снова и снова.

Проходила ярмарка. Все расходились и разъезжались. Уезжал и зверинец, который ребята провожали за околицу. Долго-долго помнились ребятам шумное веселье, подарки, большие конфеты с маленькими зеркальцами на обертке, разноголосые свистульки и опилочные мячики на тонких резинках.

Как и все сельские ребяташки, Георгий рано начал приобщаться к работе в поле, в огороде. Прополка грядок, полив посадок, особенно капусты, ворошение и сушка сена не обходились без них. Умаявшись на поле, ребята, бывало, валились в межу и засыпали. Георгий однажды осенью, на копке картофеля, умаявшись, прилег отдохнуть у костра, задремал и сжег пальтишко.

Запомнились походы за ягодами, грибами, орехами. Целыми ватагами ребята прочесывали леса и рощи, запоминая приметы наиболее ягодных и грибных мест. Георгий любил эти вылазки. Но особенно он любил походы на рыбалку, когда мужики собирались ловить рыбу и брали с собой ребят в качестве носильщиков их одежды, снастей и улова. Пока взрослые с сачком или бреднем обследовали глубокие омуты, ребята с бельевой корзиной и боталом шастали по мелководью у подмытых водой берегов, загоняя в корзину пескарей и сорочат. Иногда им везло. Спасаясь от ботала и ребячьего гвалта, в корзину, к радости ребят, заскакивали то шуренок, то молодая щучка.

Дед по матери — дед Алексей был любимым дедом Георгия. Дед был мастером на все руки. Гнул дуги. Мастерил сани и телеги. Сам ковал металлические шины для тележных колес. Как-то придя с дедом из кузницы, он пристал к нему с вопросами: откуда и почему у него такая непонятная фамилия — Ханыгин. Дед, отшучиваясь, говорил:

— Понимаешь, когда-то в России было монголо-татарское иго. А у них самым главным человеком был хан. Чингиз Хан, Батый Хан. А кто в моем доме самый главный? — неожиданно спросил он внука. Тот посмотрел на деда и ответил, что главным дома сам дед.

— Вот, поэтому в моей фамилии сперва идет слово “Хан”. А “иго” — это все то, что для меня тяжелое, которое я должен нести. А поскольку мне приходится заботиться и о вас, моих внуках, значит Вы и есть мое “Иго”. Из этих двух слов “хан” и “иго” и сложилась моя фамилия — Ханыгин,— закончил свое

объяснение дед. Георгий не совсем все понял, но больше деда об этом не спрашивал.

Перед кончиной дед долго болел. Когда он умер, Георгий помчался к церковной ограде, где был привязан конец веревки от набатного колокола. В него звонили при пожарах и других бедах. Он забрался на кирпичный цоколь ограды, отвязал веревку и... колокол загудел тревожным басом. Сбежавшимся сельчанам он со слезами на глазах поведал о своем большом горе.

Вскоре после похорон деда Алексея семья стала готовиться к переезду в город, где работал его отец.

В Рождество Георгий вместе с младшим братом и другими ребятами ходили по домам села славить Христа. Так было принято издревле. У каждого дома ребята хором произносили славу: "Рождество твое Христебожево...". Хозяева открывали двери и одаривали ребят пряниками, конфетами, печеньем. В общем, кто чем мог. И так у каждого дома.

Отъезд был намечен на конец Рождественских празднеств. Морозы стояли сильные. Рождественские. После обеда стали грузиться в розвальни. Выехали из села сразу, как погрузились. Надо было успеть к вечернему поезду. До железной дороги было около десяти километров. До станции можно было доехать по двум дорогам. Одна шла по ровной местности, но была окольной и требовала большего времени. Вторая была прямой и короче, но шла через гору с крутым подъемом. Из-за недостатка времени решили ехать прямой дорогой. При подъеме в гору возница повел лошадь под уздцы. Отец слез с саней и шел рядом с возницей. Седоки были укутаны от мороза и поэтому не заметили, как самый младший вывалился из саней и остался лежать на дороге. Когда лошадь вытащила сани наверх, только тогда была обнаружена потеря. Отец кинулся вниз и почти на середине кручи нашел пропажу. Брат не проснулся при падении и спокойно посапывал в своей упаковке. Его спящим поднял отец в гору, уложил в сани. Дальше ехали без происшествий. К станции подъехали в темноте. Поезда еще не было. Разгрузили сани и поклажу перетаскали к перрону. Перрона, как такового, не было. Была просто низкая площадка, откуда с великим трудом залезали в вагоны. Когда подтаскивали последние узлы, слышалось постукивание по рельсам и световые лучи прорезали темноту. Ребята перепугались. Они раньше никогда не видели железной дороги и не знали, что такое поезд. Они восприняли па-

ровоз за какое-то трехглазое чудище из сказок, слышанных от бабушки. Страха ребятишкам добавила лошадь, которая запрядала ушами и ногами, захрапела и стала рваться с привязи. Малыши успокоились после посадки в вагон. Родители надеялись, что дети в темном вагоне быстро утихомятятся и заснут. Не получилось. Вышедшая луна затопила своим светом все вокруг. Побежал назад лес. Замелькали телеграфные столбы и огоньки в окнах проплывающих деревень. Все это было внове для ребят и прилепило их лбы и носы к холодному стеклу вагонного окна.

Город, куда приехали переселенцы, оказался не городом, а пригородом Ярославля. Вместо своего дома, к которому привыкли и который остался в деревне, им на семью из шести человек выделили шестнадцатиметровую комнату в дощатом бараке с длинным коридором и множеством дверей. Их в семье было пока пятеро, но через два месяца у Георгия появится младшая сестренка и их станет шестеро. Мебели не было. Вместо стола стоял фанерный ящик из-под папирос. Спали на полу и на лежанке, что была при небольшой печурке. Жили в тесноте, но, как говорится, не в обиде. Все удобства, как и в деревне, были во дворе. Первое время дети выходили к удобствам в сопровождении матери, уж очень путаным был путь к ним. Через три с половиной месяца произошла перемена к лучшему. Как по пословице: "Не было бы счастья, да несчастье помогло". Весна 1929 года оказалась роковой для тех мест. Волга набухла, как никогда. Наводнение побило прошлые рекорды. Вода прорвала насыпь, отделявшую бараки от реки, и затопила все побережье. Случилось это неожиданно. Ночью вода ворвалась в барак и в комнату. Отца дома не было. Ребят и мать разбудили чужие дяденьки. Они на руках переносили ребят в лодку, носом въехавшую в окно комнаты. На лодке они плыли между бараками, мимо удобств и помоек к высокому берегу речки Дунайки, впадавшей в Волгу выше размытой насыпи. Все жители затопленных барачных домов нашли приют в домах, взобравшихся на высокие места. Ожидая спада воды, Мария с детьми разместились в доме, недалеко от берега Волги, где впадала Дунайка. Георгий и его старшая сестра с разрешения хозяев по вечерам забирались на крышу дома, откуда любовались проплывавшими по Волге и сверкавшими огнями парходами и слушали доносившуюся с них музыку. Они завидовали тем, кто плыл на этих парходах. Они мечтали, что когда-нибудь и им может посчастливиться также проплыть на

пароходе вниз по Волге. Не вверх, а вниз, к югу, где было теплее.

Когда вода спала и Волга вернулась в свои берега, ребята пришли домой и не узнали своей комнаты. Пол вздулся дугой. Крутом трава, щепки и какой-то еще мусор и много-много ползавших мокриц, каких-то жуков и пауков.

Для жилья после разбухания в воде барак был не гош и семью переселили в двухэтажный бревенчатый дом, что стоял рядом с магазином и клубом железнодорожников. Комната с кухней были на первом этаже и ребятам показались сказочным дворцом. Жить в этом доме было хорошо и просторно. Но было бы еще лучше жить, если бы не голод, захлестнувший всю страну и особенно Поволжье с Украиной. Во время голода, за год до начала учебы в школе закончилась, можно сказать, детская пора Георгия и началось его взросление. Об этом свидетельствовало несколько примет. Во-первых, он начал покуривать. Виновником этого стал великовозрастный сосед по дому. Он работал на шпалопропиточном заводе. Приходя домой, он собирал малолеток и давал им задание искать окурки-чинарики, выпотрашивать из них остатки табака и "товар" передавать ему. Для наказания нерадивых он применял целую систему взысканий. Эксплуатируя ребят, он приучал их к курению.

Во-вторых, с семи лет Георгию пришлось подрабатывать и помогать матери. Отец пытался жить на две семьи. Мать его вывела и он ушел из семьи. Мать осталась одна с четырьмя ртами, которые каждый день просили есть. Работа для него нашлась рядом. К Волжскому берегу швартовалось много груженых барж. Ребята специализировались на разгрузке барж с клепкой¹, привозимой для тарно-бондарного завода. Оплачивался их труд не ахти как. Платили по двадцать копеек за кубометр выгруженной клепки. Выгруженная клепка ребятами выкладывалась в штабель по кубометру. Приемщик производил обмер штабеля и масляной краской кропил его, размахивая кистью, как поп кадиллом. Чтобы получить за работу побольше, ребята при удобном случае мошенничали. Одни отвлекали приемщика, а другие в это время перекладывали уже меченную клепку на другое место так, чтобы клепка со следами краски попадала во внутрь штабеля. Вновь переложённые штабеля сдавались приемщику вторично. Обычно за день Георгию удавалось заработать до рубля, рубля двадцати. А когда удавалось смошенничать, то и все два

¹ Дощечки для изготовления бочек.

рубля приносил он матери. Его приработок позволял покупать дополнительно два-три килограмма дуранды (конопляного жмыха), который заменял хлеб. Жевание дуранды ребята прозвали “кровным делом”. В дуранде было много щеп от стеблей конопли, которые при жевании впивались в десны, как занозы. Во рту, на зубах и на губах появлялась кровь. Отсюда и появилось название “кровное дело”.

И, наконец, в-третьих, Георгий стал мужать. Когда мать взяла его с собой в баню, что делала всегда раньше, он завозился около кранов с девчонкой из их двора. Они стали носиться по бане, он за ней, она за ним, с криком и визгом. Одна из мывшихся женщин перехватила его на бегу и собиралась отшлепать по голому задку, но вдруг заметила, что у мальчугана проявилось мужское начало. Женщина почему-то возмутилась и под ее нажимом мать выставила сына из моечной, заставила его одеться и ждать, пока она сама не помоеется. Это был последний поход Георгия в баню вместе с матерью. С этого момента он стал ходить в мужское отделение бани.

Начало учебы в первом классе школы у всех остается в памяти на всю жизнь. Но у всех по-разному. Все помнят первую учительницу или почти все. Даже прекрасная песня об этом сложена. Помните “Школьный вальс”, в котором есть удивительно теплые и нежные слова о первой учительнице “...с седыми прядками над нашими тетрадками...”.

Георгию запомнилась первая учительница — Людмила Алексеевна. Но еще более запомнилась директор школы Варвара Васильевна. В один из первых школьных дней в большую перемену он о приятелем забрался под лестницу перекурить. Дым от сигарок был замечен кем-то из учеников. Он поднял тревогу, что школа горит. Варвара Васильевна быстро разобралась, что дым был табачный. Она заглянула под лестницу, увидела виновников “пожара” и выволокла их на свет Божий. Скандал был вселенский. Грозило исключение из школы. Пришлось просить отца приехать и спасти “поджигателя”, чтобы его оставили в школе. Взрослые между собой договорились. Отец дал приличную трепку сыну, а он умел это делать превосходно и надолго памятно, а Варвара Васильевна смилостивилась и оставила его в школе. Ребята после этого продолжали тихо покуривать, но уже подальше от школы.

В первые школьные годы ребята учились читать и писать. А в это время голодная и скудная жизнь учила их жить и выживать. В школе выживания учителями были физический труд и

предприимчивость, приносящие ребятам пусть маленькие, но радости. Денег в семье хронически не хватало, но у Георгия и его брата были и коньки и лыжи. Да и кино они смотрели более менее регулярно, не пропуская новые фильмы. На все это не тратилось ни копейки. Лыжи и коньки Георгий мастерил сам. Лыжи из клепки, а коньки из деревянных брусочков с проволочным полозком. Для того чтобы смотреть кинофильмы, он подрядился в клубе железнодорожников крутить динамку, от которой питался кинопроектор. Крутил динамку и без отрыва от работы смотрел на экран. Сначала были немые фильмы, такие, как “Красные дьяволята”, “Пат и Паташон”, “Вечера смеха”. Потом пошли говорящие: “Броненосец “Потемкин”, “Чапаев” и другие. Покрутивши динамку один-два сеанса, он затемно приползал домой и валился спать. Тяжело было. Но зато смотрел кино, не тратя ни копейки. Сам смотрел и брата таскал в клуб с собой. Еще живя в селе, он не однажды слышал от бабушки Саши, матери отца, поговорку: “Как потопашь, так и полопашь”. На своей шкуре Георгий испытал правдивость этой поговорки. Участь в школе второй ступени, он продолжал подрабатывать, но уже другим. Занимаясь в изо-кружке, он научился писать плакаты и лозунги. Стал оформлять афиши клубов о киносеансах, танцах и вечерах отдыха. Его стали знать в нескольких клубах и заказы шли регулярно. Его нанимали охотно, потому что мальчишке можно было платить за работу намного меньше, чем взрослым писакам. Он набивал руку и набирался опыта. Понимал, что это ему пригодится. Он мечтал после школы попасть в институт, где учат на художников.

В начале тридцатых годов в пригороде Ярославля, где проживал Георгий, летом проходили маневры Московского Военного Округа. Село Дядьково и всю местность вплоть до аэродрома наводнили войска. Пешие, конные, с большими и не очень большими пушками на конной тяге.

Георгий впервые видел столько военных. И командиров, и красноармейцев. А живых полковников, комбригов и комдивов он раньше вообще не встречал. Со шпалами и ромбами в петлицах, а некоторые с орденами Боевого Красного Знамени и Красной Звезды.

Проходивших по улицам орденосных командиров всегда сопровождала ватага ребятишек. Они изредка обгоняли командиров, останавливались, внимательно разглядывали ордена на их груди и снова шли за ними, оживленно вполголоса обсуждая

увиденное и пытаюсь отгадать, за какие подвиги их наградили. На втором этаже дома, в котором жил Георгий, в окна высунулись пулеметы “Максим”. Такие же, какой был у Анки — пулеметчицы Чапаева.

Перед началом маневров жителей села предупредили, чтобы во время “боя” держали детей дома, чтобы те не мешались под ногами.

Маневры начались рано утром. Все были разбужены пушечными выстрелами и треском пулеметной и винтовочной стрельбы. Окраину села заволокло дымом. Стало понятно, что зажгли дымовые шашки и поставили дымовую завесу. Когда вдалеке раздались крики “Урррааа” и пальба стала постепенно затихать, значит “бой” закончился и, конечно же, победой наших. Иначе и быть не могло.

Поговаривали, что на маневрах были Нарком Клим Ворошилов и легендарный командарм Первой Конной — Семен Михайлович Буденный. Всем ребятам страшно хотелось увидеть самых героических героев страны Советов. Хотелось и Георгию. Но не привелось. Когда ему стало известно, где и как их видели, он в разговоре с друзьями стал прихвастывать, что и он издалека их видел.

После маневров у ребят остались целые пригоршни стреляных гильз. Гильзы долгое время служили им расчетной валютой при игре в азартные детские игры: в бабки, в чижика и в другие.

В 1936 году семья переехала из пригорода в город. С первого этажа рубленого дома они спустились в полуподвал кирпичного здания в центре Ярославля, рядом с драматическим театром имени Федора Григорьевича Волкова, который был первым театром России.

В полуподвале на шесть семей было шесть комнат, кухня и санузел. В каждой комнате по одному окну, расположенному под потолком. Снаружи окна были немного выше тротуара. Соседи жили дружно. Помогали друг другу всем, чем могли. В соседних домах, образующих один двор, были столовая, овощной магазин и бывшие конюшни конной милиции, в которых стали размещаться какие-то склады. Двор и чердаки бывшей конюшни были ребячьими угожьями. Здесь они играли, сражались на шпагах, как мушкетеры, гоняли мяч и зачастую мячом били стекла в окнах и отвечали за это своими ушами, шеями и задницами.

Первые несколько лет после переезда в город Георгий с младшим братом летние каникулы проводили в селе Ивашково или в деревне Оморково у бабушки Анны и дедушки Андрея. У них своих детей не было. Они ребят любили и считали их своими внуками. Ведь они были детьми их Марьи.

Как-то Георгий привез в деревню детекторный радиоприемник, чему особенно был рад дед Андрей. Они с дедом забрались на чердак дома, чтобы оборудовать антенну. На чердаке Георгий увидел три больших ящика, которые были в два раза выше обычного деревенского сундука. Ящики были заколочены. Любопытствующему внуку дед сказал, что в ящиках книги и разные бумаги. Чтобы отвязаться от его расспросов и приставаний, дед слазил за топором и с его помощью оторвал крышку одного ящика. Внутри были книги, подшивки “Губернских ведомостей”, переплетенные журналы “Нива” и праздничные открытки с голубками, цветочками и лубочными личиками целующихся и влюбленных. Открытки были старинные, тисненые с позолотой. Прислали их из Гельсингфорса, Санкт-Петербурга и Москвы. Об этом говорили их обратные адреса.

Георгий перебрал несколько брошюр и книг. Ему попались яркие обложки “Палача города Берлина”, “Ната Пинкертон”, “Ника Картера” и других выпусков. Одна книжка его заинтересовала. Это были “Зеркала русской истории”, изданная очень давно, чуть ли не в 1703 году. В том самом, когда был основан Санкт-Петербург.

Георгию очень хотелось заполучить эту книгу и увезти домой. Но дед оказался непреклонным. Он отобрал книгу, положил ее в ящик и ящик снова заколотил. Георгию он пообещал: “Эта книга бабки. Она строго наказала, без нее ничего не трогать. Просить ее я тебе не советую. Все равно не даст, да еще и ругаться будет, зачем залезали в ящики. Потерпи немного. Мы уже старые. Осталось жить не долго. Как только бабка умрет, все книги будут твоими”.

К сожалению, все получилось наоборот. Умерла не бабушка, а умер дед. Бабушка осталась одна. И куда все подевалось после ее смерти, осталось неизвестным.

В последние годы перед войной Георгий в летние каникулы не мог бывать в деревне. Жить становилось труднее. Ребята подрастали и требовали все больше и больше в еде и одежде. Матери с каждым годом становилось труднее и тяжелее.

Летом 1939 года мать устроила его на работу в цирк униформистом. Он охотно пошел туда, не представляя, чем он будет там

заниматься. Парадная одежда с золотым шитьем и позументами на нем оказалась несколько мешковатой. В первый рабочий вечер он, помня инструктаж старшего, встал в строй при Парад-Алле и стал выполнять команды: принести то, унести это, установить третье, и так весь вечер на манеже. Трудно приходилось с тяжелыми стойками, трамплинами, элементами металлических клеток для зверей. Особенно тяжело было с громадным ковром, под тяжестью которого горбились все униформисты вместе. В цирке он проработал одну неделю и сбежал. Даже не ходил получать расчет за проработанные дни. Легче, и намного, было подрабатывать в клубах.

Этим же летом он поступил в Военно-морскую школу Осовахиима. Были до войны такие. Занятия в ней проводились по вечерам и в выходные дни. Школа размещалась на крутом Волжском берегу, в здании бывшего Арсенала. Говорили, что в этом здании когда-то была заключена Марина Мнишек, жена двух Лже-Дмитриев, Первого и Второго.

Иногда Георгий появлялся дома в матросской форме. Когда-то в детстве они с братом были сфотографированы в матросках. И теперь он сравнивал себя трехлетнего с тем, каким он стал в шестнадцать. Юнец превратился в юношу, на которого стали заглядываться девчата.

В первые годы после приезда в город он и мальчишки в своих играх не очень жаловали девчонок. Они играли в войну, в мушкетеров и девчата для таких игр не подходили. Мальчишки их игнорировали. Прошло несколько лет и одна девчонка из их дома запала в сердце Георгия. Когда и как это произошло, он не знал. Таня была на несколько лет моложе его. Невысокого роста, большеглазая, с густыми темно-бархатными бровями, она выделялась среди подруг своим веселым и бойким нравом. Георгий вначале сторонился ее, принимая ее смех за насмешку. Когда он понял, что его потянуло к Тане, что она стала ему не безразлична, он стал стараться быть сдержанней, не задирать ее, как было раньше, и даже стал несколько стесняться ее. Признался себе и ей в своих чувствах перед уходом на фронт, когда попросил ее дать ему свою фотокарточку на память.

В последнее предвоенное лето, в школьные каникулы “моряки” пошли в шлюпочный поход на веслах по маршруту Ярославль-Горький-Ярославль. Шли на десяти двенадцативесельных шлюпах в сопровождении катера Волжской военной флотилии. При попутном ветре шли под парусами. По течению

идти было сравнительно легко, хотя валик весла едва помещался в двух руках гребца. Погода благоприятствовала походу. Жалели об одном: было мало попутного ветра, а ходить под парусами против ветра галсами еще не научились. Георгия после Костромы перевели на катер. Надо было заменить заболевшего сигнальщика. В Плесе братва пошла в увольнение на берег. На берегу к ним пристали местные задиры. Заварушка была не долгой. Моряки отогнали пристава ремнями и быстро свалились по крутой лестнице на берег. Шлюпки резали своими носами воду посередине реки, когда на берегу объявились блюстители порядка.

В Чкаловске, которое ранее называлось Василево, сделали не предусмотренную планом похода остановку. Здесь, в этом селе, родился Валерий Чкалов и здесь был его дом-музей. Дом первооткрывателя воздушного моста СССР-США через Северный полюс стоял посреди большого сада на берегу Волги. Завалились без приглашения и предупреждения. Жена Чкалова была в саду и занималась постирушкой возле веранды дома. Извинившись за свой вид, она вытерла руки, сняла передничек и повела всех в дом, в комнаты, ставшие музейными.

Из Чкаловска до Горького шли без остановок. В Горьком решили не задерживаться. Отвели на отдых один день. Сумели побывать в доме Кашириных с их красильней, где в прошлом жил Алеша Пешков. Тот самый Алексей Максимович, по псевдониму которого получил название, город бывший до того Нижним Новгородом. Осмотрели Кремль, о котором ходили легенды. По одной из них, при строительстве кремля под одну из башен положили живую девку. Башню назвали ее именем.

Обратный путь был тяжелее. Чувствовалась усталость, да и шли против течения. При первой же возможности швартовались к попутным баржам и отчаливали от них, когда на горизонте появлялся катер. Перед Костромой команды некоторых шлюпок выдохлись и не смогли дальше идти на веслах. Пришлось катеру их брать на буксир. Этот поход был завершающим учебный курс.

В последней декаде июля, когда моряки не успели отдохнуть после похода, им пришлось принимать участие в праздновании Дня Военно-Морского Флота. Празднование этого дня было только год назад введено в стране.

На Волге, напротив здания Арсенала, ближе к левому берегу была заякорена небольшая барка, задекорированная под военный корабль. На барке был установлен большой щит из фанер-

ных листов. На щите изобразили орудийные башни, рубку и три трубы. На мачте трепыхался флаг из белого материала с нарисованным на нем крестообразным пауком, напоминавшем трехлучевую свастику.

Георгию с двумя помощниками было поручено по условному сигналу поджечь “корабль”. Для этого на щите с задней стороны была навешана ветошь, пропитанная мазутом, и подготовлена банка керосина.

Когда над Волгой, над “кораблем” пролетел самолет “У-2” и сбросил “бомбы”, над Арсеналом взлетела зеленая ракета. Это был условный сигнал. “Поджигатели” разбрызгали на ветошь и фанеру керосин и... над “кораблем” за клубился густой черный дым. Огонь запылал на той стороне, где находились “поджигатели”. Да так быстро, что они еле успели спрыгнуть в причаленную к барке лодку. В спешке им не сразу удалось распутать узел чалки и оттолкнуться от горящей барки. Они не успели обгореть, но все же немного подпалились и наглотались окутавшим их смрадом.

Когда лодка отошла метров на тридцать, барку объяло большое пламя. Пока она горела, лодка за дымом и пламенем успела скрытно добраться до берега. После празднеств учеба была закончена. Теория и практика сданы успешно.

Георгию оставалось закончить десятый класс средней школы и подготовиться к поступлению в институт Репина, о чем он мечтал давно, но... все планы, мечты и надежды лопнули, как мыльный пузырь.

В страну пришла война.

КОНЕЦ УЧЕБЫ. НАЧАЛО ВОЙНЫ

21 июня 1941 года директор школы на выпускном вечере в торжественной обстановке вручал Аттестаты зрелости об окончании средней школы. Аттестат получил и Георгий. Школу он закончил на тройки и четверки. Отличные отметки он получил по естествознанию, рисованию, физкультуре и поведению. И только.

Всю ночь выпускники своей радостью с гомоном и песнями щедро делились с горожанами, жившими на пути их ночного шествия. А шли они по бульвару и Волжской набережной, которыми украшался Ярославль. Молодежь радовалась и веселилась, не подозревая, что началась война и на границе стала литься кровь.

Набережная Волги в Ярославле.

От Балтики до Черного моря заработали жернова невиданной войны, которые перемелют не один десяток миллионов человеческих жизней. Война. Нет ничего страшнее этого слова и всего того, что за ним стоит. Даже слово “смерть” бледнеет перед ним. Смерть рисуется и образно видится нам оскалом зубастых челюстей, пустыми глазницами, растрепанными седыми космами и с косой в руке, и в белом саване. А война — это миллионы смертей, вставших за спиной всех, кто на фронте и кто в тылу.

Молодежь, накаченная патриотизмом, изначально войну восприняла, встретила как действие, когда можно проявить отвагу, смелость и героизм. О втором действе из поговорки: “Или грудь в крестах, или голова в кустах” они не задумывались. Это придет потом, когда пламя войны опалит их тела и души. А пока они знали то, что им много и долго говорили старшие, что враг будет бит на его же территории и что своей земли не будет отдано ни пяди.

Ребята, не достигшие призывного возраста, были привлечены райкомами комсомола на различные оборонные работы. Кто на сооружение укреплений, кто на что. Георгий с бригадой свер-

стников получили задание по переоборудованию школы имени Карла Маркса под госпиталь. Выносили из классов парты и устанавливали там металлические койки с панцирными сетками. Работали, не покладая рук, допоздна. О их работе по подготовке к приему раненых останется памятка. На стене этой школы, в которой после войны будет размещаться сначала институт, а потом университет, установят мемориальную доску с надписью, что в этом здании во время войны находился госпиталь.

Однажды в июле, когда Георгий вернулся домой из этой школы и заканчивал ужинать, раздался негромкий стук в окно. Когда выключили свет в комнате, в окне стали видны два силуэта. Он встал на стул, открыл окно и спросил, что нужно? У окна стояла женщина с девочкой. Женщина на плохом русском языке попросила пустить их в дом на одну ночь. Она пояснила, что они здесь проездом и утром уедут дальше. Мать пригласила их и послала сына встретить и проводить их в комнату.

В комнату вместе с Георгием вошла небольшого роста худенькая черноволосая с большими и будто испуганными глазами женщина. За ней в дверь неуверенно бочком протиснулась рыжеволосая девочка лет двенадцати-тринадцати. Непрошеным гостям уступили диван. Передохнув немного, женщина с заметным акцентом стала рассказывать о скитаниях, выпавших на их долю. Иногда она делала короткие перерывы в своем рассказе в поисках нужного слова. При этом она двигала руками и шевелила пальцами, как бы помогая этим в поиске нужного слова из малознакомого ей русского словаря. Из ее рассказа было понятно, что они из Германии. Жили в Берлине. Имели виллу и яхту где-то на Средиземном море. Почти ежегодно отдыхали там и совершали морские круизы. Муж в то время работал каким-то крупным специалистом в концерне Сименса. Жили хорошо до прихода Гитлера к власти. Когда началось гонение на евреев, муж эмигрировал в Америку. Вслед за ним уехали сыновья. Сама она с дочерью Магдой выехала в Прибалтику, где она родилась и где жили ее родственники. Началась война с Россией и фашисты подошли к Прибалтике. Им пришлось оттуда бежать и вот они здесь. Отсюда намерены ехать дальше, на Урал.

Георгий, слушая ее, и верил ей, и не верил. В последние годы много говорили и предупреждали о коварных происках фашистов, о необходимости быть всегда и везде бдительным.

После рассказа немка в благодарность за оказанный приют предложила сшить младшей сестре Георгия сарафанчик. Из подхо-

дящего материала скроила сарафанчик, а ее дочь прострочила его на их старенькой швейной машинке “Зингер”. Сарафан получился красивый, но он не походил на привычную им одежду. Сразу виделся не русский фасон.

Утром Георгий поделился своими сомнениями и подозрениями с соседом, работавшим каким-то комиссаром в милиции. Вечером, еще до ухода непрошенных гостей, сосед успокоил Георгия. Он сказал, что они действительно эмигранты и у них есть проходные документы.

В августе ему стукнуло восемнадцать. Он ожидал повестку из военкомата со дня на день, но ее все не было. Военком майор Татаров всякий раз гнал его из военкомата и предупреждал, чтобы тот без повестки не заявлялся. Георгий все эти дни проводил в госпитале. Помогал в приеме раненых и разгрузке их вещей, бегал по магазинам и рынкам за папиросами, фруктами, в общем за всем, что заказывали раненые. Кончился сентябрь, а повестки все не было. И только в первых числах октября она пришла. Как он ни ждал повестки, ее приход был неожиданным. Мать не голосила, но слезы на ее глазах он увидел, когда она стала собирать его в дорогу. Сборы и проводы много времени не заняли. Мать прогладила бельишко, напекла пирожков, собрала полотенце и мыло и сложила все подорожники в наволочку от подушки, сделав из нее заплечный мешок, названный почему-то “сидором”.

В направлении, полученном в военкомате, указывалось, что он направляется в город Тамбов на специальные курсы Генштаба РККА.

Провожать на вокзал поехали отец и младший брат. Поезд запаздывал. Отец, закуривая, предложил папиросу Георгию. Тот отказался. Отец улыбнулся и сказал:

— Я знаю, что ты покуливаешь и помню, как ты обманул сначала меня, а потом и мать. Помнишь, когда я встретил тебя на улице с папироской в зубах и взял тебя за ухо, что ты сказал? Ты сказал, что курить тебе разрешила мать. А когда мать засекала тебя за курением, что ты ей сказал? Ты ей сказал, что курить разрешил тебе я. Так это было? — спросил отец. Сын, смутившись, ответил, что действительно так оно и было.

— Отец,— обратился Георгий к нему,— ты уж извини меня за тот обман,— сказал и неловко обнял отца, чего не делал давно. И какое-то теплое, навверное, сыновье чувство обволокло его душу.

Среди провожавших не было старшей сестры. Она была в армии и воевала где-то на Западном фронте.

В Москву Георгий приехал 10 октября. Было морозно. В Тамбов поезд уходил с Павелецкого вокзала. Более суток пришлось ожидать поезда и кантоваться на вокзале. Город эти тревожные дни жил прифронтной жизнью. Улицы ошетинились ежами и надолбами. В нижних этажах домов на наиболее опасных направлениях были устроены ДОТЫ и пулеметные точки. Брусчатка Красной площади была разрисована и раскрашена. Превращена как бы в жилой квартал. С воздуха она выглядела крышами домов с печными трубами. Мавзолей обложили мешками с песком и обшили досками. Мавзолей стал как бы жилым домом-особняком. Окна всех домов выглядели Андреевскими флагами: на стеклах были наклеены бумажные полоски в виде креста. Это было сделано для сохранения стекол при бомбежках и для того, чтобы удержать осколки стекла, когда окно будет разбито.

В ожидании поезда Георгий побродил по Москве. У площадки, где закладывался фундамент Дворца Советов на месте взорванного перед войной Храма Христа Спасителя, он увидел следы недавнего налета фашистов на Москву. Это была воронка от авиабомбы и разрушения, которые от этого были. Раньше воронок ему видеть не доводилось. Разве только что в кино. По воронке можно было судить о мощности бомбы. Пятисотка, думал он, а может быть тонная. Соседние с воронкой дома пострадали сильно. Во многих окнах не осталось не только стекол, но и оконных переплетов. Некоторые двери были выворочены вместе с косяками. Впоследствии на его пути воронок будет, что звезд на небе. Земля от воронок местами будет рябой, как лицо человека, переболевшего оспой. Ему придется не раз утыкаться носом в землю во время вражеских бомбежек и тогда воронки станут его защитой и спасением. Он знал, что бомбы в одно и то же место не падают или падают исключительно редко. В памяти же его останется навсегда эта первая воронка, увиденная в центре Москвы в октябре 1941 года.

Время до отхода поезда тянулось нудно. В зале ожидания вокзала было более, чем прохладно. Двери практически не закрывались, пропуская приезжавших и отъезжавших. В основном, это были военные или мобилизованные. Коротая время, он перебирал в памяти последние минуты прощания с родными и родным городом. На вокзале поезд ждали долго. Отец нервничал, потому что его с работы отпустили ненадолго

Младший брат пританцовывал, пытаясь согреть застывшие ноги. Поезд должен был подойти со стороны Рыбинска. Он шел из Ленинграда и вез эвакуированных блокадников. Среди ожидавших высказывались предположения, что поезд мог попасть под бомбежку и придется ждать другого, с востока или из Вологды. Волнение было напрасным. Поезд пришел. Из-за опоздания стоянка поезда была сокращена и посадка в вагоны превратилась в их штурм. Все рвались в вагоны, чтобы успеть захватить место. Во время давки Георгию не повезло. Его сидор, сделанный из тонкой наволочки, зацепился за поручень и порвался. Все содержимое вывалилось. Белье, полотенце, носовые платки упали на землю между перроном и рельсами, а пирожки рассыпались по перрону. Пока он собирал барахлишко и не затоптанные пирожки, он опоздал занять место. Ему до Москвы пришлось ехать на верхней багажной полке, упираясь носом в потолок вагона.

Воспоминания об отъезде были прерваны сигналом “воздушная тревога”. Громкий голос из черной тарелки вокзального радио предлагал всем немедленно покинуть вокзал и укрыться в метро. Станция метро “Павелецкая” еще только строилась. Война прервала стройку. Эскалаторов не было. Их заменяла зыбкая деревянная лестница, которая раскачивалась и стонала от шагавших по ней людей. Дежурные с красными повязками на рукавах стояли у лестницы и предупреждали: по лестнице не бежать, идти не в ногу, лестницу не раскачивать. Георгий шел вниз, держась за перила, чтобы не упасть. Сверху сыпались крупные капли воды, попадавшие то на лицо, то за воротник. Всем казалось, что лестница не выдержит нагрузки и вот-вот рухнет.

Внизу перрона, как такового, еще не было. Посредине зала и вдоль стен до туннелей устроили деревянные настилы, которые были заняты лежавшими и сидевшими взрослыми и детьми. После отбоя тревоги многие оставались в метро, может быть на ночь, а может быть и дольше.

Поезд на Тамбов должен был уходить через полчаса. Когда Георгий поднялся из метро и вышел на перрон, посадка заканчивалась. В вагоне все места оказались занятыми. В поезде ехали, в основном, эвакуированные москвичи. Тамбов считался тыловым городом, которому не угрожали немцы. Он на ночь устроился на полу под нижней полкой, расстелив несколько газет. Ночью, когда его разбудил контролер и вытащил из-под сиденья для проверки билета, он дрожал мелкой дрожью. На холодном

полу он замерз и простудился. Результаты простуды сказались потом, когда он был уже на спецкурсах.

Специальные курсы Восьмого управления Генштаба располагались в старом храме, что стоял на берегу Цны. Река в этом месте делала излучину и несколькими рукавками растекалась по равнинному месту.

Группа, в которую был зачислен Георгий, входила в состав роты под командованием капитана Самсонова. От переохлаждения в поезде Георгий окосел. Левый глаз закрылся от ячменя. Лицо перекосилось и он стал не похож на себя. Родная мать вряд ли узнала бы его. Капитан Самсонов освободил его от занятия и служебных нарядов. Уроки требовали напряженного зрения. Группа стала изучать основы кодирования, шифрования и дешифровки. Курсы готовили специалистов в области скрытого управления войсками.

В декабре, когда шла битва за Москву, спецкурсы свернулись и отправились на восток. Эшелон был сформирован как товаропассажирский. Семьи командиров ехали в двух пассажирских вагонах, а курсанты в товарных, которые раньше называли "телячьими". Сейчас их величали теплушками, что не очень-то соответствовало действительности. Одна буржуйка на весь вагон не могла сделать его теплым. В вагоне слева и справа от дверей-ворот шли двухъярусные нары. Посредине вагона между нарами напротив дверей одна буржуйка. Декабрьский мороз блокировал буржуйку и тепло от нее до нар не доходило. Грелись около буржуйки по очереди. Времени для этого хватало. Дорога была длинной. В Пензе курсантам, можно сказать, повезло. Около железной дороги в ларьке продавались пшеничные караваи. Курсанты накупили караваев на все деньги, что у них были. При дорожном коште и сухом пайке каравай были неплохой добавкой к сухарям.

Куда направлялся эшелон, курсанты не знали. Пункт назначения держался втайне. Перед выездом из Тамбова все думали, что их бросят под Москву, где шли ожесточенные бои. В те дни многие думали, что Москва будет сдана немцам, как в 1812 ее сдали французам. Сдана, чтобы потом сделать с немцами то же, что было сделано с французами. Но когда прошел парад на Красной площади 7 ноября и выступил Сталин, все уверовали, что немцам Москвы не видать, как своим ушей.

Проехали Инзу. После нее началась пурга. Снег перемел пути и эшелон остановился. Когда снежная буря утихла, всех подняли на расчистку путей. Более четырех часов шла упорная борьба

со снежным заносом. Снежный перемет был пробит и эшелон смог продолжать свое движение. Из-за задержки эшелон вышел из своего графика и позднее намеченного времени прибыл в Ульяновск. Для временного отдыха курсантов разместили в казармах Ульяновского танкового училища. Курсанты предполагали, что танковое училище в полном составе было брошено на защиту столицы.

В Ульяновске курсантов сводили в дом-музей Ульянова-Ленина. На посещение других памятных мест и музеев времени не оказалось. В тридцатиградусный мороз курсанты единой колонной выступили из Ульяновска к новому месту дислокации — в город Сенгилей. О таком городе никто из курсантов ранее не слышал. Колонне предстояло пройти более шестидесяти километров. Одетые по летним нормам, в легких шинелях, многие в ботинках с обмотками, подгоняемые морозом, курсанты за шесть часов одолели первые двадцать километров. Привал сделали в селе Большие Ключищи. Обмороженных и ослабевших оставили в селе. Потом до Сенгилея их довезли на машинах. От Больших Ключищ дорога пошла влево от шоссе. Справа и слева дороги сказочно красивый лес. Деревья все в инее, как в серебре. Дорога пустынна. Ни сел, ни машин, ни пешеходов. К ночи пришли в большое село, где заночевали. Отдохнули и обогрелись. На третий день, к вечеру добрались до Сенгилея. В темноте разместились в большом и холодном бревенчатом строении. По остаткам сена и соломы можно было догадаться, что в нем ранее был скотный двор. Ночь продержались, в основном, за счет кипятка, который подвозили из городка. Утром курсантов перевели в городок. Разместили в цокольном этаже кирпичного дома, где ранее был склад культтоваров. Об этом говорили музыкальные инструменты: гитары, балалайки и мандолины, сваленные на цементный пол у задней стены помещения. После установки двухъярусных коек образовалась казарма. На верхних этажах были оборудованы учебные классы. Учебный процесс проходил в условиях особой секретности.

Сенгилей — небольшой провинциальный город среднего Поволжья, находился, как считалось, в глубоком тылу. Затемнения и светомаскировки в домах не было и жители не знали, что это такое. В первые недели после прибытия курсантов в магазинах было все, что было в мирное время. Курсанты частенько забегали в магазины и столовые, чтобы подкрепиться. Но постепенно и здесь стала ощущаться война. Стало хуже с

продуктами. Уменьшился и курсантский рацион. Если раньше хлеб стоял нарезанным на столе, то теперь его стали выдавать буханкой на группу из пяти человек. В завтрак, в обед и ужин. Разрезанный на пять частей хлеб делили так: один из курсантов отворачивался лицом к стене, а другой спрашивал его: “кому?”. Тот называл фамилию одного из пяти, кому следовало передать эту часть хлеба. Этот метод дележа считался наиболее справедливым и честным.

Третьим хлебом, после буханки и картофеля, считался табак. Курили, в основном, “тютюн” и самосад, покупаемый на местном базарчике. От “тютюна” и самосада и кашляли, и чихали, и плакали. Такие злые они были.

Однажды Георгию крупно повезло. Продавщица соседнего магазина попросила его натаскать воды и наколоть дров. За работу она дала ему пачку папирос “Звездочка”. До войны “Звездочка” была одна из самых дешевых марок. При первой затяжке запах папиросного дыма вызвал на его глазах слезы. Не от горечи табака, а от нахлынувших разом воспоминаний о недалеком и мирном прошлом, о родном городе, о родных и близких ему людях. Это были слезинки памяти о всем том, что отняла война. В казарме он поделился с однокурсниками папиросами и теми эмоциями, которые нахлынули на него при первой затяжке.

Перед новым годом Георгий получил известие, что его сестра, Зоя, где-то под Ржевом была тяжело ранена. Мина разорвалась рядом с ней. Спине и ногам досталось несколько десятков осколков. Она чудом осталась жива. О ранении сестры он поведал однокурсникам. Рассказывая о сестре, об учебе с ней в одной школе, о ее активной работе в комсомоле, он вспомнил об одной истории, случившейся с ним в 1939 году. Дело было летом. В городе отмечался какой-то день. То ли День авиации, то ли еще что. На бульваре и на улицах были устроены тир и разные аттракционы и было полно народа. Георгий с друзьями проходили по улице и остановились около одного аттракциона, где шла игра с набрасыванием колец на рукоятки стамесок. У задней стены павильона на полках, установленных лесенкой, были вбиты стамески. Играющим предлагалось взять кольцо за двадцать копеек и постараться кинуть так, чтобы оно попало на ручку стамески. За попадание полагалось вознаграждение. За попадание в первом ряду — пять рублей, во втором ряду — десять рублей, в последнем, пятом ряду — двадцать пять рублей. У друзей на пять человек был

один рубль. На него взяли пять колец, каждому по одному. Первые двое кинули и мимо. Третьим кидал Георгий. Бросил и кольцо замоталось на ручке стамески в пятом ряду. Ребята криком “ура” отметили удачный бросок. Как-никак, а двадцать пять рублей. А это уже не шутка. Оставшиеся два кольца ребята решили отдать более удачливому игроку. Георгий прицелился, метнул кольцо и оно, как и первое, попало на стамеску и снова в пятом ряду. Последнее кольцо он бросил не глядя и не попал. Выигрыш составил пятьдесят рублей.

Хозяин аттракциона пригласил счастливец пройти в павильон, предъявить паспорт и получить выигрыш. Тому еще не исполнилось шестнадцати лет и паспорта у него не было. Хозяин развел руками и сказал, как отрезал, что без документа с фотокарточкой, с печатью и личной подписью деньги он не выдаст. Георгий сбегал домой и вернулся с комсомольским билетом. Выигрыш приподнял праздничное настроение у ребят. Денег хватило и на морс, и на мороженое. Большую часть денег он передал матери. Мать не поверила, что сын выиграл их в аттракционе, и не поленилась сходить туда и убедиться в правоте сына.

За время каникул этот случай забылся, но, как оказалось, не совсем. Он всплыл на поверхность в октябре. Он стал предметом разбирательства на первом комсомольском собрании. На повестке стоял один вопрос: “Об использовании комсомольского билета не по назначению, в корыстных целях”. Старшей сестры, которая могла бы как-то помочь Георгию, в школе уже не было. После окончания десятого класса она уехала в Ленинград, поступать в институт.

Собрание решило единогласно исключить Георгия из комсомола. Требование — положить комсомольский билет на стол, он категорически отказался выполнить и выбежал из класса. На другой день его вызвал к себе директор школы и потребовал сдать билет. Когда Георгий и здесь отказался это сделать, директор объявил, что он исключает его из школы и что он не будет учиться до тех пор, пока не сдаст комсомольский билет.

Георгий дома никому об этом не рассказал. По утрам продолжал уходить из дома, как будто в школу, а сам ходил в райком ВЛКСМ или в Обком. Помог ему восстановиться в комсомоле и в школе секретарь Обкома ВЛКСМ Юрий Владимирович Андропов.

Реакция однокурсников на рассказанный им случай была разная. Одних возмутила формальность школьного комитета ком-

сомола, другие посчитали проступок серьезным, за который виновного следовало наказать.

Время шло. Приближался конец учебы на спецкурсах. Подошел апрель. Волга сбросила ледовое покрывало. Началась навигация. Наступила пора сдачи экзаменов. Георгий закончил учебу успешно, оказался в числе полных отличников и был сфотографирован у знамени части.

При распределении выпускников ему выпал жребий следовать на Северо-западный фронт. При последнем инструктаже было сказано, что пункт назначения и маршрут следования будут объявлены в Москве.

Из Сенгилей вновь испеченные специалисты добирались до Куйбышева пароходом по Волге. Плыли мимо воспетых в песнях Жигулей. Из Куйбышева весь выпуск направился поездом в Москву и уже оттуда все разъехались по разным фронтам.

При получении направления Георгию было сказано, что приказ о присвоении ему звания будет выслан позднее. Его направили в распоряжение Восьмого отдела штаба 11-й Армии Северо-западного фронта.

Штаб 11-й Армии располагался в районе станции Пола, что в сорока километрах от города Старая Русса, южнее озера Ильмень. Ехать предстояло по железной дороге до станции Крестцы и далее на перекладных до конца. На станции Крестцы перекладных средств не оказалось и пришлось отправляться пешком. Нашлись двое попутчиков, следовавших туда же, куда и Георгий. Грейдерная дорога связывала фронтовой и армейские тылы с железной дорогой. По ней шли все грузы, необходимые для обеспечения боевых действий войск, и военная техника. Это понимал и противник и поэтому держал дорогу под постоянным прицелом. Свидетельством тому были многочисленные воронки, раскиданные по обеим сторонам дороги. Видно было, что попадало и самой дороге. Там и сям виднелись следы и последствия бомбежек. Перед селом Ростани на дороге валялись останки от телеги и от поклажи, что везли на ней. Трупы двух лошадей, искалеченных взрывом, валялись за кюветом, примяв придорожные кусты и окрасив траву в темно-бурый цвет. Следов тех, кто сопровождал груз, не было. По разбросанным остаткам груза, смешанным с песком и щебенкой, можно было догадаться, что везли продовольствие: муку, крупы, сахар, курево. Несколько потрепанных упаковок табака "Вергун" оказались кстати. Собственные запасы табака у путников пришли к концу.

Был полдень. Солнце палило нещадно. В мирное время в такие дни не вылезали из воды. Спасались от жары. А здесь, на дороге они мечтали не о купании, а о колодце и ведре холодной воды. О студеной, от которой ноют зубы и сводит скулы.

В первой, после Ростани, деревеньке остановились у колодца. Из окна ближнего дома высунувшаяся девчонка крикнула, что ведра у колодца нет и что она сейчас вынесет свое. Не успела девчушка подойти к колодцу, как над домами и улицей на бреющем полете проскочили три мессершмидта, поливая все и вся пулеметным огнем. Фонтанчики земли и пыли поскакали по дороге. Путникам и девчушке пришлось распластаться около колодца. Бежать куда-то было поздно. Когда мессеры проскочили за деревню, они бросились под защиту дома, где жила хозяйка ведра. Едва успели. Мессеры вновь прошли на бреющем вдоль деревни и, не обнаружив живых целей, скрылись за лесом. Напившись и набрав во фляжку воды, путники отправились дальше. До станции Пола оставалось километров двадцать-двадцать пять. На их счастье, показалась попутная грузовая машина, которая быстро доставила их до расположения штаба Армии.

Блиндаж, где находился Восьмой отдел штаба Армии, Георгий отыскал быстро. Начальник отдела подполковник Клявзо, выслушав рапорт о прибытии к новому месту службы, задал неожиданно вопрос о звании:

— Вы командир? Почему без знаков отличия?

Георгий несколько растерялся, но потом ответил, что ему неизвестно, есть ли приказ о присвоении ему воинского звания и что в Москве было сказано, что приказ будет выслан сюда почтой. Он замолчал, растерянно глядя на подполковника. Клявзо улыбнулся.

— Ничего,— сказал он,— бывают задержки. Документы об окончании тобой специальных курсов мы получили. До поступления приказа о присвоении звания на должность тебя не будем назначать. Будешь помогать расшивять завалы,— и пояснил, что завалы — это когда поступает слишком много телеграмм и радиограмм и дежурные не успевают их быстро обработать и доложить по начальству. На вопрос Георгия, что ему делать сейчас, Клявзо сказал:

— Сейчас пойдешь к моему помощнику в третий отсюда блиндаж. Он поможет устроиться с жильем, встать на довольствие и покажет, где находится столовая.

Линия фронта проходила километрах в шести от штаба Армии. Война напоминала о себе приглушенными расстоянием звуками артиллерийской стрельбы и разрывами бомб, сбрасываемых с самолетов.

Прошло более месяца. В июле пришел приказ Наркомата Обороны. Георгий стал младшим лейтенантом. Красненькие кубики у него были припасены заранее, еще в Москве. Закрепив кубари на петлицах, он направился представляться начальству по случаю присвоения ему звания. Еще не доложившись, как положено по Уставу, он с ходу схлопотал замечание:

— Вы что, товарищ младший лейтенант, на парад собрались? Почему не в полевой форме? — встретил его Клявзо и тут же приказал:

— Немедленно заменить красные кубики на полевые, а снятые убрать до лучших времен.

Когда встал вопрос о назначении Георгия на должность, он стал проситься направить его поближе к фронту, куда-нибудь в дивизию или полк. Обыденная сменная работа и расшивка завалов ему стали приедаться и он стал рваться из штаба Армии. Подполковник ничего конкретного ему не обещал, но, видимо, чтобы разнообразить его занятия, однажды поручил ему доставить срочный пакет на наблюдательный пункт Командующего Фронтом. НП находилось в четырех километрах от штаба, на высоте “Огурец”. Он отправился в сопровождении двух красноармейцев комендантской роты.

Прошли половину пути. На горизонте стала видна высота. Она виднелась темным горбом. Когда подошли ближе, то увидели над высотой самолетную карусель. Самолеты, как в хороводе, летали по кругу и по очереди делали клевки к земле, когда сбрасывали свой смертоносный груз. Волнами шел гул бомбовых ударов. Этот гул дополнялся пулеметной трескотней и резкими хлопками разрывов зенитных снарядов. Георгию эти звуки несколько напомнили колокольный трезвон, когда в басы большого колокола вплеталась трель маленьких колоколов. Вокруг юнкерсов шло мельтешение маленьких точек, как комаров. Так издали виделся бой истребителей, наших и немецких. Ястребки и зенитные батареи теснили немцев и звук боя постепенно уходил от высоты. На высоте ему стало известно, что на НП находился Командующий Фронтом Павел Алексеевич Курочкин. После налета генерал поднялся на смотровую площадку, сооруженную между трех сосен на десятиметровой высоте. Георгий надеялся при сдаче пакета уви-

деть адресата, чтобы иметь представление, как выглядят Командующие Фронтами. Не удалось. Сдав пакет, он и сопровождающие возвратились в штаб Армии.

У ЛАТЫШСКИХ СТРЕЛКОВ

Некоторое время спустя просьба Георгия о переводе поближе к фронту была удовлетворена. Он был направлен в 201 латышскую стрелковую дивизию, входившую в состав 11-й Армии. Штаб дивизии был где-то в районе деревни Туганово.

Перед войсками фронта стояла задача — ликвидировать полуокруженную 16 Армию немцев в районе Демянска. Латыши участвовали в операции по перекрытию Рамушевского коридора, по которому шло снабжение немцев продовольствием и боеприпасами.

Георгий с трудом разыскал штаб дивизии на высоком берегу небольшой речушки, покрытом смешанным лесом и густыми зарослями кустарника. Среди деревьев, на самом верхнем срезе берегового откоса приютились штабные блиндажи и землянки. Служба, куда прибыл Георгий, называлась отделением спецсвязи дивизии или Шестым отделением штаба дивизии. Во главе отделения был Дмитрий Иванович Плетнев. В помощниках у него — Павел Михайлович Смердов, москвич, лет сорока с хвостиком.

В дивизию Георгий прибыл 12 августа, а 14-го ему исполнилось девятнадцать. Плетнев представил новичка командиру дивизии полковнику Вейкину и начальнику штаба подполковнику Кинцису.

Ян Янович Вейкин в боях под Москвой был тяжело ранен. Он только недавно вернулся в строй. Бледность и некоторая заторможенность движений говорили о том, что он еще не совсем поправился после ранения. Вейкин задал несколько вопросов Георгию: Где учился? Что закончил? Откуда родом и знаком ли с латышским языком? На последний вопрос Георгий ответил отрицательно. В школе он кое-как учился немецкому языку. Запомнил отдельные фразы и слова, вроде “гутен таг”, “битте”, “данке”. Как говорят по-латышски, он услышал только вчера, когда прибыл в дивизию.

— Как же ты думаешь воевать вместе с латышами, если не знаешь их языка? — спросил полковник, — в дивизии не все знают русский язык.

— Ну, ничего,— продолжил Вейкин,— твой начальник и его помощник тоже не знают латышский. Пообвыкнешь. В штабе есть знающие и латышский и русский, помогут, в случае чего. Только не стесняйся и больше спрашивай и запоминай. Война будет долгая. Если повезет, за это время и воевать научишься и язык осилишь. Приказ о твоём назначении я подписал. Принимайся за работу, манс драугс* — закончил напутствие командир дивизии.

Георгий не думал и не предполагал, что через пару дней ему снова придется стоять перед командиром дивизии. Но уже по другому поводу. А произошло вот что. Над штабом дивизии стал кружить самолет-разведчик немцев “Фокке-Вульф”, прозванный “Рамой” из-за двойного фюзеляжа. Георгий выскочил из блиндажа с трехлинейкой-винтовкой и стал бить по “Рапе”. Он сделал выстрела три, которые взбудоражили комендантскую службу. Виноватого нашли быстро. Георгий снова предстал перед командиром дивизии: “Эх, ты, салажонок! — начал полковник,— захотел сбить “Раму”. Да понимаешь ли ты, что натворил? Мне будет очень жаль, если “рама” засекала твои выстрелы и приведет сюда эскадрилью юнкерсов. Придется тогда тебе стоять перед трибуналом. Дай, Бог, чтобы все обошлось без этого. Но на всякий случай надо быть готовым ко всему,— закончил он и отпустил провинившегося.

После этого разговора Георгий дня три ходил как потерянный. В его голове возникали картины одна страшней другой. Он понял, что его порыв может оказаться преступлением, за которое придется расплачиваться кровью. Но где-то в затаенном уголке сознания была небольшая надежда, что “рама” не заметила и не засекала выстрелы. К счастью всех и, особенно, Георгия все обошлось. Но не забылось надолго.

Острота реакции на проступок Георгия объяснялась еще и событием, происшедшим за полмесяца до прибытия его в дивизию. Тогда над расположением штаба дивизии стали кружить немецкие самолеты. Были вызваны истребители. В воздушном бою один немецкий самолет был подбит. Немец выбросился с парашютом. Группа захвата из комендантской роты и части командиров штаба окружила место приземления парашютиста. Группой руководил заместитель начальника Особого отдела капитан Янис Цинис. Он дал команду брать немца живым. Кольцо окружения сжималось. Оставалась не осмотренной небольшая заросль

* Мой друг (лат.)

кустарника. Неожиданно оттуда прозвучал выстрел. Шедший впереди цепочки Цинис упал замертво. Это событие еще переживалось штабниками, когда Георгий, как Дон-Кихот Ламанчский, кинулся на “Раму”, как тот на мельницу.

Отделение спецсвязи дивизии не знало передышки в работе. Шли ли бои, находилась ли дивизия на отдыхе, следовала ли она к новому месту дислокации или была на месте, специальная связь работала. Она получала и отправляла по радио, по телефонной связи или нарочными приказы, распоряжения, указания и оперативные донесения. Основная тяжесть работы легла на плечи, а вернее, на глаза Георгия. Начальник отделения Плетнев, осуществляя общее руководство отделением, редко брал в руки шифры и коды. Его первый помощник Павел Смердов катастрофически терял зрение. Даже очки стали мало помогать ему. Колонки цифр и тексты документов он рассматривал с помощью очков и лупы пятикратного увеличения. Вскоре он был демобилизован и убыл из дивизии домой, в Москву.

В конце 1942 года, а точнее, в октябре дивизию отвели на отдых в район Вышнего Волочка. Штаб дивизии расположился в селе Терелесово. Спецотделение заняло дом Горюновых. Хозяин дома был на фронте. В доме оставались мать и четверо детей: три дочери и сын Николка. Трудное время переживала семья. Плохо было с продуктами. Георгий, как мог, старался помогать им, делая своим командирским допайком.

Известие о переименовании дивизии в гвардейскую пришло неожиданно. За ратный подвиг личного состава дивизии в боях 201 латышской дивизии было присвоено звание Гвардейской и она стала именоваться 43-й Гвардейской.

19 октября 1942 года в торжественной обстановке, в присутствии руководителей Латвийской республики Кирхенштейна, Лациса и Карлберзина дивизии было вручено гвардейское знамя.

Георгий не присутствовал на торжественной церемонии. К его несчастью, незадолго до этого он разбился. Виновата была белка. Около дома росло дерево. Георгий, подходя к дому, увидел вокруг дерева толпу деревенских ребят и среди них Николку. Они толпились, размахивали руками и улюлюкали. На дереве сидела белка. Гвалт ребят согнал ее с дерева и она сиганула в чердачное оконце дома Горюновых.

Он и Николка кинулись на чердак. Там в погоне за белкой он налетел на балку, ударился головой и схлопотал сотрясение мозга. “Поймал балку вместо белки”, как они шутили впоследствии.

Лежал он дома под присмотром дочерей хозяйки, Глаши и Таи. Помогал им и Николка в уходе за пострадавшим, считавший себя, как бы, главным виновником в случившемся. Все годы войны и после нее Георгий не забывал село Терелесово и семью Горюновых. Уезжая на фронт, он оставил им на память свою маленькую фотокарточку и заверил, что если останется жив, обязательно побывает у них. Обещание свое он выполнил. Но прозойдет это через двадцать лет.

После вручения гвардейского знамени поступил приказ. Дивизия вновь направлялась на фронт. И снова на Северо-западный. Маршрут следования проходил по знакомым местам. Крестцы, Пола, Туганово.

Во второй половине ноября дивизия включилась в боевые действия. В ходе боев командный пункт дивизии неоднократно менял свое место дислокации. Перед новым годом, в сочельник, во время пурги в порядки дивизии въехала заблудившаяся немецкая походная кухня на санной повозке. Немец вез праздничный обед своим, но потерял дорогу и в темноте попал к латышам. Подъехал к блиндажу, и когда ввалился в помещение, оторопел. Латыши были довольны свалившимся подарком, а еще больше тем, что к ним попал “язык”, за которым они собирались ночью отправляться в тыл к немцам.

В ходе очередной смены места расположения штаб дивизии оказался в большом лесу, на заснеженной поляне, где саперы заканчивали оборудование блиндажей и землянок. Автомашина, на которой была установлена радиостанция, ее между собой называли “коломбиной”, встала под высоченной сосной. На сосну забросили антенный провод. Радисты, а ими были и парни, и девушки, налаживали связь со штабом Армии. Надеюсь, что связь установлена, к “коломбине” направились начальник оперативного отделения штаба капитан Егоров и Георгий. Борис Егоров шел первым, за ним метрах в десяти — Георгий. Они не дошли до машины, когда немцы начали обстрел леса. Видимо, они засекли, что лес стал обитаем. Один снаряд или мина попала в сосну, под которой стояла радиостанция. Разрыв кинул Георгия наземь. Отколовшаяся от сосны большая щепка ударила его по левой скуле и он потерял сознание. Капитан Егоров, оказавшийся рядом с машиной, был смертельно ранен. Большая часть осколков скопом свалилась на “коломбину” и все, кто находился внутри ее, погибли.

Георгий очнулся в землянке. От удара щепой он опять получил сотрясение головного мозга и потерял половину зубов. В

медсанбат не пошел. Отлеживался “дома”, но к работе не прикасался. Благо на фронте было некоторое затишье и дивизия бои не вела.

Оперативное отделение штаба дивизии вместо погибшего Бориса Егорова возглавил кадровый командир, участник гражданской войны Мартин Калниньш.

Когда дивизия начала вести бои в районе Стрелицы-Симонново, Георгий был уже в строю. В полосе действия полков дивизии проходил глубокий овраг. На оперативных картах он был обозначен, как “Стрелицкий”. Овраг был большой, с крутыми склонами и ответвлениями. Для дивизии он был как саднящая заноза. Он вклинился в боевые позиции, не позволял создать при обороне надежного оборонительного рубежа и сплошной атакующей линии при наступлении.

Командир дивизии принял решение перенести свой наблюдательный пункт поближе к линии фронта, на овраг. Командир дивизии Вейкин, он к этому времени стал генералом, не ожидая, когда саперы оборудуют блиндаж, обосновался во временной землянке. Нужна была связь. Георгий, еще не совсем окрепший после контузии, с необходимыми кодами и таблицами под покровом темноты добрался до заранее выбранного места на стыке основного оврага с ответвлением. Вместе с ним были два радиста и два человека охраны. Выбранную площадочку очистили от снега, огородили плащ-накидками и получился закуток без крыши. Наступила ночь. Внутри закутка разожгли небольшой костер. От снарядов и мин площадку защищали крутые склоны. Место для ночлега решили прогреть углями костра, для чего костер постепенно передвигали с места на место.

Условились об очередности дежурства, сделали последний перекур и улеглись спать. Устроились потесней вокруг костра. Уже стали засыпать, когда раздался первый хлопок и костер разлетелся, осыпав спящих горящими угольками. Все вскочили и не могли понять, что произошло. Отряхнулись, угли собрали в кучу, подложили сушняка и снова завалились спать. Прошло не более пяти минут, как все повторилось снова. После третьего разлета костра решили разобраться, в чем дело. Оказалось, костер они жгли на патронном ящике полным патронами. Ящик был присыпан тонким слоем песка. Когда огонь добирался до патронов, они взрывались и раскидывали костер.

Днем они перебрались в оборудованный за ночь блиндаж. Установили железную бочку вместо буржуйки и завесили дверь плащ-накидкой. Перед входом в блиндаж был устроен

легкий навес для часового и лежали заготовленные полена дров. Не успели как следует обосноваться и развернуть пункт спецсвязи, как немцы обрушили на овраг шквал огня. Грохот разрывов заглушал голоса находившихся в блиндаже связистов. С наката на головы сыпался песок. Все сбились в дальний от двери угол. Георгий присел на низкий чурбачок, заменявший табуретку. Разрывы то отдалялись, то приближались к блиндажу. Все почему-то подумали, что огонь корректируется немецким наблюдателем, находившимся где-то неподалеку, и что блиндаж является их целью. И вдруг, мощный взрыв около блиндажа оглушил всех. От взрыва разнесло дверь и сорвало плащ-накидку. По потолку сверкнул язык пламени и весь блиндаж заволокло черной пороховой гарью. Через мгновение, придя в себя, связисты увидели, что Георгий, скорчившись, лежит на полу, держится за полусогнутую правую ногу и тихо постанывает. Под коленом, из разрыва ватных брюк виднелись клочья серой ваты. Брюки были пробиты осколком. Георгию и на этот раз крупно повезло. Осколок запутался в вате брюк, потерял убойную силу и не пробил ногу. На сей раз он отделался ушибом и громадным синяком под коленкой. Не повезло часовому, который нес охрану узла связи снаружи. Окопчик, в котором он был во время арналета, его не спас. От прямого попадания часового не стало. Он как испарился. От него остались только следы крови, окропившие лежавшие рядом дрова, да клочок рукава полушубка, в который он был одет.

Бои у Стрелиц шли упорные. Овраг не позволял применить танки и даже авиацию, из-за опасения ее огнем поразить своих. Дивизия несла большие потери и выдыхалась. Ее пришлось выводить в резерв Армии. Передышка в боях помогла и Георгию, который после случая в овраге был, как говорили, ограниченно годным и ходил, опираясь на палку.

Было начало 1943-го. Вся страна и весь мир, затаив дыхание следили за ходом Сталинградской битвы. Внимание всех было приковано туда. О других фронтах как бы забыли, хотя там тоже шли ожесточенные бои, не всегда успешные, но всегда с большими потерями. Так было и на Северо-западном.

В ходе боев в дивизии сменилось командование. Вместо Вейкина командиром дивизии стал генерал-майор Бранткалн Детлав Карлович.

Сначала по прибытию в дивизию новый комдив показался Георгию не строгим, а скорее мягким и добросердечным. Про-

шло немного времени и ему пришлось менять свое мнение. Генерал оказался строгим и требовательным командиром. Не терпел лжи и обмана. Не жадный на похвалу, когда он отмечал достойных, он не скупился на взыскания за недисциплинированность и неисполнительность. Стиль его командования дивизией и руководства боевыми действиями отличался от стиля его предшественника. Будучи человеком смелым и решительным, он при рекогносцировках на местности проходил вплоть до передовых траншей и окопов. В рекогносцировках обязал участвовать всех командиров и штабных начальников, которые должны были действовать на данном участке фронта. Ни погодные явления, ни огонь противника — ничто не могло изменить установленного им порядка. Командный пункт дивизии он стал располагать ближе к передовой. А наблюдательный пункт, с которого он руководил боевыми операциями, устраивал почти рядом с НП командира полка, который действовал на направлении главного удара.

Во время боев Георгий находился на наблюдательном пункте командира дивизии. Условия работы здесь резко отличались от работы на КП. Здесь были совершенно другие условия. Не было нормального освещения. Работать приходилось при свечах или коптилках. Столовой не было. Был сухой паек и чай. Работали без сна и отдыха, пока не заканчивалась операция. Однажды операция затянулась почти на две недели. Под конец были доедены последние сухари и брикеты пшеничного концентрата. Когда он вернулся на командный пункт и добрался до землянки, он сдал документы и завалился на верхнюю полку. Спал без просыпу около трех суток. Его пытались будить на второй день, не проснулся. Уже подумывали, не околочурился ли. Пытаясь разбудить, натолкали в нос табак. Даже не чихнул. Сон был побежден голодом. Он стал просыпаться. Первое, что было спросонья, был страх. Ему показалось, что стало трудно дышать от того, что снаряд проломил накат землянки и его засыпало землей. Он стал пальцами прочищать нос от табака, зачихал и проснулся. И сразу почувствовал страшный голод. В землянке нашлось кое-что из съестного. Он с жадностью проглотил все, что было и ему оказалось мало. С кухни притащили добавки. Съев все, он снова завалился спать. На НП ему не удавалось нормально поспать в течение почти двух недель.

Прошло около года службы Георгия в дивизии. Из секретного письма, поступившего из штаба Армии, он узнал, что прика-

зом Войскам Северо-западного фронта за № 0527 от 6 июня 1943 года ему присвоено звание “капитан”. Он стал гвардии капитаном, когда ему еще не исполнилось и двадцати лет.

Вскоре произошли кадровые изменения в службе спецсвязи. Начальник службы Плетнев был отозван в штаб Армии. Вместо него начальником отделения был назначен Георгий. В отделение пришло новое пополнение. Вместо демобилизованного Павла Смердова прибыл Николай Попов, который прослужил в отделении до конца войны. В этом же году в отделение прибыл лейтенант Скляр.

Перед назначением на новую должность Георгия вызвали в штаб II Армии, до которого было более десяти километров. Дорога проходила по заболоченным местам. На наиболее топких участках спасала лежневка. В путь он отправился верхом на коне. Раньше в штабе Армии он появлялся как командир, теперь он ехал офицером и вместо петлиц у него стали погоны и теперь его уже никто не назовет поручиком, как называли, когда он был старшим лейтенантом. В пути его сопровождали два автоматчика, потому что он вез с собой важные документы.

До этой поездки ему никогда не доводилось сидеть в седле. Верхом на лошади он ездил в детстве, в деревне, когда с ребятами гоняли лошадей в ночное. Но это было давно и без седла. Дорога оказалась трудной. Особенно там, где была лежневка. Когда прибыли в штаб, он не сразу смог слезть с коня. А когда спустился на землю, то не смог сделать ни одного шага. Ноги согнулись колесом, как бы продолжая обжимать бока коня. После путешествия в седле он не мог несколько дней нормально ходить и сидеть. Потертости саднили и мокли.

Георгий догадывался о причинах вызова его в штаб Армии. О том, что его начальник Плетнев не пришелся по нраву новому командиру дивизии, было известно давно. Было известно и то, что генерал ставил вопрос о замене Плетнева другим офицером. Будучи не уверен в своих силах, он намеревался отказаться от выдвижения. От предложения возглавить дивизионную службу спецсвязи Георгий отказался, сославшись на молодость и на отсутствие опыта руководящей работы. Отказ принят не был. Ему пояснили, что его кандидатура была представлена командиром дивизии и начальником штаба. Переговоры с ним закончили, приказали возвращаться в дивизию и принять отделение спецсвязи и все документы. Его заверили, что при необходимости ему будет оказана помощь и поддержка. Обрато в дивизию

возвращался Георгий на попутной машине, без солдат охраны, которые возвращались верхом.

Став начальником отделения, он оставил за собой обеспечение спецсвязи на наблюдательном пункте командира дивизии. За эту работу он летом 1943 года будет награжден орденом “Красная Звезда”.

До конца 1943 года дивизия находилась на Северо-западном фронте. Она неоднократно меняла участки фронта и направления главного удара. Ее переводили из одной армии в другую. Все это происходило под Старой Руссой.

Край этот отличало обилие рек, речек, болот и низменных мокрых мест. Сильно заболоченная и увлажненная местность сковывала действия войск. Высокий уровень грунтовых вод не позволял строить надежных укреплений и укрытий при обороне. Это сказывалось и на маневренности танковых и артиллерийских частей при ведении наступательных операций. Особенно тяжело было весной и осенью. Вода затопляла окопы, блиндажи и землянки. При артобстрелах и налетах вражеской авиации укрывались по шейку в воде. Оружие и документы складывали на плотики и сохраняли их сухими. Со стороны казалось смешным, когда из воды высовывался по зимнему одетый человек, а рядом плавал небольшой плотик с поклажей. После таких “ванн”, когда снимали одежду и обувь для просушки, удивлялись, глядя на свои ноги: кожа с ног снималась чулками. Удивлялись и тому, что после промокания и промерзания не простужались и не болели. И оставались в строю. Нервная система, видимо, имела настрой сохранять здоровье солдат, ибо на фронте людских потерь и без болезней было более, чем достаточно. Гибель, ранения, контузии, ожоги. Да, мало ли их было, этих причин, когда люди выбывали из строя.

Георгий помнил, как однажды выбыл из строя по причине, о которой он стеснялся даже говорить. После боев под совхозом Пенна он вернулся с наблюдательного пункта в штаб дивизии. Прибыл вечером. Последние дни на НП он был без курева. Курильщики знают, что это такое пробыть несколько дней без табака. Спустившись в землянку первым делом он попросил табаку. Ему дали кисет с махоркой. Захватив из кисета приличную щепоть табака, он свернул толстую сигарку и задымил. В землянке все стали укладываться спать, а он продолжал курить. После нескольких затяжек он пришел в блаженное состояние и не заметил, как задремал. Сон смежил

глаза. Рука с горящей сигаркой упала в колени на ватные брюки. Левая рука, в которой он держал меховые рукавицы, легла на правую руку и прикрыла ее. Когда вата брюк стала тлеть, в землянке запахло паленым. Смерд разбудил спящих, но только не Георгия. После бессонных ночей на НП он спал, как убитый. Соседи проснувшись, зажгли коптилку из гильзы патрона противотанкового ружья, осмотрели все вокруг и ничего не заметили. Увидели тогда, когда огонь разгорелся и в коленях спящего Георгия появился красный отблеск. Его раскачали. Он проснулся и почувствовал страшную боль. Он не сразу смог понять, что произошло. Его вытащили из землянки в снег. С трудом стащили тлевшие брюки и засыпали его снегом. Кто-то сообразил сбегать за фельдшером. Аню, как звали лейтенанта медслужбы, Георгий не подпустил к себе. Он стыдился показать ей место ожога. Когда от боли он потерял сознание, Анна обработала обожженный участок и решила готовить его к отправке в медсанбат. Очнувшись, он категорически отказался госпитализироваться и просил фельдшерницу оставить его в штабе. Он клялся безукоризненно выполнять все ее предписания. Анна настаивала на своем и пожаловалась на Георгия начальнику штаба дивизии, но тот поддержал его просьбу об оставлении в штабе, так как заменить его было некем.

Заживление шло медленно. Ходил он с трудом. Из землянки старался не выходить. Работал в полулежачем положении. На НП он стал направлять своих помощников, которые выезжали туда попеременно. Так было до полного его выздоровления. В результате ожога он получил увечье, которое удалось устранить после войны.

В конце 1943 года дивизии было приказано сменить направление действий. Из-под Старой Руссы ее перебрасывали под Великие Луки. Маршрут следования эшелонов шел через Бологое. Через эту станцию вел путь и в его родные места, в Ярославль. Георгий долгое время не получал вестей из дома, от матери и своей зазнобы, Татьяны. Он решил попытаться счастья, чтобы побывать дома, и обратился с просьбой к начальнику штаба дивизии полковнику Ивановскому, который в недалеком прошлом заменил на этом посту подполковника Кинписа, с просьбой отпустить его на три дня, чтобы заскочить домой. Тот разрешил и дал команду оформить необходимые документы. Георгий не стал ожидать пассажирского

поезда и воспользовался первым товарняком, шедшим до Рыбинска. В товарном вагоне, загруженном наполовину досками, ехал Георгий и несколько человек попутчиков. В пути мерзли, но старались держаться. В Рыбинске он пересел на местный поезд, шедший до Ярославля. Наступал вечер, когда Георгий перешагнул порог своей комнаты. Дома были мать и младшая сестра. Старшая сестра где-то отсутствовала. Мать лежала на постели и не смогла подняться, чтобы встретить сына. Причиной тому было острое воспаление среднего уха. Он, не раздеваясь, тут же отправился в ближайший госпиталь. Предъявив свои документы, он не без труда уговорил главврача помочь матери. Утром он отвез ее в госпиталь и попрощался с ней, поскольку должен был в этот же день ехать обратно. Когда он вернулся из госпиталя, чтобы собраться в дорогу, в комнату влетела Татьяна. Вернувшись из бани, она узнала, что приехал Георгий. Так, в банном халатике, не причесанная она кинулась ему на шею и замерла. Еще не высохшие после мытья волосы лезли ему в глаза, липли к щекам и к губам. Он не ожидал такого свидания, такого порыва. До ухода на фронт он не только не пытался ее поцеловать, а боялся даже дотронуться до нее руками. Все происходило в присутствии младшей сестры Веры, для которой это свидание тоже было неожиданным, хотя она давно знала, что брат к Тане равнодушен. Во время тесных объятий ее халатик распахнулся. Георгий растерялся: под халатиком ничего не было. Была одна натура. Он густо покраснел и стал торопливо запахивать полы ее халата и завязывать развязавшийся пояс, что ему никак не удавалось сделать. Татьяна залившись рассмеялась, отвела его руки от халата и все сделала сама. Эта встреча была одновременно и прощанием. Георгий торопился на вокзал.

Всю дорогу и долго после прибытия в дивизию он жил этой встречей, перебирая в памяти все, что произошло. Все, до мельчайших подробностей.

Из трехдневного отпуска Георгий не опоздал. Дивизию он разыскал недалеко от города НовоСокольники. Она из состава Северо-западного фронта перешла в состав Второго прибалтийского. Передислокация приблизила гвардейцев-латышей к границам родной республики. Недалеко была Латвия. Но на пути к ней стояли немцы. Все понимали, что путь к дому будет не прост и не легок. Но ради Великой цели они были готовы на все.

УЧЕНИК ИНДИЙСКОЙ ХИРОМАНТКИ. ОТДЕЛ КОНТРАРАЗВЕДКИ “СМЕРШ”

Под Старой Руссой, когда дивизия стала готовиться к перебазированию на другой фронт, в команду охраны спецотделения пришло пополнение. Среди прибывших был сорокалетний латыш Ян Розен. Он ничем особым, кроме своего возраста, не отличался от других новичков. Он был самым старым в команде. Только несколько позже он проявился с несколько неожиданной стороны.

В ночь на 14 января 1944 года, в старый Новый год, дивизия вместе с соседями начала операцию по овладению станцией Насва, находившейся в двадцати-двадцати пяти километрах от Новосokolьников. Начало операции было удачным. Оборона немцев была прорвана. В прорыв был введен сводный лыжный батальон под командованием подполковника Райнберга. Район действия был безлесным. На холмистой песчаной местности росли редкие чахлые и корявые сосенки. Перед началом похода лыжного батальона сильный ветер перемешал снег с песком. Лыжники вынуждены были сбросить лыжи и идти в прорыв в тыл немцев без лыж.

Перед началом операции на командном пункте штаба дивизии не все службы сумели оборудовать себе нормальные блиндажи и землянки. Не было нужных материалов и времени для их постройки. Спецотделение вместо землянки отрыло котлован глубиной около двух метров и вместо наката прикрыло его плащ-накидками. Ночью, когда началась операция по прорыву обороны противника, немцы стали огрызаться, выплевывая снаряды и мины по ближним тылам и по командному пункту дивизии. От близких разрывов песчаные стенки котлована не выдержали и осыпались. Документы и вещи были погребены под песком. Поднятая по тревоге команда охраны только под утро откопала завал. После проверки, все ли откопано, старшина команды обратился к Георгию:

— Товарищ капитан! Разрешите обратиться к Вам по секрету. Георгий внимательно посмотрел на старшину, уж очень необычным образом он обратился к нему, кивнул головой и отошел в сторону от солдат, копавшихся в котловане.

— Говорите, что у Вас за секрет,— сказал он старшине.

— Товарищ капитан,— начал тот,— мне наш новичок Ян Розен нагадал, что меня скоро ранят и Вы должны подумать о моей замене. Капитан выслушал старшину, чуть было не взорвался и

не накричал на него, но сдержался и скомандовал: “Идите в команду и не рассказывайте об этом бреде больше никому”.

Рассказу старшины Георгий не придавал значения. Спустя несколько дней после разговора со старшиной его ранило. Мина разорвалась недалеко от землянки, из которой в это время показался старшина. Осколок нашел его. Проводив старшину в медсанбат, Георгий решил поговорить с Розеном. Разговор состоялся не сразу. Примерно через неделю Розен сам обратился к капитану с необычной просьбой. Он сказал, что он погадал одному солдату, по линиям руки усмотрел его гибель в ближайшие дни и попросил у Георгия совета, как ему быть, говорить об этом солдату, или не говорить. Георгий счел все это ерундой и отмахнулся от Розена. По дикой случайности или по стечению обстоятельств, но солдат действительно погиб, когда сопровождал нарочного с документами на наблюдательный пункт.

В этот же день вечером он пригласил к себе в землянку, которую саперы успели соорудить по всем правилам инженерного искусства, странного предсказателя, посадил напротив себя и попросил рассказать все о себе. Добрую половину ночи он слушал Розена, который рассказал:

— Я с родителями и с сестрой жил на мызе недалеко от Риги. Километров сорок до города. Мне было семь лет, когда меня потянуло постранствовать. Ну, кто из мальчишек не мечтал путешествовать по разным городам и странам? Я убежал из дома и поехал в Ригу. Это случилось в 1909 году. В Риге тогда гастролеровала индийская, как она сама себя рекламировала, хиромантка. Я старался бывать на всех ее сеансах. Мне нравилось, что она делала, и мне удавалось смотреть ее выступления довольно часто. Чтобы не платить за вход, я стал помогать ее ассистентке убирать и готовить помещение к сеансам. Хиромантка меня заметила.

После одного выступления она нашла меня и стала расспрашивать, кто я, откуда и сколько мне лет. Я честно соврал ей, что я сирота, что мне семь лет и что я бездомный. Она поверила и предложила остаться при ней. Пообещала научить меня всему, чем она занималась. С этого года и начались мои странствования. Где только мы не побывали. Моя служба при ней закончилась на Дальнем Востоке. После гастролей в Японии мы приплыли во Владивосток. Это было в год Великой социалистической революции. После революции гастролеры и выступления практически прекратились. А когда пришли японцы, хиромантка испарилась. Куда она делась, или куда ее

дели, я так и не узнал. Остался один. Без ничего. Ни жилья, ни денег, ни документов. Мне шел шестнадцатый год. Решил пробираться домой в Латвию. Надо было заработать на дорогу. Не брезгал никакой работой. Делал все, чтобы скопить денег на билет. Уже собрал деньги и хотел ехать, но узнал, что Латвия ушла из России, отгородилась границей, через которую так просто не проедешь. Я понял, что домой мне не попасть и надо устраивать свою жизнь здесь. В годы нэпа хозяин москательной лавки, у которого я подрядился работать, помог оформить документы. С видом на жительство я стал полноправным гражданином. После нэпа жил и работал в разных местах. В леспромхозах, На золотых приисках. Охотился в тайге. Артельно ловил рыбу в сибирских реках. Иногда хиромантничал, гадал по рукам. В 1940-м появился рассвет. Латвия стала Советской Республикой. Решил пробираться домой, в родные места, в надежде застать кого-нибудь из родных в живых. Пока добирался до Урала, началась война. Пришел в военкомат. Меня, как латыша, направили в запасной латышский батальон. Под Горький, в Гороховецкие лагеря. Потом батальон стал полком, где готовили пополнение для латышской дивизии. Когда узнали, что дивизии присвоено звание Гвардейская, все стали проситься на фронт, в дивизию. Я тоже попросился. И вот, я здесь.

Розен закончил свой рассказ и опустил голову, как бы вспоминая, не пропустил ли чего существенного в своем рассказе.

— Вы хороший рассказчик,— сказал капитан.— И вообще у Вас была интересная жизнь. Вы посмотрели мир. Верю Вам,— сказал и тут же продолжил:

— Удивительно, как это линии на ладони руки могут о чем-то говорить? Знаете, не для проверки, а просто из любопытства, посмотрите,— попросил он,— и скажите, о чем говорят линии на моей ладони.

Георгий протянул руку. Розен взял ее, повернул ладонью вверх, приблизил руку к коптилке и стал внимательно рассматривать ее. По ходу он объяснял, что означает каждая линия и о чем она говорит. Георгий был крайне удивлен. Розен рассказывал ему о его жизни, словно все время прожил рядом с ним, в их семье. Все, о чем говорил он, все сходилось одно к одному. Когда Розен закончил и замолчал, капитан задал ему один вопрос, сколько лет жизни отпущено ему судьбой. Розен стал снова рассматривать линии и считать по каким-то линиям, понятным только ему. — Товарищ капитан,— сказал он не очень уверенно,— я

насчитал семьдесят три года. Мог немного ошибиться. Но войну Вы закончите. Правда, Вы не минуете госпиталей, но домой вернетесь живым и, может быть, здоровым.

Георгий сомневался в прогнозах Розена, но об этом ему не сказал. Он подумал, что тот подыграл ему и все сочинил от себя, чтобы отделаться от начальника.

После ухода Розена, Георгий задумался. Что это за человек? За того ли он выдает себя, чем есть на самом деле? Не специально ли он оказался в охране особо секретного подразделения? Но, поразмыслив, Георгий успокоился. Он знал, что все, кто причастен к его отделению, проходят тщательную проверку. Отдел контрразведки “Смерш” вряд ли допустил бы Розена в команду охраны, если б за ним были какие хвосты.

Думая о контрразведке “Смерш”, Георгий вспомнил об одном инциденте, который осложнил его отношения с этой службой. Тогда она называлась “Особым отделом”. Как-то отдел проводил совещание с командирами полков, батальонов и рот по вопросу о скрытности управления боевыми действиями. Приводились примеры о перехвате немцами телефонных и радио переговоров, когда из открытого текста переговоров враг получал сведения о планах операции, ее ходе, о несенных потерях и возникших кризисных ситуациях. Тогда же было решено в перерывах между боями учить командный состав и штабников правилам ведения переговоров с использованием условных шифров и кодов.

По окончании совещания заместитель главного особиста пригласил Георгия к себе в блиндаж для разговора. Тот думал, что разговор пойдет о том, как лучше организовать учения и тренировки с командирами, а оказалось совсем не то. Особист предупредил, что разговор будет конфиденциальный. Его интересовал новый начальник оперативного отделения штаба дивизии, заменивший погибшего Бориса Егорова. Когда Георгию было предложено обо всем, что касается “новичка”, писать и подписываться псевдонимом, он понял, что его хотят сделать “стукачом”. В начале “беседы” особист стал рассказывать о действиях немецких шпионов и диверсантов, Георгий был как-то горд, что ему доверяют такие тайны. Но когда пришло озарение, он в душе восстал. Он узнал и стал уважать нового начальника оперативного отделения штаба дивизии Мартина Калниньша. Он ему просто нравился. Нравилось, как тот вел себя в боевой обстановке, на наблюдательных пунктах. Он много рассказывал о службе в Первой Конной у

Буденного, о боях с басмачами в Средней Азии. Георгий слушал его рассказы с интересом и восхищением.

Вернувшись из Особого отдела, Георгий встретился с Мартином Калниньшем и рассказал ему о всем, что было в Особом отделе.

До скандала дело не дошло. Все было улажено командиром дивизии. Инцидент был расценен как недоразумение. Но с тех пор Георгий да и все отделение спецсвязи не выпускалось из поля зрения контрразведчиков, и не только потому, что у них были большие секреты, но и для того, чтобы при случае прижать Георгия за совершенное, по их мнению “предательство”. Как оказалось впоследствии, особисты ошиблись объектом слежки, который был истинным патриотом, вырос сначала до начальника штаба дивизии, а в октябре 1944 года стал командиром дивизии. Но все это стало потом. А пока, за “предателем” был установлен надзор, который он ощущал каким-то считанным чувством. Контрразведчики больше к нему с подобными просьбами и предложениями не обращались. Прямо не обвиняли и не упрекали, но при встрече, при проверках спецотделения они жестом, взглядом как бы напоминали, что они ничего не забыли, все помнят, и этим как бы грозили пальцем, как нашалившему мальчонке грозили пальцем его родители.

О Яне Розене и его умении гадать по линиям рук стало известно некоторым работникам штаба и, видимо, через них информация дошла до Отдела контрразведки “Смерш”. По их настоянию Розена перевели в другую часть. Просьбы и обращения Георгия к командиру дивизии и начальнику штаба успеха не имели. До октября 1944 года о Розене не было ни слуху, ни духу. Только в освобожденной Риге Георгий случайно встретил его. Он рассказал капитану, что побывал в родных местах. Дом остался цел. Родителей не застал. Они были похоронены на соседнем кладбище. В доме осталась сестра, которая не чаяла увидеться с давно пропавшим братом. Это была его последняя встреча с человеком интересной судьбы.

ДОРОГА НА РИГУ. КОНЕЦ ВОЙНЫ

Январские бои за станцию Насва развернулись жестокие. В бою погиб командир сводного лыжного батальона подполковник Райнберг. За эти бои ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Он стал вторым после снайпера Вилхелмса Героем в дивизии.

С тяжелыми боями латышские стрелки продвигались вперед. Им потребовалось целых полгода, чтобы достичь рубежей Латвии. В этот период по решению Верховного Главнокомандования был образован 130-й Латышский стрелковый корпус. Генерал-майор Бранткалн стал его командиром, 43-й Гвардейской дивизией стал командовать полковник Калниньш Альфред Юльевич, однофамилец начальника оперативного отделения. Смена командования произошла за девять дней до пересечения Латвийской границы у местечка Шкяуне. Это было 18 июля 1944 года.

Когда дивизия подходила к границе, навстречу полкам из лесов выходили белорусские партизаны. Встречи были волнующие. Со слезами радости на глазах. С крепкими объятиями.

В одной из деревень, которая угадывалась по печным трубам, латышские стрелки увидели, какой новый порядок несли фашисты на советскую землю: на поляне в беспорядке лежали расстрелянные жители этой деревни. Старики, женщины, дети — все лежали в тех позах, в каких их застала смерть.

В застывших взорах и окаменевших лицах солдат-латышей читались те чувства, которые наполнили их души. До самой победы, и даже дольше, пришлось прилагать командованию немало сил, чтобы сдерживать солдат и не дать выплеснуться их мести на всех немцев, которые будут встречаться на их пути.

Полученная Георгием в январе 1943 года контузия напомнила о себе первый раз летом 1944 года во время боев под Крустпилсом и Плявинясом. Разбитая тогда челюсть загнойлась. Пришлось лечь в госпиталь. После операции опухоль спала. Его стали готовить к выписке, но не выписали. У него от перенапряжения зрения заболели глаза. Сказалась длительная работа с шифрами и кодами при свечах и коптилках. Началась странная и неизвестная ему ранее болезнь, сопровождавшаяся дикими болями в глазах. Это была, так называемая, светобоязнь. Малейший лучик света, попадавший в глаза, вливался раскаленным свинцом, вызывая ошеломляющую боль. Ему забинтовали глаза и поместили в небольшую палату с наглухо зашторенными окнами. После “черной” недели он запаниковал. Мрачные думы о возможной слепоте на всю жизнь сушили мозг. Чтобы отвлечь больного от этих дум, ему принесли кем-то забытую в госпитале гармошку и предложили попробовать на ней попиликовать. В полной темноте, на ощупь он начал пробовать лады и басы. Это была хромка. Немного

расстроенная, она издавала звуки, из которых Георгий стал подбирать знакомые ему песенные мелодии.

Из-за пока беспросветного будущего он стал психовать, отказываться от пищи, требуя, чтобы врачи сделали что-нибудь, чтобы он стал видеть. Когда одна из медсестер принесла ему обед, он отказался есть и поставил условие: если она принесет ему стакан спирта, он обед съест.

— Не принесешь спирта — уноси обед обратно,— закончил он свое условие.

— Товарищ капитан! Спирт не положен больным. Да Вам и нельзя,— пыталась уговорить его сестра,— может случится еще хуже.

— Без обеда не умру, а без спирта обедать не буду,— шумнул Георгий,— иди и доложи своему начальству.

Медсестра вышла и через некоторое время вернулась со стаканом, наполовину наполненным спиртом. Больной в несколько глотков опорожнил стакан, ожег спиртом горло и запил бульоном супа прямо из миски. Сестра ушла, когда обед был съеден. После обеда Георгий сразу заснул. Проснулся и почувствовал, что как будто что-то изменилось. Он подошел к окну, приподнял угол шторы и стал медленно сдвигать повязку с глаз. Он опасался, что свет снова вызовет резкую боль и поэтому сначала приоткрыл один глаз. К величайшей радости, свет не причинил ему боли. Он сорвал повязку с глаз, распахнул шторы на окне, оглядел палату, которую до этого не видел, взял и повертел в руках гармошку и зардовался, как ребенок, от того, что муки неизвестности кончились. Он выскочил из палаты. Сестра, встретившаяся в коридоре, схватила его за руку и потащила к врачу, заставляя его закрыть глаза и не смотреть на свет, чтобы не навредить больше того, что было. По голосу он узнал ее, ту, которая выручила его спиртом. Он обнял ее и расцеловал в обе щеки за то, что она помогла ему выйти из тьмы на свет.

Врач осмотрел Георгия и был тоже доволен таким исходом, но предупредил не глядеть на яркий свет, дать возможность глазам привыкнуть постепенно к свету и полностью вернуть способность регуляции светового потока.

Через несколько дней после этого события Георгий был выписан из госпиталя и возвратился к месту своей службы.

В конце августа — начале сентября Латышский корпус вывели в резерв 22-й Армии для отдыха и подготовки к боям на Рижском направлении.

Командование дивизии, видя состояние Георгия после госпиталя и перенесенных операций и потрясения от светобоязни, направило его на полмесяца в Латвийский дом отдыха. Дом отдыха находился под Москвой, у станции Удельная Рязанского направления.

Первые дни в доме отдыха он отсыпался и отдыхал. Потом его потянуло в Москву. Захотелось побывать в театрах, в цирке. Нашлись единомышленники и они каждый день после завтрака спешили на электричку. Москва стала не такой, какой была в октябре 41-го. Война от нее откатилась. Даже воздушные тревоги почти перестали беспокоить москвичей. О войне напоминали сохранившиеся кое-где на окнах белевшие кресты, да много военных на улицах и в метро. Отдыхающие побывали в театре “Эрмитаж”, в цирке на Цветном бульваре и в кинотеатрах.

После десяти дней отдыха Георгий решил съездить в Ярославль и оттуда, не заезжая в Дом отдыха, ехать в дивизию.

В Ярославль он приехал неожиданно для всех. Дома были мать и обе сестры. Мать после операции на среднем ухе окрепла и чувствовала себя почти здоровой. Старшая сестра после госпиталей вернулась на прежнюю работу. Младшенькая закончила восьмой класс и уже строила планы об учебе в институте после окончания десятого класса. Жизнь продолжалась, несмотря ни на что.

Когда кончились объятия и целования, Георгий спросил мать о Татьяне, от которой полгода не получал писем. Мать как-то сникла и отвела взгляд в сторону. Сестры тоже как бы увяли. Георгий понял, что что-то произошло, и решил сам разобраться, в чем дело. Он поднялся на второй этаж и зашел в комнату Татьяны. Она как-то прознала, что он приехал, и ожидала его прихода. На попытку Георгия обнять ее и расцеловать, как было осенью прошлого года, она виновато улыбнулась и протянула руку для рукопожатия. Из ее объяснений Георгию стало ясно, что его Таня вышла замуж и в замужестве счастлива. Он не помнил, как пришел от нее домой, что делал и что говорил. Хорошо, что домашние не мешали ему быть самому с собой, не успокаивали и не уговаривали его. Он понял, что эта страница жизни прочитана и перевернута и перед ним открылась новая, которую предстояло прочитать. Он тепло распрощался с матерью и сестрами и отправился опять туда, где его ждали работа и сослуживцы.

Дивизия медленно с боями продвигалась к Риге. С севера и востока над Ригой нависал Ленинградский фронт. Приближался

октябрь. Георгий отметил про себя, что этот месяц, как и другие октябри что-то преподнесет. И оказался прав. В первой половине октября была взята Рига. 16 октября части и соединения 130 Латышского корпуса вступили в столицу Латвии. Жители столицы с цветами в руках вышли на улицы встречать латышских стрелков, прошагавших от Москвы, через Северо-Запад, через леса и болота с боями, унесшими тысячи жизней латышей, русских, казахов, представителей всех национальностей страны, воевавших в рядах латышских частей и соединений.

За участие в освобождении Риги корпус был награжден орденом Суворова 2-й степени, а 43 Гвардейская латышская дивизия получила название "Рижская".

Три недели части дивизии несли гарнизонную службу и участвовали в работах по восстановлению разрушенных объектов и коммуникаций города. После октябрьских праздников дивизия выступила на фронт. Предстояли бои за Курземе, где окопалась Курляндская группировка немцев, прижатая к Балтийскому побережью. В первых числах декабря по решению Командования Фронтом состоялись показательные учения по прорыву укрепленной полосы обороны противника с целью отработки действий войск в решительном штурме вражеских позиций. В учениях участвовали некоторые подразделения латышских стрелков. Учения проводились с боевыми стрельбами, с танками и артиллерией. Группа наблюдателей, в которую входил весь или почти весь генералитет фронта, находилась в центре большого поля. Здесь же был и Командующий Фронтом Еременко. По сигнальной ракете началась артиллерийская подготовка. Пехота поднялась в атаку. Огневой вал артиллерии стал сопровождать атакующие цепи солдат. Георгий с края поля направлялся к центру, где находилась группа наблюдателей. Вдруг над головой прошла какая-то спрессованная воздушная волна, за ней раздался сначала шелест, а потом свист снаряда и сразу же взрыв, который разметал генеральскую группу. Когда он подбежал к месту взрыва, то увидел страшную картину. Раненые были на земле и вокруг них хлопотали те, кого взрыв пощадил. Убитого генерала танкисты подняли и положили на броню стоявшего здесь танка. Танкисты плакали и со злостью оглядывали поле, стараясь понять, откуда прилетел этот злосчастный снаряд. Как оказалось, снаряд выпустило орудие, стоявшее в кустарнике, на краю поля, метрах в двухстах от центра поля, где была генеральская группа. Ошибка была допущена при выборе позиции. Под колеса-

ми и упорами орудия оказался торфяник. После первых же выстрелов грунт осел и ствол изменил положение прицела. Нелепая случайность обернулась для многих трагедией.

После учения корпус включился в боевые действия на Салдусском и Тукумском направлениях.

Новый год встречали под грохот артиллерийской канонады и автоматную стрекотню. Не обошлось без наркомовских ста граммов и даже несколько больше. Провиант привозили на весь спичочный состав, а пока везли, состав менялся. Одних не стало, другие оказались в санбате.

Под Новый год на фронт пришли новогодние посылки. Народ, деля с армией все тяготы войны и испытывая нужду во всем, слал в посылках фронтовикам все, что мог собрать.

Посылки пришли и латышским стрелкам. Георгий получил посылочку, адресованную “Дорогому фронтовику”. Посылочка была из Риги от Елизаветы Васильевны Майзите. В ней было несколько носовых платочков, конфеты, папиросы и станок безопасной бритвы с набором лезвий. Небольшая записка содержала просьбу написать несколько слов о себе и пожелание дожить до победы. Позднее Георгий узнал, что Елизавета Васильевна до войны работала заведующей Орготделом Президиума ЦИК Белоруссии, во время войны была в Минске и входила в Республиканский штаб партизанского движения, а после освобождения Риги работала кем-то в центральных партийных или государственных органах Латвии.

Георгий в ответном письме сердечно поблагодарил Майзите за посылку, письмо и добрые пожелания.

Окруженные с трех сторон и прижатые к Балтийскому морю, немцы ожидали обещанной фюрером помощи и стояли насмерть. В тяжелых боях обе стороны несли большие потери. В марте в бою погиб замполит командира 121 Гвардейского полка майор Шебаршов.

Саша Шебаршов два года назад был ранен и находился на излечении в госпитале в родном городе Георгия — Ярославле. Там он и познакомился со старшей сестрой его. От нее Саша узнал о Георгии, служившим вместе с ним в одной дивизии. А о Шебаршове Георгий узнал из письма сестры. Разыскал того в полку и они познакомились. И подружились.

Гибель Саши переживали все, кто его знал. А его знали многие. Знали и любили за честность, открытость и смелость. О его гибели Георгий написал сестре. Написал без подробностей и обиняков. Когда, где и как это случилось — не написал. Потом,

позднее, до него дошло, какую глупость он сотворил, какую боль причинил сестре своим сообщением. Он не знал, что сестра и Саша полюбили друг друга и потеря Саши для нее была неизмеримо большей, чем для него. Сашу похоронили на воинском кладбище в Риге.

Через месяц после гибели Саши в госпитале оказался Георгий. И снова из-за контузии, полученный в январе 1943-го. Госпиталь находился в Риге, на левом берегу Даугавы. В поиске причин абсцессов ему сделали несколько операций. Безрезультатно. Причину воспалительных процессов не установили. Когда он несколько пришел в себя после перенесенных операций, он написал письмо Елизавете Васильевне Майзите. Он извинился за долгое молчание и объяснил, чем оно было вызвано.

Был май месяц. Вовсю зазеленел госпитальный парк. Все, кто мог передвигаться, спускались в парк и разбредались по его аллеям. Больные разных отделений делились условно на команды. Кто на костылях или с клюшками — футболисты. У кого были забинтованы кисти рук — боксеры, а кто с переломами рук и в шинах, те были авиаторами. Челюстников называли певцами, потому что они в большинстве своем ходили с открытыми ртами.

7 мая Георгий был на прогулке в парке, когда его разыскала дежурная медсестра.

— Товарищ капитан! Ну, где Вы запропалились? — задыхаясь, выпалила она, — Вас все ищут. С ног сбились. К Вам пришел посетитель, а Вас нет на месте. Заведующий отделением приказал немедленно найти Вас. А между прочим, — продолжала она, — посетитель Ваш очень и очень. Ну, сами увидите. Пошли скорей. Сказала и повела Георгия в боковую аллею.

Сидевшая на парковой скамье девушка, увидев подходивших к ней медицинскую сестру с больным, медленно поднялась со скамьи и ожидала их стоя. Высокая, стройная и симпатичная блондинка с букетом цветов в руках встретила их милой улыбкой и вопросом: “Вы Георгий?” Тот в ответ кивнул головой, не в силах произнести ни одного слова. Его язык словно прилип к нёбу. Он недоумевал и мысленно задавал себе вопросы: Откуда, кто она? И сам себе отвечал на них, что это, конечно, какая-то ошибка.

Девушка, убедившись, что она нашла того, к кому пришла, продолжала спрашивать:

— Как Вы себя чувствуете? Не трудно ли Вам сейчас? Что говорят врачи, когда Вас выпишут?

Медсестра поняла, что посетительница нашла того, кого нужно, извинилась и пошла докладывать своему начальнику о выполнении его поручения.

После целого каскада вопросов посетительницы у Георгия прорезался голос и, ответив на них, он в свою очередь начал задавать вопросы незнакомке.

— Простите, я Вас не знаю. Кто Вы? Откуда Вы меня знаете и что все это значит?

— Я Майя,— ответила она,— дочь Елизаветы Васильевны, которую знаете Вы и она знает Вас. Мама не смогла приехать сама. Она очень занятый человек и уполномочила меня встретиться с Вами. Она передает Вам благодарность за письмо и просила обрадовать Вас одной очень важной вестью — Войне конец. Германия сдалась. Не сегодня-завтра будет подписан акт о капитуляции. С этим мама и я поздравляем Вас. По этому поводу... Майя не договорила и достала из пакета два бокала и бутылку шампанского.

Перед уходом Майя передала Георгию предложение матери долечиваться не в госпитале, а у них дома. Квартира позволяла, и все условия для этого есть. Георгий засомневался в реальности и необходимости такого шага. Он сказал:

— Вряд ли это возможно. Да и удобно ли? Лечебные процедуры и перевязки с ежедневными наездами врача и сестер. Да и заведующий отделением с главным врачом вряд ли разрешат.

— Мама с ними все вопросы утрясла,— сказала Майя,— нужно только Ваше согласие. Медики сказали, что это можно сделать, но только не сейчас, а через неделю, когда Вас переведут в команду выздоравливающих.

— А как Вы, Майя, сами на это смотрите? — спросил Георгий,— удобно ли будет для Вас? Не вызовет ли мое появление в Вашем доме ненужных разговоров и пересудов среди знакомых и соседей? Посторонний молодой человек и вдруг в Вашем доме. Зачем? Почему?

— Мы с мамой этот вопрос обговаривали и решили,— ответила она,— у нас дома Вы быстрее поправитесь и вернетесь в строй. Вам еще служить и служить.

Обговорив все, что касалось долечивания у них дома, Майя извинилась, что должна уйти и попрощалась, крепко пожав ему руку. Сказала при этом: “До скорой встречи” и быстро, не обо-

рачиваясь, пошла к выходу из парка. У ворот она остановилась, обернулась и помахала Георгию рукой.

Георгия подмывало поделиться радостной вестью с соседями по палате, но он помнил просьбу Майи, пока об этом никому не говорить и смолчал.

Известие о конце войны, о победе в госпиталь пришло в ночь на девятое мая. Что тут началось! Объятия, взаимные поздравления. Невольные слезы радости и одновременно горечи и печали о родных, близких, знакомых, о всех тех, кто не дошел до этого дня. Все, кто мог ходить и передвигаться, мигом оказались в парке. Грохот выстрелов, разноцветные пики ракет, пунктиры трассирующих пуль сопровождали ликование по случаю долгожданной и много выстраданной победы. В эту ночь никто не заснул. Не спал и Георгий. Перед его мысленным взором проходили все годы тяжелейшей работы, какой была война. Вспоминались ребята, делившие с ним тяготы грозных будней, многих из которых не дождался их родные домой.

Через неделю за Георгием приехала машина и он в сопровождении медсестры переехал из госпиталя к Елизавете Васильевне. Квартира большая. Кроме хозяйки в доме была Майя с сыном. Одну большую комнату занимала Елизавета Васильевна. В двух смежных были Майя и маленький Юрис. Мужа Майи — отца Юриса дома не было. Он находился в госпитале в Москве. Из рассказа Майи он узнал, что с будущим мужем она познакомилась в партизанском отряде, в Белоруссии. Во время карательной операции немцев он был тяжело ранен. Майя в это время была рядом с ним. Они спаслись чудом. Наступавшие части Советской Армии и были тем чудом, спасшим их. Они самолетом были вывезены в Москву. Там и появился на свет маленький Юрис.

Регулярные лечебные процедуры, внимательный и заботливый уход хозяек дома способствовали скорому выздоровлению Георгия. Он привык к этим добрым людям, которые стали ему как родные. Конец лечения для него означал приход дня, когда он должен был расстаться с этой милой, ставшей для него дорогой, семьей. В своих думах и мечтах он остался бы насовсем в этой семье, с Майей, Юрисом, если бы не помеха — муж Майи. Георгий помнил свое детство и свое состояние после ухода отца из семьи и дал себе зарок, не ввергать в такое же состояние других детей, как бы ни мила была их мать.

В конце мая его выписали из госпиталя. Он тепло распрощался с Елизаветой Васильевной, Майей и Юрисом и отбыл из

Риги в дивизию. Война закончилась и поэтому в дивизии его не ждали и даже не думали, что он может вернуться. На его месте работал уже другой офицер, капитан Левин. Георгий не ожидал такого оборота и даже был кровно обижен.

Простившись с однополчанами, он забрал свои вещички и поехал в Мажейкяй, где находился штаб Фронта. В Мяжейкяйе он пробыл несколько дней. Пребывание в этом городке запомнилось тем, что его здесь “разули”. Он вышел в сад позагорать под июньским солнцем и там вздремнул. Проснувшись, увидел, что его хромовые сапоги, сшитые рижским сапожником, когда он лечился в госпитале, кто-то “увел”. Из-за этого он не стал надевать гимнастерку и в таком виде зашагал к штабу. В майке, в галифе и босиком. По дороге его нагнал кортеж машин. Машины как по команде, затормозили и остановились. Из первой машины его окрикнули. Он подошел и увидел в машине генерала. Генерал сердитым голосом спросил, кто он такой и почему в таком виде? Георгий доложил, кто он такой и пояснил, что с ним произошло. Генерал объявил ему свой приговор: “Трое суток домашнего ареста”, и кортеж двинулся своей дорогой. А Георгий своей. Придя в штаб, он доложил начальнику Восьмого отдела обо всем, что с ним произошло: о краже сапог, об аресте на трое суток и спросил, кем мог быть строгий генерал. Тот ответил, что генералов здесь много и кто наложил арест, он сказать не мог.

Вечером Георгия разыскал незнакомый майор, который оказался адъютантом того генерала. Он принес ему сапоги, сшитые из плащ-палатки и сказал, что они от генерала и что тот отменил свой приказ об аресте. Сапоги подошли по размеру и выручили пострадавшего.

ВСТРЕЧА С ЛЕНИНГРАДОМ

Многие соединения и части приступили к демобилизации личного состава. Вышедших за штат офицеров направляли в запасные офицерские полки. Георгий попал в Гатчинский запасной полк, под Ленинград. В полку от нечего делать офицеры занимались, кто чем. Кто ездил в Ленинград, кто по историческим местам Ленинградской области. Кто ударился в гульбу, кто в карточный утар. В общем, кто чем.

Георгий большую часть времени проводил у Гурия, своего младшего брата. Брат после ранения и госпиталя служил в Нахи-

мовском училище на Большой Невке, где в те дни стояла на приколе легендарная “Аврора”.

Восьмого июля Ленинград встречал воинов-освободителей. В город с войны возвращались части, сформированные из ленинградцев. Встреча превратилась в общегородское народное торжество. Набережная Невы, Невский проспект, Дворцовая площадь не смогли вместить всех, желавших принять участие в торжестве. Георгий с братом с трудом пробрались на Дворцовую площадь. Им помогло то, что они были в форме и при всех регалиях. По набережной Мойки они прошли к зданию Главного штаба. Георгий не мог даже подозревать, что когда-то, через несколько лет на этой набережной Мойки ему придется провести два года учебы в спецшколе.

Площадь гудела, пела и плясала. Огни нескольких прожекторов, установленных у Зимнего, Главного штаба и на углу Невского, создавали какой-то фантастический фон. Лучи прожекторов то свечой взмывали в небо, то вдруг падали вниз, пересекаясь между собой и, упираясь в толпу народа, слепили всех, кто попадался на их пути.

Танцы, пляска, объятия и тысячеустый говор образовывали сплошной гул, напоминавший шум морского прибоя, который то усиливался, то стихал и нарастал вновь.

Бывая у брата, Георгий на ночь останавливался у его знакомого, Витошкина. Тот жил на первом этаже соседнего с Нахимовским училищем дома. Лет шестидесяти, невысокого роста, с клочковатой седой шевелюрой и щетинистыми от нечастого бритья подбородком и щеками, всегда в неизменной тельняшке, прослужившей ему, видимо, не один десяток лет, делали его похожим на боцмана рыболовецкой шхуны, ушедшей далеко в море на путину.

Он занимал небольшую комнату, в которой стояли стол, кровать и старый промятый диван с вылезавшими местами пружинами, прикрытый стареньким суконным одеялом, всегда считавшимся солдатским. На стенах висели три увеличенные фотографии морских офицеров. Это были сыновья Витошкина. Все они погибли в войну. Вечерами, в каждое посещение он рассказывал братьям о своих сыновьях, изредка смахивая с глаз скупую старческую слезу. Он очень тепло и радостно принимал Георгия и Гурия. Всегда рядом с принесенной ими бутылкой водки он ставил помятый с боков самовар. Не растроченной до конца отцовской любовью он одаривал пришедших ему по душе братьев.

Витошкин в блокаду был в Ленинграде. Умереть от голода ему не дали знакомые женщины, две сестры. У одной из них была дочь. Чтобы чем-то отблагодарить своих спасительниц, он обещал им помочь найти девушке жениха. Познакомившись с Георгием, он решил, что вот он, жених-то. Лучшего жениха, чем Георгий, не найти и искать не надо. Чем не жених? Молодой и уже капитан. Не женатый. Без квартиры. Обязательно должен клюнуть. Куда ему деться, думал Витошкин. Без предупреждения Георгия он назначил время для смотрин. Тот не догадывался ни о чем, когда Витошкин предложил ему навестить его знакомых, спасших его от голодной смерти в дни блокады. Пошли. Дом его знакомых был на соседней улице. Идти было недалеко. Поднялись на третий этаж. У его знакомых все было подготовлено к встрече. Стол был накрыт. Посредине стола главенствовала большая сковорода с горой жареного картофеля. Бутылка с чем-то мутноватым содержанием. Стаканы. Вилки. Все как положено в таких случаях. В комнате около стола две крупные женщины, покрасневшие то ли от волнения, то ли от плиты, то ли от преждевременной выпивки для храбрости. Георгий не понял, от чего. С ними была молодая дивчина, выше женщин по росту и пошире в плечах. Лицо крупное и округлое. В народе о таком лице говорят — луноподобное. При знакомстве с “женихом” она подала Георгию руку лопаточкой и назвалась Антониной. Сели за стол. Молодых посадили рядком. Женщины уселись напротив них, а Витошкин как старейшина устроился в торце стола рядом с бутылкой. Туда же он поставил и принесенную с собой бутылку водки. Выпили за встречу и знакомство. Закусили и стали наливать по новой. Тут Витошкин обратился ко всем и сказал:

— Прежде, чем поднимать вторую, мне надо посеCRETничать со взрослыми,— и попросил молодежь немного погулять. Мать девушки показала дочери кивком головы на дверь. Дочь поняла, поднялась из-за стола и потянула Георгия за собой. Они перешли в другую комнатку. По всей видимости это была комната Антонины. В ней, кроме кровати и табуретки, больше ничего из мебели не было. На узком подоконнике небольшого окна стояли два горшка с какими-то цветами и одна банка из-под консервов с молодой веточкой столетника. Комната была настолько узка, что когда Георгий по приглашению “невесты” присел на кровать, его колени уперлись в стену. Сидеть было неудобно и он встал. На настойчивые приглашения присесть

на кровать он отказался. До него дошел сценарий, по которому разыгрывалось представление. Девушка Тоня была не из его мечты. К ней он не испытывал ни симпатии, ни интереса. Он понял, что ему из этого дома надо срочно и достойно ретироваться. Как будто вспомнив о своих срочных делах, он извинился перед Антониной и вернулся в застольную комнату. Он объяснился, как надумал, с Витошкиным и хозяйками и покинул их гостеприимный дом.

После неудавшегося сватовства Георгий в первый же заезд к Витошкину по честному признался ему, что он сделал не тот выбор, и посоветовал подыскать Тоне другого жениха. Витошкин хотел было обидеться на Георгия, но потом все понял и согласился с ним.

В дни, когда Георгий оставался в полку, он наблюдал за компанией офицеров, которые часами резались в карты в азартное двадцать одно. Про себя он называл их "очкистами". Заводилой был один майор. Георгий не играл. Он просто наблюдал за игрой и был болельщиком того, кому не везло. Майор частенько подтрунивал над ним, стараясь склонить его на игру. Георгий в эту игру играл как-то еще до войны, когда учился в девятом классе. Недалеко от дома, в палисаднике, почти каждый выходной собирались картежники. Взрослые и подростки. Однажды он решил испытать счастья. У него было пятнадцать копеек и, когда стали начинать новый кон, взял карту. Подошла его очередь и он поставил всю свою наличность. Набрал двадцать очков и выиграл. У него стало тридцать копеек. Кон рос. Когда подошла его очередь банковать, у него было уже около рубля. На банк поставил все деньги. Два круга провел игру без единого проигрыша. На кону стало более десяти рублей. Он вошел в азарт и у него кровь застучала в висках. Он заканчивал игру и объявил "банк". Последний игрок пошел на весь банк и набрал четыре карты. Георгий, увлекшись игрой, не считал, сколько карт он сдал игроку. У того оказался перебор и он одну карту незаметно сбросил под стол. Банк был сорван. Мошенник сгреб со стола все деньги и бумажные и мелочь, и быстро исчез из палисадника. Потом ребята обо всем рассказали Георгию. С тех пор ему претила эта игра и он ее старался избегать.

Помня об этом случае, Георгий и здесь долго отказывался принимать участие в игре. Когда брат предупредил его, что он на несколько дней уезжает из Ленинграда, Георгий не знал, чем заняться и заскучал. Тогда он и решил сыграть одну игру. Сел за

карты и... проиграл. Денег на покрытие проигрыша не хватило и ему пришлось отдать наручные часы "Победа". Это были первые часы в его жизни. Купил он их на фронте, под Старой Руссой, в автолавке военторга. Спустя некоторое время майора уличили в нечестной игре и он с позором вынужден был покинуть запасной полк.

ЧЕРЕЗ БАКУ В ИРАН

В запасном полку Георгий пробыл до середины августа. По команде из Москвы он выехал в распоряжение Восьмого управления Генштаба. В Москве он задержался ненадолго. Третьего сентября Москва салютовала в честь победы над Японией. Салют он наблюдал из окна вагона. В составе группы из пяти человек он выехал поездом в Баку. Старшим группы был майор Семин. Поезд следовал по местам, где совсем недавно шли ожесточенные бои. Об этом напоминали воронки с обеих сторон железнодорожного пути и неубранные остовы сгоревших вагонов и платформ. На путях трудились группы восстановителей и ремонтников. Движение было напряженным. Все поезда, следовавшие на Кавказ, шли через Баку. Прямая дорога через Краснодарский край еще не была восстановлена. Поезд на некоторых участках шел замедленно. Наконец они прибыли в Баку. Их приняли и разместили в гостинице Бакинского Военного Округа, недалеко от Площади Низами. Никаких служебных заданий прибывшие не получили. Им была предоставлена возможность отдохнуть и знакомиться с городом.

С утра до вечера москвичи бродили по улицам. Город подкупил приезжих мягким теплом южной осени. Днем становилось даже жарко, да так, что им приходилось пользоваться услугами мальчишек, торговавших в разлив холодной водой. "Сары су", — слышался их призывной голос на улицах.

Город удивил Георгия. Раньше ему не приходилось бывать здесь. Удивительным для него было то, что окна нижних этажей в домах были забраны мощными решетками. Как будто сплошная тюрьма или банковская контора. Потом он узнал: решетками бакинцы отгораживались от гастролеров-воров и грабителей, наводнявших город с наступлением осени и зимних холодов. Сюда они слетались не только отогреться.

* Холодная вода (аз.)

Днем прибывшие проводили время в Парке культуры имени Кирова или на Приморской набережной. Вечерами посещали Дворец культуры имени 26 бакинских комиссаров. На плоской крыше дворца была устроена танцевальная площадка. Георгию нравилось бывать на этой музыкальной крыше, но не только ради танцев. С высоты удобно было наблюдать за жизнью вечернего Баку. По сиявшим огням угадывались проспекты, Площадь Низами с театром его имени, парк культуры, берег моря и порт, по темной глади которого проблескивали огни движущихся судов и суденышек.

Ничего неделание стало тяготить москвичей. Ежедневные визиты к начальству с вопросами о работе, видимо, тоже стали в тягость руководителям из штаба Округа. В первых числах октября, как и рассчитывал на этот месяц Георгий, их вызвали и объявили, что все прибывшие из Москвы должны будут выехать в сопредельную страну. Объявили и пункт назначения — город Казвин. Билеты взяли до станции Астара. Поезд считался местный. Составлен был из старых допотопных вагонов. Вагоны на ходу скрипели на все голоса и казалось что они вот-вот рассыплются. Поезд шел медленно, останавливался, как говорили, у каждого столба. Расстояние в триста километров он преодолел почти за десять часов.

Георгий дороги почти не заметил. Первые километры пути он смотрел на новые места, через которые тащился поезд. За Сангачалами поезд отдалился от берега моря и местность пошла однообразная и не интересная. Он отвлекся от окна и стал перебирать в памяти дни, прошедшие с момента выезда из Москвы. Вспомнил попутчиков, с которыми играли в преферанс. Вспомнил проводницу, которая на его просьбу дать что-нибудь почитать, принесла ему в купе Евангелие в потертом и засаленном переплете. Вспоминая дни, проведенные в Баку, он корил себя за то, что перед отъездом не попрощался со своей партнершей по танцам на крыше Дворца культуры. С ней он встречался и танцевал три или четыре вечера. В один из вечеров москвичи пришли в этот танцзал под открытым небом. Когда осмотрелись, Георгий заметил одну девушку, которая скромно простаивала у парапета и наблюдала за танцующими парами. Невысокого роста симпатичная девушка очень походила на Дину Дурбин, кинофильмы с участием которой шли в это время почти на всех экранах. Она пришла на танцы со своим братом, который танцевал со своей подружкой, а она стояла в сторонке. Когда Георгий подошел к ней и пригласил

ее на танцы, она смерила его своим взглядом и приняла приглашение. Когда танец закончился и они стояли и разговаривали о погоде, о танцах, о Баку, к ним подошел ее брат. Они познакомились. Сергей, так звали ее брата, работал в штабе Округа и, как оказалось, был коллегой Георгия, и работал в том отделе, куда прибыли москвичи.

К вечеру поезд наконец-то дополз до Астары. Группа майора Семина, как ее именовали в штабе Округа, выгрузившись, направилась к пограничному мосту. На мосту два пограничных поста: советский и иранский. И тот, и другой подняли шлагбаумы и пропустили группу офицеров на иранскую территорию. Там их ждала автомашина. Не легковая. Большегрузный студебеккер с открытым кузовом. Прибывшие не успели дойти до машины, как их окружила толпа местных ребят. Мальчишки от малышового до подросткового возрастов, лепеча что-то на своем языке, тянули руки и просяще смотрели на офицеров. По их лепету, жестам и взглядам можно было понять, что они просили подарить им что-нибудь. Денег у прибывших ни советских, ни, тем более иранских, не было. Нашлись кое-какие мелкие вещички, которые они раздали ребятам. Георгий достал складной перочинный ножичек с перламутровой ручкой. Ножичек ему самому очень нравился и он колебался, отдать его или оставить себе. Подойдя к машине, он остановился. Посмотрел на толпившихся ребятшек, выбрал из них приглянувшегося паренька и протянул ему ножичек. Тот, боясь, не обманывают ли его, сделал несколько осторожных шагов к Георгию, неуверенно протянул руку, двумя пальцами взял ножичек, приблизил его к своим глазам, зачехотал его и снова посмотрел на Георгия. Поняв, что его не обманули, зажал ножичек в двух руках, прижал руки к подбородку, поклонился и, выпрямившись, радостно заулыбался. Остальные окружили счастливчика и зацокали языками, рассматривая и шумно обсуждая подарок.

Когда все забрались в кузов студебеккера, машину вновь обступили ребята. На сей раз они были не просителями. В руках у них были грозди винограда, плетенки с фруктами. То был ответный дар мальчишек, знак благодарности чужим дядям за их подарки.

Ягод и фруктов хватило на дорогу до Пехлеви и Решта, что стояли на южном берегу Каспийского моря. Первую остановку сделали в Пехлеви. Здесь и заночевали. Город можно было отнести к морским курортным городам. Южное побережье — зеле-

ный и благодатный край. К берегу, как белые гуси к воде, сбегались виллы и коттеджи состоятельных хозяев. Они светились своей белизной среди изумрудной зелени. Фоном этой природной картины служили лазурное море и голубой небосвод.

Утром, после завтрака, двинулись дальше. Проехали Решт без остановки. Решт тоже приморский городок, но не настолько курортный, как Пехлеви. Может это было не так, но таким он показался москвичам. От Решта дорога уходила от моря к горам, к перевалу. Сначала дорога шла прямой стрелой по равнинному месту. По этой дороге в годы войны шли поставки по ленд-лизу от союзных держав, что было долгой прелюдией второго фронта. Теперь по ней шли мирные перевозки, ехали туристы и путешественники. Наши путники не относились ни к тем, ни к другим. Они направлялись к новому месту службы. Они впервые были в этих краях, о которых только читали в книгах или видели их на экранах кино.

Постепенно вид горизонта начал меняться. Казалось, собирались синеватые грозовые тучи и машина прямой дорогой летела в грозу. Пассажиры пожалели, что студебеккер был без брезентового тента. Решили в грозу остановиться и отсидеться под машиной. Благо клиренс позволял это сделать. Студебеккер догнал колонну из нескольких машин и пристроился к ее хвосту. Следовать в компании с другими машинами было надежнее. Пассажиры ехали и с опаской поглядывали на горизонт, на тучи. Подъехав поближе, рассмотрели, что это были не тучи, а горы. По мере приближения к ним они становились все выше и выше. Наконец они закрыли весь горизонт. Дорога пошла на подъем. Она становилась круче и круче. Машина натужно урчала мотором и медленно заползала на перевал. Справа дорога прижалась к отвесной скале. Слева был глубокий провал. Дна видно не было. Оно скрывалось под синеватой дымкой. Местами дорога сужалась и на этих участках шло одностороннее движение. Выручала сигнализация и разъемы. Колонна машин прошла два или три разъезда, когда из расщелины между скал перед машинами вышло стадо кабанов. Их было десятка три-четыре. Стадо вел крупный секач. Машины остановились. Кто-то из ехавших на головной машине подал команду: "Не стрелять и не шуметь!" команду передали на все машины. На перевале было несколько случаев, когда кабаны, вышедшие на дорогу, потревоженные шумом и выстрелами, набрасывались на машину и сталкивали ее в пропасть.

Когда кабаны отошли на порядочное расстояние, машины начали медленно продвигаться за ними, держа безопасную дистанцию. Замедленное движение продолжалось до тех пор, пока кабаны не скрылись в очередной расщелине.

По перевалу ехали долго. Казалось, что проехали много сотен километров. Когда горы закончились, с перевала съехали вниз и оказались в пустыни. Кругом пески, перекасти поле. Когда были на перевале, солнце было, но жары не чувствовалось. Съехали вниз и солнце навалилось тяжелым грузом. Невдалеке от дороги показалось зеленое пятно. Свернули с дороги и остановились у воды. Небольшой водоем, похожий на маленькое озерко, окруженный запыленной зеленью, был пустынным оазисом, пристанищем для страждущих и жаждущих. Путники умывались и плескались у воды и не заметили, как к озерцу подошли несколько верблюдов с двумя погонщиками. Верблюды остановились недалеко от машины. Как и положено хозяевам пустыни, они гордо подняли свои головы и искоса поглядывали на машину, продолжая свою беспрестанную жвачку. Под косые взгляды “кораблей пустыни” машина развернулась, выехала на шоссе и двинулась дальше. При подъезде к Казвину стали попадаться минеральные источники. Они были видны издалика по рыжей ржавчине, расплзавшейся по песку. Остановок решили не делать. Все устали и спешили поскорей добраться до места. В Казвин въехали поздно вечером. Город уже спал. Дежурный по гарнизону, предупрежденный о приезде группы офицеров, ожидал их. Встретил, проверил документы и сопроводил прибывших в так называемую гостиницу, занимавшую несколько комнат в жилом доме. Все приехавшие разместились в большой комнате, сплошь заставленной койками. Половина коек была занята. Разместились, отказались от ужина и завалились спать. Сказалась дальняя дорога.

Утром офицеры представлялись начальству. Каково же было удивление Георгия, когда он узнал, что прибыл в 11-ю Армию, в ту самую, которая принимала его на фронте в июне 1942 года под Старой Руссой. Еще большее удивление вызвало появление “начальства”. Им оказался полковник Клявзо, старый знакомый Георгия. Он тогда был подполковником и принимал его на службу после окончания специальных курсов Генштаба. Он же помог ему перейти из штаба Армии в Латышскую стрелковую дивизию. Клявзо тоже вспомнил и признал Георгия, хотя прошло со времени их последней встречи более двух лет. Да и каких лет!

После официального представления Клявзо задержал Георгия у себя. Оба пустились в воспоминания. Клявзо рассказал, как штаб 11-й Армии в 1943 году оказался в Иране. Георгий — о боях под Великими Луками и в Латвии. Георгий посетовал на судьбу: война закончилась, а он уехал в Иран, даже не побывав дома. Клявзо его успокоил и обнадежил, пообещав помочь с отпуском в самое ближайшее время.

Казвин — типичный восточный город. Днем оживление чувствовалось только на центральных торговых улицах и в районе рынка. Подальше от центра дома скрыты за дувалами. На улицах редкие прохожие. Во дворах за дувалами у каждого свой мирок. У состоятельных граждан внутри двора сады и фонтаны.

Женщин на улице приехавшие видели только вечером, после захода солнца. Днем они видели только их силуэты. Днем они ходили запакованными в легкие ткани с головы до пят. На дорогу и окружающий мир они смотрели в узкую шелку, которую Георгий назвал “косой амбразурой”. Вечером город преобразался. Торговые улицы светились огнями реклам. Горожане, заполнявшие улицы, при вечернем освещении казались празднично одетыми... Многие женщины свое дневное покрывало сменили на европейское платье. Освещенные витрины и подъезды увеселительных заведений и доносившаяся оттуда музыка создавали какой-то праздничный настрой, который чувствовался на улицах и витал в воздухе.

Во дворе гостиницы был устроен импровизированный кинотеатр. На две штанги натянули экран. Перед экраном несколько рядов скамеек со зрителями. Когда офицеры после знакомства с городом вечером возвратились в гостиницу, во дворе крутили фильм. Показывали какой-то американский боевик с довольно-таки откровенной “клубничкой”. Они были удивлены тем, что вместе со взрослыми кино смотрели и их дети. Такое кино у них дома шло с предупреждением, что дети до шестнадцати не допускаются.

В Казвине Георгий пробыл двое суток. Он получил назначение в 23-ю кавалерийскую дивизию, которая стояла в городе Резайе (Урмия). Когда ему сказали, что поедет служить в кавалерию, у него защемило сердце. Он помнил о первом опыте езды в седле летом 1943 года и о тех ощущениях, которые были после поездки.

Дорога на Резайе шла до Тавриза и дальше к озеру Урмия и по нему на противоположный берег. Из-за срочности, о чем его предупредил Клявзо, Георгий решил поторопиться, не

стал ждать пассажирского поезда, который должен был идти на следующий день. Он поехал товарным. Хотя на улице стоял октябрь, в вагоне было тепло, не так, как было в декабре 1941, когда их везли из Тамбова в Ульяновск. Вечером, уже в темноте, поезд пришел в Тавриз. Кто-то из попутчиков засветил фонарик и при слабеньком мерцании фонаря приехавшие выбрались из вагона. Пешком дошли до озера. У пристани под парами стоял небольшой пароход и принял прибывших с поезда к себе на борт.

Озеро Урмия большое и, как море, безбрежное. И очень соленое. Путь по озеру продолжался всю ночь. Плыли при ясном лунном свете. Соль высеребрила все дно, которое при глубине до пятнадцати-двадцати метров виделось с палубы, как зеркало. Оно отражало лунный свет и светилось. Георгий не спал всю ночь. Он стоял на палубе и любовался то звездным южным небом, то всматривался в глубину озера, надеясь увидеть какую-нибудь живность. Тщетно. Озеро из-за соли было мертво.

Под утро пароход пришвартовался к пристани. Город и гавань с пристанями просыпались. Начинался трудовой день. Город, давший имя озеру, или наоборот, получивший свое название от озера, несколько походил на Казвин. И там, и здесь двух и более этажные дома были, в основном, в центре. Большинство зданий одноэтажные. Многие улицы казались длинными коридорами, с дувальными стенами, в которых были небольшие калитки и постоянно закрытые ворота. Как и в Казвине, дувалы скрывали жизнь, которая шла за ними. Почти в центре города стоял крытый восточный базар. Посетитель, попадая на базар с улицы, сначала ничего не видел. Слепила темнота. Через какое-то время, когда глаза привыкали к полумраку, он начинал видеть и шагал по торговым рядам. На базаре всегда стояла прохлада. Даже в самые жаркие дни. У многих пожилых торговцев, сидевших у своих лавок, у ног стояла металлическая посуда, наполненная тлевшими углями. Им было холодно и они подогревались теплом своей "грелки".

При первом посещении базара Георгий был удивлен большим числом торговцев и малым числом покупателей. Базарный шум из-за этого состоял, в основном, из громких зазывных криков торговцев.

В северо-западной части города располагался советский гарнизон, состоявший из частей и подразделений 23-й кавдивизии под командованием генерал-майора Асланова. Георгию надле-

жало заменить начальника спецсвязи дивизии капитана Айрапетова, которому необходимо было срочно выехать в Баку к своей многолетней семье. После сдачи дел и документов Айрапетова собрали и проводили домой.

В отделении, кроме начальника были два помощника: лейтенант Сергеев и младший лейтенант Чернобыльский.

К ноябрьским праздникам новый начальник отделения вошел в курс дела, познакомился с офицерами штаба, освоился с новым жильем и жизнь пошла у Георгия по нормальному руслу, как будто это было для него старое, давно обжитое место. Отличало от прежней жизни месторасположение службы и все, что было в округе, за пределами гарнизона. За Георгием закрепили коня и придали коновода, который оказался его земляком с Ярославщины, из Тутаева.

Боязнь седла, которая была у него в первое время, прошла. Он, как и все офицеры штаба дивизии, вместе с командованием каждое утро участвовал в вольтижировке на конном плацу. Под духовой оркестр, игравший каждый день один и тот же вальс “На сопках Манчжурии”, кавалеристы отработывали упражнения по командам: “Вольт направо”, “Вольт налево”, “галопом, вперед, марш”. Георгий освоился, привык к седлу и подружился с Орликом, как звали его коня.

В свободное от службы время, когда жара спадала, Георгий с товарищами бродили по улицам города. Они заглядывали в магазины и магазинчики — маленькие закутки на первых этажах домов, забитые мелочными товарами. Иногда заворачивали на базар.

Георгий, как и было обговорено с полковником Клявзо, подал рапорт об отпуске, ждал решения командира дивизии и исподволь готовился, надеясь на положительное решение по его рапорту. Покупал подарки домой.

Отпуск был разрешен в начале декабря. По его просьбе в отпуск вместе с ним пошел и его коновод. Вдвоем ехать было и удобней и веселей. Коновода он отправил в Тавриз заранее, чтобы он взял билеты и ожидал на вокзале. До Тавриза Георгий добрался на пароходе и надеялся до вокзала доехать на такси. При нем было два чемодана с провиантом и подарками. Проскочило несколько такси, но все они были переполнены. Наконец одна машина притормозила. Таксист, узнав, что офицеру надо попасть на вокзал, взял его чемоданы, закинув их на верхний багажник и сказал Георгию, чтобы он ждал машину на этом месте и не уходил никуда. Взять его в такси он

не мог. Все места в салоне машины были заняты. Такси ушло. Георгий стоял в растерянности. Такого с ним никогда не было. Он стоял и гадал, вернется таксист или нет. Если нет — плакали его чемоданы с подарками. Минут через двадцать таксист вернулся. Чемоданов на багажнике не было. Он посадил Георгия в машину и стал быстро пробираться к вокзалу, ловко лавируя в потоке машин. У вокзала он спросил таксиста о вещах. Тот махнул рукой в сторону вокзала и пояснил, что они в зале ожидания. В вокзале Георгий увидел массу чемоданов и баулов, уставленных на полу зала. При розыске своих чемоданов он увидел коновода, который отрапортовал, что с билетами все в порядке. Вместе они разыскали чемоданы капитана и тот успокоился.

Дома он объявился без предупреждения, как обычно, и произвел среди родных переполох, который завершился радостными объятиями. Почти полтора года прошло после последней встречи. Мать, пережив столько за своих детей, бывших на фронте, заметно сдала. Старшая сестра после госпиталей окрепла, огражданилась и работала на своем старом месте. Младшую сестру стало трудно узнать. Она стала почти невестой. Шестнадцать с половиной лет — это уже что-то.

В первые дни после приезда Георгий прошелся по городу, побывал в местах, памятных по каким-либо событиям из времен его школьной жизни. Зашел по адресам школьных друзей. Большинство из них не вернулись домой. Кто погиб, а кто обосновался в других местах. Увиделся с одним из самых близких однокашников — с Женей Абайтовым. Дома была и его мать, Мария Ефимовна, которая была рада приходу Георгия не меньше самого Жени.

Женя зимой 1943 года был тяжело ранен. Случилось это под Сталинградом. Его ранение было редкостным, если не единственным. И было удивительным, что после такого ранения он остался жив.

Головка мины пробила ему задний карман брюк, где был портсигар с табаком, прошла в полость живота, порвав все на своем пути. К счастью, мина не взорвалась. Более двух с половиной лет он был в госпиталях, где врачи боролись за его жизнь. Руки врачей сделали невозможное. Они спасли ему жизнь. Он был мужественным человеком. Пересилив все боли и страдания, Женя поступил в институт, закончил его и получил специальность. На работе проявил себя и долгое время работал на руководящих инженерных должностях. В этот приезд Георгия в Ярославль он с Женей под Новый год рискнули в метельный день перейти Волгу по льду, чтобы навестить знакомую ему девушку. Вскоре она ста-

нет его женой и другом. У них родится дочь, Наташа, которая впоследствии осуществит свою мечту стать врачом, чтобы помогать своему любимому отцу справляться с трудностью, возникшей в результате ранения.

Нина Алексеевна — дежурная
по агитпункту

В этот первый послевоенный приезд домой Георгий совершенно случайно познакомился с одной девушкой. Встреча оказалась судьбоносной на всю жизнь. Случилось все во время предвыборной кампании в декабре 1945-го. Георгий бродил по городу и оказался на Советской площади. На здании Облисполкома он увидел объявление о вечере на избирательном участке, проходившем в этом здании. Он подумал, что раз вечер, значит есть буфет, где можно купить папирос. Зашел. Откуда-то, справа от входа, доносилась музыка. Он пошел на нее и попал в зал, где танцевала молодежь. Увидев посетителя в военной форме, к нему шустро подошла невысокого

роста худенькая симпатичная блондиночка. Георгий вместо ответа на ее вопрос: “Вам кто нужен?” пригласил ее на вальс. Она несколько растерялась, внимательно посмотрела на незнакомого капитана, пыталась отказаться, говоря, что она не может, что она на работе и является дежурной по избирательному участку, и... и они стали танцевать. Да, так складно, как будто были партнерами по танцам давно.

Весь отпуск Георгий жил этой встречей с незнакомкой. Отпуск закончился. Уезжая в Иран, он дал себе зарок вернуться и разыскать ее.

В день выезда из Ярославля он встретился со своим коноводом, как было условлено ранее. Поехали они впритык к сроку, указанному в пропуске через границу. В Баку приехали за два часа до отправления поезда на Джульфу, где они должны были пересекать границу. Георгий встал в очередь в билетную кассу, а коновода оставил с вещами, наказав ему смотреть в оба и не забывать, что они в Баку. Очередь извивалась змейкой, шумела, качалась и возмущалась медлительностью кас-

сирши. Все спешили, чтобы не опоздать на поезд. И тут случилось непредвиденное, что заставило Георгия задуматься о происшедшем здесь случае. Когда очередь дошла до него и он уже протянул в окошко кассы документы на компостирование, в вокзале погас свет. Кассирша тут же захлопнуло окошко кассы. Никакие просьбы и уговоры Георгия не тронули кассиршу. Возникла угроза опоздать и просрочить время действия пропуска через границу. Это грозило большими неприятностями. Генерал Асланов предупреждал о возвращении из отпуска в установленный срок. Задержка выезда потребовала бы переоформления пропуска, а это не меньше недели. И тут Георгий мысленно обратился к Богу: “Боже! Если ты есть, спаси и помилуй. Сделай так, чтобы свет включился. Ну, хотя бы на одну минуту”. И только он произнес в мыслях свою просьбу, как свет включился. Не мешкая, он сунул проездные документы кассирше, она шлепнула компостер и вернула их обратно ему. И тут же свет погас снова. Георгий с коноводом успели добежать до перрона и вскочить в ближайший вагон, когда колеса поезда начинали набирать обороты.

Вагон был почти пустым. В нем было пять-шесть пассажиров. Отдышавшись, они затолкнули чемоданы на багажную полку, а сами забрались на полки и устроились спать. Как ни было жестко спать на полках без матрацев и постельных принадлежностей, они заснули. Проснулись ранним утром, когда поезд подходил к конечной остановке. В вагоне, кроме них, никого не было. Попутчики, которые сели в Баку, видимо, сошли на промежуточных станциях. Скоро Джульфа. Надо было готовиться к выходу, оделись, потянулись за багажом и обнаружили пропажу одного чемодана Георгия. Проводник вагона, выслушивая о краже чемодана, натужно потягивался и деланно зевал, убеждая пассажиров, что этого не могло быть, что он не спал и никто из посторонних в вагон не заходил.

В Джульфе прошли пограничный контроль, пересели в голубой экспресс. Его нарекли так из-за цвета вагонов. Доехали до Тавриза, а там до дома, уже знакомым путем, через озеро Урмия. Успели-таки возвратиться в обозначенный в документах срок.

Наступал первый после войны новый год. Георгий не терял надежды, что этот год будет завершающим в военной службе на чужбине и он вернется домой.

Новый год встречали в узком кругу друзей и после новогодних тостов и поздравлений сели расписать “пульку”. Георгий не

слыл хорошим преферансистом и за ночь проиграл около двадцати туманов. В то время это были немалые деньги. Когда подводили итоги игры, партнеры успокаивали его: мол, не переживай, раз в карты не повезло, повезет в любви.

Начало года не предвещало ничего экстраординарного. И неожиданно для многих, случилось. Начались события, которые внесли изменения в спокойную и размеренную жизнь не только их гарнизона, но и намного шире. Волна этих событий и их резонанс прошли по всему миру. Началось, так названное, движение за воссоединение южного и северного Азербайджана. В движении активное участие приняли курдские племена.

Курдов Георгий впервые увидел на улицах Резайе. Они появлялись, как правило, группами в несколько человек. В фетровых головных уборах шарообразной формы, с цветными широкими поясами, с карабинами за плечами и кинжалами за поясом они медленно проходили по улицам. Жандармы, стоявшие на перекрестках, при их появлении, куда-то исчезали. Гордый и независимый вид курдов нравился Георгию. Именно тогда он узнал о горькой и трудной судьбе этого малого, но гордого народа. Курды не имели своего государства. Их племена как бы поделили между собой Ирак, Иран и Турция. Люди одной национальности, одной семьи оказались в разных странах. Это как бомжи. Жить живут, а дома своего не имеют. Это и удивляло Георгия, и возмущало его. Но что было делать? Размышляя об этом, он пришел к неутешительному выводу: Мир еще настолько несовершенен, что при всей его цивилизованности, при всех величайших достижениях в науке и технике, до сих пор не нашел правильных путей решения чисто человеческих проблем, в том числе и таких, как курдская проблема. Что в таких вопросах мир, практически, остался, по его мнению, на самой ранней ступени своего развития, когда дикие племена воевали между собой за клочок земли, за кусок леса, а кругом их лежали бескрайние просторы земли и лесов.

Георгий, загруженный работой и захваченный развернувшимся движением, а оно уже достигло Резайе, не оставлял мыслей об увольнении из армии и возвращении домой. Стало подводить здоровье. Особенно давали себя знать глаза. Сказались условия, в которых ему приходилось работать на фронте, на наблюдательных пунктах. Подогревало его решение об увольнении желание поскорей увидеться со своей партнершей по танцам на избираемом участке, когда он был в отпуске.

В надежде на скорое разрешение его проблемы он, исподволь, загодя, готовился к отъезду домой. Каждую возможность он использовал для посещения торгового центра и базара, чтобы закупить подарки родным и близким. В этих походах случился один комический эпизод.

Однажды он с друзьями-преферансистами возвращался из похода по городу в гарнизон. По дороге заглянули в одну из лавочек, каких было множество на торговых улицах. Не усмотрев ничего подходящего, они собирались было выходить на улицу, но тут увидели большой ковер ручной выделки. Красивый, с проблесками золотых нитей. Они между собой решили разыграть сценку торга. Благо хозяин лавочки немного понимал и говорил по-русски. Георгий, как бы заинтересованно, спросил его:

— Скажите, сколько может стоить этот замечательный коврик? — и показал рукой на висевший на стене ковер.

— Это не коврик, как изволили Вы сказать, а настоящий ковер, — встрепенулся хозяин и сразу вышел из-за прилавка в торговый зальчик, — и стоит он не очень дорого. Всего пятьсот туманов. Цена ковра оказалась вдвое больше месячного оклада Георгия.

— Это очень и очень дорого, — отреагировал он на названную хозяином цену и его дружно поддержали друзья.

— Можно купить ковер, но за другую цену. Дать можем любую половину, то есть двести пятьдесят, — уточнил Георгий.

Что тут началось! Хозяин стал шуметь, возмущаться, доказывать свою правоту в оценке ковра, взывать к совести покупателей, и, наконец, объявил новую цену, снизив ее до четырехсот пятидесяти.

— Даем триста, — назвал свою цену Георгий.

— Четыреста и ни риала меньше, — заключил продавец.

Георгий и его товарищи направились к выходу. Хозяин, пытаясь их задержать, хватал друзей за руки, за одежду, а потом встал в дверях и, чуть не плача, снизил цену до трехсот пятидесяти, говоря при этом, что он разорится и его дети останутся без хлеба. “Покупатели” ответили на это, что они не хотят оставить его детей без хлеба и поэтому покупать ковер не будут.

Хозяин с криками “Караул!”, “Ограбили!”, “Обманули!” бежал за шутниками до перекрестка. Офицеры уже пожалели, что затеяли эту игру. Услышав крики и причитания, жандарм, дежуривший на перекрестке, направился к группе участников “торга” и прохожих зевак и, выяснив, в чем дело, прикрикнул

на торговца и заставил его замолчать. Козырнув офицерам, он вернулся на свой пяточок — круглую плиту в центре перекрестка.

Хозяин извинился за свою шумливость и уже вежливо пригласил офицеров вернуться в лавку и что-нибудь купить на память об этом торге. Они вернулись в лавочку. Георгию приглянулись атласные туфли на высоких каблуках, и он купил их для своей незнакомки. Не зная ее размера обуви, купил наугад. Другие тоже купили что-то из мелочей. Хозяин остался доволен, что немного, да удалось продать. Он пригласил покупателей к столу, стоявшему в уголке зальчика. Вынес бутылку какого-то виноградного вина и вазу с фруктами. Налили. Хозяин поднял бокал и сказал, что это его магарыч. Когда выпили, он покачал головой и, улыбаясь, поблагодарил офицеров за то, что произошло, и заявил, что этот день он никогда не забудет. Он признался, что для него торговля не всегда самое главное. Иногда для него важно поговорить с интересными людьми, покупателями и узнать о чем-то новом и полезном.

СБОРЫ ДОМОЙ. КОСТРОМСКОЙ ГАЛИЧ И СНОВА НЕМЦЫ

Георгию стало известно о согласии командования на его увольнение и он начал спешно готовиться к отъезду и закупать то, что решил привезти с собой. Он знал о трудностях с продуктами и решил для дома покупать, в основном, то, что можно было положить на стол. Купил муки-крупчатки, сухофрукты и десять ящиков изюма, обшитых мешковиной. Каждый ящик весил двенадцать килограмм. Купил кое-что из одежды и обуви для матери и сестер и несколько метров цветастой восточной ткани. Приготовив багаж к перевозке, он ужаснулся. Он не представлял, как управится с такой поклажей. Но все сложилось удачно. В Москву на сборы готовились выехать пять солдат. Когда генерал Асланов узнал о его проблеме, он все и решил. Он поручил Георгию доставить солдат до Москвы, а солдатам — помочь капитану довести груз и помочь ему при пересадках.

При пересадке в Джульфе Георгий договорился с проводниками и занял под свой багаж не рабочий тамбур. Солдаты помогли ему с посадками и пересадками в Джульфе, Баку и в Москве. Они проводили капитана на Ярославский вокзал и помогли сесть в поезд. Единственное, чем он мог отблагодарить своих помощников, это поделиться с ними изюмом. Как

Мать, брат и сестры Георгия

ни отказывались солдаты, но Георгий их уговорил и они согласились взять один ящик.

И вот, наконец, он дома. Опять в полуподвальной комнате со всеми вместе, за исключением младшего брата, который был в Ленинграде. Тесная комната потеснилась еще больше от привезенного багажа. Мать и сестры были обрадованы приездом родного человека. Особенно обрадована была мать. Ее обрадовали и привезенные сыном про-

дукты, с которыми в городе было трудно. Теперь ей не надо было ломать голову, чем угостить и чем накормить сына. Только сетовала, зачем он тащил с собой столько изюма. Но тут подошли пасхальные дни. Мать мудро распорядилась и большинство ящиков изюма пошло на рынок. За несколько часов изюм был распродан. Его разобрали на куличи. Сразу решились две проблемы: разгрузилась комната и появились деньги для обновления гардероба сестер.

Первый месяц после возвращения домой для Георгия прошел, как один день. Ему удалось повидаться с незнакомкой. Они стали встречаться. Нина, как ее звали, не сразу показала ему свой дом и не познакомила его с матерью и сестрой. Она стеснялась своего жилья. Они жили в двенадцатиметровой комнате на втором этаже дома, где ранее была гостиница. В длинный коридор выходило множество дверей. Дом стоял на одной из центральных улиц города, являвшейся своего рода, торговым центром. Здесь же, рядом, был колхозный рынок, всегда многолюдный и всегда шумный. Один торец дома был оставлен гостинице "Бристоль". Именно здесь, во время Ярославского мятежа в 1918 году в вестибюле гостиницы перхуровцами был убит один из руководителей губернии — Нахимсон.

Дом старый. Дореволюционной постройки. Давно не ремонтировался и за годы войны еще более постарел.

Нина осмелела после того, как увидела жилье Георгия, их полуподвальную комнату, и познакомила его со своим домом и родными.

После увольнения из армии Георгий не оставил своей мечты поступить в институт живописи в Ленинграде, куда перед войной тайно от всех отослал свои эскизы и рисунки. Но за время блокады там все пропало и надо было все начинать сначала.

Почти ежедневные свидания и посиделки с любимой, да нескстати свалившаяся болезнь, уложившая его в больницу, внесли коррективы в его планы. Жизнь становилась с каждым днем сложнее и трудней. Запасы, привезенные из Ирана, подходили к концу. Надо было думать о работе. К тому же, на повестке дня возник вопрос о предстоящей свадьбе.

После выхода из больницы нашлась работа. В область и в город для восстановления разрушенных в войну промышленных объектов и жилых зданий прибыли военнопленные немцы. Заработала система УПВИ — Управление по делам военнопленных и интернированных. В одном из лагерей, созданных в городе, нашлась работа для Георгия. Его приняли и восстановили в звании капитана.

Первый послевоенный 1946-й год для страны, для народа был тяжелым, голодным годом. Единственное, в чем стало легче по сравнению с годами войны, это то, что ушел страх. Страх за судьбу родных и близких, воевавших на фронте, страх при налетах и бомбежках, страх за судьбу Родины.

Карточная система распределения продовольствия с нормами военного времени не позволяла отпускать ремешок, затянутый с началом войны. Поэтому, естественно, свадьба Георгия и Нины не ломала стол от яств. Свадьбу гуляли в комнате невесты. За столом поместились только восемь человек. Главным деликатесом и угощением была жареная картошка. Большая сковорода с картошкой была в центре стола. Жениху невольно вспомнились смотрины в Ленинграде, устроенные стариком Витошкиным в 1945 году, где на столе также главенствовала сковорода с картофелем.

Так началась их совместная жизнь. Без роскоши и достатка. Это мешало, затрудняло, но не смущало. Оба они, и Георгий, и Нина до войны жили без роскоши и в тесноте. В войну и он и она прошли фронт. Оба познали, почем фунт лиха. Поэтому довольствовались малым и не роптали.

Октябрь подошел и снова поставил веку в судьбе Георгия. Его переводят на работу в другой город соседней области. Он едет в Костромской Галич, в спецгоспиталь для военнопленных на должность Заместителя начальника госпиталя по режиму и охране. Сначала едет один, представляться главному врачу-начальнику госпиталя и решать вопрос о жилье.

Главным в госпитале был кандидат медицинских наук Евсей Куприянович Александров, майор по званию. Седовласый, крупный лицом и широкий в плечах, он на первый взгляд показался Георгию суровым начальником. Внимательным взглядом из-под широких и густых бровей он оглядел высокого и худощавого капитана. Выслушал его доклад о прибытии и спросил:

— Вы, капитан, медик? Где, что и когда заканчивали?

— Я не медик,— ответил Георгий,— окончил среднюю школу в июне 1941-го, а в 1942-м Специальные курсы Генштаба. Всю войну на фронте. С медициной знаком. Познакомился в госпиталях.

— Как же Вы сможете быть моим заместителем, если Вы не медик? — продолжал спрашивать и говорить главврач.

— По должностным обязанностям,— стал объясняться Георгий,— Ваш заместитель по режиму и охране должен обеспечивать режим и охрану госпиталя и военнопленных и выявлять среди них бывших эсэсовцев, карателей и палачей из лагерей смерти, а также организовывать антифашистскую работу среди пациентов госпиталя. А лечить — это дело действительно медиков.— Александров выслушал Георгия и поставил условие:

— Я согласен с Вашим назначением моим заместителем. Но Вы, капитан, должны будете быть со мной при обходе палат, присутствовать на пятиминутках, которые я провожу по утрам с медперсоналом. Если согласны с этими условиями, приступайте к работе.

— Товарищ майор! Я не только согласен, но и сам хотел Вас просить об этом,— ответил Георгий и дополнил,— согласен не потому, что опасался Вашего отказа, а потому, что это поможет мне лучше справляться со своими обязанностями.

После подписания приказа о назначении и решения жилищного вопроса он выехал в Ярославль за женой.

Госпиталь занимал два кирпичных бывших купеческих дома. Дома стояли на главной улице, рядом с рынком. За рынком улица шла вдоль берега большого, красивого и рыбного озера. Улицу от берега озера отделяли дома и постройки рыбацкой слободы. За окраиной улица переходила в дорожный тракт, ведущий к

областному центру, к Костроме. Недалеко от окраины города тракт шел вдоль гряды невысоких курганов, закрывших вид озера. Среди жителей бытовала легенда, что когда-то в древние времена по дороге шел чужой караван с иноземцами. Чтобы не допустить чужаков в этот заповедный край волшебной силой караван был превращен в гряду курганов. И действительно, если приглядеться к гряде, в ее очертаниях угадывалось нечто, похожее на караван.

Георгию с женой предоставили одну комнату на втором этаже трехэтажного дома, стоявшего на другой стороне улицы напротив госпиталя. На первом этаже находились красный уголок и складские помещения. На третьем этаже были комнаты русских врачей. Врачи-немцы жили в самом госпитале.

Комната им досталась большая и светлая. Один угол ее занимал старинный камин, облицованный белым мрамором. Впоследствии этот камин, сделанный в английском стиле, едва не привел к трагедии.

Начальник госпиталя представил своего нового заместителя всему медперсоналу. С находившимися на лечении немцами он повстречался в присутствии их лечащих врачей. Его при обходе сопровождал немецкий антифашист Гельмут Герман, понимавший и немного говоривший по-русски. Гельмут в дальнейшем активно помогал капитану во многих делах. С его помощью были выявлены умевшие играть на музыкальных инструментах. Госпиталь приобрел необходимый набор инструментов для джаза. К новому году джаз-оркестр стал давать концерты для больных и медиков. Об этих концертах пошла молва по городу. Оркестр стали приглашать на вечера, юбилеи и праздники, проводимые в организациях города. Сначала райком партии категорически возражал против этого, но в конце концов под давлением общественности дал свое согласие. В городе в то время этот джаз-оркестр был единственным.

В годовщину Советской Армии Георгий организовал вечер художественной самодеятельности для сотрудников госпиталя и их семей. Вечер проводили в красном уголке. На вечере выступал в роли ведущего, конференсье и исполнителя. Пел, рассказывал крокодильские фельетоны. Активное участие в вечере положительно повлияло на положении его в коллективе госпиталя. Он стал "своим".

Тяжелое положение с продовольствием в 1946—1947 годах не могло не сказаться на госпитале. Рацион питания был дифференцирован. Все лучшее шло больным. Выздоровляющим

и не тяжелым больным шла более скромная пища. Для некоторого улучшения питания пришлось команду выздоравливавших посылать на работы и на заработанные деньги прикупать продукты питания. В этих же целях госпиталь обзавелся подсобным хозяйством.

Однажды Георгий возвращался с подсобного хозяйства, куда ездил для ознакомления и определения порядка использования выздоравливающих в весеннюю посевную. Перед выездом обратно он бросил в розвальни несколько охапок сена, чтобы спастись от мороза. За дорогу мороз добрался-таки до него. Поэтому, по приезде он первым делом подумал о бане, чтобы прогреться. Он попросил сестру-хозяйку подготовить душевую. Она ответила, что все уже давно готово, но не уточнила, для кого готовилась баня.

Баня размещалась в подвале госпиталя и представляла собой одну большую залу, где были ванны и душевые рожки.

Георгий прихватил с собой жену и они, не торопясь, разделась и забрались в теплые ванны. Только погрузились в теплоту, как в баню ввалилась целая ватага медсестер. Они с шумом и смехом, срывая на ходу одежды, спешили занять лучшие места. Они толкались у скамьи, где была так называемая раздевалка, снимая и складывая свои причандалы, когда Георгий окрикнул их и тем самым оповестил о своем присутствии. Они разом смолкли. И вдруг одна из самых смелых спросила, не будет ли капитан возражать против того, что они тоже помогут. Георгий вопросительно посмотрел на жену. Та промолчала. Он махнул рукой и пригласил девчат разделить с ними компанию. Медички со смехом, шутками и прибаутками разделась и разбежались кто куда. Кто под душ, кто в ванну. Позднее, некоторые из этих девчат нет-нет и напомнят о совместном купании в бане. При встрече с ним они как бы докладывали, что они сегодня идут в баню.

Для усиления охраны госпиталя Георгий приобрел молодую немецкую овчарку по кличке Альма. Держал ее дома и тренировал сам. Альме было месяцев восемь, когда она проявила себя.

Отец жены прислал своей дочери подарок — котиковое манто. Подарок по тем временам был царский. Оно было первой меховой шубкой в ее жизни.

Однажды Георгий, придя домой обедать, застал там жуткую картину. Жена сидела на полу среди ключев манто и причитала жалостливым голосом. Из ее глаз катились крупные градины слез.

Рядом с ней виновато повизгивала Альма. Повизгивала и участливо лезла к ней, не обращая внимания на отталкивания. Ему не сразу удалось успокоить расстроенную супругу. Она поведала мужу, что когда вышла из дома, манто не надела, пожалела зря таскать его, и повесила на вешалку. Дома оставалась одна Альма. Она сорвала манто с вешалки и потрудилась над ним. От манто остались одни лоскутки, из которых потом смастерили несколько шапок-кубанок, бывших в ту пору в моде.

После этой истории Нина смотрела на Альму, как на своего кровного врага, но продолжала кормить ее и прогуливать.

Жена не работала. Целый день дома. Подруг не завела. Пойти было некуда, да и не к кому. В провинциальном городке далеко не разбежишься. От нечего делать, да и от несознательности Альмы, Нина заскучала и захандрила. Стала высказывать недовольство судьбой и желание уехать в Ярославль к матери. После денежной реформы жена уехала в Ярославль. Георгий не стал ее удерживать. Помог донести чемоданы до вокзала, посадил в поезд и сказал на прощание, что если она захочет вернуться, она всегда это может сделать. Пробыв недолго у матери, она уехала в Иркутск к отцу. Георгий остался один.

Еще до ее отъезда Георгий ездил в Москву сдавать экзамены в Высшую школу МГБ СССР. Экзамены он выдержал на отлично. Но его не приняли. У него не было стажа практической работы в этих органах. Мандатная комиссия его не пропустила. Ему порекомендовали поехать в следующем году в Ленинградскую школу, где он будет принят без экзаменов. Он принял это предложение, а пока возвратился в Галич. Приехав домой, он узнал о пропаже Альмы. Жена рассказала, что когда вывела Альму гулять, она увязалась за каким-то псом и пропала из виду. Долго искала ее и не нашла. Альма пропала. Георгий подумал, что жена отомстила собаке за порванное манто. Позднее очевидцы рассказали ему, что они видели, как люди в милицейской форме отловили собаку и на машине куда-то ее отвезли. В городском отделе милиции ему подтвердили, что действительно были представители из области и вместе с другими собаками могли увезти Альму в питомник служебных собак.

В декабре была объявлена денежная реформа. За день до объявления Георгий оформил документы на командировку и получил аванс на командировочные расходы. Разобравшись в ситуации, он понял, что попал впросак. Триста рублей аванса он получил старыми деньгами, а отдавать ему придется новыми. Он попытался сдать деньги обратно в кассу, оказалось, это сделать

было нельзя. Выручил его главный бухгалтер. Он разменял ему эти триста рублей мелочью. В основном, серебром. Получился увесистый мешочек со звонкой монетой.

После реформы все, кто нарушил установленный порядок обмена денег, были привлечены к ответственности и назывались “декабристами”. Георгий в их число не попал. То, что он сделал, было признано законным.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЯРОСЛАВЛЬ. СТРАННЫЙ СОН

В начале 1948 года началась репатриация пленных немцев. Отправили и тех, кто находился на излечении в госпитале. Госпиталь расформировали и Георгий вернулся в Ярославль, в распоряжение отдела кадров Областного управления МВД. Поскольку вопрос о его учебе в Ленинградской школе был решен, его оставили на временной работе при отделе кадров.

В кабинете, где ему дали рабочее место, работали трое сотрудников: Вашкевич, Олег Акимов и Нина Ивановна. Они приняли Георгия в свой коллектив и помогали ему осваиваться с новой работой и новой для него обстановкой. Нина Ивановна, как он позднее узнал, была первой женой бывшего секретаря Обкома ВЛКСМ Юрия Владимировича Андропова. От нее он узнал, что он сейчас в Карелии, в Петрозаводске Секретарем ЦК партии. Георгий поинтересовался, почему он в Карелии, а она здесь. На это она рассказала, как это случилось:

— Мужа в 1939 году перевели из Ярославля в Петрозаводск Первым секретарем ЦК ЛКСМ Карелии. Из-за учебы детей и двух войн, с Финляндией, а потом с Германией, семье пришлось остаться здесь. Раздельная жизнь в течение шести лет проложила между в семье и мы стали жить раздельно.

В стране в начале 1948 года по решению партии и Правительства началась кампания по борьбе с тунеядством. Были созданы специальные комиссии для проведения этой кампании на местах. В комиссию по Некрасовскому району был включен Георгий. В нее вошли представители Обкома КПСС, райкома и райисполкома, председатель сельсовета. По установленному регламенту вопрос о тунеядцах должен был рассматриваться на общем собрании членов колхоза. Когда комиссия приехала в один из колхозов, все члены колхоза были собраны в клуб. На собрание пришли семьями, с детьми. Председатель колхоза открыл собрание. Он же как председательствовавший назвал первую кандидатуру на звание тунеядца. Услышав свою фамилию, в центре

зала со скамьи поднялся не спеша человек в солдатской гимнастерке с костылем в руках. Председатель зачитал с бумажки, что этот человек приехал домой из госпиталя уже больше года тому назад, а в колхозе не работает. Копаются на своем огороде и только.

Георгий зашептался с представителем Обкома:

— Как же так? Это же инвалид, пришел инвалидом с войны, без ноги. Зачем же его так. Сразу в тунеядцы. Обкомовец что-то сказал председателю и тот снял первую кандидатуру с обсуждения. И тут же назвал второго кандидата. Поднялся высокий и широкоплечий мужчина. На вопрос, почему он тунеядствует, тот ответил, что он не лодырничает, что он работает кузнецом в другом колхозе. На вопрос председателя, почему он работает у дяди, а в родном колхозе работать не желает, тот ответил, что в этом колхозе он работать не будет, потому что председатель колхоза пьяница и пропивает колхоз.

В зале раздался смех. Председатель покраснел, как рак, стал пытаться что-то сказать, но у него сразу не получалось. Он открывал рот, давился, сисясь что-то произнести, и, наконец, бросил в зал злые слова:

— Товарищи! Вы видите, кто стоит перед Вами? Это настоящий, как его, тунеяд. В натуральном виде тунеяд. Этот хапуга,— продолжал председатель с возмущением,— в погоне за длинным рублем плюнул на родной колхоз и продался на сторону. Его надо строго осудить за это.

Поняв молчание членов комиссии, как поддержку его выступления, он тут же поставил вопрос на голосование: “Кто за то, чтобы выселить тунеяда из колхоза, прошу поднять руки”.

Собрание затаило дыхание. Каждый смотрел друг на друга. Председатель стал называть поименно, заставляя голосовать. Не все, но постепенно, после настойчивых опросов по имени и отчеству, колхозники стали медленно тянуть руки. Он не дождался конца голосования, объявил, что проголосовали единогласно и заключил: “общее собрание решило выселить тунеяда из колхоза” в не столь отдаленные места, которые на самом деле были не столь близкими.

Приговоренного тут же работники милиции взяли под стражу, вывели из клуба и повели к машине. За ним, заламывая руки, бежала растрепанная жена, а следом за ней трое ребятишек. Тот что постарше бежал почти за матерью, а младшие тянулись следом, плача и утирая слезы и сопельки своими кулачками.

Ранее Георгий где-то видел картину художника, на которой автор запечатлел момент увода со двора кормилицы. Кормилицей была буренка. Увиденное у колхозного клуба чем-то напоминало эту картину. Он пожалел, что недостаточно умел, чтобы положить увиденное на холст. Если б удалось, он озаглавил бы ее “Увод кормильца от семьи”.

Георгий на акте комиссии записал особое мнение о порядке, а вернее непорядке проведения “мероприятия” и о несогласии с решением, принятым общим собранием колхозников под нажимом. За неправильное поведение при выполнении партийного поручения Георгию был объявлен выговор. Тяжелый осадок в его душе от этого партийного поручения остался на всю жизнь.

В апреле, перед майскими праздниками, его прихватил приступ аппендицита. И это перед предстоящим выездом на учебу в Ленинград. Чтобы не тащить болячку с собой, он решил залечь в гарнизонный госпиталь. Решил и пошел. По дороге зашел на колхозный рынок в закусную, где для храбрости принял сто пятьдесят водки. Водку запил пивом. День был воскресный. Дежурный врач госпиталя не склонен был его принимать. Помог термометр. Когда он показал 39 градусов, его приняли. Ему вспомнился шуточный рассказ, слышанный еще до войны. Одна бабуся пришла к врачу. Ей дали градусник, чтобы измерить температуру. Она взяла его и ушла домой. На другой день пришла в поликлинику, вернула градусник и сказала: “Вот вам обратно, уж очень мне помогла эта штукovina”. Так и Георгию. Уж очень помогла ему эта штукovina.

В понедельник, после посещения рентгенокабинета его срочно препроводили в операционную. К его счастью, он пришел в госпиталь в воскресенье, а не в пятницу. В пятницу в рентгенокабинете работал один аппарат и тот был неисправный. У него что-то случилось с трубкой. Все, кто проходил в пятницу через рентгеновский кабинет, все получили тяжелые ожоги. Спихнулись поздно. У облученных оказались ожоги кожного покрова.

Операция прошла успешно. На третий день после операции Георгий стал вставать. Когда он окреп и стал свободно ходить, он вспомнил о своем увечье, когда на фронте подгорел от самокрутки, заснув во время курения. Он рассказал о своем недуге хирургу, Косте-капитану. Хирург после осмотра Георгия посмеялся над его историей и предупредил, что нужна операция, она хотя и простая, но очень болезненная, так как ее придется делать без обезболивания. Ну, ничего,— успокоил

хирург, — все мусульмане и евреи проходят через это и ничего, живут, не умирают.

Во время операции в операционной присутствовала группа студентов медицинского института. Хирург резал и стриг живое тело. Георгию было страшно больно, но он терпел, закусив нижнюю губу до крови.

Костя-капитан, чтобы уменьшить болевые ощущения пациента и отвлечь его внимание от операции, орудуя скальпелем и ножницами, стал рассказывать анекдот. Не стесняясь сестер и студентов, среди которых более половины были девушки, он рассказал все без сокращений, называя все своими именами.

— Дело было осенью, — начал он рассказывать анекдот, — в деревне стали забивать скот на мясо. Два соседа, Иван да Николай, повезли мясо на базар. Мясо быстро продали, зашли в магазин и купили по паре новых калош “Красный треугольник”. Это такая фабрика в Ленинграде, которая делала калоши с красной подкладкой. Решили попку обмыть. В забегаловке пили водку и закусывали ее пивом. Набрались до ушей. Зато сэкономили на закуске. От излишне выпитого им приспичило. Они зашли в подворотню и... хирург прервал рассказ, за чем-то отошел от стола, через минуту вернулся и продолжал, — В подворотне Иван никак не мог найти ширинку и попросил Николая помочь ему. Николай нашел ширинку, расстегнул ее, ухватил, вытянул подол рубахи и скомандовал: “Давай, пали”. Они сделали свое дело и направились на вокзал. По дороге Иван шел и все что-то бормотал. Потом остановился и сказал: “Никола, знаешь, что я скажу тебе? А ведь нас с тобой надули. Говорили, что галоши новые, а они текут”.

Студенты и сестры смеялись не громко, чтобы не мешать хирургу. Георгию было не до смеха, но он был благодарен Константину за его попытку перенести боль.

Процесс залечивания проходил болезненней и дольше, чем после аппендицита. Особенно мучительны были перевязки, проводимые ежедневно.

Только в конце мая его выписали из госпиталя.

После выписки из госпиталя Георгий продолжал работать в отделе кадров. Как-то, идя на работу, он почувствовал, что его язык начало что-то покалывать. Кололо там, где не было зубов, выбитых в январе 1943 года. Не заходя на работу, он направился к стоматологу. Доктор внимательно осмотрел его рот и с помощью пинцета извлек тонкую и острую, как игла, косточку длинной со спичку. Это была та косточка, которая откололась от че-

люсти и была причиной абсцессов, неоднократно укладывавших его в госпиталь.

Незадолго до отъезда на учебу в Ленинград Георгию приснился сон. Странный такой сон. Снилось ему, что на улицах родного города происходило что-то, похожее на Содом и Гоморру. Из-под стен и из окон домов вырывались языки пламени. На улицах метались толпы обезумевших горожан. Их вопли и стоны заглушали все вокруг. И вдруг среди воплей и стонов раздался звук рожка или трубы, идущий откуда-то сверху.

Он поднял голову и увидел плывущее по небу круглое облако. На облаке стоял кто-то с вытянутой вперед рукой. Сначала ему показалось, что там стоял Ленин. Уж очень была похожа увиденная им поза человека, встречавшаяся в кинофильмах, на полотнах художников, на фотографиях и в скульптурах. Когда облако приблизилось, он увидел на фигуре белые одежды и светлый нимб вокруг головы. Из облака полился дождь, полился как из ведра. Вода залила огонь и он потух. Люди замерли, перестали метаться и вопить. Все, подняв головы, замерли и смотрели на чудо. И тут Георгий услышал слова, обращенные к нему:

— Ты не забыл, как я помог тебе? Как спасал тебя когда ты обратился ко мне за помощью?

Да, это же сам Бог, подумал он и продолжал внимать голосу, идущему сверху.

— Помоги и ты людям, которым нужна помощь. Старайся делать добро и получать от них за это святое слово “Спасибо”, — звучали слова сверху, — Чем больше благодарных слов “спасибо” ты получишь за свои добрые дела и поступки, тем большее благо ты сотворишь людям. День, в который ты не услышишь ни одного слова “спасибо”, сказанного в твой адрес, считай потерянным для себя днем.

Прозвучали последние слова и облако растаяло в небесах. Георгия как пружиной подбросило на диване, на котором он спал. Он сел, стал протирать кулаками глаза и блаженно улыбаться.

Его необычный подъем скачком, какое-то просветленное лицо и блаженная улыбка испугали мать и сестру, которые были рядом и все случившееся с пробуждением его происходило на их глазах. Они не понимали, что происходило с ним. Он поведал им о своем сне. Но не стал говорить, какие мысли и чувства пробудил сон в его душе. А мысли и чувства были из-за того, что увиденное во сне как бы сочетание двух образов, Ленина и Бога

в одном примеряло его внутренние противоречия, которые возникали при думах о Боге, религии и партии.

Для Георгия услышанное, как бы наставление, было не обременительным и сложным. Он всегда старался быть внимательным к окружающим и всегда старался им помогать. Еще в далеком детстве он неоднократно слышал от своего горячо любимого деда Алексея строгие напутствия: “Уважай людей, помогай им и они также будут относиться к тебе. Все они такие же, как и ты сам”.

Этому напутствию деда он следовал всегда, еще со школьных лет.

ЛЕНИНГРАД. МОЙКА-45

В августе 1948-го, отметив с родными свое двадцатипятилетие, Георгий уехал в Ленинград на учебу. Здесь он вновь встретился с младшим братом. Гурий к этому времени оградился и женился, обзавелся семьей. Он с женой Раей в первые годы совместной жизни оказался далеко не в раю. Они жили на Съезженской улице. На Петроградской стороне. В странно-страшной квартирной ситуации.

Двенадцатиметровую комнату в блокадное время дали двум подружкам, работавшим вместе на одном предприятии. Обе они в одно и то же время вышли замуж. Комнату поделили на две половинки, повесив посередине два солдатских одеяла. Каждой семье досталось по шесть квадратных метров и по одному окну. Вскоре семья брата увеличилась на одного человека: родилась дочь Татьяна. К соседской семье приехали и стали проживать у них две сестры подружки. Теперь на двенадцати метрах стали проживать семь человек.

Учась на первом курсе, Георгий прилагал немало усилий, чтобы помочь брату решить квартирный вопрос. Он несколько раз встречался с директором предприятия, где работал брат. Предприятие строило жилой дом на Приморском проспекте и в этом доме ему обещали выделить комнату. Так и было. Дом построили и комнату выделили. Все были несказанно рады. В то время в городе был жилищный голод. Георгий помогал семье брата переехать в новое жилье. Вещички, мебель, состоящую из стола, двух стульев, кровати и детской кроватки, перевозили вручную, на тележке, которую заимствовали в соседнем овощном магазине.

Мойка-45

Школа, где стал учиться Георгий, размещалась на Мойке, рядом со зданием Главного Штаба. Недалеко от школы, на другом берегу Мойки был дом, ставший последним прибежищем Великого Пушкина. Из этого дома он выехал на дуэль с Дантесом и сюда его привезли смертельно раненого после дуэли.

Мойка-45 стала на целых два года адресом Георгия, пока он учился в спецшколе. В школу съехались, в основном,

бывшие фронтовики. Школу открыли недавно. Георгий попал во второй поток. Учились напряженно. Жили дружно. На весь их курс была одна большая комната-зала-спальня, на самом верхнем этаже, который курсанты называли “голубятней”.

Учебная программа школы почти на семьдесят процентов копировала программу юридического факультета университета. Лекции по юридическим дисциплинам читали ведущие преподаватели Ленгосуниверситета, такие как профессор Крыльцов, Иоффе и другие.

Георгию запомнилась первая лекция Ивана Ивановича Крыльцова, который читал историю государства и права Екатерининского периода. Он в этот день был дежурным по курсу и в его обязанности входила встреча профессора. Он вышел в коридор и стал ожидать его прибытия. По времени тот уже должен был читать лекцию, а его все не было. Георгий беспокойно оглядывал коридор, но в нем был только один невзрачного вида старичок, который стоял у стенда с информацией и читал вывешенные на нем документы. Когда старичок отошел от стенда и стал озираться кругом, Георгий подошел к нему и спросил:

— Вы кого-то потеряли?

— Нет, молодой человек,— ответил тот,— не я потерял, а очевидно, меня потеряли.

У Георгия мелькнула смутная догадка и он спросил:

— Простите, а Вы не профессор Крыльцов? Иван Иванович Крыльцов.

— Действительно, я Иван Иванович Крыльцов, профессор Крыльцов. А как Вы догадались? Я с Вами, кажется, не знаком. Крыльцов смотрел на Георгия и улыбался. Георгий извинился, представился, что он дежурный и специально вышел из аудитории, чтобы встретить его. Все слушатели стоя приветствовали ученого, когда он объявил себя и о цели своего прихода. Лекцию он начал с вопроса, знают ли присутствующие, что такое история? И тут же начал отвечать на свой же вопрос:

— Был такой известный историк — Михаил Николаевич Покровский. Может, кто из Вас о нем слышал. Он еще написал большой и хороший труд “Русская история с древних времен”. Правда, в его трудах и высказываниях усмотрели какие-то ошибки и его раскритиковали. Я его ошибок не знал, да и сомневаюсь, что они у него были. Я лично продолжаю его уважать, как человека и как ученого. Его уже нет, остались его труды. Он определял историю на данном этапе следующим образом: История — это политика сегодняшнего дня, опрокинутая на прошлое. Крыльцов объяснил это определение Покровского образно:

— Возьмите в руку чернильницу, наполненную чернилами, и опрокиньте ее за себя, на стену. Стена окрасится в цвет чернил. Вот так и наша сегодняшняя история.

После такого вступления он перешел к жизни и делам эпохи Екатерины II. В лекции Екатерину II называл “Величайшей русской бабой” и “Матушкой Екатериной”. По роду немку, немецкую принцессу Софью Фредерику Августу Ангальт-Цербстскую он называл самой русской из русских.

Все два часа, что шла лекция, без перерыва, аудитория, затаив дыхание, слушала, боясь пропустить хоть одно слов. Все были захвачены лекцией, в которой описывались события, делались сравнения и рассказывались даже байки и анекдоты времен царствования Екатерины II и до нее.

Когда лекция закончилась, аудитория разразилась шквалом аплодисментов. Слушатели сорвались с мест, обступили профессора, благодаря за лекцию и одновременно задавая вопросы. Пользуясь тем, что после лекции шли свободные часы, отведенные для самоподготовки, слушатели попросили профессора рассказать еще о чем-нибудь из тех давних времен. Профессор им поведал о 28 июня 1762 года, когда две Екатерины, Екатерина II и Екатерина Дашкова в мундирах Преображен-

ского полка выехали верхом на Дворцовую площадь, где выстроились Измайловцы, Семеновцы, Преображенцы и гвардия. И вдруг, из гущи конников раздался возглас: “Государыня без темляка”. Сразу же после возгласа из рядов гвардейцев вырвался конь со статным всадником. Гвардеец подскакал к императрице и, привстав в стремях, поклонился, подал ей темляк и помог пристегнуть его к эфесу сабли. Во время этой процедуры лошадь Екатерины II призывно заржала. Конь гвардейца в ответ на призывное ржание притерся боком к лошади, на которой сидела Императрица. Екатерина II внимательно посмотрела на гвардейца и тихо произнесла, что, видимо, судьбе так угодно, чтобы их кони были вместе. Этим гвардейцем был Григорий Александрович Потемкин, будущий фаворит Государыни и фельдмаршал Российский.

“На закуску” Иван Иванович рассказал случай из придворной жизни времен Николая I, который преподносился, как изящный анекдот:

— У Николая I старший сын был Александр, прозванный впоследствии царем-освободителем. В его царствование было отменено крепостное право. Когда Александру исполнилось восемь лет, отец пригласил известного поэта Василия Андреевича Жуковского воспитателем к сыну. В один из дней Николай I в тронном зале принимал придворную знать и дипломатический корпус. Во время приема в зал вошли Александр и его дядька-воспитатель. Царь, чтобы обратить внимание всех присутствовавших на своего сына, обратился громко к нему с вопросом: — Ну, что наследник престола узнал нового за сегодняшней день?

Александр сделал несколько шагов к отцу и произнес:

— Ваше императорское величество! Сегодня прочитал на стене одного дома незнакомое слово из трех букв, слово х...

Все присутствовавшие остолбенели. Дамы покраснели и опустили глаза и головы. Дипломаты, не поняв ничего, стали вертеть головами и спрашивать друг друга, что есть то?

Царь не растерялся, как будто ничего не произошло, и продолжал разговор:

— Ну, что ж, попросим знатока русской словесности пояснить, что это за слово. Василий Андреевич! Объясните, пожалуйста, наследнику престола, что сие слово значит, — сказал царь, обращаясь к Жуковскому. Тот, наклонясь к Александру, стал давать ему пояснения:

— Ваше императорское Высочество! В русском языке есть глагол “совать”. Повелительное наклонение этого глагола будет “суй”. А по-украински этот глагол звучит, как “ховать”. Повелительное наклонение его будет слово “х..”.

Все внимательно выслушали объяснения Жуковского. Царь был доволен и в благодарность протянул Василию Андреевичу прекрасную, инкрустированную драгоценностями, табакерку со словами: “На, х.. себе в карман”.

Очень живо и интересно вел занятия по гражданскому праву и гражданскому процессу Олимпиад Соломонович Иоффе. Будучи почти ровесником многим слушателям, он поражал своей эрудицией, умением вести занятия, держать аудиторию и своим дружеским отношением к обучающимся.

При ведении курсовых и зачетных работ и Крыльцов, и Иоффе не изменяли своей манеры вести занятия. Но не фамильярничали и не давали спуска нерадивым и лентяям. К сожалению, на курсе были и те, и другие. На зачетных занятиях, когда слушатель не знал материала и не отвечал на заданный вопрос, Крыльцов, например, участливо кивал головой, говорил, что не позабыв старого, нельзя освоить новое, и ставил в зачетку двойку. Иоффе, когда слушатель спрашивал, с чего начинать ответ, или мялся и говорил, что забыл начало, советовал начать отвечать с конца.

Преподаватели из университета, особенно Иоффе, настоятельно советовали слушателям поступать на вечернее отделение юридического факультета и учиться параллельно. Иоффе при этом убеждал:

— Предметы, что преподаются в университете, почти одинаковы со школьной программой. В университете, конечно, предметов много больше, но это не сложно для тех, кто хочет учиться. Преподаватели одни и те же. Так что идите и поступайте. Поступайте и получайте профессию юриста.

Несколько слушателей и в их числе Георгий последовали совету и поступили на вечернее отделение. Не будучи обременен семьей, он успешно осваивал программу юридического факультета и это даже помогло ему отличником закончить спецшколу.

При большой учебной нагрузке он участвовал во многих интересных поездках по историческим местам и в выполнении общественных работ по городу. Несколько раз вместе со слушателями участвовал в сооружении Парка Победы. За Московской заставой, на пустыре, где когда-то была свалка, реше-

но было создать Парк Победы. Они работали по расчистке территории, планировке площадок и в посадке деревьев. Георгий даже не мог и предполагать, что через три года он будет жить на Благодатном переулке, около Парка Победы и что здесь у него родится его первенец, сын Мишка.

В этот же год по решению городских партийных и советских властей в городе началась работа по выявлению излишков жилой площади, необходимой для расселения ленинградцев, возвратившихся из эвакуации. В одну из комиссий был включен и Георгий. Им достался район Петроградской стороны. Комиссия обходила все квартиры домов этого района. О работе комиссии все жильцы были оповещены заранее. И те, у кого были излишки жилой площади, старались отсутствовать в городе, или привозили и приглашали родственников, которые, якобы, не успели еще прописаться. Но были и те, кто предлагал свое жилье обменять на меньшее. Но таких было меньшинство. В одной квартире из четырех комнат, где проживали двое, капитан-лейтенант с матерью, с хозяйкой случился припадок, ей стало плохо. Пришлось вызывать неотложку.

Приехавшие медики определили симуляцию припадка и постыдили даму, разыгравшую эту сценку.

В период учебы в школе Георгию удалось посидеть на “губе”, как в среде военных называлась гауптвахта. Однажды, дело было в воскресенье, слушателей повели в баню. После бани однокурсник Борис Харевов пригласил Георгия навестить его земляка, с которым его родные прислали с Кавказа посылочку. Посылочкой оказался бочонок вина. Наугощавшись вдоволь, друзья опомнились утром, когда уже пошли трамваи. Как ни спешили, они опоздали к началу занятий. Дежурный их предупредил, что они попались “на крючок” начальнику школы и скоро окажутся “на сковородке”. После лекций их пригласил к себе начальник школы полковник Подольский и отправил на гауптвахту. Они получили по пять суток ареста.

Первенец Георгия —
сын Михаил

Гауптвахта находилась рядом, в подвале здания главного Штаба. Зарешеченное окошечко “губы” выходило на Дворцовую площадь. Из него была видна Александрийская колонна. Правда, не вся, а только ее верхняя часть с ангелом. Арестованные коротали медленно тянувшиеся часы игрой в шахматы, которые лепили из хлебного мякиша. За примерное поведение их освободили досрочно, через трое суток. Впоследствии бывая на Дворцовой площади, Георгий поглядывал на знакомое оконце, через которое три дня смотрел на небо в крупную клетку.

В школе слушатели получали хорошую физическую закалку. Ежедневно по утрам Дворцовая площадь была свидетельницей занятий слушателей гимнастикой. В любую погоду, в дождь ли, в снег ли, слушатели цепочкой бежали по набережной Мойки до угла Главного штаба, сворачивали налево, на площадь. Занимались зарядкой под сенью Александрийского столпа. После зарядки обратно в школу и снова бегом. И так каждое утро каждого дня. Проводились и спортивные состязания. Они проходили на стадионе “Динамо”, который в то время считался центральным. Стадиона имени Кирова еще не было. Призовых мест Георгий не занимал, но первое место по полученным травмам осталось за ним.

Как-то осенью проводились соревнования по разным видам спорта. После прыжков в длину все стояли кружком и обсуждали результаты. Следующим видом было толкание ядра. Один из слушателей решил поразмяться. Взял ядро и стал пробовать толкнуть его новым способом. Зажал ядро в вытянутой руке и стал раскручиваться на одном месте. Центробежной силой ядро вырвало из его руки и оно понеслось в сторону стоявших слушателей. Кто стоял лицом к летящему ядру, успел посторониться. Георгий стоял спиной и ничего не видел. Когда стали разбегаться собеседники, он инстинктивно пригнулся и несколько развернулся боком. Это его спасло. Удар в поясницу был наклонным и скользящим. Позвоночник остался цел. Георгий запомнил, как после удара он штопором ввернулся в землю, и потерял сознание. Боль он почувствовал в травматологии, когда пришел в себя. Он был обложен льдом и вместе с болью он почувствовал холод. Его бил озноб.

По настойчивой просьбе его из травматологии перевели в лазарет санитарной части школы. Одновременно с лечением он занимался по программе и смог догнать однокурсников по учебе.

В программе была факультативная дисциплина — автодело. Теоретический курс он осваивал, лежа на больничной койке. Ему очень мечталось иметь права на вождение автомашины и он опасался, что из-за травмы он не будет допущен к практической езде. Опасения были напрасными. Его выписали из санчасти и он смог попасть на первые занятия по практической езде. Обучение правилам вождения стало проводиться все на той же Дворцовой площади, там же, где они занимались гимнастикой по утрам.

Первые занятия запомнились всем. Четыре машины ГАЗ-АА, полторки выстроились в одну линию в готовности принять новичков в свои кабины. Занятиями руководил капитан Абрамов. В каждую машину уселись по два человека. У руля — слушатель, справа от него инструктор. Инструктор рассказывал и показывал, что, в каком порядке и как надо делать, чтобы машина завелась и начала двигаться. Когда первые машины стали делать попытку стронуться с места, на всю площадь раздался гомерический хохот. Смеялись все. И кто был рядом, и те случайные прохожие, которые оказались в этот момент на площади. Очень было жаль, что в то время не было под рукой кинокамеры. Пропали замечательные кадры, которые бы пригодились для комедийного фильма, такого, какой появится в будущем про пса Барбоса и про необычный кросс.

Машины после команды Абрамова должны были начинать движение. Но они, ревя моторами, не двигались, а делали невероятные скачки и рывки. Они походили на тех молодых козлят, которые впервые в жизни начинают бодаться.

Постепенно приходил опыт. Машины стали двигаться плавнее. Георгию начинать было проще. Ему удалось еще на фронте посидеть за рулем машины. Сначала это была их “коломба” (фургон с радиостанцией), потом американский виллис, который пытался освоить в Иране.

Экзамены по технической части, по правилам уличного движения и практическая езда сданы. И в руках у Григория долгожданные права на вождение автомашины. Права любительские. Как раз такие и хотелось ему иметь.

Перед окончанием школы к Георгию из Иркутска приехала жена. Он ее принял и никогда не пенял ей за то, что она сделала, что оставила его и уехала в Иркутск к отцу. Не имея своего жилья, им пришлось снимать частные углы. До 1951 года, когда им дали комнату в ведомственном доме, они сменили до пяти адресов, странствуя по частным углам комму-

нальных комнат. Жили на улице Пестеля, рядом с Лебяжьей канавкой, на Второй линии Васильевского острова, на набережной Мойки, грязноватой после выходных дней от мусорных следов ночных любовных утех.

Учеба закончилась. Георгий в числе пяти однокурсников был направлен на работу в МГБ по городу Ленинграду и области. Для него начиналась совершенно новая область деятельности в совершенно новом для него коллективе.

Здание управления на Литейном проспекте пользовалось у ленинградцев мрачной славой. Его называли “Большой дом”, “Серый дом”, “Самый высокий дом, с которого видны Соловки”. Дом, действительно, был каким-то роковым. Не везло тем, кто попадал в поле зрения этого дома. Не везло и тем, кто в нем работал. И до войны, и после войны коллектив сотрудников управления перетряхивали и обновляли много раз. Разгоняли почти полностью и формировали штат вновь. Ленинград, как революционный город, город, положивший конец самодержавию на Руси, видимо, оставался опасным городом для новых власть предержащих. Москве продолжало казаться, что из Ленинграда может опять исходить угроза власти. Поэтому потрошили и Серый дом, да и Смольный тоже. Убирали старых и заменяли их новыми кадрами. Сочиняли, в общем, врагов и с ними расправлялись нещадно.

Именно в такой момент, когда шло обновление кадров, выпускники Спецшколы пришли в управление.

Когда состоялось распределение и Георгий узнал о направлении его в Ленинградское управление, у него вначале было приподнятое настроение и он был даже рад, что будет работать и жить в одном городе с братом. Но впоследствии в силу ряда причин у него возникло смутное предположение, что он долго в управлении не продержится. Все началось с одной встречи. По прибытии в управление ему предложили принять все дела у одного майора, которого по неизвестным для него причинам решили заменить. Когда Георгия препроводили в кабинет, он к своему крайнему удивлению узнал в майоре того самого картежных дел мастера, с которым встречался в запасном офицерском полку в Гатчине в 1945 году, и которому проиграл тогда наручные часы. Майор тоже узнал капитана, но не подал вида и постарался скрыть факт знакомства.

Как же так, подумал он, в такой организации, в Большом доме работает такой прохиндей? В его голове не укладывалось такое сочетание: работник госбезопасности и карточный ловчи-

ла. Он подумал, какие дела мог натворить этот человек, имея звание майора и занимая ответственную должность в такой организации.

Много времени потратил Георгий, чтобы ознакомиться с принятыми от майора делами. Как он и ожидал, подтвердились его опасения в нечистоплотности предшественника. Ему попались факты приписок, фальсификации и прочей “стряпни”, которые тот применял для показной демонстрации своей “оперативности”. Георгию встретилось явно сфальсифицированное дело, проведенное майором. По делу прошла одна студентка, невинная простушка и хвастунишка. Она хвасталась среди однокурсниц своим, якобы, графским происхождением. Она сочинила легенду о том, как ее мать жила до революции. Что будто бы она была знатной графиней. Ее “графскую” жизнь она сравнивала со своей жизнью в условиях Советской власти и высказывала сожаление, что ей не придется жить так, как жила ее мать. На самом же деле все было не так. Мать этой студентки до революции была прачкой в семье лесопромышленника. Графине нравилась исправная и безропотная работница. Перед эмиграцией в Финляндию она подарила верной служанке свой портрет, писанный маслом. Подарила на память.

Майор все это знал, должен был поговорить с хвастуньей, постыдить ее и на этом бы все закончилось. Нет. Он передал дело в суд и липовая графинюшка загремела по статье 58-10, за антисоветскую агитацию. Скорее всего майору надо было заработать “палочку” и он довел дело до ареста невинной. Теперь уже не является секретом, что по количеству “палочек” оценивалась работа сотрудников этих органов. Не приведи, Господь, чтобы такая практика продолжалась и дальше.

Материалами предварительной агентурной разработки, их называли “ПАР”ы, были забиты все стенные шкафы кабинета, где “трудился” майор. Все это по наследству досталось Георгию. Вместе с материалами ему тот передал более полусотни “помощников”, считавшихся негласным аппаратом. При знакомстве с принятыми агентами и осведомителями Георгию вспомнилось первое знакомство с этим явлением в особом отделе Латышской дивизии, когда ему предложили быть “стукачем” и реакция контрразведчиков на его “предательство”.

Работа с негласным аппаратам велась по графику, который был под неусыпным контролем у начальства. Из-за большого числа негласников Георгию не всегда удавалось соблюдать гра-

фик встреч. Ему не хватало времени для выполнения других работ по новым вербовкам. Да и как он мог приобретать новых, если не справлялся с теми, что принял от майора. Когда Георгий разобрался с тем, какое “хозяйство” ему досталось, он установил, что девяносто процентов, принятых на связь негласников, являлись балластом, “мертвыми душами”: в списках значились, а работать не работали. Ему стало понятным, что майор ко всему прочему был гоголевским Чичиковым. Вербовал всех подряд, без разбора, лишь бы отчитаться и ходить в передовиках.

Негативное отношение к агентурной работе у Георгия росло, хотя он прекрасно понимал, что без агентурного аппарата не будет контрразведывательной работы и невозможно обеспечить государственную безопасность.

Но такой подход к этой серьезной работе, с которым он столкнулся на первых порах, сказался на его стремлении уйти от работы с агентурой. Не в малой степени на такое его стремление оказал влияние проходивший в последних числах октября судебный процесс по так называемому “Ленинградскому делу”, на котором Георгий присутствовал. Выездная сессия Военной коллегии Верховного Суда СССР проходила в городском Доме офицеров, что на Литейном проспекте недалеко от Большого дома. Председательствовал Ульрих. Судили Вознесенского, Кузнецова, Родионова, Попкова и других. В зале присутствовало человек двести представителей от предприятий и организаций города. В отдельном кабинете на втором этаже расположился заместитель министра Госбезопасности Селивановский. Сидя в кабинете, он прослушивал все, о чем говорилось в зале судебного заседания, и тут же передавал информацию о ходе процесса в Москву. Кто был на другом конце провода, в Москве, было неизвестно.

Большинство проходящих по процессу были приговорены к расстрелу. По ходу процесса все обвиняемые ясно представляли себе, что их ожидает. В последнем слове они заявляли о своей невиновности и просили передать Сталину, что если им будет сохранена жизнь, они своим трудом и всей своей жизнью докажут верность партии, народу и государству.

Георгий до объявления приговора не верил, что их могут присудить к “вышке”. Из показаний подсудимых и из обвинительного заключения он не отметил преступлений, за которые надо было применить высшую меру. Может быть он не все понимал тогда, но инкриминируемые преступления касались, в основном, хозяйственных и финансовых дел, таких, как про-

ведение сразу после войны Ленинградской промышленной ярмарки, содержание парткомовских дач и охотничьих домиков со сворами борзых собак, наличие больших гардеробов у жен первых лиц города и области. Среди обвинений выдвигалось одно, на котором был сделан акцент: попытка противопоставления Ленинграда Москве и партийной организации Ленинграда Центральному Комитету партии. По его мнению, это было сделано специально, чтобы довести дело до государственной и партийной измены и уничтожить тех, кто стал неугоден верхам.

Было странным то, что на процессе вообще не упоминалась фамилия самого главного партийного руководителя Ленинграда Андрея Александровича Жданова. Жданова уже не было в живых, он умер в августе 1948 года, но большинство приписываемых обвиняемым “преступлений”, совершались в его бытность.

Напряженная работа и одновременная учеба на юридическом факультете университета изматывала. Георгий стал выдыхаться. Ему, можно сказать, еще помогало то, что комнату для семьи он получил за Московской заставой, рядом с Парком Победы. Домой он добирался трамваем. “Тройка” у его дома делала последнюю остановку и с кольца следовала обратно до центра и дальше на Петроградскую сторону. Рабочий день Георгия заканчивался около полуночи и он ехал домой без попутных пассажиров. Как в персональном вагоне. Пока трамвай тащился до кольца, он успевал проштудировать программный материал и подготовиться к очередным занятиям и зачетам. Практически, без этой возможности ему вряд ли удалось бы закончить полный курс обучения к лету 1952 года.

Несколько раз ему “удалось” опоздать на последний трамвай и он топал домой пешком. Приходил под утро. Немного отдохнув и перекусив, он спешил на трамвай, чтобы не опоздать на работу к десяти часам утра.

Как ни изматывали его эти поездки, он был благодарен Благодатному переулку, где был его дом, за возможность готовиться к занятиям и не иметь хвостов по учебе.

Глубокие раздумья о своей работе, не всегда обоснованные проработки на ковре у начальства и учебные перегрузки истощали его морально и физически. Его чуть было не добил один случай, происшедший во время подготовки дипломного проекта. По рекомендации руководства отдела он взял тему дипломного проекта “Шпионаж и измена Родине”. С учетом избранной те-

мы он получил право пользоваться специальными фондами Архива Октябрьской революции и соцстроительства и публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина. В архиве он перебрал массу материалов, относящихся к периодам Октябрьской революции, гражданской войны, по процессам над различными блоками двадцатых и тридцатых годов, к годам Великой Отечественной войны, в том числе материалов, изданных немцами и оккупационными властями в районах Ленинградской и Псковской областей, находившихся под оккупацией немцев во время войны.

В спецхране Салтыковки он рылся в произведениях, изданных по темам борьбы с контрреволюцией, с заговорами и террором. Ему на глаза попался двухтомник Ленина, изданный вскоре после его смерти. Во втором томе он наткнулся на письма Ленина к съезду, написанные в конце декабря 1922 года и в начале 1923-го. Впоследствии эти письма ходили в народе как завещание Ленина. Прочитав письма, он, не задумываясь, переписал их от корки до корки в свою тетрадь. В этот же день, придя на работу, он показал библиотечную находку своему начальнику. Тот, читая тетрадь, менялся в лице: то бледнел, то краснел. Прочитал, захлопнул тетрадь, свернул ее трубочкой и хлопнул ею по своей левой ладони. Задумавшись, он пристально смотрел на Георгия, который никак не мог понять реакции начальника на Ленинские письма. А реакция его была не на письма, а на поступок подчиненного. Он встал из-за стола, подошел к Георгию и тихо, наклоняясь к нему, со злостью, как показалось ему, прошептал:

— Кто еще видел это? Ты об этом говорил кому-нибудь? Коллегам? Друзьям? Жене? Кто-нибудь видел, как ты переписывал это?

Георгий отшатнулся от начальника, сложил руки, как при молитве, и, несколько заикаясь ответил:

— Нет! Нет! и Нет! Никому ничего не говорил и никому ничего не показывал. И никто этого не видел и не видел, как я переписывал это в тетрадь. Честное слово.

— Ты не понимаешь, что может быть, если об этом станет известно кому-либо? Твоя голова, да и моя тоже не останутся на плечах. Это “Завещание” уже успело собрать большую жатву, породило не одну сотню “врагов народа”. Хотя это и Ленинские письма, но о них лучше пока забыть и не вспоминать. Понял?— Георгий молча кивнул своей головой. — А это сожги. Сожги сейчас же, здесь,— приказал начальник,— иди к столу,

разорви и сожги в пепельнице. Большая хрустальная пепельница стояла на приставном столике у письменного стола. Он протянул Георгию тетрадь. Тот разорвал ее на несколько частей и положил их в пепельницу. Разорванные листы поместились все. Бумага в огне бурела, темнела, скручивалась и вспыхивала яркой свечкой. Вывалившиеся на стол горящие обрывки Георгий тут же подбирал и бросал снова в огонь. Когда догорели последние клочки бумаги, начальник карандашом помешал пепел, налил в пепельницу воды из графина и все слил в мусорную плошку.

После этого случая начальник при встрече с Георгием в коридоре взглядом как бы спрашивал: “Ну, как?” Тот в ответ кивал головой и проходил мимо. В общем, они на людях вели себя как разговорщики.

Государственные экзамены в университете он сдал на “отлично”. Первую редакцию дипломного проекта ему вернули и предложили доработать. В рецензии на нее было сказано: “В работе слабо отражена роль партии и лично товарища Сталина в организации борьбы со шпионами и изменниками Родины”.

Дипломную работу он “доработал” и получил за нее хорошую оценку.

Университет Георгий окончил сравнительно неплохо. Из тридцати четырех предметов за двадцать один он получил “отлично”, за девять — “хорошо” и за четыре — “удовлетворительно”.

При докладе начальству об окончании университета его шатало и качало, как пьяного. Он еле держался на ногах от переутомления. Ко всему, сказался и переезд на новое жилье. Георгию дали большую жилую комнату и темную кладовку в коммунальной квартире почти в центре города, рядом с Ленинградским инженерно-строительным институтом. Вещей и мебели было не ахти, как много. Но их пришлось поднимать вручную на пятый этаж старинного с высокими потолками дома. Лифта не было. Высокие потолки в квартире растянули лестничные марши вдвое больше обычных. Пришлось солидно попотеть, пока все было поднято в комнату.

Квартира была в запущенном состоянии. Обои в коридоре висели бахромой. Потолки коридора и кухни закоптили до черноты. Если комната выглядела более-менее жилой, то все подсобные помещения были захламлены и казались заброшенными. Три соседские семьи прижились, видимо, свык-

лись, не замечали хаоса и не собирались ни наводить порядок, ни делать ремонт.

Новосел сразу же, не успев разместиться как следует в своем новом жилье, взбудоражил соседей. Не сразу и не все согласились с его предложениями о наведении порядка в их общей квартире. Но когда согласные принялись за работу, постепенно все втянулись в нее. Побелили потолки, заменили, где нужно обои. Свою кладовку Георгий отдал на общее владение. В ней потом оборудовали ванную комнату. Постепенно квартира приобрела нормальный жилой вид. Теперь все, а главное его сын, получили возможность жить в нормальных условиях, чего не было раньше. В те годы в условиях Ленинграда иметь приличную комнату в коммунальной квартире было большим благом. И главное, не частный угол, а своя, собственная комната.

Начальство, видя плачевное состояние Георгия, предложило ему поехать куда-нибудь на пару недель отдохнуть. Нашлась путевка в ведомственный дом отдыха "Львово". Две недели он, в основном, отсыпался. Лес, воздух и рыбалка на озере, которое плескалось рядом с домом отдыха, сделали свое доброе дело. Он отдохнул и окреп. После отдыха он вернулся на свое рабочее место. Все как будто бы пошло неплохо. Возможно, так шло бы и дальше, если б не его думы о работе, которая все больше и больше становилась ему в тягость. Он уже подумывал о возможных вариантах смены работы и даже профессии. Строил планы перехода на работу по специальности, полученной в университете. Он согласен был и остаться в управлении, но без тех обязанностей, которые его тяготили и вызывали то негативное отношение к службе, которое отражалось даже на его здоровье. Возможно он и уволился бы из управления, но судьбе, видимо, было угодно другое. Это другое вскоре и произошло.

САМАЯ ПЕРВАЯ ПРОБЛЕМА СТРАНЫ — АТОМНАЯ. САРОВ (АРЗАМАС-16)

В стране в эти годы широко проводились работы, начатые в конце войны, по решению проблемы, которая получила название "Первой". Так условно были названы работы по созданию атомного оружия. США пока были монополистами в этом виде оружия. Это угрожало безопасности страны, Советское правительство не могло спокойно смотреть на такое положение и пред-

приняло титанические усилия, чтобы создать в своей стране “ядерный щит”.

Для решения этой проблемы потребовалась мобилизация ответствующих кадров разной специализации. Это был не набор, а именно мобилизация. По решению высших партийных и государственных инстанций собрали специалистов из всех отраслей народного хозяйства, из всех институтов и академий, если они по своим специальностям требовались для работы в системе Первого главного управления при Совете Министров Союза ССР. Так в первое время называлось ведомство, которое занималось организацией работ по решению Первой проблемы.

В постановлении Государственного комитета обороны от 20 августа 1945 года за номером ГОКО-9887 указывалось:

“Для непосредственного руководства научно-исследовательскими, проектными, конструкторскими организациями и промышленными предприятиями по использованию внутриатомной энергии урана и производству атомных бомб организовать при СНК СССР Главное Управление — “Первое главное управление при СНК СССР”, подчинив его Специальному комитету при ГОКО”.

Предприятия Первого главного управления, комплектуясь отобризованными кадрами специалистов, со временем сами становились кузницами новых кадров.

Так КБ-11, названное в разное время Приволжской контрольной Главгорстроя, объектом, почтовым ящиком, ВНИИЭФом, являясь главным центром разработки и создания ядерного оружия, со временем станет тем “банком специалистов”, из которого будут братья руководители для вновь создаваемых заводов,

комбинатов, институтов и КБ.

Это Володин, Мальский, Леденев, Духов, Попов, Якутик, Веретенников и другие.

Выходцы из КБ-11 Зернов П.М., Алферов В.И., Захаренков А.Д., Рябев Л.Д., Усанов А.Н., Прокофьев С.Г., Михайлов В.Н. в разное время станут заместителями Министра среднего машиностроения

Лев Дмитриевич Рябев в 1986—1989 гг. будет возглавлять Минсредмаш, а Михайлов Виктор Никитович в 1992 го-

Лев Дмитриевич Рябев

ду станет первым Министром Российской Федерации по атомной энергии.

Георгий набирался сил в Доме отдыха “Львово”, а в это время в “Большом Доме” представитель из Москвы вел отбор кадров чекистов для работы в Первом главном управлении. Вернувшись из Дома отдыха, он от однокурсника по учебе на Мойке-45 Горчакова Вани, вместе с которым пришел работать в управление на Литейном, узнал об этом отборе. С Московским представителем, а им был полковник Богатов Афанасий Семенович, он познакомился в отделе кадров. Представитель

Виктор Никитович
Михайлов

из его личного дела узнал, что он только что закончил юридический факультет, и предложил ему перейти на работу в систему ПГУ, в Москву. Богатов не конкретизировал, где и в чем будет заключаться работа, но намекнул, что она будет несколько иной, нежели работа в управлении. Георгий подозревал, что жена может не согласиться бросить свою работу здесь и уехать из Ленинграда. Ее только что приняли на работу в университет, на геологический факультет. Но долгие раздумья о своей работе и задумка сменить ее решили все сразу. Он дал согласие. Богатов заверил Георгия и просил передать жене, что семье будет предоставлена отдельная квартира, что зарплата будет несколько выше, что на ленинградскую комнату будет оформлена бронь. Выезд из Ленинграда будет как бы отъезд во временную командировку. Года на два-три. А после можно будет вернуться обратно. “Сватовство” состоялось. Он стал ждать вызова, как было обусловлено московским представителем.

Георгий предполагал, что это произойдет скорее всего в октябре. Ведь именно этот месяц был его месяцем. Именно в этот месяц у него всегда или почти всегда происходили существенные изменения в жизни. Так и случилось. В первых числах октября пришел вызов и Георгий один, без семьи, выехал в Москву. Выехал в составе группы из пяти человек, отобранных Богатовым. В группе был и его однокурсник Иван Горчаков. В жизни Иван был очень скромным человеком.

По его поведению, обращению с окружающими никто не мог предположить, что он на фронте, при форсировании Днепра про-

явил мужество и отвагу и за свой ратный подвиг был удостоен звания Героя Советского Союза. Через много-много лет, когда в Москве к пятидесятилетию Победы на Поклонной горе будет создан мемориал в честь такого исторического события, в музее на стене Героев будет начертана и его фамилия — Горчаков Иван Павлович.

Первое главное управление занимало красивое здание, сзади Казанского вокзала на Новорязанской улице. В здании принял их все тот же Богатов. Он передал их полковнику Смирнову Тимофею Ефимовичу, которого за низкий рост прибывшие окрестили “маленьким полковником”. Неожиданно для них “маленький полковник” заговорил громким и резким, как хлыст, голосом. Он предупредил, что с прибывшими будет встречаться и говорить большой начальник. Им оказался заместитель начальника ПГУ генерал-лейтенант Мешик*. Генерал не заставил себя долго ждать. Пришел, сказал, какая важная и ответственная работа ожидает их и предупредил, что за малейший промах каждый будет отвечать своей головой. Так и сказал: “Головой отвечаете. Если что, голову снимем”.

Напоследок генерал спросил: “Есть ли какие вопросы?”. Георгий, как школяр поднял руку: “Товарищ генерал! Нам сказали, что работать будем в Москве, а где, конкретно, и кем, не сказали”.

Генерал поморщился, строго посмотрел на Георгия и ответил, обращаясь ко всем присутствовавшим:

— Куда пошлем, там и будете работать. И не задавайте ненужных вопросов. У нас, куда Вы прибыли, любопытство не поощряется.

На другой день двоих из прибывших, Георгия и Ивана Горчакова направили на Цветной бульвар, 12, к какому-то Пяткину Михаилу Матвеевичу. По этому адресу находилась представительская контора организации, куда направлялись ленинградцы на работу. В конторе с ними разговор вели Пяткин и Арсаянц Сергей Георгиевич. После проверки их документов они предупредили, что придется дальше ехать поездом суток двое и поэтому советовали запастись продуктами на дорогу, чтобы не голодать в пути. Они уведомили, что выезжать надо на следующий день с Казанского вокзала. Поезд № 66 отправлялся в 19-20 и что поедут они вагоном № 3456. У вагона будет стоять сопровождающий, который и посадит их в вагон.

* П.Я. Мешик расстрелян в 1953 году вместе с Л.П. Берней.

Пятого октября Георгий и Иван были на вокзале. Нашли поезд и вагон. Действительно у вагона стоял сопровождающий. В вагон он пропускал не по билетам, их ни у кого не было, а по списку и по документам, удостоверяющим личность. Сопровождающий, он же и контролер, проверил удостоверение личности у обоих, поставил галочки в списке и пропустил в вагон. Вагон был не совсем обычный: половина купейный и половина плацкартный. Георгий и Иван поместились в плацкартной половине и успели занять места в первом отделении. Пассажиров было предостаточно и все торопились занять места. Не успели они разобраться с багажом, как в их отделение прорвался юркий паренек с велосипедом. Он быстро затолкал велосипед на свободную багажную полку, примостился на нижнюю полку и только тогда стал осматриваться и приглядываться к соседям. По внешнему виду он напомнил Георгию его однокашника по средней школе, Гришу Факторовича. Но в своих предположениях о его национальности он ошибся. Генрих, как назвался сосед, был истинно русским и носил истинно русскую фамилию — Иванов. Впоследствии все трое соседей-попутчиков сдружились и много времени стали проводить вместе.

Когда у Георгия и Генриха появятся автомашины, они семьями будут часто путешествовать по стране.

Поезд тащился долго. Делал частые остановки и стоял подолгу. На одной станции вагон отцепили от поезда и он стоял часов пять или шесть. Пассажиры разбрелись кто куда. Одни пошли в ближайший лесок, посмотреть нет ли грибов. Другие стали играть в мяч. Кто в футбол, кто в волейбол.

Несколько густых зычных гудков паровоза быстро собрали пассажиров и когда все забрались в вагон, паровоз стал маневрировать и цеплять товарные вагоны и платформы с грузами. Закончив формировать состав, паровоз потащил его дальше. А куда, так никто пока и не знал. Километров через пятьдесят поезд остановился, чтобы подцепить другие вагоны. Только поздно ночью поезд тронулся в путь.

Уже забрезжил рассвет, когда поезд втянулся в какой-то коридор, огражденный с обеих сторон забором из колючей проволоки. Перед шлагбаумом поезд остановился. В окно виднелись солдаты, вооруженные карабинами, и несколько проводников с собаками. В вагон вошли офицер и двое солдат. Последовала команда: "Подготовить документы и освободить купе для проверки". Сдав документы, пассажиры выходили в проход вагона и

стоя ожидали конца проверки. Офицер проверял документы и сличал их со списком. Солдаты в это время осматривали купе, багажные полки, заглядывали во все потаенные места, каких много во всех пассажирских вагонах.

Новички, ехавшие впервые, гадали: Куда их привезли? Где сейчас находится поезд? Далеко ли еще ехать?

Похоже на границу, думал Георгий, и в то же время сомневался в этом. До границы расстояние намного больше, чем проехал поезд. Пока он размышлял и подсчитывал в уме пройденные поездом километры, проверка закончилась. Некоторых пассажиров из-за каких-то неточностей в документах высадили из вагона и поезд пошел за шлагбаум. Сзади остался проволочный коридор и контрольно-пропускной пункт. По бокам, вдоль пути шел лес. А впереди — пока неизвестность. Утро уже полностью возвестило начало дня, когда в окнах вагона замелькали какие-то строения. С левой стороны показалась высокая труба, из которой валил густой черный дым. Справа, вдаль, за полоской леса поползли дома городка. Наконец поезд замедлил ход и остановился возле приземистого дощатого дома, который оказался вокзалом. На площадке около вокзала стояло несколько автомашин и автобусов и с десятков встречавших.

Вновь прибывших на работу встречали двое. Один кадровик, а второй представитель какой-то службы. Приехавших на работу усадили в автобус и повезли, не сказав куда. Проехали под колокольней, мимо храмов и соборов, мимо строившихся домов и выехали за городок в лес. Остановились около нескольких зданий санаторного типа. Это был профилакторий. В нем временно и расселили прибывших. Ребята шутили: спасибо тем, кто догадался, что все за дорогу намучились, настрадались, и поместили в дом отдыха. Все сожалели, что на дворе осень, а не лето. А то бы позагорали.

Здания стояли в большом сосновом бору. На опушке протекала речка. Ее русло изгибами и поворотами угадывалось в высокой и по осеннему пожухлой и посеревшей траве. За ней шла большая и ровная поляна, по которой шли волны колышущейся от ветра травы. Поляну замыкали золоченные осенью березы.

На другой день после завтрака Георгий с попутчиками по купе решили пойти знакомиться с городком, названия которого они не знали. От профилактория до городка километра два, два с половиной. Дорога шла лесом. Когда вышли на опушку леса, стал виден и сам город, над которым высилась колокольня. Поз-

же они узнали, что здесь был один из самых известных российских монастырей. Прославился он преподобным Серафимом Саровским. Саровский монастырь был своего рода русской Меккой, куда ежегодно стекались толпы паломников со всей Руси. В монастырь в 1903 году приезжал последний русский царь Николай II со своей семьей. Тамбовское и Нижегородское дворянство и купечество устроило царской семье торжественную встречу. Для нее в центре монастыря, напротив двух храмов, был выстроен царский домик. Царская семья участвовала на освящении мощей преподобного Серафима, когда его ввели в ранг Святого. В то время шли разговоры и были предположения, что визит царской семьи в Саров был по наущению Григория Распутина, который, якобы, внушил Александре Федоровне, что после поклонения мощам Серафима Саровского Россия может обрести наследника престола. Неизвестно, повлияло ли посещение монастыря или нет, но, действительно, после посещения у России появился наследник престола, царевич Алексей. К сожалению, ему, как и всей царской семье, судьбой была уготована другая участь.

Монастырь стоял на высоком месте, омываемом с двух сторон реками Сатис и Саровка. С северо-западной стороны монастырь защищал высокий вал, который к этому времени зарос высокими соснами. Рядом со старыми монастырскими строениями встали новые трех и четырехэтажные дома. Сам монастырь с храмами, часовнями, колокольней, келейными домами и трапезной оказался в самом центре объекта, как называлась созданная на его территории организация и теперь сам монастырь как бы оказался на территории объекта.

Во время знакомства с городом приехавшие обратили внимание на оживленное строительство новых жилых зданий и социально-культурного сектора. Все строительные площадки были ограждены заборами из колючей проволоки с вышками на углах. Наличие этих атрибутов говорило о том, что стройку вели зеки. В этом они убедились, увидев колонну заключенных под конвоем охранников.

Ниже монастыря, в редколесьи стояли опрятные коттеджные дома ученых. Это был поселок "Итээровский". За рекой Сатис шел поселок из небольших одноэтажных сборно-щитовых домов. Комплекты для сборки этих домов поступали из Финляндии. Отсюда поселок получил название "Новофинский". За поселком был парк и стадион. За ними обосновался больничный городок, который почему-то называли "Маслиха".

На границе зоны, рядом с погостом (городским кладбищем) на большом поле был оборудован аэродром. Его взлетно-посадочная полоса была из перфорированного железа. Объект имел воздушную связь с Внуково. Обслуживал авиалинию ведомственный ИЛ-12.

Приехавшие новички ходили по территории монастыря и города, как туристы. Обедать решили в городе. Столовая находилась в одном из храмов и называлась “Веревочка”. На внутренних стенах зала, где была устроена столовая, под потолком шло лепное украшение в виде витой позолоченной веревки. Она и дала название столовой — “Веревочка”.

К вечеру, когда собрались возвращаться в профилакторий, они увидели на краю высокого берега поймы реки приземистое здание из красного кирпича. Оно представляло собой, как бы, осколок монастырский, потому что стояло в отдалении от самого монастыря. На стене здания крупными буквами было выведено: “Баня”. Друзья с ходу решили зайти и если удастся попариться и помыться. Георгий с Иваном взяли билеты, взяли и обнаружили, что Генриха нет. Подумали, что он задержался по своей нужде, и пошли в парилку. Через некоторое время пропавший объявился. Подробности о причине его задержки выяснились позднее, в профилактории, за ужином.

За столом делились впечатлениями об увиденном и узнанном. Уморил всех Генрих, когда стал говорить о своих впечатлениях:

— Ребята! Куда нас привезли? — начал он, — Ведь мы попали прямо в коммунизм. Автобус — бесплатно. Отдых в профилактории — тоже. Баня, пожалуйста, извольте мыться, тоже бесплатно. Ну, чем не коммунизм? Все смотрели на него с улыбкой и удивлением.

— Генрих, — сказал Георгий, — все ты сказал правильно, но почему же баня бесплатно? Мы лично заплатили за вход по двадцать копеек. А ты говоришь бесплатно.

— А с меня ничего не взяли — ответил Генрих, — Я вас потерял из виду, влетел в женское отделение. Вылетел оттуда и сразу же в мужское. Быстро разделся и в парную. Никто никакого билета не спрашивал.

Всеобщий смех завершил объяснение человека, сумевшего первым помыться в “коммунистической” бане.

Отдых в профилактории для Георгия закончился через два дня. Его вызвали в отдел кадров и направили для переговоров в головной секретный орган объекта. По структуре и в штатной

схеме он именовался Первым отделом. В этом отделе Георгий был оставлен и несколько дней проходил стажировку. Когда начальник отдела отлучался, Георгий оставался в его кабинете, в качестве дневального у его телефона.

В один из таких дней, когда начальника отдела на месте не было, в отдел позвонил руководитель службы, ведавший радиоактивными источниками и драгметаллами. Трубку поднял Георгий. Звонивший передал информацию о том, что из Семипалатинска самолетом прибыл нарочный со срочными посылками, которые необходимо принять на аэродроме. Нарочный этим же самолетом должен срочно вылететь обратно на полигон. Он предупредил, что за получением необходимо выехать с охраной. С собой взять печати для оформления реестра и полученные посылки очень бережно доставить в управление объекта. За посылками Георгий поехал сам, в автомашине "Победа". Его сопровождали два солдата. На аэродроме он принял от нарочного четыре небольшие по размерам, но очень тяжелые опломбированные упаковки. В машине он сел на заднее сиденье рядом с солдатом. На колени поставил упаковки и обхватил их двумя руками, чтобы не свалились с колен. Пока ехали до управления, его колени онемели от тяжести груза. На другой день он занемог. Поднялась температура. Появилось головокружение и его стало поташнивать. Когда стали выяснять причину недомогания, выяснилось, что он вез с аэродрома контейнеры, в которых находились фильтры с продуктами взрыва изделия. Так назывались тогда атомные бомбы. Георгий не был предупрежден об опасности груза и тем самым был наказан. Когда со здоровьем несколько наладилось, стажировка закончилась и он был назначен начальником секретного органа в одном из ведущих подразделений, занимавшихся конструированием зарядов и центральных частей изделий. Принимал его начальник научно-конструкторского сектора генерал-лейтенант Духов Николай Леонидович, в прошлом сподвижник Котина по созданию танков Т-34, "ИС" и "КВ". Тогда научно-конструкторский сектор (НКС) делился на сектор зарядов и сектор автоматики подрыва. Впоследствии на ба-

Николай Леонидович
Духов

зе этих секторов были созданы два конструкторских бюро: КБ-1 и КБ-2.

Новый 1953 год Георгий встречал без своих близких. Жена и сын оставались пока в Ленинграде. В новогодний вечер ему пришлось исполнять роль “свадебного генерала”. Машинистка его отдела выходила замуж и упросила его быть на свадьбе. Он согласился, но предупредил, что будет только до половины двенадцатого. Как он не спешил в гостиницу, где договорились встречать Новый год, он опоздал. И здесь сработал русский обычай штрафовать опоздавших. Для штрафного освободили вазочку от цветов, ополоснули ее и набухали туда водки. Под ободряющие “Пей до дна”, “Пей до дна” он приложился к рюмочке и... что было дальше он не помнил. На память о встрече Нового года осталась фотокарточка, на которой был запечатлен Георгий спящим в старинном кресле с высокой спинкой. Рот его был открыт. Если бы не поза, и не полулежащее положение, можно было бы подумать, что он поет какую-то песню закрыв глаза.

После старого Нового года он с друзьями встали на лыжи и пошли бродить по лесным лыжням. Легкий морозец градусов на пятнадцать, солнце и легкая лыжня — все сопровождало приятному отдыху на природе. Лыжня шла по лесной просеке и через несколько километров вывела на дорогу, идущую по высокому берегу поймы реки Саровки к дальней пустынке. Так называлось место, где преподобный Серафим жил отшельником. На небольшой полянке возле дороги высился большой крест, вырубленный из целого дуба. В центре крестовины была сделана ниша, куда в древние времена ставилась негасимая лампадка. Спустя некоторое время крест по решению городских и партийных властей будет снесен.

Лыжники подъехали к кресту и услышали слаженное негромкое пение, доносившееся снизу от речки. Красивая напевная мелодия доносилась из-за крутого обрыва и, как бы, медленно поднималась и таяла где-то вверх.

Лыжники подъехали к обрыву и увидели на льду речки у проруби группу обнаженных женщин и молодых, которые стояли на подстилках, черпали из проруби воду и поливали ею себя.

Они поняли, что оказались случайными свидетелями натурального крещенского обряда, о котором раньше знали только из книг и кинофильмов. Лыжники, застыдившись невольным “подглядыванием”, оттолкнулись палками и заскользили по лыжне вдоль берегового обрыва. Когда они возвращались обратно,

они обогнали тех женщин и девушек, которые возвращались домой с “Иордани” после крещенского купания. Все были раскрасневшимися и веселыми и трудно было поверить, что они только что на морозе были без одежд и обливались холодной водой из Саровки.

1953 год, несмотря на все то, что в тот год произошло, для Георгия начался более-менее удачно. Ему выделили двухкомнатную квартиру и он смог выехать в Ленинград за семьей. Полетел до Москвы самолетом. Это был его первый полет. До этого он никогда не летал. Лететь было и интересно и страшновато. Он всю дорогу смотрел, не отрываясь, в иллюминатор. Смотрел на облака, на землю, но больше всего смотрел на крыло и другие части самолета, которые были видны. Он наблюдал за обшивкой крыла, за заклепками, не отрываются ли они и мысленно представлял, что может случиться, если вдруг что-то оторвется. Он прислушивался к работе моторов и холодел, когда вдруг появлялись какие-то изменения шумов, которые им воспринимались за перебои в двигателе. Когда самолет пошел на посадку, он весь напрягся и при касании шасси посадочной полосы откинулся на спинку кресла и, упершись ногами в пол, пытался руками, как бы, притормозить бег самолета и остановить его. Уже на земле он перебирал в памяти этот полет и был доволен и даже рад, что наконец-то он побывал в полете и теперь знал, что это такое.

Из Москвы он выехал поездом. Дома его уже ждали. Сын оказался нездоров. Где-то простыл. Георгий не мог долго задерживаться в Ленинграде и как только сыну полегчало, они выехали из Ленинграда в надежде вернуться сюда через два-три года. Они не предполагали, что покидали город на Неве навсегда.

С собой везли белье и носильные вещи. Мебель оставили. На новом месте квартиру пришлось обставлять заново.

Шел январь. Зима давала себя знать студеностью. Квартира оказалась холодной. Не намного теплее, чем на улице. Теплую одежду не снимали ни днем, ни ночью. На стенах в гостиной и в спальне образовывалась наледь, которую приходилось скалывать каждый день. Вызванный техник-смотритель обнаружил в стенах, где была наледь, пустоты. То были “шутки” зеков, строивших дом. Техник-смотритель пояснил, что когда они вели кладку стен, то в этих местах вместо кирпичей вставляли деревянные бруски. Перед облицовкой и оштукатуриванием стен бруски выбивались. Таким образом они создавали пустоты, через которые зимой из помещения уходило тепло.

По этой причине Георгию пришлось ставить вопрос о замене квартиры. Когда они обжиwali новую квартиру в этом же доме, но уже на третьем этаже, страна погрузилась в глубокий траур. Пятого марта в девять часов пятьдесят минут вечера умер Сталин. О его болезни сообщалось часто по радио и ежедневно в газетах. Из газет было видно, что надежд на выздоровление вождя не было почти никаких. И все равно известие о его смерти было неожиданным. Жизнь будто замерла. Страна пребывала в тумане неизвестности. Народ собирался на траурные митинги, чтобы вместе переживать постигшее всех горе, в истинности которого сомнений ни у кого не было. В день похорон коллектив конструкторского сектора собрался в конференц-зале. Когда заревели прощальные гудки и сирены, некоторые из присутствовавших потеряли сознание и их пришлось выносить из зала.

Похороны Сталина останутся в истории как дни траура и скорби не только и не сколько о мудром вожде но и о погибших и изувеченных при давке в толпах москвичей, стремившихся проститься с вождем.

Подобное Москва и Россия переживали, когда произошла давка на Ходынском поле в Москве в мае 1896 года при раздаче "подарков" по случаю коронации Николая II. Тогда погибло и было изувечено более двух с половиной тысяч человек.

Сколько было погибших и изувеченных в марте 1953 года страна не узнала. О подобных случаях при социализме не было принято сообщать народу.

Торжественно-траурная церемония закончилась помещением тела вождя в Мавзолей, в саркофаг рядом с Лениным.

Пройдет восемь с половиной лет и Сталин по решению XXII партсъезда будет в ночь с 30 на 31 октября вынесен из мавзолея и перезахоронен у Кремлевской стены. И для него, следовательно, октябрь продолжал оставаться судьбоносным.

Процедурой перезахоронения руководил старый знакомый Георгия, генерал-лейтенант, который когда-то командовал дивизией внутренних войск, охранявшей объект в Арзамасе-16.

Не скоро страна и народ отошли от скорби. И на объекте она забывалась постепенно, пока не нагрянули новые и сложные дела. Началась подготовка к государственным испытаниям нового устройства, предложенного Андреем Сахаровым. Проведение испытания было намечено на август. В этом месяце Георгий отмечал день своего рождения. Но это будет летом. А пока только началась весна.

Конструкторские секторы завершили разработку конструкции, воплотившей предложения Андрея Дмитриевича. По конструкторской документации в производственных подразделениях шло изготовление комплектующих узлов и элементов конструкции. Завершалась разработка организационной документации по проведению эксперимента на Семипалатинском полигоне. Намечался личный состав экспедиции, который должен был проводить государственные испытания изделия.

Когда подготовка к испытаниям закончилась, Георгию предложили перейти на работу в управление объекта на должность заместителя начальника Головного первого отдела. Он после некоторого колебания дал свое согласие. Ему дома не с кем было посоветоваться, так как главная советчица жена, взяв с собой сына, уехала в Ярославль. Жена была в положении и уехала рожать к своей матери.

Георгий сдал дела в секторе и перешел в управление. Надо было ему без промедления входить в курс дела, так как начальник, к которому он пришел заместителем, был включен в состав экспедиции и в скором времени должен был уехать на Семипалатинский полигон. Георгию стала понятна причина его срочного перевода.

Чем меньше оставалось времени до начала испытаний, тем напряженней шла подготовка к выезду. В этой обстановке как-то без ошеломления было воспринято известие о состоявшемся в начале июля Пленуме ЦК КПСС и аресте Берии. Известие привезли специальные курьеры. Когда Георгию это говорил уполномоченный Совета Министров на объекте Василий Иванов Детнев, то предупредил о необходимости усилить охрану Государственных секретов, если вдруг возникнут какие-либо осложнения. Говоря об этом он сослался на звонок из Москвы. Там, видимо, считали возможным возникновение эксцессов в связи с арестом Берия, который до этого был Председателем Специального Комитета и постоянным куратором атомной проблемы и всего того, что с ней было связано. Но никаких осложнений и эксцессов не возникло. Все прошло "тихо и мирно".

12 августа на башне, в центре испытательного полигона было взорвано водородное устройство большой мощности. Мощность взрыва была на порядок выше мощности первой атомной бомбы, взорванной четыре года назад. Георгий хотя и не был в это время на полигоне, но весь процесс испытания и его результаты он увидел в специальном кинофильме, снятом оперативной груп-

пой Центрнаучфильма, руководимой Дмитрием Александровичем Боголеповым.

Это было первое водородное изделие, предложенное Андреем Сахаровым. Именно из-за него Сахарова назвали отцом водородной бомбы.

За разработку этого изделия, показавшего при испытании верность идеи и расчетную мощь, большая группа ученых, конструкторов, рабочих и служащих была отмечена правительственными наградами. Автору идеи — Андрею Сахарову было присвоено звание Героя Социалистического Труда. На его груди появилась первая Звезда Героя.

Трижды Героями Соцтруда стали Курчатов, Ванников, Харитон, Щелкин и Духов. Начальник Головного первого отдела Степан Жмулев был награжден орденом Трудового Красного Знамени, а его заместитель — орденом Знак Почета.

Б.Л. Ванников

Ю.Б. Харитон

К.И. Щелкин

30 августа Первое главное управление при Совете Министров СССР сменило свое название. На его месте было создано Министерство, название которого стало определяющим и нарицательным. — Министерство среднего машиностроения, сокращенно “МСМ”. Впоследствии, когда Министерству стали поручать строить объекты народного хозяйства, не имеющие отношения к атомной тематике, при строительстве в Истре завода сухого молока кто-то из несведущих спросил Министра Славского Ефима Павловича, что означает аббревиатура “МСМ”. Тот ответил, что это означает “Министерство сухого молока”. Слово “Средмаш” стало широко известно по всей стране и даже по всему миру. Это слово до настоящих времен весомее слова “Минатом”.

В начале ноября Георгия поздравили с прибавлением в семье. Из Ярославля пришло известие, что у него родились близнецы, дочь и сын. Семья сразу увеличилась вдвое. Георгий понимал, что жене одной будет трудно с тремя малышами и он передал жене, чтобы она при возвращении домой взяла с собой свою мать. Близнецы родились в его месяц — 30 октября.

Дети Георгия Игорь и Светлана

Коллектив объекта продолжал напряженно работать по созданию новых, более мощных изделий. Он трудился над тем, чтобы создать изделия мощностью до миллиона и более тонн в тротиловом эквиваленте. Подготовленные предложения и разные варианты проектов были представлены на суд Научно-технического Совета под председательством Игоря Васильевича Курчатова. Совет начал работать в первых числах ноября. На Совете присутствовали Заместитель Министра Авраамий Павлович Завенягин и основатель объекта и города, ставший начальником Главка — Зернов Павел Михайлович. Секретарствовал на Совете Владимир Комельков.

На другой день после окончания совета, это было 4 ноября, поутру, участвовавшие в работе совета москвичи специальным салон-вагоном выехали в Москву. Курчатов и Завенягин спешили успеть на торжественное заседание по случаю тридцать шестой годовщины Октября. С документами Совета в качестве нарочного с ними выехал Георгий. Перед отправлением вагона объ-

И. В. Курчатов

П. М. Зернов

А. П. Завенягин

явились еще два попутчика до Москвы. Ими были Лаврентьев Михаил Алексеевич и Илюшин Алексей Антонович. До станции Шатки вагон тащил небольшой паровоз-кукушка. Там вагон воткнули в состав сборного товарняка. Товарняк двигался еле-еле. Чтобы скоротать время, Игорь Васильевич предложил сыграть в карты, в кинга. За стол сели Курчатов, Зернов и Комельков. Завенягин в это время был в спальном купе, так как был нездоров. Курчатов обратился к Георгию:

— Ну-с молодой человек! Берите стул и садитесь к столу. Будете четвертым. Вы играете в кинга?

На отрицательный ответ Георгия он укоризненно покачал головой и сказал:

— Ну, как же так? Ведь Вы офицер? Неужели вы никогда не играли в преферанс?

— В преферанс играл,— ответил он,— а в кинга не играл и эту игру не знаю.

— Так кинг — это маленький, можно сказать, дамский преферанс. Давайте садитесь. Если раньше не играли, проиграете пару раз и научитесь. Георгий сел. Сыграли две партии и обе он проиграл. Был “наказан” на две бутылки коньяка. На станции Арзамас, когда вагон отцепили от товарного состава, чтобы перецепить к пассажирскому, проигравшему пришлось бежать на вокзал. В ресторане ему удалось купить проигранный коньяк.

Пассажирских поездов на Москву долго не было. Они задерживались из-за снежных заносов, как объяснил дежурный по станции. Пришлось вагон прицепить к такому же сборному составу, с каким прибыли в Арзамас. Проигрыш Георгия пришелся кстати, к обеду.

На другой день, а это был тот самый день, когда должно было проводиться торжественное заседание, решили продолжить игру. На этот раз проиграл Павел Михайлович. Он поднялся из-за стола, поднял крышку люка в полу и достал оттуда свой походный дорожный саквояж, вынул из него бумажный сверток, развернул и, показывая всем свой проигрыш — бутылку коньяка, поставил ее на стол.

— Вот как надо ездить в командировки,— сказал Курчатов, обращаясь к Георгию и головой показывая на Зернова. При этом он привычным манером встряхнул свою бороду и провел по ней снизу рукой, как бы расправляя ее.

Коньяк Павла Михайловича тоже пришелся кстати, к обеду. За обедом Курчатов подтрунивал над Михаилом Алексеевичем Лаврентьевым:

— Ты что же, Мишель! Решил уехать? Дезертируешь? Не зубам оказался орешек? Не поддалась проблема решению?

— Нет. Только не из-за этого. Я уезжаю из-за этого чудака на букву “М”, из-за начальника объекта,— начал объяснять Лаврентьев,— Я не переносу его. Решил уехать и делать свое дело в другом месте.

— Нет! Я тебя знаю,— продолжал подначивать Курчатов,— ты хочешь сделать свой институт. Поставить его под Москвой, рядом со своей дачей, чтобы на работу ходить в пижаме и в домашних тапочках.

— Ты частично угадал, Игорь Васильевич! Я действительно хочу создать новый институт, но не под Москвой, а в Сибири. Сибирь для науки можно считать целиной, непочатым краем,— сказал Михаил Алексеевич.

Впоследствии, спустя всего каких-то три с половиной года после этого разговора Лаврентьев действительно создаст, но не институт, а Сибирское отделение Академии наук СССР под Новосибирском.

Проходил час за часом. До торжественного заседания оставалось совсем немного — каких-то три-четыре часа. Обстановка в салон-вагоне становилась напряженной. В третьем часу дня состав, в котором был их вагон, застрял на станции Люберцы. Курчатов заметно нервничал. Он большими ногами мерил салон, нервно потирая руки и встряхивая своей бородой.

Вдруг Георгий в окно увидел остановившуюся напротив пригородную электричку. Он показал на нее Курчатову и сказал, что если сейчас пересесть на электричку, то можно минут за сорок-

пятьдесят добраться до Казанского вокзала. Курчатов слегка хлопнул его по лбу и произнес:

— Где же ты раньше был? Но, все же спасибо. Великолепную идею ты подал. Хотя и поздновато, но все равно молодец! Выручил, можно сказать. И тут же пошел в спальное купе. Через короткий промежуток времени Курчатов с Завенягиным вышли в салон.

Ехавший в вагоне секретарь Курчатова, он же телохранитель от КГБ, Переверзев Дмитрий Семенович подошел к Георгию и прошептал ему на ухо:

— Ты что делаешь? Ты же сам офицер КГБ и должен знать, что Курчатову запрещено пользоваться общим транспортом.

Георгий этого не знал и струхнул. К ним подошел Игорь Васильевич и, обращаясь к Георгию, спросил:

— Что, Георгий! Наверно Дмитрий пугает тебя? Не бойся. Оружие у тебя с собой? — спросил он.

— С собой,— ответил тот.

— Ну и лады. Дмитрий! Ты остаешься в вагоне,— сказал Курчатов, обратившись к Переверзеву,— и отвечаешь за все, что здесь остается. А мы едем. Мы спешим.

Все, кроме Переверзева, покинули салон-вагон и перешли на пригородную платформу. Подошла электричка на Москву. Курчатов с Завенягиным посадили на первое от входных дверей сиденье. Остальные сгрудились вокруг них и прикрыли собою сидевших, чтобы их не было видно.

На Казанском вокзале из вагона вышли последними, когда перрон очистился от приехавших этой электричкой пассажиров. Пошли к вокзалу и там увидели встречавших, которые ожидали их прибытия почти весь день, не зная, с каким поездом они должны приехать. На вокзальной площади их ожидали машины. Курчатов усадил в одну из машин Георгия и отправил его в министерство.

Сдав привезенные документы в экспедицию, он на следующий день утром вылетел самолетом домой.

Дома у него жизнь шла, как шла во всех семьях, в которых были маленькие дети. С приездом жены и детей начались уже забытые Георгием заботы и хлопоты. Бессонные ночи, пеленки, распашонки. Все пошло обычным в таких положениях порядком.

Когда малышам было месяца по три, жена стала замечать их необычное поведение. Дети не обращали внимание на шумы, стуки, голоса. Она поделилась своей тревогой с мужем. Обратились к

докторам. Те успокаивали их, говоря, что такое бывает и со временем проходит, что малыши привыкнут к среде обитания и станут реагировать на звуки.

К величайшему горю родителей, время открыло истину, которая потрясла их. Они растерялись и не знали, что делать и как помочь детям. Дети родились глухими и навечно были обречены жить в мире безмолвия.

Головы родителей пухли от вопросов: что произошло с детьми? Почему они родились такими? В роду у них такого не было. Старший сын, родившийся два года назад, нормально слышит. Кто виноват в случившемся? Что предпринять? Чем можно помочь малышам?

В поисках ответов на все эти вопросы Георгий перебрал всю свою жизнь, от осмысленного детства до последних дней. Он вначале грешил на жену, зачем она поехала рожать в Ярославль? Может повлияла эта поездка. Он не говорил ничего Нине, чтобы не трепать ее нервы, которые и без того были на пределе. Позднее, когда ему пришлось работать с делящимися радиоактивными материалами и источниками ионизирующих излучений, он стал подозревать о причине свалившегося на них несчастья. Сопоставляя события и случаи, происшедшие до родов, он пришел к мысли, что виной несчастья мог быть случай, когда он в конце октября 1952 года перевозил с аэродрома в управление контейнеры с фильтрами продуктов взрыва атомной бомбы, а в январе следующего года ездил в Ленинград за семьей. Близнецы родились в октябре. По времени все совпадало и, возможно, в своих раздумьях Георгий был недалек от истины. Он своим подозрением не делился ни с кем, но после прихода к таким выводам, перестал грешить на жену. Стал считать виноватым себя. Он стал предпринимать всевозможные меры помощи детям. Ему стало ясным, что медицина в их случае бессильна что-либо сделать.

Он узнал, что работавший на объекте крупный ученый Цукерман Вениамин Аронович занимался наряду

В.А. Цукерман

* Младший сын — Игорь — умер от болезни крови.

со своей основной работой, поиском и разработкой приборов и приспособлений для своей дочери, потерявшей слух в детстве. Он познакомился с разработками ученого и среди них его заинтересовал созданный Цукерманом прибор видимой речи. Трудность в его создании заключалась в том, что для него требовалась специальная электронная трубка с запоминающимся изображением. Георгий пообещал свою помощь в этом вопросе. В Министерстве оборонной промышленности ему удалось договориться о выделении трех трубок, которые применялись в системе локаторов. Помог ему в этом не простом деле ленинградец Николай Сергеевич Баскаков, работавший в те годы Заместителем начальника Главного управления оборудования Минсредмаша. Когда-то он станет Начальником Главснаба и тогда тоже не оставит без внимания и другие просьбы Георгия.

Разработанный Цукерманом прибор был изготовлен в трех экземплярах: для автора разработки, кому-то из родственников Зельдовича Якова Борисовича и Георгию для его детей. Когда его дочь будет учиться в Ленинграде в школе-интернате, его экземпляр будет передан в дар этой школе.

Два года с момента перевода Георгия на работу в Управление объекта пролетели быстро. Частые выезды в командировки, участие во внедрении новых технологий в секретное делопроизводство, участие в проверках в составе разных комиссий съедали неделю за неделей, месяц за месяцем. Небольшие отдушины появлялись летом, во время отпуска, и в нерабочие дни, которые Георгий проводил на Мокше, на рыбалке с друзьями.

В 1955 году, летом, на объекте сменилось руководство. Начальник объекта Александров Анатолий Сергеевич со стороны Министерства имел серьезные претензии по работе, дополненные претензиями его супруги, проживавшей в Москве. Она жаловалась на недостаточное внимание супруга к семье, а сама отказалась переезжать к мужу на объект. Георгий все это знал, не особенно обвинил Александрова и считал виноватой саму супругу. Но, как бы то ни было, а решение о замене состоялось. Вместо него на объект прибыл новый начальник — Бо-

Б.Г. Музруков

рис Глебович Музруков. Сначала его многие путали с Музуруком Ильей Павловичем, авиатором, Героем Советского Союза.

Борис Глебович Музруков был из числа тех, кто составлял пляду организаторов и руководителей промышленности в стране. После окончания Ленинградского технологического института он работал на Кировском заводе, где стал Главным металлургом завода. Выезжал в Италию во главе группы приемщиков военного корабля лидера “Ташкент”, построенного по заказу Советского Союза. Волею судьбы, именно этот лидер “Ташкент” станет первым кораблем, который в августе 1941 года размагничивал Игорь Васильевич Курчатова, чтобы защитить его от немецких магнитных мин.

В 1939 году для Бориса Глебовича месяц октябрь стал тоже судьбоносным. В Москве ему было предложено возглавить крупнейший в Союзе завод — Уралмаш, считавшийся заводом заводов. В тот год ему было всего тридцать пять с половиной лет.

Во время войны возглавляемый Музруковым коллектив завода первым применил отливку танковых башен вместо действовавшей ранее сварки их из отдельных частей. Это новшество позволило резко повысить выпуск танков, которые были нужны фронту, как хлеб.

После войны, в 1946 году он становится директором специального атомного объекта, названного впоследствии комбинатом “Маяк”, на котором за три года сумели создать совершенно новое в стране производство, получить необходимое количество материала и изготовить из него заряд для первой атомной бомбы Советского Союза.

На Уралмаше за выполнение Правительственных заданий по выпуску танков Борис Глебович был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Вторую Звезду Героя от получил за участие в создании первой атомной бомбы.

Громадный опыт, умение руководить большими коллективами и не показная, а совершенно истинная человечность отличали его от предшественника, которого он заменил.

Когда Музруков узнал, что Георгий, как и сам он, страстный рыбак, он попросил показать ему места на реке, где можно было порыбачить. В их поездках на Мокшу на первых порах принимал участие Иван Семенович Любый, руководивший Управлением строительства объекта. Потом от его компании Музруков отказался, потому что тот имел привычку “обмывать” каждую пойманную рыбку и настойчиво склонял к тому же и его. А тот

был противником застоя на берегу. Георгий некоторое время продолжал бывать на реке в обществе Любого, но потом и он отошел от него.

Один из последних выездов с Любым на рыбалку запомнился. На Мокше, выше села Жигалово было несколько омутов. В тот выезд рыбаки остановились на третьем омуте. Выезжали с ночевкой. Рано утором, проснувшись, Георгий увидел Любого, стоявшего на крутом яру со спиннингом в руках. Спиннинг был согнут в дугу. Подошедшему Георгию он сказал, что уже минут пятнадцать он не может понять, за что зацепилась блесна. Или крупная рыба, или ветка затопленного дерева. Жилка спиннинга, натянутая до звона, ходила, как пила при распилке дров, то туда, то сюда. Терпение рыболова лопнуло и он решил действовать. Или вытащить то, что сидит на крючке, или оборвать жилку, решил он и начал с силой сматывать жилку на катушку. Леса сдвинулась с места. Когда на середине омута всплыло что-то громадное, они догадались, что это сом. Любый пожалел, что такую рыбину ему не взять и придется рвать жилку. Георгий на рыбалку брал с собой малокалиберную винтовку ТОЗ-9 и чтобы помочь ему, побежал к машине за ней. Под просьбы Ивана Семеновича стрелять осторожно, чтобы не перебить жилку, он начал стрелять. Сделал три выстрела. После первого сом лег на бок. Два последующие были сделаны у самого берега, когда сом почувствовал землю и стал остервенело биться. Сома вытащили на берег и измерили. Он в длину был два метра и пять сантиметров. Его положили на траву, в раскрытую пасть вставили распорку. Рядом проходила дорога, по которой местные жители ездили в районный центр Мордовии — Темников, на базар. Показалось несколько повозок. Когда лошади поравнялись с рыбаками, они при виде страшного “зверя” — сома с раскрытой пастью шарахнулись в сторону и пустилась вскачь.

Музруков, узнав, что на объекте много рыбаков, которые не имели пропусков за зону и не могли выезжать на Мокшу, решил помочь им. Он поручил административно-хозяйственной службе изготовить и установить на берегах реки Сатис, протекавшей внутри зоны, специальные мостки с гнездами для удочек и с сиденьями для рыбаков. Полторы сотни таких мосточков было изготовлено и расставлено по берегам. Продержались они на воде один сезон. Перед наступлением морозов их забыли поднять из воды. Они за зиму вмерзли в лед. Весной, когда

прошел ледоход, от мостков не осталось и следа. После этого о них больше не вспоминали.

В структуре объекта была особая служба, существовавшая автономно от него, хотя подчинялась Музрукову. Финансирование службы шло непосредственно из Министерства. Служба называлась Отделом объектов "Т". В системе госбезопасности одна из служб тоже называлась службой "Т". Там она вела борьбу с терроризмом. Здесь же отдел никакого отношения к терроризму не имел. Он занимался получением, хранением и транспортировкой радиоактивных материалов, готовых изделий специального назначения и комплектующих и запасных узлов к ним. На хранение в Отдел поступали изделия как изготовленные для заказчиков, так и для проведения всех видов испытаний, в том числе и Государственных. В структуре Отдела были базовые площадки-хранилища, поверочная лаборатория и вспомогательные подразделения.

В середине 1955 года часть кадров объекта ушла на комплектование вновь организованного Уральского дублера. Произошла некоторая передвижка личного состава. Георгий перешел в Отдел "Т". Сначала на должность Заместителя начальника Отдела, а когда начальника Отдела полковника Ершова Николая Федоровича перевели на другой объект, он возглавил этот отдел.

На новой работе он первое время чувствовал себя первоклассником. До этого ему не приходилось иметь дело с техникой, с бухгалтерией и учетом товароматериальных ценностей. Немного помогло то, что в университете на юрфаке он изучал бухучет и финансовое право.

Приближалась пора отчетов и планирования на следующий год. Надо было готовить отчет, с которым было проще. Сложнее было с разработкой плана и подготовкой сметы расходов. Экономист пришел в Отдел почти одновременно с Георгием. Документы стали готовить загодя и всей артелью, вместе со всеми начальниками площадок и лаборатории. До седьмого, как говорится, пота считали и пересчитывали стоимость узлов, подлежащих замене по истечении срока годности в следующем году, стоимость материалов, расходы по заработной плате, затраты на содержание зданий, сооружений и транспорта. Горы цифр при каждом пересчете меняли свои величины. Требовалось пересчитывать снова и снова. Полученные результаты сличались с документами прошлых лет. Наконец, появился итог всех расчетов. По нему выходило, что на все затраты от-

делу в следующем году требовалось полсотни миллионов рублей. Георгий для перестраховки добавил еще двадцать миллионов. План и смета расходов были представлены Музрукову для утверждения. Начальник объекта был удивлен такой большой суммой — семьдесят миллионов рублей, что были заложены в смету. Несмотря на возникшие у него сомнения, он смету утвердил. Как показало дальнейшее, перестраховка оказалась даже полезной. Главное управление Министерства, которому был подчинен объект, попало в цейтнот с деньгами и попросило Музрукова дать взаимобразно двадцать миллионов рублей. Тот вызвал к себе Георгия и поинтересовался, не может ли Отдел выручить Главное управление своими деньгами. Георгий в душе был рад, что если выполнит эту просьбу, то может быть спокоен за свою смету. Если она была завышена, то

теперь излишка не будет, а если денег не хватит на покрытие собственных расходов, будет объективная причина: деньги даны Главку. Об этих своих размышлениях он не сказал Музрукову. Наоборот, он сделал вид, что просчитывал свои возможности и как бы сомневался в возможности отдела, и не торопился давать согласие на выполнение этой просьбы. Потом он сделал вид, что соглашается помочь Главку скрепя сердце. За оказанную помощь начальник Главка Николай Иванович Павлов передал благодарность, но своего долга так и не возвратил. В смету отдел уложился, несмотря на ее урезание.

Н. И. Павлов

Так, постепенно Георгий осваивался с новым для себя делом. Вникал в работу каждой площадки. Почти ежемесячно шла отгрузка изготовленных изделий и другой специальной продукции заказчикам. Погрузку грузов производила специальная бригада на погрузочно-разгрузочной рампе. Вагоны были мало приспособлены для перевозки таких разрядных грузов. Для этих перевозок требовались особые вагоны.

По заданию объекта промышленностью были разработаны и изготовлены специальные вагоны с аппаратами, съемными крышами, с холодильными установками и вагоны-сейфы. Для их эксплуатации потребовались проверенные и подготовленные кадры проводников.

Подготовку проводников возложили на объект и на управление Казанской железной дороги. От объекта ответственным за организацию подготовки проводников был назначен Георгий. Управлением дороги были выделены помещения для занятий и преподавательский состав. В помещении железнодорожного техникума, недалеко от здания Управления дороги собрали кандидатов на учебу. Большинство были девушки, учащиеся этого техникума. На первой встрече они задали Георгию массу вопросов. Их интересовал характер груза, которые они должны были перевозить, особенности перевозки, размер заработной платы, льготы за особые условия труда и режим работы. Георгий не знал, все ли присутствовавшие на встрече прошли проверку на допуск к работе, поэтому отвечал не на все вопросы, пообещав им дать ответы на них, когда будут готовы программы обучения, перед началом занятий. Так это и было сделано.

В августе 1956 года приказом Завенягина Авраамия Павловича за № 521 Георгий был введен в состав Государственной комиссии по приемке изготовленных предприятием специальных изделий. На первом заседании комиссии он честно признался Председателю комиссии, что не знает, что ему надо делать как члену комиссии. Тот успокоил его и поручил обеспечить проверку правильности оформления и полноты предъявительской и сопроводительной документации на изделия. После нескольких заседаний комиссии он уже не чувствовал себя новичком и даже стал иногда присутствовать при сборке изделий и проигрыше контрольного цикла. Работа в комиссии помогла ему лучше разбираться в продукции, которая проходила через Отдел и лучше решать производственно-технические вопросы.

После укомплектования учебных групп проводников вагонов и утверждения программ обучения, начались занятия, которые продолжались почти месяц. Георгий несколько раз встречался с учениками. Последний раз это было после сдачи ими зачетов, при выпуске с курсов. Впоследствии он встречал некоторых своих “крестников” и “крестниц” при отправке изделий заказчикам и при поездке на Семипалатинский полигон.

При подготовке к занятиям с проводниками он пересмотрел много документов по спецперевозкам. В архиве нашел сведения о том, как перевозилось изделие из Челябинска-40 (в будущем комбинат “Маяк”) для первой атомной бомбы в 1949 году. Тогда все это было впервые и внове. Никто не знал, как поведет оно

себя при перевозке. Везли со всеми мерами предосторожности, в строжайшей тайне. За перевозкой следил сам Лаврентий Берия. Информация о передвижении транспорта незамедлительно передавалась в Москву.

При поисках материалов по спецперевозкам работники Отдела рассказали ему несколько историй, случившихся при перевозке спецгрузов.

Начальником одной из площадок Отдела был Юрий Александрович Ворошилов. Он довольно много раз назначался начальником литерных поездов. Все эшелоны со специальными грузами объекта считались литерными поездами, на движение которых действовал особый регламент.

В свое время партийные руководители областей и краев обязали местное железнодорожное начальство информировать их о проезде через территорию их краев и областей руководителей страны и видных государственных деятелей.

На этот раз начальником литерного поезда, следовавшего на Семипалатинский полигон, был назначен как раз Ворошилов. Об отправке эшелона по всему пути следования пошла команда о нем с сообщением, что во главе его следует Ворошилов. Получив такую информацию, железнодорожники передали ее в Обком. Ко времени прохождения эшелона все областное руководство во главе с первыми лицами области собралось на вокзале и терпеливо ожидало его прибытия. По регламенту движения эшелон не мог делать остановки у вокзалов. Когда эшелон пришел, он проследовал мимо вокзала и остановился у тупиков. Встречавшие трусцой семенили за поездом, пока он не остановился. И только тогда выяснилось, что Федот-то оказался не тот.

Этот казус произошел на одной из крупных станций по маршруту следования литерного состава.

В Отделе работал большой коллектив работников разных категорий от инженеров, техников до шоферов, крановщиков и такелажников. Коллектив редко собирался в одном месте, так как находился на разных площадках, расположенных далеко одна от другой. Работа большинства из них была связана с повышенной опасностью, с радиоактивными и взрывчатыми материалами и изделиями из них. С учетом опасности и особенностей хранимых изделий действовали требования постоянной готовности личного состава к действиям в случае ЧП (чрезвычайного происшествия). Каждый был обязан уведомлять дежурных по площадкам о своем местонахождении, когда он находился

вне дома. В бытность Георгия начальником такие моменты возникали неоднократно. Но они касались, в основном, такелажной бригады и спецавтоколонны, когда на объект приходил транспорт со спецгрузом. Правда, однажды была необходимость объявления общего сбора.

В один из воскресных дней октября 1956 года Георгий с разрешения Музрукова выехал на рыбалку на Мокшу. С момента назначения начальником Отдела он мог выезжать за пределы зоны только с разрешения Начальника объекта. Вместе с Георгием на Мокшу поехал Николай Федорович Климов, работавший ночным директором (дежурным по объекту). Ничто не предвещало грозы, которая могла бы случиться в мире.

День был хмурый, со свежим ветерком. Устроились у омута. Клева не было. Тут Климов обратил внимание Георгия, что по дороге кто-то пылит. Из Жигалово по направлению к омуту быстро неслась машина, поднимая за собой столб пыли. Климов издали признал в машине дежурного “козлика” и сказал напарнику, что машина едет за ним и ему надо сматывать удочки. Так это и оказалось. Подъехавший водитель, задыхаясь, как будто он не ехал на машине, а бежал, передал указание Музрукова о немедленном прибытии в Управление. Он торопил Георгия, не давая собрать снасти. Георгий поручил Климову собрать удочки и привезти их домой, а сам сел в машину и попросил водителя сначала заехать домой, чтобы переодеться. Водитель не внял этому и привез его прямо к зданию административного корпуса, где находилось Управление объекта. Георгий вошел в кабинет Музрукова. Тот поднялся из-за стола и с поднятыми вверх кулаками пошел навстречу ему, сопровождая махи кулаков отборными, чисто русскими выражениями:

— Где Вы, ... мать, запропалились? Когда срочно нужен, никогда не найдешь. Почему заставили долго ждать? Почему я должен за Вас, ... работать и решать Ваши вопросы?

Георгий стоял в растерянности. Он не понимал, что произошло, и чем был вызван гнев начальника. Он никогда не слышал и даже не подозревал, что Борис Глебович может так “изящно” выразиться. Это был первый и единственный случай и после него Георгий никогда ничего подобного от него не слышал.

Он увидел, что сапоги у Музрукова так же, как и у него, перепачканы глиной. На вопрос: “Где Вы запропалились?”, он нашелся и ответил:

— Борис Глебович! Я был там же, где и Вы. По Вашему разрешению я выехал за зону, на Мокшу, где и находился.

Поостыв, Музруков сел за стол и пригласил присесть “без вины виноватого”.

— Дело очень важное и срочное,— начал он разговор.— Надо немедленно подготовить одно изделие “Татьяну” (так условно называлось изделие РДС-4). За ним из Москвы вылетает самолет. Срочно проверьте, есть ли у вас такое изделие.

Георгий по памяти высказал сомнение. Эти изделия недавно отгружались заказчику. Экономист Отдела, ведавший учетом всего, что находилось на площадках, оказался дома. Проверкой учетов он подтвердил, что Георгий оказался прав. Таких изделий на хранении не было. Музруков попросил Георгия подумать и дать предложения, что можно сделать. Георгий с Решетниковым, экономистом Отдела, еще раз пробежались по всем учетам, выбрали данные об узлах ЗИПа* для этого класса изделий, сличили эти данные с ведомостью комплектации “Татьяны” и убедились, что комплект запасных узлов и блоков имеется полностью и из них можно было собрать боевое штатное изделие. О результатах было доложено Музрукову, который тут же распорядился, собрать всех и вся, кто и что будут нужны для сборки изделия из запасных узлов. Вызвали сборочную бригаду, открыли сборочный цех и завезли с площадок комплектующие узлы на сборку. В цех были вызваны представители приемки заказчика.

Изделие за несколько часов было собрано, проверено с прогрышем контрольного цикла и уложено в контейнер.

Музруков, выслушав доклад Георгия о сделанном, приказал подготовить изделие к перевозке на аэродром. Изделие было положено на тележку и он начал готовить машины к транспортировке “груза” со всеми предосторожностями, предписываемыми инструкциями.

В ожидании дальнейших указаний прошло полчаса. За эти полчаса присутствовавшие в цехе делились между собой предположениями, что случилось и почему потребовалась такая спешная воскресная работа, зачем и кому стало нужно боевое изделие, собранное почти до последней степени готовности? У всех на душе была какая-то смутная тревога.

* Запасные узлы изделия.

Звонок телефона заставил всех вздрогнуть. Звонил Музруков. Он дал отбой. Все облегченно вздохнули. На вопрос Георгия, как поступить с изделием, оставить в сборе или раскидать по узлам, он приказал изделие не разбирать, снять некоторые узлы, довести изделие до СГ-3 (третьей степени готовности) и положить его на полку. И хранить его в таком виде до особых указаний. Впоследствии Музруков будет сожалеть, что оставил изделие в собранном виде. Но, принимая такое решение, он, скорее всего, исходил из того, что мог последовать новый звонок с указанием об отправке изделия.

Все, кто принимал участие в сборке и подготовке изделия к отправке, понимали, что это делалось неспроста. Что где-то, на чьи-то головы могла обрушиться мощь, равная взрыву до сотни тысяч тонн тротила. Георгий во время сборки изделия был в раздумье и сомнении, правильно ли он поступил, предложив собрать изделие из запасных узлов. Не лучше ли было, думал он, просто ответить, что изделия нет. В то же время, возможно, что в мире что-то произошло, о чем ему неизвестно, думал он, что и потребовало готовить изделие к отправке. Он не знал, что было правильнее, и поэтому в душе был рад, что все так закончилось.

Раздумывая о возможной цели сборки изделия, Георгий учитывал, какое место в его жизни играл месяц октябрь. Именно на октябрь пришелся этот приказ о подготовке боевого изделия к использованию по назначению.

Развитие в стране ракетной техники непосредственно коснулось и Минсредмаша. Ракеты становились новым и основным видом носителей ядерных зарядов. Бомбовые варианты с самолетами-носителями уходили в прошлое. Основными видами тактического и стратегического оружия становились ракеты с боевыми частями, несущими ядерный заряд.

Начали создаваться стационарные и подвижные системы пуска ракет. Строительство стационарных систем велось Минсредмашем. Оно строило пусковые шахты. Шахты, условно названные объектами "ГН", строились специально созданными Управлениями строительства. Объект Музрукова был, как бы, шефом одной стройки, которую вело Управление полковника Латия. Из спецавтоколонны Георгий отправил на стройку несколько машин и автокранов с водителями и крановщиками.

Общее руководство работами по объекту "ГН" осуществляло Главное Управление генерала Егорова. Непосредственно работы курировал его заместитель — Кирилл Васильевич Боровков. Ко-

гда в 1958 году Главное Управление Егорова передавалось Министерству обороны, Боровков туда не перешел и остался в Минсредмаше. Он знал, что оборонщики не очень жалуют офицеров других ведомств. А он в то время был в кадрах Комитета Государственной Безопасности.

Занимаясь вопросами строительства, он однажды допустил непростительную глупость. Ему кто-то из друзей оказал “мед-

К.В. Боровков и С.Ф. Жмулев

вежью услугу”. Для “укрепления” положения как строителя ему предложили оформить диплом об окончании, якобы, строительного института. Он имел высшее гуманитарное образование и, возможно, для подкрепления своего положения, “клянул” на это предложение. Когда он перестал заниматься вопросами строительства, оставшись в Минсредмаше, в Управление кадров поступила анонимка, в которой сообщалось об этом дипломе. Анонимку положили под сукно. Она не сработала, потому что Боровков работал как вол, и претензий к нему никаких не было. В будущем она сработает как мина замедленного действия.

При уходе Главка Егорова в Минобороны, отказался с ним переходить и давний друг Георгия Ваня Горчаков. Они вместе прибыли на этот объект. Георгий тогда начал работать в секретных органах, а Ваня после окончания так называвшейся “Академии Назаревского” стал работать в бригаде сборщиков зарядов и центральных частей изделий. Он, имея звание капитана КГБ, ушел из бригады и уехал в Ленинград на прежнее место работы, в Управление КГБ.

В 1957 году происходит изменение и у Георгия. Он ушел из Отдела Объектов “Т” и стал работать начальником головного секретного органа. Причиной перевода явилось назначение С.Ф. Жмулева, у которого Георгий когда-то работал заместителем, на более высокую должность — Заместителем Музрукова по режиму и охране.

Работа Георгию была знакома. С коллективом он тоже был знаком. Поэтому вхождение в новую должность не заняло много времени. К моменту вступления его в должность армия секретчиков, как называли работников первых отделов, насчитывала около двухсот человек. Количество секретных документов, бывших в работе, легче было измерить не по количеству, а по весу, килограммами, а еще проще — тоннами. Вряд ли еще где в стране выпускалось и находилось в пользовании и в работе столько секретных документов разных степеней секретности, сколько их было в научных, исследовательских, конструкторских и производственных подразделениях объекта, являющегося Всесоюзным научно-исследовательским институтом экспериментальной физики. Научные и конструкторские секторы по численности работников и масштабам деятельности представляли собой ничто иное, как научно-исследовательские институты и самостоятельные конструкторские бюро. Отличало их от тех только отсутствие в их структурах, обслуживающих подразделений, таких, как бухгалтерия, службы снабжения и кадров. Все административные, финансово-экономические, материально-технические и снабженческие вопросы решались объектом централизованно, общеобъектными службами.

Массовый поток документов, содержавших государственную тайну, в том числе особой важности, требовал колоссальных усилий и внимания для их учета, хранения и обеспечения сохранности при ежедневной работе с ними десятков тысяч исполнителей.

Не все работники первых отделов и не всегда выдерживали напряженный ритм работы. Иногда ими допускались срывы и нарушения действовавших инструкций и положений. Нарушения и ошибки допускались и исполнителями секретных работ и документов.

В отношениях с секретами Георгий придерживался правила, которое старался привить и другим. Он говорил, что человек должен идти по жизни прямым путем. Если он отступает от прямого пути, делает хотя бы один шаг в сторону, вправо или влево, жизнь не прощает этого и сразу хватает его за руку. Это правило он переносил и на работу с секретными документами. Все чрезвычайные происшествия, случавшиеся в сфере обращения секретных документов, в своей причинной основе имели отступления в ту или иную сторону от требований соответствующих инструкций. Были случаи, когда некоторые исполнители, по забывчивости, при уходе домой уносили документы домой с собой или забывали их в своих кабинетах на ночь, где они практически находились до утра без охраны. Был случай, когда машинистка, отпечатав лишний экземпляр документа, из-за ложной боязни наказания унесла его и копирку домой и там сожгла.

В причинах многих ЧП была не совсем оправданная строгость, граничившая с жесткостью, а иногда с жестокостью со стороны некоторых руководителей подразделений и некоторой части начальников секретных органов. Строгости приводили не к сокращению числа нарушений, не к предотвращению и предупреждению их, а к их сокрытию и, следовательно, к возможному утяжелению последствий, как это произошло с машинисткой, отпечатавшей лишний экземпляр документа.

Кроме работы на объекте, Георгию приходилось заниматься делами за его пределами. В ноябре 1957 года как заместитель начальника эшелона и ответственный за обеспечение испытаний изделий документами, он выехал на Семипалатинский полигон, где пробыл около трех месяцев. Выехал в ноябре, а домой вернулся в январе следующего года. Эта поездка пришлась на дни выборов в Верховный Совет СССР. Ему пришлось выполнять некоторые обязанности по избирательному участку, за которым были закреплены участники экспедиции.

Большие помехи создавала испытателям погода, когда буйствовали ветер и песок. Песчаные бури не только мешали работам. Они создавали дискомфорт для жизни командированных. Все осложнялось тем, что песок был кругом и везде: на столе, в про-

дуктах, на зубах, за воротником, в постели. От гостиницы, где проживали испытатели, до здания, где велась подготовка изделий к испытаниям, приходилось добираться вслепую, ощупью. Идти задом наперед, если ветер и песок били в лицо. Некоторые попадали в такую круговерть, что им приходилось забираться под настил мостика и переждать непогоду там.

С установлением погоды начинались или продолжались испытания. В этот раз испытывалась целая партия сравнительно “маломощных” бомб, по мощности равных каким-то двадцатитридцати тысячам тонных авиабомб.

Практически это были последние испытания атомных бомб, ибо наступила эра водородного оружия.

Перед командировкой на полигон жена Георгия пошла работать. Старшему сыну было около шести лет, близнецам — около четырех. С детьми дома осталась теща. Ей одной с тремя малышами стало трудновато. Чтобы облегчить ее участь Георгию пришлось слетать в Ленинград за своей матерью. Они из Ленинграда со своей матерью ехали поездом. Из Москвы дальше надо было лететь самолетом. Когда приехали во Внуково, мать струсила. Она раньше никогда не летала самолетом и не представляла себе, что когда-то ей придется пользоваться услугами Аэрофлота. Мать, узнав, что ей предстоит, ни в какую не соглашалась лететь и даже обвинила сына в попытке угробить ее. Пришлось силой заталкивать ее в самолет под улыбки попутчиков, поднимавшихся по трапу. Самолет взлетел и лег на курс. Мать замерла. Она полулежала в кресле, закрыв глаза. Сын всю дорогу беспокоился за ее состояние. То и дело наклонялся к ней и прислушивался к ее дыханию. Она спала. Уснула при взлете и спала всю дорогу, до самой посадки. Самолет приземлился. Когда подали трап и все стали выходить из самолета, Георгию пришлось будить ее, так крепко она спала. Открыв глаза, она удивленно посмотрела на сына и спросила, когда же полетит самолет? Когда узнала, что уже прилетели, то обиделась на него за то, что ей не удалось посмотреть на то, как люди летают в самолете, что сын не разбудил ее в воздухе. Она сожалела, что ей будет стыдно рассказывать знакомым подружкам о том, что летала, да и не поверили бы ее рассказам, да и рассказывать-то ей было не о чем. Она проспала и ничего не видела.

Это был единственный случай в ее жизни, когда она летала на самолете. До полета и после него она предпочитала пользоваться наземным транспортом.

Узнав, что она прилетела в город, который раньше назывался Саровым и что здесь был когда-то в святых преподобный Серафим Саровский, она вспомнила рассказы своей тетки — Анны Васильевны Крестьяниновой, у которой жила несколько лет после смерти своей матери, как та ходила пешком в этот монастырь на моление, какие красивые храмы были в монастыре, какая райская природа окружала это “святое место”.

Георгий подтвердил, что действительно, здесь было три храма. В одном сделали театр, а другие, пятиглавый и “Веревочку” снесли. Взрывали их совсем недавно, пять-шесть лет назад. “Веревочку” взрывали при Георгии. Он видел развалины после взрыва. Вместо храмов лежали кучи битого кирпича целыми блоками. Сказалась старинная кладка кирпичей не только на глине. В битых кучах торчмя стояли балки из мореного дуба. Потом кучи хлама были вывезены и на образовавшейся площади устроили сквер, поставили памятник Максиму Горькому и площадь назвали его именем.

Никто не знал причины, почему храмы снесли. Говорили разное. Одни говорили, что власть давно и везде избавилась от этого наследия прошлого. Другие — что храмы демаскировали объект. В те годы еще не было никакой космической разведки. Полеты самолетов над объектом были запрещены. Воздух над ним был объявлен “мертвой зоной”. Но уже тогда велась воздушная разведка против СССР. Велась с помощью воздушных шаров. Один такой шар приземлили не так далеко от объекта. Его привезли на объект для показа. На шаре имелась фотоаппаратура большой разрешающей способности, большой запас широкой рулонной фотопленки и автоматика, которая во время съемки записывала координаты и время съемки и передавала информацию “хозяевам”.

С приездом матери и ростом детей в двухкомнатной квартире стало тесно. Малыши мешали взрослым отдыхать после рабочего дня или заниматься своими делами, а взрослые мешали им шуметь, играть и развлекаться.

Вопрос с жильем решился без проволочек. Во вновь построенном двухэтажном доме семья получила трехкомнатную квартиру. Квартирой были довольны и взрослые и дети. Особенно дети. Для них наступило раздолье. Их забавам и играм теперь никто не мешал.

В новый дом семья Георгия въезжала одной из первых. За ней в соседнюю квартиру вселились Харлашины, муж, жена и двое дочерей. Хозяйкой в семье и главой была Валентина Серге-

евна, быстро-шустрая, веселая и общительная женщина. Про таких говорят — заводила. Она работала в отделе труда и зарплаты. В то время начальником у нее был Григорий Брюханов. Описывать его вряд ли требуется. Сама фамилия о нем говорила. Даже Музруков, когда только что прибыл на объект и знакомился с руководящим составом, отметил эту его особенность. При входе его в кабинет и объявлении о том, что он Брюханов, Музруков сказал: “Вижу”.

Валентина Харлашина, будучи выдумщицей, частенько организовывала свои “придумки” и создавала ситуации, которые долго не сходили с уст тех, кому они стали известны. Так, однажды перед Днем Советской Армии женщины решили мужчинам преподнести подарки. Такая традиция сохраняется до сейчас. В их отделе было два нестандартных мужчины: Брюханов и один старший инженер тех же габаритов, что и начальник. Валентина Сергеевна предложила подарить им спортивные трусы. В магазинах в продаже таких размеров не было, да и вряд ли бывало. Женщины решили их сшить сами. Купили большой кусок ткани и стали думать, как снять мерки. Взялась за это Валентина. Она пошла к старшему инженеру и завела с ним разговор:

— Николай Васильевич! Мы тут с женщинами поспорили, кто из вас толще, Вы или начальник? Тот с запалом стал доказывать, что начальник намного толще его. И для доказательности своих доводов согласился на предложение Валентины обмериться. Валентина ниткой смерила его туловище в талии, о которой он сам давно забыл, и пошла в кабинет начальника. Разговор она повела в том же ключе, с вопросом, кто из них двоих толще. С первых же слов об этом Брюханов стал рьяно уверять, что он тоньше. Замерив его тучное тело, Валентина вернулась в свою комнату, где ее с нетерпением ждали подруги, с победным видом объявила, что дело сделано и можно приступать к шитью подарков. Когда трусы были сшиты, женщины, шутя решили примерить их на себе. В одну штанину забирались по два человека и им не было в ней тесно.

Подарки были преподнесены вовремя и торжественно. После праздника начальник пригласил к себе в кабинет Валентину Сергеевну, еще раз поблагодарил ее за подарок и спросил, где им удалось купить нужный размер, какой он давно искал и не находил. Тогда и открылось, как удалось сделать подарок.

С увеличением семьи и ростом детей увеличились и росли расходы. Несмотря на это Георгий не оставлял мечты купить

машину. Полученные в Ленинграде права на управление машиной лежали в укромном месте и ждали своего часа. Они с женой договорились не торопясь, потихоньку копить деньги на покупку.

Перед очередным отпуском в 1958 году происходит сразу два события. Ему присвоили очередное звание “майор”. С этим присвоением закончилось бытие “пятнадцатилетнего капитана”. Он пятнадцать лет проходил в звании “капитан”. Видимо, срабатывала наложенная давно резолюция одного высокопоставленного военачальника. В декабре 1943 года, дело было на Северо-западном фронте, посылался материал на присвоение ему звания “майор”. Ему было в то время только двадцать лет. Кто-то из командования Фронтом на представлении учинил цветным карандашом резолюцию: “Рано! Молод!”. После материалы на присвоение ему звания представлялись неоднократно и, видимо, наложенная тогда резолюция срабатывала безотказно.

Вторым событием для него было счастье. Что такое счастье? На этот философский вопрос каждый отвечает по-своему. Для Георгия счастьем было исполнение давней мечты. Она исполнилась. Купили машину. Это был “Москвич-407”. Новый, как с иголочки. Салатового цвета. И весь блестящий, от капота до багажника.

Гараж был сложен заранее, из шлакоблоков, около дома. Сразу после покупки машины Георгий оформил отпуск. Стали собираться в дорогу на юг, к морю. В день выезда решили на новой машине проехаться по магазинам, чтобы купить необходимое в дорогу. Закупив все, что было нужно, вернулись домой. Высадив жену с покупками, он стал загонять машину в гараж. Раскрыв ворота гаража, второпях стал загонять машину. За такую поспешность он был наказан. Во время въезда ветер швырнул створку ворот в машину. Удар пришелся по передней дверке машины. Дверка была смята. Его охватила досада и боль, как будто удар пришелся не по машине, а по нему. Отпуск был испорчен. Они поехали на юг, но все дни отпуска он переживал о случившемся. Они сократили пребывание в санатории и на неделю раньше срока вернулись домой.

Машину отремонтировали. “Москвич” верой и правдой прослужил два года. На нем совершили турне в Москву, Ярославль, Ленинград. Через два года Георгий поменял его на “Волгу”.

За новой машиной надо было ехать в Горький. Прежде чем ехать Георгий позвонил на автозавод по ВЧ-связи. К аппарату

подошел Киселев Иван Иванович, директор автозавода. Георгий назвал себя, извинился за беспокойство и объяснил причину своего звонка. Он не думал, что попадет на директора, и хотел было положить трубку, но Киселев разговор не закончил и задал ему несколько вопросов, не касающихся покупки им машины. Он хорошо знал объект, так как один из цехов завода выполнял для объекта специальные заказы. В конце разговора он пошутил, сказав, о какой-то Параське, которая не захотела спокойной жизни и купила поросенка.

Разговор продолжился, когда Георгий приехал на автозавод. Раньше они не встречались и друг друга в лицо не знали. Зайдя в приемную директора, он узнал, что его нет, но что он должен вот-вот придти.

Георгий решил пойти в парикмахерскую и побриться. Благо она находилась здесь же, в заводууправлении. В парикмахерской работали две парикмахерши. Одно кресло было занято. Он занял свободное. Цирюльница быстро побрила его, подеколонила и вместо веерной салфетки обдула его лицо струей воздуха из настольного вентилятора. Георгий спросил ее, кто так умно придумал такое опахало? Она ответила, что это придумал старый директор. На вопрос Георгия, а что придумал новый директор, та ответила, что он молодой, что он придумает, у него еще есть на это время.

Расплатившись, Георгий ушел. Второй клиент остался продолжать стрижку.

Он походил по заводууправлению, посмотрел доску приказов и объявлений и когда явился в приемную, то узнал, что директор уже прибыл. Он попросил секретаршу доложить о себе и после приглашения зашел в кабинет. За директорским столом он увидел клиента, что был в парикмахерской вместе с ним. Увидев и узнав Георгия, он, улыбаясь спросил:

— Так, Вы говорите, что новый директор еще не придумал ничего для парикмахерской?

На это Георгий, тоже улыбаясь, сказал, что директор еще новый, молодой, и у него еще есть время и он успеет что-нибудь сделать.

Так состоялось их очное знакомство. Узнав цель приезда Георгия, он по селекторной связи поручил сотруднику отдела реализации показать покупателю, что есть на товарном дворе и дать ему возможность выбрать машину по нраву.

На товарном дворе стояла партия машин комбинированной окраски, которые приглянулись Георгию. Он хотел остановить

свой выбор на машине из этой партии, но сопровождавший разубедил его, пояснив, что машины изготовлены в тропическом варианте по заказу Эфиопии. Резиновые детали машин не рассчитаны на отрицательные температуры и зимой колются как стекло.

На втором товарном дворе стояли машины, изготовленные для Ленинграда. Кузова машин были сделаны из стали, поступившей из Англии. В своей нежно-салатовой окраске машины выглядели нарядно и празднично. Он остановил свой выбор на машине из этой партии. Она была с оленем на капоте. Цветом напоминала его “Москвич”, но выглядела куда более внушительно.

На этой светло-салатовой красавице он исколесил полстраны. Несколько раз побывал на Азовском море, в Бердянске. Проехал по всему Балтийскому побережью от Ленинграда до Калининграда. Побывал в Бресте, Львове, Киеве и Одессе. Пытался добраться до станции Чоп, что на Чехословацкой границе, но помешали чешские события 1968 года.

Машина в поездках вела себя безотказно. Выдерживала солидные нагрузки и перегрузки.

При покупке машины директор автозавода Киселев дал добрый совет:

— Не позволяй никому залезать в двигатель, коробку передач и задний мост. И сам не лазь. Следи за крепежом. Не ленись пройтись гаечным ключом и отверткой по всем местам, при необходимости делай подтяжку гаек и винтов и смотри за надежностью шплинтов. Завод машину сработал надежно.

Его совет оправдался, машина проходит без ремонта почти двадцать пять лет.

Первый раз в Бердянск поехали по совету врачей. Надо было помочь сыну избавиться от простудных заболеваний и подкрепить легкие. Бердянск для этого оказался лучшим местом. Съездили первый раз. Понравилось. Сыну — пляж и море. Жене море и солнце. Георгию — море и отменная рыбалка. В каждую поездку в Бердянск случалось что-нибудь такое, что не забывается долго.

Однажды они были поражены нашествием божьих коровок. Утром проснулись и не узнали ничего вокруг. Все было красным: крыши домов, кроны деревьев, заборы, скамейки, лодки на берегу. Все красное. Три дня божьи коровки заполонили все и хозяйничали везде. Во время завтрака, обеда они тучей висели над столом, лезли в тарелки, попадали в рот и вызывали отвраще-

тительную горечь. Спасение от них находили только в море. Бежали на берег, стреляли пригоршнями их с лодок, с сидений и гребли от берега до тех пор, пока они не отставали от лодки и не летели обратно к берегу.

Для местных жителей нашествие божьих коровок было даром Божиим, спасением виноградников от тлей. Когда Божьи коровки улетели, в память о нашествии оставалась красная, как ковровая дорожка, прибрежная полоса пляжа. Это морская волна прибила к берегу и выплеснула на песок пляжа погибших коровок. Ковровая полоса держалась несколько дней, пока морская волна не слизала ее.

В другой раз они стали свидетелями набега большого косяка рыбы на Бердянскую косу, высунувшуюся в море на двадцать километров. По рассказам местных жителей, такое случалось нередко. Косяк рыбы на полном ходу натыкался на косу. Передние рыбы не могли ни развернуться назад, ни свернуть в сторону. Задние своим напором выдавливали передних прямо на берег. Живущие на окраине города у основания косы, узнав об этом, пешком, бегом, на велосипедах, мотоциклах, машинах, в общем кто как мог, неслись на косу с черпаками, дуршлагами, корзинами, мешками, чтобы “помочь” рыбе, попавшей в беду скорее оказаться на сковородке. Черпали, заполняли корзины и мешки, несли и везли кто сколько мог, рыбу домой. Некоторые, наиболее шустрые, успевали делать по две и более ходок. Когда остатки косяка разбегались в море, на берегу оставалась масса раздавленной и затоптанной рыбы.

А однажды в беду попал сам Георгий. Рано поутру он на своей нежно-салатовой красавице поехал на косу порыбачить. Поехал один. Километрах в четырех от рыбацкой слободы, где они снимали комнату, он облюбовал местечко, где коса была метров сто в ширину. Можно было ловить рыбу и в море, и в заливе. Только он раскинул снасти, как от маяка, что стоял на самом острие косы, подъехала грузовая машина. Шофер остановился и предупредил Георгия, чтобы он побыстрее сматывал удочки и уезжал с косы, потому что начинался прилив. Сказал и уехал. Георгий осмотрелся кругом и ничего опасного не заметил. Вода, как плескалась тихо у берега, так и продолжала плескаться. Изменений в уровне воды он не заметил. Но, помня предупреждение, решил сматывать удочки. Смотал и поехал с косы. Проехал немного и вынужден был остановиться. На низинном месте вода затопила дорогу. Дальше было не

проехать. Он развернулся и поехал искать место повыше. Нашел и остановился в надежде, что на этом месте вода не затопит машину. К сожалению, надежда не оправдалась. Вода поднималась все выше и выше, подошла к машине и стала постепенно затапливать ее. Он сначала думал отсидеться в салоне машины, но вода стала проникать в салон и он вынужден был перебраться на багажник. Подъем воды продолжался. Вода загнала его на крышу машины. Он оказался один среди безбрежного моря. В далекой дымке еле виднелся городок. Он не на шутку перепугался, стал мысленно молить Всевышнего, чтобы он остановил прилив или послал какую-либо посудину. Вода поднялась и залила двигатель. Вокруг машины по воде пошли радужные круги, которые переливаясь всеми цветами радуги, расширились все больше и больше. Когда радужные пятна стали вытягивать свои щупальца от машины к морю и заливу, Георгий понял, что начался отлив, а значит приходило спасение. По мере спада воды машина моментально просыхала под палящими лучами солнца и меняла свой цвет с салатного на буро-ржавый, от соленой морской воды.

Машина стала неподвижной. Она потеряла главное свое качество — способность двигаться. В двигателе вместо масла была вода. Она же просочилась в бензобак. Пришлось ждать оказии, чтобы выбраться с косы. Оказией оказалась все та же машина, водитель которой оповестил Георгия о начале прилива. Он стал для него палочкой-выручалочкой.

Зацепив порыжевшую машину тросом, он отбуксировал ее к пожарному депо, находившемуся недалеко от центра города. Только в пожарном депо можно было найти пресной воды, достаточной для промывки машины. В депо от души посмеялись над “утопленником” и добросовестно, не жалея воды, прополоскали “Волгу”, промыли и залили масло в картер двигателя и помогли заменить бензин в бензобаке. Машина была возвращена в строй. Солнце за считанные минуты прожарило машину до “костей”.

Домашних удивила задержка Георгия на рыбалке. Удивило и возвращение его не с косы, а из города. И главное, без улова. Ни единой рыбешки. Начались расспросы и шутки: где пропадал? С кем был? Чем занимался? И тому подобное. Георгий поведал им о своих злоключениях. Все сначала ахали и охали, а потом рассмеялись. Вместе с ними смеялся и Георгий. Теперь под его ногами была твердь и вода ему уже не угрожала.

Обильное солнце, воздух, насыщенный йодом, приносимый ветром с моря и самое теплое море страны, каким было Азовское, сделали свое дело, сын, бывший ослабленным, закалился, перестал пропускать уроки из-за простудных и легочных болезней. Но зато заболел страстью отца — рыбалкой. Заболел на всю жизнь.

Во время наездов в Бердянск Георгий всегда останавливался в рыбацкой слободке, у косы. Изредка ездил в центр города. Однажды заглянул в городской краеведческий музей. Там обратил внимание на экспозицию, посвященную Нестору Махно, что было в то время необычным. Эта экспозиция, как оказалось, была даром “Родному Батько”, которого помнили местные старожилы. Махно, в свое время, делал много добра бедноте, и об этом живы были и ходили целые легенды. Махно все награбленное, отобранное у богачей, привозил в эти края и раздавал беднякам, за что его продолжали помнить.

Возвращаясь после отпуска из Бердянска домой, Георгий каждый раз сожалел, что море находилось слишком далеко от дома. Все впечатления от отпуска и отдыха на море терялись по дороге. Он очень уставал, когда приходилось делать по четыреста и более километров в день. Давала себе знать разбитая в Ленинграде спина. Добравшись до дома, он отсыпался и отлеживался от усталости, пока не приходил в норму. Но проходило некоторое время и в его голове снова зрело решение в следующем году снова ехать туда же. И так было много раз.

В стране в эти годы начался космический подъем в прямом и переносном смысле. С запуска первого искусственного спутника Земли приоритет страны в области освоения космоса стал подниматься все выше и выше. Полетели спутники к Луне. Полетели Стрелка и Белка и благополучно вернулись на Землю. Чувствовалось приближение чего-то эпохального. Как ни чувствовали, но событие оказалось неожиданным — в космосе первый человек, русский человек, советский человек — Юрий Гагарин. А за ним пошло и поехало: Титов, Николаев, Быковский, первая в мире женщина-космонавт — Валентина Терешкова. И так, почти каждый год все новые и новые космические герои.

Валентина Терешкова оказалась землячкой Георгия, и он был горд и рад за свою родную Ярославщину, где родилась, училась и работала первая Героиня космоса.

Успехи СССР в области космонавтики и ракетной техники не могли не беспокоить западные страны и особенно США. В

чем секрет успехов русских? Как случилось, что они ушли вперед и обогнали Запад? Что и как надо сделать, чтобы заполучить их секреты?

Они не ограничились постановкой вопросов. Они старались найти ответы на них любыми путями, легальными и нелегальными. Их попыткам и действиям необходимо было противопоставить свои контрмеры. И прежде всего усилить защиту секретов на всех участках и стадиях работ в ракетной и атомной областях. Поэтому росли требования как к исполнителям секретных работ и документов, так и к секретным органам и их работникам.

Повышая требования, верхи думали и предполагали, что этого достаточно для защиты секретов. В этом они уподобились машинисту паровоза, который, пытаясь разогнать поезд, забывал подбрасывать уголек в топку.

Росли требования по защите секретов, но еще быстрее росло количество документов, содержащих эти секреты. Объемы работ секретных органов увеличились, а их штаты и занимаемые помещения оставались прежними. Отсутствие условий для работы и хранения документов, перегрузка работников и в связи с этим их усталость не способствовали сохранности секретов, к которым рвались спецслужбы США и западных стран.

Для руководителей, от которых зависели решения о кадрах и помещениях, не сразу дошло, что положение с этими вопросами надо исправлять.

Повышая требования по защите секретов, вместо оказания помощи секретным органам, они систематически усиливали контрольный пресс. Проверки и комиссии разного состава и уровня следовали одна за другой. Не сразу дошло до комиссий и руководителей, что секретные органы нуждаются в помощи. В конце концов для них это дошло. Комиссии в своих актах и заключениях стали делать акцент на условиях работы, кадры и помещения первых отделов. По актам с подобными выводами и предложениями руководителями стали приниматься решения об увеличении численности работников, где это было необходимо, и представлении им необходимых помещений.

Комиссии и проверки были разные. Да и подход к проверкам со стороны отдельных контролеров был не всегда деловой. Запомнилась одна из первых проверок на объекте. Приехала комиссия из Москвы. В ее составе был один шустренький "контролер", который во время проверки уделял слишком

много внимания сотрудницам. В секретных органах подавляющее большинство работников во все времена были женщины и девушки.

“Контролер” одной рукой перебирал дела с документами и журналы учета, а другой, не особо церемонясь, трепал девчат то по плечу, то по спине, а то и пониже. Чтобы продлить “удовольствие”, он затягивал проверку, делая вид, что что-то ищет и обязательно найдет. Девчата его убеждали, что у них все, как надо, и он ничего не найдет. На это тот отвечал, что он как охотник. Охотник идет на крупного зверя, а если такого нет, он довольствуется мелким. Девчатам он даже поднадоел и они ему заявили, что он больше внимания уделяет “не проверке, а Верке”, и предупредили его заканчивать свою “охоту”, иначе они сообщат о нем председателю комиссии. “Контролера” как ветром сдуло. Он тут же закончил “проверку” и исчез. Больше его и не видели.

Большую роль в организации работы по охране и защите секретов сыграл тот самый Боровков Кирилл Васильевич, который в 1958 году отказался переходить в Министерство обороны и остался в Минсредмаше. С этого времени он стал во главе службы, которую в обиходе называли “Режимной”. В этой работе он пользовался неограниченным доверием и помощью Министра. Он хорошо знал предприятия и организации отрасли. Его также хорошо знали и директора этих предприятий и организаций. Знали, уважали, а многие даже и побаивались, узнав его строгость и требовательность во всем, что касалось охраны секретности. Боровков поражал своей многогранностью. Он мог быть чутким, внимательным и сердечным и в то же время непримиримым, жестким и даже жестоким. Он, располагая властью и возможностями, любил помогать другим. Но он не прощал никому вранья, подвохов и обид и в таких случаях был даже злопамятным. Все эти особенности характера Боровкова Георгий не только наблюдал, но некоторые испытывал на себе. Как-то ему потребовалась помощь органов соцобеспечения. Он обратился за советом к Боровкову. Тот не раздумывал долго, снял телефонную трубку, набрал номер Министра соцобеспечения Лыковой Лидии Павловны и вопрос тут же был решен.

В дальнейшем судьба Боровкова сделала зигзаг. Поступившая когда-то на него анонимка сыграла роль мины замедленного действия. Она сработала. В начале семидесятых годов делегация ученых-атомщиков была за рубежом. В составе делегации

были представители от ЦК КПСС и Минсредмаша. От последнего был Боровков. Представитель ЦК за границей забылся, кто он и где он, и позволил себе лишнее до неприличия. Из-за зеленого змия.

Боровков по возвращении в Москву в силу своих обязанностей проинформировал кого следует о работе делегации, в том числе и о поведении Цекиста. Поступок Боровкова сочли нетактичным по отношению к ЦК, вспомнили ему анонимку и “попросили” покинуть Министерство и высокий пост, который он занимал. Он не пропал. Он стал работать в одном академическом институте и был там так же деловым человеком и грамотным руководителем.

В СРЕДЕ УЧЕНЫХ

Работая в Головном секретном органе, Георгий был в курсе всех главных дел и вопросов. Через него проходила переписка с Москвой, с высшими государственными и партийными деятелями страны. Он лично участвовал в подготовке и отправке документов, адресованных главному лицу государства. Через него шли некоторые письма Андрея Сахарова в адрес Хрущева.

Когда Никита Сергеевич погрозился невиданным “овощем”, который “зрел” в Советском огороде, он имел в виду разработанную в Арзамасе-16 и готовившуюся к испытаниям самую мощную в мире водородную бомбу. Ее расчетная мощность равнялась сто мегатоннам. А это ни много, ни мало, а сто миллионов тонн взрывчатого вещества, такого, как тротил.

Против испытаний этой великанши на полную мощность восстал Сахаров. Он послал Хрущеву несколько писем, в которых, основываясь на собственных расчетах, доказывал, к каким последствиям приведет взрыв такой бомбы, сколько человек на Земном шаре пострадают от этого. В последних письмах он вообще возражал против испытания этого изделия. Доказывал ненужность испытания. Подтверждал свои доводы тем, что расчеты, проведенные на ЭВМ, подтверждают ее работоспособность без проведения испытания.

Действия, а вернее противодействия Андрея Сахарова сработали наполовину. На полигоне на Новой Земле бомба была испытана на половинную мощь, в пятьдесят мегатонн. Озаренный взрывом небосвод был виден на расстоянии в тысячу километров. Воздушная волна от взрыва обогнула Землю не один раз.

Хрущев погрозил и доказал, что его угроза не была пустой бравадой. Поэтому, видимо, он и настоял на проведении этого испытания. Сахаров против него оказался бессилён. Он сделал все, что мог. Но он был один. Кто знает, что было бы, если б его в тот момент поддерживали другие ученые, работавшие в то время в Министерстве среднего машиностроения, и академики Академии наук СССР.

После этой истории Сахаров отошел от работ в области создания сверхоружия. Он сменил работу и большую часть времени проводил в Москве. Его семья, жена Клавдия Алексеевна и трое детей пока оставались в закрытом городе Арзамасе-16.

Георгию за время работы на объекте приходилось довольно часто встречаться с Сахаровым. Он несколько раз был свидетелем того, как ученый занятый постоянно научными поисками и идеями, мало обращал внимание на окружающую обстановку, и своими действиями и поступками свидетельствовал о своей отрешенности от мелочей жизни.

На одном из заседаний Научно-технического совета рассматривались новые конструкции изделий, предложенные к разработке. Совет вел Юлий Борисович Харитон. Стены помещения и специальные стойки были завешаны схемами и общими видами изделий. Сахаров запаздывал и Совет шел без него. Георгий сидел на последнем ряду, недалеко от входной двери. Отвлекаясь от докладов авторов разработок, он вспомнил о заседании Совета, который должен был вести Курчатов. Перед началом Совета Курчатов увидел Георгия и попросил его помочь ему в проведении Совета:

— Если Вы не поможете мне кое в чем, то Совет придется отложить или перенести на другой срок.

Тот был в недоумении, чем он может помочь Председателю НТС? Игорь Васильевич, видя растерянность Георгия, пояснил:

— Мне нужно хорошее ботало и нужна указка приличной длины. Без них я как без рук. И неплохо бы сделать так, чтобы все это было всегда под рукой.

Георгий не сразу понял, о каком “ботале” идет речь. Когда он понял, что для ведения Совета Курчатову нужен колокольчик, такой же, который болтается на шее коров, он пустился на поиски. По пути он передал указание о срочном изготовлении указки, а сам поехал по школам. В школах ботала не было. Они давно перешли на электрические звонки. В Горкоме партии и Горисполкоме звонки были, но все они были нажимного действия. Тогда он позвонил в район. На месте оказался председатель райис-

полкома Михаил Иванович Марагин. Он помог с боталом. Совет тогда прошел нормально.

А.Д. Сахаров и И.В. Курчатов

Приход запоздавшего Сахарова прервал воспоминания Георгия. После Совета прошло двое суток. На третий день разразился скандал. Уборщица убирая помещение, где проходил Совет, на подоконнике за шторой обнаружила рулон ватмана, на котором была сделана красочная схема одного изделия. Схема имела гриф “Совершенно секретно, особой важности”. Это было “ЧП”.

Начались следствие и поиски виновных. Из Москвы прибыл следователь по особо важным делам.

В кабинете Георгия, как и у всех начальников служб Управления, был прямой телефон от начальника объекта. Зуммер прямого телефона несколько отличался от звонков соседних с ним аппаратов. Он был в соседней комнате, когда зазуммерил прямой телефон. Музруков позвал его в свой кабинет. В кабинете, кроме начальника объекта, находился Сахаров. С появлением его Музруков попросил Сахарова повторить свой рассказ. Тот начал рассказ с того, что опоздал к началу Совета. Когда прошел к первому ряду кресел и стал занимать свое место, ему помешал рулон ватмана со схемой нового изделия. Ему показалось неуважением к такой схеме, что она лежала на полу. Он поднял ее и

поставил за штору, на подоконник. После Совета он о схеме забыл. Рассказывая это, Сахаров пытался доказать свою вину в происшедшем и просил Музрукова никого не наказывать, а наказать его.

После ухода Сахарова Музруков сказал, что радости от того, что тот рассказал мало. Что отвечать так или иначе придется другим виноватым, а “с академика взятки гладки”. К счастью следствием было установлено, что разглашения государственной тайны в том случае не произошло. Виновные были наказаны в административном порядке.

Через Георгия шла и переписка научного сотрудника теоретического сектора Козлова Бориса Николаевича, которую тот вел с Москвой и Хрущевым. Он начал свою переписку с отстаивания своего права на включение его изделия в программу Государственных испытаний. Изделие аналогичного типа, разработанное на уральском дублере, было представлено на испытание, а его изделие нет. Козлов доказывал, что его изделие более экономично и несколько выше по тактико-техническим характеристикам. Его просьба была рассмотрена и изделие было испытано. Оно оказалось действительно экономичнее и мощнее своего двойника. По результатам испытания его изделие было запущено в серию и взято на вооружение Армии. Автору была присуждена Ленинская премия.

Через непродолжительное время Борис Козлов начал “бомбить” письмами Министерство, Министра и Хрущева. У него зародилась идея создать совершенно новый вид оружия, основанный на совершенно иных принципах. Его предложение, направленное министру Славскому, содержало в общих чертах саму идею, а также условия, при выполнении которых он был согласен ее реализовать. Он требовал необходимый штат теоретиков, экспериментаторов и половину производственно-экспериментальной базы объекта. При этом он настаивал, чтобы научное руководство объекта не вмешивалось в его дела, чтобы он подчинялся только Музрукову и больше никому. Министр его предложение и условия не принял. Тогда Козлов пишет письмо Генеральному прокурору, чтобы тот привлек Славского к ответственности за торможение научных работ.

В это время в газете “Известия” появилась подвальная статья о достижениях Советской науки, написанная по материалам зарубежной печати. Из этой статьи Козлов понял, что за рубежом возник бум вокруг одного из его изобретений. Он садится и пи-

шет письмо Хрущеву. Он жаловался, что его затирают, что его изобретениям не дают хода. Что о них начали писать только тогда, когда заговорила зарубежная пресса. Что у него полный сейф авторских свидетельств, которые лежат мертвым грузом. Что, видимо, не зря говорилось, что “русские сапожки пришли в Россию через Париж”.

“Глас вопиющего в пустыне” был услышан. По указанию Хрущева было проведено суженное Заседание Президиума Академии наук СССР. На нем в присутствии Келдыша, Харитона, Зельдовича и Сахарова был заслушан Козлов. После заслушивания было отмечено, что предложение Козлова заслуживает внимания, что расчеты подтверждают их реальность и что идея должна разрабатываться.

Борис Козлов обо всем, что говорилось на Президиуме и после него рассказал Георгию. После Президиума, при выходе из зала заседания Зельдович с Сахаровым уговаривали Козлова отказаться от своих условий и от требования полной автономии от научного руководства объекта. Козлов не согласился. Тогда они предупредили автора идеи, что хотя она и будет принята к разработке, он сам, автор, не будет допущен к работам по данной теме. На это их заявление он ответил, что без его участия ничего не удастся сделать, что он главного, ключевого секрета им не откроет, а без него никому этой проблемы не решить.

После Президиума на объект по указанию Славского прибыл его заместитель Владимир Иванович Алферов. Он провел совещание, как лучше реализовать решение Президиума Академии наук по предложению Козлова. Было решено на первый момент создать специальный отдел, во главе которого поставить Бориса Николаевича. Приказом Музрукова отдел был создан и Козлов назначен его начальником. Отдел создали, начальника назначили, но, видимо, не без влияния оппонентов людей в отдел не дали. Пробыв некоторое время начальником без подчиненных, Козлов пришел к Музрукову и отказался от этой должности. Георгию некоторое время казалось, что научный руководитель объекта был даже согласен пойти на условия, выдвинутые Козловым, но что-то ему мешало или кто-то мешал дать зеленую улицу разработкам Козлова. Видимо, ему не могли простить стремления к самостоятельности и автономному положению на объекте.

Кто-то даже пытался воздействовать на Главного психиатра города, чтобы упрятать Козлова в психушку. Психиатр стал сове-

товаться о Георгием, как ему быть в этом щекотливом вопросе. Он был предупрежден им об ответственности, если тот поступит с Козловым так, как его кто-то просил. Козлов на учете в психиатрическом отделении не состоял. Его не тронули. Но все нервы и переживания сказались на его здоровье и свели его в могилу. Главный секрет своей идеи он унес с собой. Его идея осталась не реализованной.

Наступал 1964-й год, который принес много событий как для страны, так и лично для Георгия.

27 февраля Ученый совет объекта совместно с Администрацией и общественными организациями города провели торжественное заседание, посвященное шестидесятилетию со дня рождения Юлия Борисовича Харитона — научного руководителя Всесоюзного научно-исследовательского института экспериментальной физики. Из Москвы приехали видные академики и представители Министерства и ведомств, участвовавших в совместных работах. Среди гостей были академики Семенов Николай Николаевич, Тамм Игорь Евгеньевич, Анатолий Петрович Александров. Приехали Духов Николай Леонидович, Алферов Владимир Иванович, Мезенцев Леонид Гаврилович, Степанов Борис Михайлович, Болятко Виктор Анисимович, Цыркв Георгий Александрович и другие. После торжественного заседания был устроен банкет. Юбиляр попросил Георгия взять на себя контроль за

Юбиляр на трибуне

входом в банкетный зал и дал ему список приглашенных. Несмотря на большое количество гостей банкет прошел, как говорят, чинно и благородно. Застолье было скрашено выступлением самодеятельного коллектива, организованного Цукерманом. Тамадой за столом был Анатолий Петрович Александров, будущий Президент Академии наук СССР.

А.П. Александров в роли тамады

Два случая, с которыми пришлось разбираться Георгию, несколько не повлияли на торжественный и праздничный настрой присутствовавших.

Фотограф, снимавший юбилейные торжества, обнаружил исчезновение из фотокамеры катушки с заснятой пленкой. Пленка нашлась у Виктора Андреевича Зуевского, который взял ее, чтобы отпечатать на память несколько кадров.

После банкета и танцев к Георгию подошел сильно расстроившийся участник банкета, недавно удостоенный Государственной премии. Он поделился своим горем: у него исчезла медаль лауреата. Пошел танцевать, медаль была на пиджаке. Окончились танцы — медаль, как испарилась. Тщательно обыскали все

помещение. Опросили всех, кто был рядом с пострадавшим. Безрезультатно. Пришлось ему идти домой ни с чем.

Спустя недели две Георгий случайно встретился с лауреатом. Тот радостно подошел к нему и поделился своей радостью. Его мать гладила брюки и за отворотами обнаружила пропажу. Видимо, она во время тесного танца открепилась от пиджака и медленно съехала вниз.

Хорошо, что он плотно прижимался к партнерше, иначе бы ему без медали.

Летом из Москвы последовал звонок по ВЧ-связи. Звонил Боровков. Он сказал, что принято решение в Пензе заменить заместителя директора завода и в качестве кандидата назвал его фамилию. Георгий в душе был не согласен менять объект на Пензу, но зная взрывной характер звонившего, промолчал и не стал сразу отказываться, выехал в Пензу с надеждой, что там на месте найдет наиболее подходящий мотив отказа. Директор завода Михаил Васильевич Проценко знал Георгия и поэтому сразу дал согласие на его назначение. Оставалась надежда на Горком партии. Секретарь Татьяна Николаевна, узнав настроение Георгия, согласилась с его оценкой ситуации. Георгий не хотел уезжать из Сарова и ему, к тому же, претило идти на живое место, которое занимал Иван Семенович Слюсарь. На работе и в городе к нему претензий особых не было.

Георгию подфартило. В Пензу согласился ехать Олег Михайлович Грибанов, генерал-лейтенант, в прошлом начальник Второго Главного управления КГБ СССР, один из авторов приключенческого романа, по которому были сняты кинофильмы “Ошибка резидента” и “Судьба резидента”.

Георгий остался работать в Арзамасе-16.

В апреле соответствующие инстанции приняли решение проверить, как сохраняются секреты в Госплане СССР. Председателем комиссии был один из ответственных сотрудников КГБ СССР. Георгию досталось проверять Первое управление Госплана, руководимое в то время адмиралом Нелепо. Утром 17 апреля он впервые увидел председателя Госплана Петра Фаддеевича Ломако. Тот искал Нелепо. Застав в помещении членов комиссии и узнав, что они делают, поздравил всех с днем рождения “Нашего дорогого,— как он сказал,— и всеми любимого Никиты Сергеевича Хрущева”. Ломако торопился. Он уезжал к Хрущеву, чтобы поздравить его с семидесятилетием. Перед отъездом он предложил чле-

нам комиссии зайти в спецбуфет и отметить юбилей. В спецбуфете Георгию впервые удалось испробовать продукцию Восьмого цеха Московского спирто-водочного завода, которая шла на столы высоких инстанций, располагавшихся в Кремле и на Старой площади.

К юбилею Никиты Сергеевича готовилась, можно сказать, вся страна. Все столицы союзных республик, краевые и областные центры, крупные предприятия и организации, как по команде, загодя, готовили подарки и сувениры юбиляру. Интересно, было ли известно самому юбиляру, какая лавина подарков готовилась ему. Сколько народных денег будет ухлопано на это. Может быть он и догадывался, но вряд ли хотел что-либо делать, чтобы приостановить этот процесс, который шел издревле. Это считалось ранее, да, к сожалению, считается до сих пор наиболее яркой формой проявления верноподданнических чувств.

На объекте тоже готовили сувенир, с определенной символикой. Изготовили макет ядерного заряда в виде шара. В шаре в замочную прорезь вставили золоченый сейфовый ключ. Сделать-то сделали, но не отправили. Кому-то в Москве сувенир пришелся не по вкусу. Этот кто-то, якобы, заявил что нельзя доверять одному человеку ключ от ядерного заряда, даже, если этот человек юбиляр, а заряд и ключ к нему — символические.

Возможно, такое заключение было далеким отзвуком тех мыслей, которые бродили в умах некоторых из близкого окружения Хрущева, и пока маскировались дружескими рукопожатиями, “братскими” объятиями и поцелуями, чтобы скрывать те мысли, которые станут явью в октябре этого юбилейного года.

ЛЕТО И ОСЕНЬ 1964 ГОДА

Подошло лето — время отпусков. Двумя машинами, Георгий и Генрих Иванов с семьями решили проехаться по маршруту Киев-Минск-Брест-Москва. Погода благоприятствовала. Арзамас и Горький проехали без остановок. Остановились и заночевали в Вязниках, в Доме колхозника. Георгий с женой и сыном в одной комнатке, а Генрих с женой Ириной и сыном Вадиком — в другой. Генрих — это тот самый паренек, который ехал в одном купе с Георгием и Ваней Горчаковым в ок-

тябре 1952 года на объект, и который помылся тогда первым в “коммунистической” бане.

Следующую остановку сделали в Москве, в Вешняках, у родных Ирины. В Москве прослышали, что на Киев сделали новую дорогу, которая начинается после Орла. Решили ехать по ней. В Орле заехали на колхозный рынок. На рыночной площади было много цыган. Столько цыган ранее Георгию не встречалось. Женщины с Генрихом и мальчишками пошли делать покупки, а Георгий остался у машин. Только они отошли и скрылись в базарной толкотне, как к нему, танцую и покачиваясь, подошла молодая цыганочка, в длинной цветастой юбке и в гипюровой блузке редкого плетения. Из блузки высунулись нахальные сосцы ее грудей. На совет Георгия прикрыть груди, чтобы не простудиться, она, наоборот, отвела плечи назад, выгнулась и предложила погадать, если он позолотит ручку. Он отказался. Цыганка ухмыльнулась, повернулась и, пританцовывая и покачивая бедрами, ушла в рыночную толпу.

Закупив кое-что из фруктов и овощей, путешественники выехали из Орла. Через семьдесят километров, у Тосно Киевская дорога круто свернула направо. До Глухова дорога шла по малонаселенным местам и была прямой, как стрела. Давненько Георгию и Генриху не приходилось ездить по таким прямым и ровным дорогам. Георгий сначала даже снял ногу с педалей и перешел на ручной газ. Дорога была пустынной. Ни встречных, ни поперечных. Когда он почувствовал, что начал дремать, он, чтобы не заснуть, снова перешел на педали. Впереди слева показался белый городок. Он стоял метрах в двухстах от дороги. Это была Калиновка. Родина Никиты Сергеевича. Сразу стало понятно, кто был автором идеи создания этой дороги. История появления дороги походила на историю создания железной дороги Санкт-Петербург — Москва. И по прямоте они были схожи. Обе дороги строились по повелению первых лиц государства. Железную дорогу рисовал на карте сам Николай I, а шоссе Тосно-Киев на карте рисовал Никита Хрущев.

Отъехав от Калиновки полтора десятка километров решили сделать остановку перед Киевом. Уже вечерело. Недалеко от шоссе показалось какое-то село. Решили заехать туда и переночевать. Дорога от шоссе до села из-за прошедших недавно дождей размокла. Машины забуксовали. В одиночку по такой дороге вряд бы удалось проехать. На двух машинах они преодолели тяжелые

участки и им удалось добраться до села, стоявшего всего в каких-то двухстах метрах от шоссе.

У домов на лавочках и завалинках вечерние посиделки. Мужики гуртовались отдельно от женщин и покуривали. Женщины лузгали семечки, да так классно, что у некоторых из них шелуха от семечек висела от губ до груди, как нитка бус. Когда машины остановились на лужайке и приехавшие стали готовиться к ночлегу, устанавливать палатку, к ним подошла группа мужчин и женщин. Начались расспросы: “Кто они и откуда приехали? Куда держат путь”. Слово за слово и пошел задушевный разговор, селяне узнали, что они из Москвы. Они поинтересовались когда те вернутся домой и не могли ли при возвращении в Москву передать привет их земляку, дорогому Никите Сергеевичу, и благодарность за все то, что он для них сделал. В их голосах звучала тонкая ирония. Георгий спросил, за что они благодарили Хрущева. Те ответили: — Наше спасибо за то, что освободил нас от молока и от мяса. По его приказу всех наших коров увели на ферму. Обещали каждый день давать молоко, а при убое скота давать и мясо. Обещали, но не всем и не всегда дают, и нет теперь у нас ни молока, ни мяса.

Утром, когда село еще только просыпалось, путешественники тронулись в путь. За ночь дорога подсохла и они без особого труда выбрались на шоссе. В полдень показались окраины Киева. Остановились в Броварах. Машины оставили в кемпинге и до города решили добираться автобусом. На автобусной остановке было много ожидавших рейсового автобуса. Москвичи решили записать название остановки, чтобы знать, куда возвращаться. На желтой железке было написано “Зупынка”. Они записали это название. Если бы они не запомнили названия кемпинга, им бы пришлось долго искать свои машины, потому что “Зупынка” в переводе на русский означала “Остановка”.

Автобуса ждали долго. Он запаздывал, вернее не запаздывал, а попал в аварию, о чем стало известно, когда пришел другой рейс. Автобус был переполнен. Садись с боем. Втиснулись с трудом. Погода стояла жаркая. Все были в облегченных одеждах. В тесноте, прижатый к разгоряченным телесам попутчиц, в автобусе, в основном, ехали женщины, Георгий не надеялся выдержать поездку. Когда доехали до центра и вышли из автобуса, его шатало. На вопросы, что такое с ним случилось, он ответил, что его затитькали.

Они побродили по городу, побывали у Киево-Печорской лавры, у памятника Богдану Хмельницкому, на берегу Днепра и вернулись в кемпинг. Доехали нормально. Пассажиров в автобусе было мало.

Из Киева должны были ехать в Брест, как было оговорено ранее, но разгорелся аппетит побывать во Львове, посмотреть на город, который до 1940 года был за границей. Все помнили песню Леонида Утесова “Ждем Вас во Львове”. Ну и решили. Раз ждут во Львове, надо ехать.

Город понравился и взрослым и детям. Он подкупал архитектурой зданий и обилием зелени.

Навестили могилу легендарного разведчика Николая Ивановича Кузнецова, действовавшего во время войны на Львовщине и под Ровно. Вспомнились кадры из фильма “Подвиг разведчика”. Пароль разведчика, прозвучавший в фильме, Георгий частенько вспоминал и при встрече с друзьями вместо “Здравствуй-те” произносил: “У Вас продается славянский шкаф?”...

После Львова проехали Ровно, где в войну действовал отряд Дмитрия Николаевича Медведева, в котором был и Кузнецов. Из книг Медведева “Это было под Ровно” и “Сильные духом” все узнали о подвиге Кузнецова, которому в 1944 году было присвоено звание Героя Советского Союза.

И, наконец, после Ровно — Брестская крепость, цель путешествия. Широкую известность Крепость получила благодаря писателю Сергею Сергеевичу Смирнову, написавшему в 1957 году свою “Крепость над Бугом”. Автор в ней талантливо описал трагедию и подвиг защитников крепости и этим самым воздвиг им памятник, задолго до того, как будет сделан мемориальный монумент из камня и мрамора.

Когда путешественники приехали в Брест и прошли к Крепости, то застали ее в том состоянии, в какое она была превращена в первый месяц войны. Оспенные от следов снарядов и пуль стены словно только вчера выдерживали шквал огня. Остатки зданий и построек крепости, горы битого кирпича, поросшие травой, наглядно рассказывали о той беде, которая неожиданно свалилась ранним утром 22 июня и прошла по крепости огненным валом.

В память о посещении крепости решили найти и увезти с собой в качестве памятного сувенира что-либо, напоминавшее о тех днях и событиях. Георгий увидел торчавший из земли осколок мины или снаряда. На поверхность выступали рваные края осколка. Пытаясь его откопать, Георгий и его сын на-

ткнулись на такой плотный слой металла, что саперная лопатка не смогла пробиться на глубину штыка. Слой металла состоял из осколков снарядов и мин, обрушенных фашистами на защитников крепости.

За совершенный подвиг защитников крепости ей в 1965 году будет присвоено звание “Крепость-Герой”. Указ будет подписан Восьмого мая, в двадцатилетнюю годовщину Победы. Двадцать лет — это не такой уж долгий срок, что крепость ждала признания своего подвига. Подвиг народа и страны в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов будет увековечен аж через пятьдесят лет, когда в Москве на Поклонной горе будет сооружен памятный мемориал.

Обратный путь проходил через Минск. Тогда еще только начинались работы по сооружению памятника в виде насыпного холма недалеко от шоссе Минск-Москва.

Домой отпускники привезли массу впечатлений от увиденного. Они как бы приобщились к историческим моментам жизни страны. И привезли с собой память о Брестской крепости — несколько остывших осколков.

Лето прошло. Подходил к концу 1964-й год. Приближался октябрь. Что-то он принесет с собой, думал Георгий. Но он не мог предполагать, что в этом году октябрь будет переломным. И не только для него, но и для всей страны и даже для мира.

12 октября в Советском Союзе был запущен космический корабль “Восток”. Впервые в мире в космос ушли сразу трое космонавтов в одном корабле: Комаров, Феоктистов и Егоров. Через сутки космонавты благополучно возвратились на землю. В этот же день Брежнев позвонил в Пицунду, где отдыхал Хрущев. Позвонил не для того, чтобы сообщить радостную весть о возвращении космонавтов на землю, а чтобы пригласить его в Москву на заклание.

Заговорщики, а это был заговор чистой воды, заочно приговорили Хрущева к отставке со всех постов. Заочный приговор был обнародован на Пленуме ЦК 14 октября. В печати было лаконично сказано, что Пленум освободил Никиту Сергеевича Хрущева от обязанностей Генерального секретаря партии и Председателя Совета Министров СССР по его личной просьбе.

В народе в таких случаях говорили: “Освобожден по собственному желанию... начальства”.

После опубликования сообщения о решении Пленума, некоторые зло шутили: Хрущева приземлили вместе с космонавтами.

На этом же Пленуме Генеральным секретарем партии был избран Леонид Ильич Брежнев. Народ инертно, можно сказать, отнесся к переменам во властных верхах. Он получил Брежнева вместо Хрущева. Он не ратовал за эти перемены, но получил то, что получил.

Началом завершившегося заговора можно были считать сентябрь 1963 года. На юге в то время отдыхали некоторые члены ЦК и Президиума ЦК, как одно время называлось Политбюро. Тогдашний секретарь Ставропольского Крайкома КПСС Кулаков пригласил их на озеро Маныч поохотиться. Скорее всего, здесь и началась “охота” на Хрущева. Вместо охоты на дичь они вели душевные или вернее, задушевные разговоры о судьбах страны, не советуясь, естественно, с населявшим эту страну народом. Разговоры впоследствии оконтурились в заговор. Заговорщики оказались осторожнее и дальновиднее Молотова, Маленкова и примкнувшего к ним Шипилова. Они готовили заговор капитальнее и он им удался.

Стало ли от этого лучше народу и стране? На этот вопрос ответ будет дан историей, лет через двадцать — двадцать пять.

ЦК партии, видимо, опасаясь эксцессов в связи с “отставкой” Хрущева, предпринимал соответствующие меры. На крупные предприятия были посланы представители обкомов и крайкомов. Были проведены партхозактивы.

На объект с этой целью приезжал Заведующий оборонным отделом Горьковского Обкома. Когда Сергей Васильевич Ефимов не очень внятно и доходчиво огласил выдержки из стенограммы Пленума и не смог вразумительно ответить на вопросы присутствовавших, партхозактив зашумел. Участники партхозактива обратились к Ефимову, чтобы он передал просьбу в Обком ознакомить коммунистов с полной стенограммой пленума. У них еще была свежа память о смуте в партии, когда отлучали от дел Маленкова, Молотова и других, обвиненных в антипартийности, они хотели знать истинные причины “добровольной” отставки Хрущева.

Просьба дошла до Обкома. На объект приехал Первый секретарь Михаил Тимофеевич Ефремов. Собрали второй партхозактив. Он прошел спокойней. После актива Ефремов собрал тех коммунистов, которые “шумели”, то есть слишком активно вели себя на первом активе. В ходе разговора с ними, в интонации, в лексиконе первого проскальзывали отдельные слова и выражения, сказанные с пренебрежением, чем он выражал свое отношение к присутствовавшим. Георгия не уди-

вило такое поведение Ефремова, потому что пренебрежение к рядовым коммунистам было свойственно многим партийным лидерам того времени.

Когда Ефремов говорил об одном из тех, кто много задавал вопросов на первом партхозактиве, он гневно заключил: “Хотя он и заместитель директора завода, но он забыл, что не имеет высшего образования. Неуч, а туда же лезет. Партия этого не потерпит. Она разберется с этим замдиректора, и так будет с каждым, кто будет подвергать сомнению решения партии. Так и знайте”. А когда один из самых старых членов партии спросил Ефремова о состоянии здоровья Хрущева, тот злоотреагировал: “А что Вам здоровье Хрущева? Зачем спрашиваете?” На это тот спокойно ответил, как бы снова спрашивая: “Скажите, а товарищ Хрущев остался членом ЦК? Если остался, почему рядовой коммунист не может поинтересоваться здоровьем члена ЦК?” Ефремов не нашелся, что ответить, и промолчал.

После партхозактива и посещения города Ефремовым долго в среде коммунистов шли разговоры о Хрущеве, вспоминали и его добрые дела, и его ошибочные решения и действия. Вспоминали и развенчание культа Сталина, и реабилитацию невинно репрессированных, и переселение из бараков в дома, прозванные потом “хрущевыми”. Вспоминали и кукурузу, и деление партии на промышленную и сельскую, и борьбу с излишествами. Некоторые были свидетелями того, как Хрущев заставил строителей здания Горьковского Госуниверситета сбивать с фронтона здания установленные на нем бюсты ученых с мировыми именами.

При этих разговорах Георгий услышал историю с отменой подписки на Государственные займы. Рассказ об этом походил на анекдот. Хрущев в 1957 году был в Горьком. Выступая на митинге рабочих Сормовского завода, он обратился к рабочим с вопросом, не надоели ли им Государственные займы? Все одобрительно зашумели. “Добровольная” подписка на займы всегда была добровольно-принудительной.

А когда он сказал, что в ЦК есть мнение займы отменить, раздались крики: “Правильно!” и “Ура”.

На митинге рабочих автозавода Хрущев также коснулся займов. Здесь он, якобы, сказал, что рабочие Красного Сормова вышли с предложением об отмене Госзаймов и что ЦК партии намерен поддержать их инициативу. Реакция была такая же, как и на первом митинге. Решили вопрос о займах вынести на обще-

городской митинг. На площади Минина собрались трудовые коллективы заводов и представители Нечерноземья, которые проводили в городе совещание по сельскому хозяйству, и жители города. В своей речи Хрущев сказал о предложении двух крупнейших рабочих коллективов, Красного Сормова и Автозавода об отмене займов и о поддержке их предложений Центральным Комитетом. При этом он сказал, что с отменой подписки придется вводить мораторий на выкуп облигаций по ранее выпущенным займам на двадцать лет. Когда поставили вопрос на голосование, все подняли руки "За". На вопрос: "Кто против?" никто рук не поднял. Но тут раздался громким голосом ответ: "Один против". На вопрос, кто против, тот же голос пояснил: "Минин против". Все повернули головы к памятнику Минину, стоявшему здесь же, на площади, с поднятой вверх рукой, так же, как он стоит на Красной площади в Москве рядом с сидящим князем Пожарским.

В конце 1964 года, после отставки Хрущева и когда страсти по этому поводу еще не улеглись, Георгий вместе с коллегой по работе и хорошим другом — Федором Семеновичем Мирошниченко был в командировке в Москве. Как-то вечером тот предложил навестить своих родственников, проживавших в столице. Время позволяло это сделать, и они поехали.

Эрна Давыдовна и ее муж — Роман Давыдович оказались дома. Хозяева радостно приняли неожиданных гостей. Быстренько накрыли стол и уже за столом завершилось знакомство их с Георгием и его с ними. Хозяева были ровесниками века. Эрна Давыдовна являлась ветераном партии, о чем свидетельствовал маленький значок с силуэтом вождя, выдававшийся тем, кто в партии состоял пятьдесят и более лет. Она уже не работала, а Роман Давыдович, будучи доктором юридических наук, занимался научно-педагогической деятельностью. Узнав, что Георгий учился на юридическом факультете Ленгосуниверситета, он детально расспросил его об учебе, о преподавателях, многих из которых, как оказалось, он прекрасно знал и помнил.

Мирная и спокойная беседа неожиданно была прервана. Роман Давыдович, не прерывая разговора, занимался бутылкой с каким-то игристым напитком. Ему не удалось удержать пробку и бутылка выстрелила. Весь напиток фонтаном обрушился на потолок, стены и всех сидевших за столом. Это было так неожиданно, что никто не успел увернуться от напасти. Когда опомнились и осмотрелись, увидели, что потолок, стены и скатерть были в синевато-лиловых потеках и пятнах. Ус-

покоившись, приведя себя в порядок и убравшись на столе, застолье закончили спокойным неторопливым чаепитием. За чашкой чая зашел разговор о Хрущеве. Злободневность вопроса к этому времени еще не прошла, вспомнили его полезные начинания и дела. Вспомнили и его “художества”. Когда Эрна Давыдовна стала говорить о его “художествах” и обвинять в волюнтаризме, Георгий обратился к ней с вопросом: — Эрна Давыдовна! Как же так получается? Когда Никита Сергеевич был при власти, Вы совершенно по-другому оценивали его действия. Ведь это Вы, как старый большевик, работавшая вместе с Лидией Александровной Фотиевой, подписались под письмом ста старых большевиков, адресованном Никите Сергеевичу, называя его в письме верным ленинцем, ведущим страну по Ленинскому пути к светлому будущему, которое по программе партии, принятом на XXII съезде, должно будет наступить в 1980 году. А сейчас, когда его сняли, Вы его критикуете, как говорят, и в хвост, и в гриву.

Эрна Давыдовна внимательно, не перебивая, выслушала все и когда он закончил, она, как бы укоризненно, покачала головой и сказала: — Дорогой Вы мой! Если бы Вы знали, как появилось это письмо, Вы так не говорили бы. А дело было так. Мне позвонили из ЦК и сказали, что старые большевики надумали к семидесятилетию Никиты Сергеевича послать ему поздравительное и благодарственное письмо и что под этим письмом среди ста подписей есть Ваша фамилия. Осталось подписать только Вам. Когда можете это сделать?

Я ответила, что готова сделать в любое время. На следующий день ко мне приехали и положили письмо на стол. На нем не было ни одной подписи. На мой удивленный взгляд было сказано, что каждый ветеран подписывает свой экземпляр. Что девятью девятью уже подписали. Я, естественно, поверила и подписала, хотя не все из того, что делалось в стране и в партии, мне было понятно и поэтому вызывало сомнение.

Георгий видел, как во время рассказа Эрна Давыдовна волновалась. Он мысленно корил себя, что затеял этот разговор, который оказался для нее не очень приятным. Чтобы как-то сгладить остроту, он перевел разговор на подарок чешских друзей. Во время посещения Чехословакии местные коммунисты подарили Эрне Давыдовне стиральную машину, которая никак не хотела запускаться. Он попросил показать ему эту строптивку. Увидев машину, он спросил дать пассатижи и отвертку. Покопался недолго в чреве машины, усилил натяжение приводного

ремня и машина запустилась. Хозяйка была несказанно рада. За этими хлопотами, ахами и охами, она отвлеклась от неприятного разговора и успокоилась.

Да, октябрь этого года выдался урожайным на события. Георгий, перебирая в памяти все, что произошло в октябре, подумал об октябре следующего года. Каким-то он будет?

Пошли снова будни. В работе секретных органов начались некоторые реформы. Упор стал делаться на воспитательно-профилактическую работу среди научных и инженерно-технических работников. Георгий текущие дела поручил вести своим заместителям, а сам занялся воспитательной работой, профилактикой и контролем. Созданная контрольная группа не сразу нашла нужные формы и методы работы. Георгию помогало то, что заместитель Музрукова — Степан Филиппович Жмулев, руководивший в прошлом головным секретным органом, зная все тонкости работы, помогал ему в постановке новой работы.

ПОЕЗДКА С МИНЫЧЕМ НА УРАЛ. “СВАТОВСТВО” К КОРОЛЕВУ

Весной 1965 года Министерство проводило проверку состояния режима и охраны секретности на одном из Уральских заводов. Завод сравнительно недавно был пущен в строй. Лет десять-двенадцать тому назад. Георгий помнил, как отвозил на этот завод первый комплект конструкторской и технологической документации на изделия, которые тот должен был производить. Его встречал тогдашний начальник Первого отдела завода Комлев. Он посадил Георгия в машину, задернул шторы на ее окнах и кружил вокруг заводууправления по улицам минут двадцать. Потом выяснилось, что Комлев от избытка сверхбдительности, делал эти маневры, чтобы запутать “постороннего” и зашифровать местонахождение заводууправления.

Комиссию по проверке завода возглавлял генерал Иванов Александр Миныч, заместитель Боровкова. Ранее он возглавлял Отдел “К” КГБ СССР, который курировал и охранял от западных спецслужб атомную науку и промышленность. В комиссию был включен и Георгий.

Генерала знали, уважали и даже любили сотрудники, знавшие его. Наш Миныч — так называли его кагебисты и секретчики.

К моменту приезда комиссии на Урале начался период активности энцефалитного клеща. В городе проводилась широкая компания по предупреждению населения об опасности контак-

тов с клещом и о правилах поведения в лесу, на реке, на массовках и пикниках за пределами города. В предпраздничные дни Первого мая и Дня Победы этому клещу были посвящены и некоторые выступления художественной самодеятельности на сценах клубов и Дворца Культуры. Во Дворце Культуры показали инсценировку привала солдат. Солдаты читали письма, якобы, полученные от родных и близких, проживавших в этом закрытом городе, куда приехала комиссия. Один солдат зачитывал письмо, полученное от невесты. Она сообщала:

— “Дорогой! У нас наступил период, угрожающий страшной болезнью. Угрожает энцефалитный клещ. Но мы не сдаемся. Вчера, в воскресенье всей лабораторией ходили в лес. На поляне жгли костер. Медики нам рекомендовали в лесу периодически осматривать друг друга. Мы каждые полчаса раздевались донага и осматривали друг друга, чтобы убедиться, не присосался ли где клещ. Несколько раз раздевались и одевались. А потом нам надоела эта канитель. Мы разделлись и не одевались до самого вечера, до ухода домой. Сначала мы стеснялись мужчин, а они нас. Потом привыкли и даже не замечали, что мы голые”.

В письмах зачитывались многие моменты из жизни города, его жителей, о происшествиях и скандальных историях, прогремевших в последнее время. Зрители смехом и аплодисментами встречали все, что доносилось со сцены.

Заместитель директора завода Иван Бадьин, зная увлеченность Миныча рыбалкой, решил ему потрафить и организовал воскресный выезд на реку. Миныч и несколько членов комиссии, сопровождаемые Бадьиным, поехали несмотря на энцефалитную угрозу. На машине доехали до заболоченного места и дальше двинулись пешком в надежде, что река рядом, о чем не переставал убеждать всех Бадьин. Шли долго, продираясь сквозь кустарник, местами прыгая с кочки на кочку. Шли долго, а реки все не было. Потом оказалось, что шли не к реке, а вдоль берега. Когда свернули в сторону, сразу вышли на берег реки. Небольшая горная речушка шумно катила свои неглубокие воды, бурля у многочисленных валунов.

Первые забросы удочек вызвали у всех сомнение в том, что в реке есть какая-либо рыба. День был пасмурный и еще больше портил и без того испорченное настроение. Миныч решил сматывать удочки и предложил Георгию возвращаться домой. Когда они пошли к машине, раздался торжествующий крик Бадьины:

— Я поймал! Рыба в реке есть! и, не снимая улова с крючка, он подбежал к генералу. На крючке болталась крохотная мелюзговина, для которой не нужен был садок. Достаточно было спичечного коробка.

Миныч отmaterился, махнул рукой и пошел к машине. Он, Георгий и еще один член комиссии не стали ждать Бадьина, сели в машину и поехали в гостиницу.

Поездка на реку принесла усталость и жалость зря потраченного времени. Георгий ожидал, что Миныч даст разнос Бадьину, но он ни словом, ни взглядом не выразил своего неудовольствия. Позднее об этой рыбалке рассказывал с юмором, да так, что слушатели смеялись до слез.

Георгий помнил и ни на минуту не забывал предупреждения медиков о клеще. Видимо, эти думы вызвали соответствующую реакцию организма. Уже в гостинице у него стало покалывать и пощипывать что-то в паху. Он сказал об этом своему соседу по номеру — Виктору Бронникову. Виктор тоже входил в состав комиссии. Он заставил его раздеться, осмотрел его и в паху увидел черную точку, которую принял за клеща. Тут же в номере, прокалив на огне маникюрные щипчики, он откусил ими черную точку, которая была просто родимым пятнышком. Из-за кровотечения пришлось идти в медпункт. Медичка обработала рану и когда узнала причину ее появления, предложила сделать профилактический укол. Георгий отказался. Ему кто-то говорил, что его знакомый заболел энцефалитом от такого укола. Георгия предупредили, что инкубационный период у клеща длится три недели. Если через это время будет повышаться температура и появится недомогание, надо немедленно обратиться к врачам. С этого времени он начал отсчет дней. Он был уже на объекте, дома, когда на двадцатый день почувствовал себя неважно. Стала повышаться температура. Он на следующий день собрался идти в больницу. Утром, проснувшись, он первым делом сунул подмышку термометр. Тот, к радости Георгия, показал нормальную температуру. На этом и закончились все его страхи.

В конце сентября, когда Боровков был то ли в отпуске, то ли в командировке, его заместитель вызвал Георгия в Москву, на переговоры с Заместителем Министра Оборонной промышленности генерал-лейтенантом Ратниковым. Николай Тимофеевич знал Георгия и встречался с ним, когда работал заместителем у Боровкова.

Ратников предложил ему перейти на работу в Москву, в ведомство Сергея Павловича Королева. Георгий, не раздумывая, дал согласие. На это у него были веские причины. Его дочь училась в Ленинграде, в интернате для слабослышащих и глухих детей и давно просила родителей взять ее домой. Родители не могли это сделать, так как в Арзамасе-16 не было таких учебных заведений.

На вакантную должность к Королеву проводился своего рода конкурс. В нем участвовало пять кандидатов. Кандидаты рассматривались на Лубянке, в КГБ СССР и в УКГБ по Москве и Московской области. Конкурс выиграл Георгий. Все это проходило в начале октября. После конкурса Ратников повез его в Подлипки. На проходной Георгий обратил внимание на контролеров. Ими были молодые девчата, высокие и стройные, как на подбор. На каждом проходе по две контролерши. Они стояли лицом друг к дружке, так, что их бюсты образовывали своеобразный турникет, после проверки пропусков они разворачивались, вставали боком и давали возможность пройти на территорию. Так они сделали и тогда, когда пропускали Ратникова и Георгия.

В кабинете Королев был один. Он пригласил пришедших присесть и с хода стал задавать вопросы Георгию: где тот работал до этого, кем? С кем из известных ему лиц ему приходилось работать? получив ответы на все вопросы, что его интересовало, он спросил, какое впечатление произвело его Конструкторское бюро. Георгий рассказал о том, что он успел увидеть, о проходных и о “живых турникетах”. Королев рассмеялся и сказал, что девчат по его поручению вербовали на Украине и не ошиблись. Они верно несли службу.

После краткого экскурса по должностным обязанностям Георгия. Королев извинился и, сославшись на занятость, закончил встречу, сказав о своей согласии с его назначением.

До назначения ему предстояло пройти утверждение на Коллегии Миноборонпрома. До коллегии надо было ждать целую неделю. Георгий вернулся домой и стал ждать вызова. Обо всем, что было в Москве, он рассказал Музрукову и Жмулеву. Когда ему передали о вызове его к аппарату ВЧ-связи, он был почему-то уверен, что его вызывают на коллегию. Оказалось не то. Звонил Боровков. Он резко отчитал Георгия за “сватовство” за его спиной и предупредил, что сделает все возможное и невозможное, чтобы помешать его переходу к Королеву. И

он выполнил свою угрозу. Сделал все, чтобы были причины для отказа в переводе.

ПОВЫШЕНИЕ В ДОЛЖНОСТИ. НОВОЕ ЗВАНИЕ

Перед новым 1966 годом Заместителя Музрукова переводят в Министерство и на его место назначается Георгий. Таким образом, вопрос о его переходе к Королеву отпал сам собой. С назначением Заместителем начальника объекта по режиму и охране, он становился ответственным за обеспечение охраны и секретности в главном атомном центре страны. Объем возложенных на него задач слагался из ряда составных его частей: закрытый город с населением более пятидесяти тысяч человек; охранная зона протяженностью до ста километров, на которой полтора десятка застав; два десятка секретных органов и более трехсот секретчиков, обслуживавших полтора десятка тысяч исполнителей секретных работ и документов. Через секретные органы ежедневно проходило несколько десятков тысяч документов, содержащих сведения Государственной тайны всех степеней секретности. Наличие в подразделениях и на складах значительных запасов радиоактивных и взрывчатых материалов и ежедневная работа с ними в научно-экспериментальных и производственных подразделениях требовали неусыпного внимания и контроля при обращении с ними и охраны при их хранении и транспортировке.

Не всегда оправданные повышенные требования режима секретности, а также имевшие место перегибы в предъявлении иногда не обоснованных требований вызывали негативную реакцию исполнителей секретных работ и документов и руководителей подразделений объекта. Большие претензии к режимным органам имели жители закрытого города. Причинами этого были ограничения в выезде и выходе за пределы охраняемой зоны. Всем было известно, что ограничения были введены решениями Правительства. Но свое недовольство они выражали не Правительству, а изливали его на режимную службу. Это было ближе и безопаснее.

Ограничения, вызванные необходимостью сохранить секреты, являлись в какой-то мере тормозом в научно-производственной деятельности объекта и в решении жизненных проблем жителей города.

Чтобы уменьшить негативное влияние режимных требований, стал постепенно меняться подход к их осуществлению. Мини-

стерство и контрольные органы вводимые режимные требования стали сопровождать оговорками о том, что выполнение их должно способствовать выполнению планов научно-конструкторских и производственных работ.

Начальник объекта совместно с Георгием стал предпринимать меры, чтобы разрядить обстановку, сложившуюся в городе в связи с пропусками за зону. Их предложение о введении зональных пропусков для всех жителей города было поддержано Москвой. Но прежде выдачи десятков тысяч пропусков на руки надо было решить проблему пропускной способности контрольно-пропускных пунктов. К весне центральный КПП был переоборудован и смог пропускать через себя в сотню раз больше, чем было до переоборудования. Оперативно были изготовлены пропуска и объявлено о их выдаче. Сначала многие не поверили, что им можно будет выходить свободно за зону. Почти двадцать лет люди жили в условиях закрытого города и в возникшее послабление им было трудно поверить.

В первый день открытого выхода за город Музруков и Георгий решили посмотреть, как будет проходить пропуск людей через новый КПП. Перед открытием пешеходных проходов КПП собралось несколько тысяч человек. Они образовали несколько очередей по количеству проходов. За зоной, недалеко от КПП протекала маленькая речушка Вичкинза. Георгий обратил внимание Музрукова на то, что многие, выйдя за зону, шли на берег речушки, устраивались группами и устраивали своеобразный пикник. После выпивки и закуски они поднимались и шли обратно на КПП, чтобы вернуться в город. Музруков остановил несколько человек и спросил их, зачем они выходили за зону. Ответ был один: они не верили, что выход будет свободный и решили проверить, так ли это. А когда убедились, что это правда, вернулись обратно в город. И так было почти с месяц после введения пропусков за зону.

Введение зональных пропусков оказало положительное влияние на дисциплину на производстве и в городе. Всем было объявлено, что нарушители дисциплины будут лишаться права свободного выхода за зону.

С другой стороны, введение пропусков значительно увеличило нагрузку на городской отдел госбезопасности. Многократно возросла возможность нежелательных и неконтролируемых контактов работников объекта и жителей города с посторонними и неизвестными лицами, среди которых могли быть “охотники за секретами”.

Несмотря на предполагаемый риск, введение зональных пропусков оправдало себя и по другим показателям. Во-первых, режимная служба, избавленная от необходимости ежедневно рассматривать сотни заявлений граждан на выезд за зону и заниматься оформлением тысяч пропусков, получила возможность больше уделять внимания вопросам, от которых зависели уровень и надежность охраны и установленного режима.

Во-вторых, работники объекта и жители города перестали тратить время на преодоление препон и заслонов, препятствовавших выезду за зону. Меньше стало нареканий и претензий к режимной службе.

Все это, в конечном итоге, благотворно сказалось на основную деятельность и на психологический климат в городе.

Первые месяцы Георгию пришлось работать в сложных условиях. К приходу на эту должность на объекте сменилось все руководство режимно-секретных органов объекта. В головной секретный орган пришел новый начальник, ранее не работавший в этой области. Руководителем режимного отдела стал полковник, до этого командовавший дивизией Внутренних войск МВД СССР. Отдел учета и хранения радиоактивных источников и драг металлов был вообще без начальника. Старый начальник ушел в лучший мир, а нового пока не было. Дополнительные трудности возникли с созданием новых направлений, таких, как разработка новых технических средств охраны и спецсигнализации.

К этому времени на объект зачастили высокие комиссии из Министерства, которые внесли какой-то непонятный накал обстановки. Это вызвало и озабоченность Музрукова, который временами был не в себе. Георгий несколько раз пытался выяснить у него причину происшедшего, но тот уклонялся от ответов, обстановка накалялась. Наконец, Георгию удалось-таки разговорить Музрукова. Оказалось, что Москва всполошилась из-за того, что было обнаружено расхождение в учетно-отчетных документах данных по специальным изделиям. По производственным отчетам значилось одно количество изготовленных бомб, а по фактическому наличию на одну бомбу больше. Одно изделие оказывалось лишним. Встал вопрос, как получилось, что министерство отчиталось за одно количество изделий, а изготовило на одно больше. Почему, кому и зачем это было нужно? В этом и была причина наезда комиссий. Поэтому Борис Глебович и был озабочен и расстроен.

Узнав о причине напряженности и озабоченности начальника объекта, Георгий напомнил Борису Глебовичу о том эпизоде, который произошел осенью 1956 года. Тогда по приказу из Москвы он вынужден был собрать изделие в боевом варианте, используя для этого узлы ЗИПа. Бомбу собрали, а после отбоя не разобрали и положили “на полку”. Музруков все вспомнил и в первый момент хотел даже попенять Георгию, почему тот до сих пор молчал. Но, вспомнив его приставания по поводу комиссий, он извинился, сказал, что был не прав, когда не отвечал на его вопросы. В заключение он поблагодарил его за напоминание. После этого разговора с Музруковым, комиссия переключилась на Георгия и стала его дожимать. Она досконально выясняла все. Что и как было? Кто участвовал в сборке изделия? Запротоколировала все, о чем он говорил и рассказывал и после доклада в Москву комиссия отбыла восвояси. Вскоре в Министерство был вызван Георгий. Объясняться пришлось у Министра и Боровкова. Все, о чем он докладывал в Министерстве, ему пришлось повторить в ЦК КПСС Заведующему Оборонным Отделом Сербину Ивану Дмитриевичу. Наверное, в то время не было ни одного директора предприятия из “оборонки”, который бы не знал крутого нрава Сербина. Георгий его не знал и встреча была первой, но не последней. Георгий стоя выслушал целый поток ругани и обвинений в свой адрес, не получая возможности сказать что-либо в свое оправдание. Монолог шел в повышенных тонах, круглыми фразами и выражениями. Когда запал у Сербина прошел, он разрешил Георгию сесть и дал возможность рассказать, как было дело. Сербин вспомнил то время, когда надо было подкрепить требования СССР о прекращении агрессии Англии и Франции против Египта, и тогда появилась потребность в том злополучном изделии. К счастью, тогда все обошлось без крайних мер.

Разговор в ЦК для Георгия прошел без каких-либо мер партийного воздействия, ибо в том, что произошло, его вины не было. Но в конце разговора Сербин предупредил об обязательной информации о подобных случаях его лично.

В следующую встречу с Сербиным, которая произошла на объекте, он о той истории вспоминал с улыбкой. Он тогда приезжал на объект вместе с Заместителем Председателя Совета Министров Леонидом Васильевичем Смирновым, курировавшим ВПК. Георгию пришлось сопровождать их на площадку, где проводились испытания изделий на ударопрочность. На площадке

для этих целей была построена ракетно-катапультирующая установка (РКУ). Для показа приездим был сделан демонстрационный пуск. Были видны только начало движения тележки и момент удара ее о преграду. Эти моменты угадывались по огню и дыму. Из-за высокой скорости тележка на трассе скорее угадывалась, чем виделась.

При посещении Смирновым и Сербиным производственных подразделений их сопровождали Музруков и руководители подразделений. С ними был и Георгий. В сборочном цеху завода Георгий сказал Сербину, что то изделие, вызвавшее переполох, собиралось в этом цеху. Только он рассказал об этом, как Смирнов, оглядывая цех, над мостовым краном в нише стены что-то усмотрел. По его просьбе один из рабочих цеха поднялся вверх, достал какой-то сверток и показал Смирнову, в свертке были крепежные инструменты. Смирнов назвал это вопиющим безобразием, с возмущением попенял Музрукову за допущенное "безобразие" и нелестно высказался в адрес директора завода. Находившийся в свите директор завода был обижен тоном выговора. Он тихо спросил Музрукова, когда ему подавать заявление об уходе с поста директора. Тот его успокоил и посоветовал не кипятиться. Георгий все видел и слышал и понимал состояние директора. Он мысленно был на его стороне. В то же время он был согласен по существу сделанного замечания, но нельзя же делать даже правильные замечания таким уничижительным тоном, который не только оскорбляет, но и унижает провинившегося. Начальство, сделав выговор, прошло дальше, не заметив, что наступили, образно говоря, ногами на самолюбие и достоинство человека, отдававшего всего себя своему родному заводу.

Став заместителем начальника объекта, Георгий начал знакомиться с условиями несения службы солдат, охранявших атомный центр. При обнаружении помех для их службы он стремился тут же принимать меры к их устранению. На железнодорожном контрольно-пропускном пункте не предусмотрели платформы и солдаты с карабинами за плечами вынуждены были с трудом взбираться на подножки пассажирских вагонов для проверки. А при проверке грузовых вагонов взбирались в вагоны только с помощью напарника. Георгию удалось уговорить командование дивизии построить платформу своими силами. Объект поставил все необходимые материалы и обеспечил стройку механизмами. Солдаты активно взялись за сооружение платформы, понимая, что она прежде всего нужна им.

С ее вводом были исключены случайные выстрелы, которые бывали ранее.

На лесных заставах, находившихся от города в десяти и более километрах, офицеры жили с семьями. Школьников возили на учебу и с учебы домой машинами. Лесные проселки, увитые корнями деревьев, трепали не только машины, но и маленьких пассажиров. Школьники езду по таким дорогам называли зубодробильным уроком. Можно было догадываться, что чувствовали солдаты, когда жена офицера занималась постирушкой, подоткнув подол платья за пояс, и что чувствовала она сама под пристальными взглядами солдат. Когда Георгий доложил Музрукову о своих наблюдениях за жизнью застав, тот предложил переселить семьи офицеров в город, предоставив для этого необходимое количество квартир. К сожалению, командовавший в то время Внутренними Войсками МВД СССР генерал-лейтенант Пильшук не принял предложения объекта и все оставалось по-прежнему.

К этому вопросу вернулись во время посещения объекта новым Министром Внутренних Дел Щелоковым, который презжал не только для инспекции дивизии, но и из желания познакомиться с ядерным центром. Многие думали, что он

Щелоков в Арзамасе-16

приезжал по совету своего влиятельного друга и земляка Леонида Ильича Брежнева.

О его приезде на объект Георгий узнал от Боровкова, который предупредил принимать гостя без выкрутас и браконьерства.

Щелоков пробыл на объекте целую неделю. Сопровождавший его заместитель Боровкова Герман Иванович Дорогов, Георгий и командир дивизии постоянно находились с Министром и Пильщук. За завтраком, обедом и ужином Щелоков рассказывал о своих планах, о необходимости изменения положения милиции, усиления борьбы с преступностью. Прикладываясь к армянскому коньяку, он нахваливал молдавский, этикетки которого украшались многими медалями.

В первый день приезда он заслушал доклад командира дивизии. Заслушивание проходило в присутствии тех же лиц, которые были постоянно с ним. Во время заслушивания странно повел себя Командующий Войсками Пильщук. Министр, стоя у карты зоны, по ходу доклада спрашивал, что означал тот или иной условный знак на карте. Пильщук с явной неприличностью и издевкой, перебивая докладчика, говорил: “А это, товарищ Министр, на военном языке называется...”, своим пояснением как бы подчеркивал, что Министр человек сугубо гражданский и военную грамоту ему не осилить.

Когда поехали по заставам, Георгий рассказал о неудобствах проживания семей офицеров на заставах и предложении Музрукова переселить их в город, которое не было принято Пильщук. Щелоков сидел на переднем сиденье. Он приказал шоферу остановить машину. Повернувшись к Пильщuku, сидевшему на заднем сиденье рядом с Георгием, спросил его: “Почему не принято предложение объекта?”. Тот ответил, что не принял предложение потому, что на всех погранзаставах семьи офицеров живут вместе со всеми, на заставах. Свое решение Министр объявил по приезде на заставу, узнав мнение офицеров и их жен он отменил решение Пильщука.

Из общения со Щелоковым Георгий вынес свое мнение, что тот сталинист. Особо это проявилось на одном совещании с офицерским составом дивизии, проведенном Щелоковым. Один майор докладывал о трудностях комплектования частей новым пополнением. Он рассказал о своей поездке за пополнением в Грузию, и о посещении райвоенкома с просьбой о помощи в отборе призывников в спецчасть МВД.

— Когда я зашел в кабинет к военкому, — сказал майор, — то увидел за его спиной большой портрет Сталина, и сразу понял,

что здесь помощи не получить. Что можно ждать от человека, у которого и за спиной, и в голове — Сталин.

Министр посадил майора на место и ничего не сказал по сути его выступления, а командиру дивизии приказал доложить ему личное дело этого майора. Чем закончилось для майора его выступление на совещании Георгий не знал, но предполагал, что не добром.

По окончании официальной части пребывания на объекте Щелоков попросил свозить его в Мордовский государственный заповедник имени Смидовича. Он планировал еще до выезда на объект поохотиться с фоторужьем. Сразу ответить на его просьбу никто не мог. Стояло предзимье. Дорогу заснежило. Георгий позвонил командиру ракетчиков зенитной части, охранявшей объект, и попросил его сделать дорогу проезжей для легковой машины. Ракетчики прогнали по дороге машину на гусеничном ходу и проторили ее до заповедника и до кордона “Инорки”. Директора заповедника предупредили о приезде гостей. Поехали на двух машинах. По дороге Щелокову удалось сделать несколько снимков лосей. Заехали на Центральную усадьбу и взяли с собой директора заповедника Юрия Васильевича Коротеева. До кордона добрались без происшествий. Хозяин кордона Михаил и его жена Наташа, предупрежденные директором, были готовы к встрече гостей.

Дом лесника стоял на пригорке метрах в двадцати от берега озера.

Особенно красиво это место летом. Озеро небольшое по ширине и вытянутое на километр в длину состояло как бы из двух половинок соединенных протокой. По берегам раскинулся боровой лес, подступивший с одной стороны к самому берегу, от чего вода озера казалась затемненной. В одном месте лес отступал от берега и образовал полукруг, как бы уступая место для дома лесника и еще одного дома, построенного объектом как база отдыха для избранных любителей рыбалки.

О том, что озеро рыбное, было известно от местных рыбаков, промышлявших здесь в основном зимой. Летом озеро было вотчиной любителей-удочников и спиннингистов. Метод промысловой зимней ловли рыбы Георгию стал известен только здесь. Рыбаки в толстом льду вырубали траншею глубиной до полметра и длиной метров пять. В одной стороне траншеи делали небольшую прорубь и в траншею заходила вода. На ночь все прикрывали плетеными ставнями и засыпали снегом. Рыба в условиях зимнего кислородного голода за ночь плотно набивалась

в траншею подышать свежим воздухом. Утром рыбаки заранее подготовленной круглой крышкой прикрывали прорубь и рыба оказывалась в западне.

Хозяева кордона, Михаил и Наташа встречали гостей у крыльца дома. Наташа предложила остановиться в их доме, а не в доме-гостинице рыбаков. Щелоков принял приглашение и все зашли в большой, просторный и хорошо протопленный дом. Дети-школьники учились и жили в интернате. О них напоминали фотографии, висевшие на стене в рамках, в каких было принято на Руси развешивать фотографии родных и близких.

В большой комнате-горнице был накрыт стол и аромат чего-то невероятно вкусного заполнял избу. Все уселись за стол. Наташа, сгибаясь от тяжести, внесла из кухни большую сковороду, на которой дымилась гора жареного мяса. Сразу стало понятно, откуда шел тот аромат, вызывавший невольные слюнки во рту. Наташа на вопрошающие взгляды гостей объявила, что на сковороде мясо косули. Щелоков сурово посмотрел в сторону командира дивизии и с не меньшей строгостью в голосе произнес:

— Я же приказывал не браконьерствовать!

На его укор сразу отреагировал директор заповедника:

— Товарищ Министр! — начал он, — заповедник научная организация. Институт, можно сказать. Работает у нас целый коллектив научных сотрудников. Они не только наблюдают, но и исследуют. Для их исследования нужен материал. Этим материалом у нас являются звери, птицы, рыбы и разные бабочки и жучки. То, что сейчас на сковороде — это остатки материала, остатки от косули. Ее отстреляли для выполнения плана научных работ. Лаборатория использовала несколько сот граммов материала, остальное мы через магазин реализовали для сотрудников, а здесь остатки нереализованного мяса. Но Вы не волнуйтесь, — продолжал он, — мясо свежее и приготовлено оно нашей мастерицей Наташей. Та от похвалы зарделась, как маковый цвет, и скромно опустила глаза.

Щелоков, выслушав Коротеева, удовлетворился сказанным и первым потянулся к сковороде, его примеру последовали все, сидевшие за столом, и гости, и хозяева. Под водочку и коньячок косуля разошлась быстро.

Короткий световой день укоротил пребывание на заповедном озере. Уже смеркалось. Машины тронулись в обратный путь. На объект возвратились запоздно.

На другой день, утром, перед отлетом в Москву Щелоков посетил городской краеведческий музей. Директриса музея Виолетта Лукьянова подарила гостю книгу о Сарове и Саровском монастыре, изданную еще до революции. В описываемое время о Сарове было запрещено даже упоминать. Георгий посоветовал книгу отправить почтой и стал ее отбирать у майора-адъютанта Министра. Щелокову не понравились действия Георгия, но он не подал виду, и, как бы, согласившись с предложением, дал указание майору передать книгу для пересылки почтой.

После отлета Министра и его свиты Георгий позвонил в Москву Боровкову и доложил о завершении визита и вылете гостей в Москву. Он был крайне удивлен, когда тот заговорил о посещении “Инорок”, об обеде на кордоне и о других деталях поездки в заповедник. Было удивительно, что так скоро дошла в Москву информация. Видимо, не зря кое-кто ел свой хлеб.

Боровков одобрительно отнесся к отбору книги и потребовал ее выслать немедля лично ему для последующей передачи Щелокову. Георгий отлично понял Боровкова, который любил делать приятное высоким чинам. Это всегда учитывалось и отзывалось добрым эхом.

Георгий, информируя Боровкова о визите, высказал ему свои предположения о возможном скором снятии с должности Командующего Войсками генерала Пильщука. Предположения оправдались буквально через месяц. Пильщук был снят с должности и отправлен в резерв. Вместо него командующим был назначен генерал Яковлев Иван Кириллович.

Новый Командующий Войсками тоже посетил объект. Это случилось весной следующего года. При этом визите несколько не повезло командиру дивизии. Он выехал встречать Яковлева за зону и где-то в пути их машины разминулись. Георгию позвонили с КПП и доложили, что прибыл генерал Яковлев, а командир дивизии выехал через КПП за пределы объекта и до сих пор его нет. Он доложил об этом казусе Музрукову и срочно выехал на контрольно-пропускной пункт. Яковлев успел познакомиться о КПП. Георгий представился и предложил генералу заехать в Административный корпус для встречи и знакомства с Музруковым. А к тому времени найдется и командир дивизии. Так это и было. Не успели Музруков с Яковлевым закончить разговор, как объявился командир дивизии. Он

с извинениями объяснил случившееся и пригласил Командующего в штаб дивизии.

Второй промах произошел на одной из застав. Зная, что Яковлев был увлеченным рыболовом, он решил его удивить. Он приказал срочно отрыть котлован, заполнить его водой и запустить туда карасей.

Как ни тяжело было копать котлован в глинистом грунте, его сделали. Только не успели убрать вынутый грунт, который грудами остался лежать по краям вырытого водоема.

С приездом высокого начальника несколько солдат, разделые до нижнего белья, забрались в воду и небольшой металлической сеткой стали ловить карасей. Караси оказались шустрей рыбаков. День был пасмурный и прохладный. Чувствовалось, что рыбаки старались быстрее двигаться в воде не только для того, чтобы поймать рыбу, а больше для того, чтобы немного согреться. Своими ногами они взбаламутили воду и она стала походить на круто заваренное какао. Караси никак не хотели попадаться в сеть. Наконец, удалось поймать несколько карасиков за один заход. Яковлеву надоело наблюдать за происходящим. Он взмахнул рукой и со словами: “Хватит ломать комедию” пошел к машине, сел и поехал, не дожидаясь сопровождавших его лиц.

Только положительные впечатления о части, об уровне боевой и политической подготовки личного состава спасли командование дивизии от неприятных последствий.

Шел последний квартал 1967 года. В один из октябрьских дней Георгию позвонил начальник медико-санитарного отдела и пожаловался на вновь прибывшего молодого специалиста, который после окончания мединститута был направлен на работу в медсанотдел объекта, но к работе приступать не желал и просил отправить его обратно в институт.

Георгий пригласил начальника медслужбы вместе с “бунтовщиком” к себе в кабинет. Когда они приехали, молодой специалист показался Георгию знакомым. На вопрос о фамилии тот отрекомендовался Александровым, Сергеем Евсеевичем Александровым. Георгий догадался о его родстве с майором медслужбы Александровым, у которого он в Галиче в 1946—1948 годах был заместителем. Уточнение подтвердило догадку о родстве. Молодой специалист был младшим сыном Евсея Куприяновича, его Георгий видел маленьким, ходившим под стол пешком. Сергей на уговоры остаться на объекте не пошел. Он мечтал после института работать и быть рядом с

отцом и перенимать его мастерство. От своей мечты он уходить не хотел. По закону молодые специалисты после окончания вуза должны были отработать три года в указанных в путевках местах. Георгий это знал. Но ломать мечту человека было не в его правилах, и

он уговорил начальника МСО согласиться с просьбой Александра и отпустить его обратно в институт. Впоследствии Сергею удалось поработать рядом с отцом до его последнего часа.

Октябрь проходил. Георгий думал, что октябрь этого года придет без никаких событий. Но он ошибся. 29 октября поступила ВЧ-грамма от Начальника УКГБ Горьковской области генерала Горшкова. Он поздравлял его с присвоением очередного звания “полковник”. Георгий этого никак не ожидал, капитаном он проходил пятнадцать лет. А здесь за десять лет сменил три звания: от майора до полковника.

1967 год был памятен для Георгия тем, что в марте он вновь был избран депутатом городского совета и председателем депутатской комиссии по культуре. В прошлый созыв он возглавлял депутатскую комиссию по соцзаконности. На его избрание Председателем другой депутатской комиссии, по-видимому, повлияло его участие в культурных городских мероприятиях. Однажды, на городском вечере во Дворце Культуры он вел вечер и даже выступил со своими опусами в стихах. Он прочитал сначала басню. Ему были знакомы несколько человек, которые и к месту, и не к месту рассказывали о своем знакомстве с великими и влиятельными персонами и этим, как бы, стремились обособиться от окружавших их лиц. Им-то и посвятил свою басню автор.

В кругу друзей любил Уж похвалиться:

Меня все знают. Знаю многих Я.

Мне с места не сойти, сквозь землю провалиться,

Все змеи сильные мои друзья.

Пошел слушок, что будто бы Удав пополз удачно в гору.

В большом лесу он занял важный пост.

И Уж наш тут, как тут, и к разговору

он за Удава поднял первым тост:

Удав — друг детства. За его успех!

Желаю земляку и дальше так трудиться.

Скажу Вам по секрету, не для всех:

Мне выдвижение Удава

может пригодиться.

Так длилось месяц, или год, и вот,
узнал наш Уж, ползя с охоты,
О том шумел змеиный род,
Удава выгнали с работы!
На хвост поднялся Уж.
Удав не друг мне, он же карьерист!
На тот высокий пост ужом пробрался!
Судить его. Он на руку не чист
и не иначе там проворовался!
Случается такое только среди змей.
среди мужей нет, не бывает
Среди мужей ведь нет ужей.

Некоторые присутствовавшие в зале увидели в ней себя и несколько обиделись. Они упрекали потом автора, зачем он самую безобидную тварь так изобразил в своей басне.

После басни его попросили прочитать еще что-нибудь свое. У него было одно небольшое лирическое стихотворение “Не отправленное письмо”. И он начал его читать:

Ваш образ память сохранила. И для меня остался ТЫ.
Неповторимым. Самым милым, героем девичьей мечты.
Ваш взгляд, Ваш голос, Ваши жесты,
как далеки они сейчас.
Ну, почему же мы не вместе?
Ведь я так полюбила Вас.
Виню себя, что не сказала,
а Вы уехали без слов.
Уехав, так и не узнали,
что увезли мою любовь.
Все говорят, любить обидно,
того, кто вдвое старше нас.
А я люблю.
И мне не стыдно.
Люблю и жду Вас каждый час.
Вы приезжайте, если можно.
Хочу Вас рядом видеть вновь.
Но если это невозможно,
простите мне мою любовь.
Я не несчастна. Я довольна.
Любовь не каждый мог познать.
И как бы мне ни было больно,
должна спасибо Вам сказать.

“Не отправленное письмо” срезонировало в сердцах и в душах многих из сидевших в зале, о чем говорили их аплодисменты, которых кстати, после басни было намного меньше.

ПУТЕШЕСТВИЕ ВДОЛЬ БАЛТИЙСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

Присвоением очередного звания “полковник” исполнилось одно из обещаний Боровкова, данных при назначении его заместителем начальника объекта. Осталось второе еще не исполненным, которое волновало его больше, чем первое. Он обещал свою помощь в решении проблемы с дочерью которой надоело жить в интернате и она давно просилась домой.

Однажды он брал Георгия с собой в командировку в Ленинград, чтобы присмотреть предприятие, где мог бы работать Георгий. Но он сам же отговорил его перебираться в Ленинград, обещав в недалеком будущем найти ему работу в Москве. Дочери предстояло ждать возвращения домой еще два-три года.

Уезжая из Ленинграда, Георгий взял дочь с собой, чтобы она летние каникулы провела дома. Ее приезду все были несказанно рады.

Когда стали готовиться к путешествию по побережью Балтийского моря, от Ленинграда до Калининграда, решили взять дочь с собой.

В поездку отправились двумя машинами. На второй машине ехали постоянные спутники и друзья — семья Генриха Иванова. По намеченному маршруту предстояло проехать около пяти тысяч километров.

Расстояние от объекта до Москвы одолели за два дня. Ночевали, как всегда, в Вязниках. В Москве навестили родных Генриха и Ирины. Долго задерживаться не стали и выехали в Ленинград. В Клину рассчитывали побывать в Музее Петра Ильича Чайковского. Не повезло. Дом-музей был закрыт на ремонт. Так же был закрыт и стоявший рядом с домом Концертный зал. Они подходили к дому, заглядывали в окна, пытаясь увидеть обстановку, в которой творил великий композитор.

Отдых и ночевку решили сделать в Едрово, стоявшем на полпути между Москвой и Ленинградом. Добрались поздно вечером. В кемпинге нашлись две небольшие комнатки, где они и разместились. Удалось купить у местных рыбаков свежей рыбы и соорудить ужин.

Едрово расположилось на берегу большого озера и местные жители почти поголовно были рыбаками и имели лодки.

Заядлые рыбаки, Георгий с сыном, поднялись утром ни свет, ни заря, когда все спали, взяли удочки и отправились на озеро. Они собирались удить с берега, но подошедший едровец любезно предложил им свою лодку. Рыбачили они у травянистого островка. Клев был неважнецкий. Им удалось поймать нескольких окуньков, но и такого улова хватило на завтрак, после которого тронулись в дальнейший путь.

Дорога пошла по Валдаю. Георгий ранее проезжал по этим местам несколько раз и считал дорогу знакомой до мелочей. Эта уверенность на этот раз едва не привела к трагедии. Раньше этот участок дороги он проезжал рано утром, по холодку, а в этот раз они ехали в полдень. День был солнечный и дождя не предвиделось. Поэтому, отправляясь в дорогу, Георгий не поставил дворники, как назывались стеклоочистители. Когда накаленная солнцем машина на скорости влетела на верх горки, все стекла салона моментально запотели. Он растерялся и стал резко давить на тормоза. Машина какое-то время шла юзом, визжа и виляя из стороны в сторону. Наконец она остановилась. Впереди, перед машиной дорогу переходило стадо коров. По другой стороне от стада стояли встречные машины, ожидая, когда стадо пройдет.

Потрясенный водитель вышел из машины и увидел на асфальте две змеевидные черные полосы тормозного следа его машины. Георгий мысленно представил себе, что было бы с ним и его семьей, не будь стада и не останови оно встречный поток машин. Ослепленная машина могла сойтись со встречной в лобовом ударе и обе машины оказались бы в глубокой низине, над которой проходила дорога.

Придя в себя и уняв дрожь, Георгий установил на ветровое стекло дворники, съехал с горки вниз и сделал остановку. Поехали дальше, когда волнение, вызванное происшедшим, прошло.

По дороге стали встречаться знакомые названия населенных пунктов: Яжелбицы, Новое Рахино, Крестцы. Эти места ему запомнились по 1942 году, когда он после окончания Спецкурсов следовал на Северо-западный фронт.

Вдалеке показались золотые и цветные купола. По времени и по всему это был древний русский город — Господин Великий Новгород. Подъехали к мосту через Волхов. Река разделила город на две части. Части города соединял мост. Этот мост, соединивший торговую часть с Софийской, имел свою историю. В древности на мосту новгородцы решали спорные вопросы судом

Божьим, то есть поединком. Спорщики вступали в драку, бились на кулаках и с оружием, сталкивая друг друга в воду реки. Драки и кровопролития кончались, когда появлялся крестный ход во главе с архиепископом.

Про мост ходила легенда. Когда новгородцы принимали христианство, они сбросили в Волхов своего старого идола Перуна. Перун из воды бросил на мост палку и произнес: “Вот вам, новгородцы, от меня на память”. С тех пор на мосту и стала литься новгородская кровь от новгородских же рук.

Переехав мост и оставив машины на стоянке, все пошли осматривать памятники старины глубокой. Больше всего времени они провели у Софийского собора и звонницы. В соборе шли археологические раскопки. Археологи, как кроты, вгрызались в землю на глубину три-четыре метра. Они копали и просеивали землю, выбирая из нее все, что могло пролить свет на жизнь и быт наших далеких предков. От собора к звоннице, от нее к памятнику тысячелетия России и обратно к собору осмотреть не нашли ли чего интересного археологи, по такому замкнутому кругу походили они, прежде, чем покинули Новгород.

До Ленинграда оставалась последняя треть дороги. Поскольку осмотр Новгорода закончили во второй половине дня, решили проехать немного и выбрать место для отдыха и ночлега на берегу какой-нибудь реки. Благо их в этом крае более, чем достаточно. Проехали Чудово и остановились на пустынном берегу речки. Травянистый берег и полукружье небольшого, но чистого кустарника делали место для отдыха каким-то уютным. Надежда на удачную рыбалку провалилась, мелководье и обилие водорослей и коряг привели к зацепам и обрывам крючков. Поужинали всухомятку, так как подготовка нормального ужина сорвалась из-за капризности туристского примуса. Сначала он не хотел разгораться. А когда разгорелся, стал неуправляем. Вместо выдачи небольшого пламени он запыхал на всю мочь. Чтобы избежать взрыва, пришлось примус мочить. Бросили в воду. Бензин продолжал гореть в воде и горел до тех пор, пока не выгорел весь.

Договорились утром подняться пораньше и сразу выехать, чтобы в Ленинград попасть к завтраку.

На ночь женская половина разместилась в палатке, а мужчины в машинах. Среди ночи мужчин разбудил женский вскрик. Тревога оказалась ложной, одной из женщин показалось, что вокруг палатки, как будто, кто-то ходил. Она разбудила соседку и они обе, расстегнув полог палатки, высунулись наружу. Дочь

Геоργия, проснувшись и увидев это, подползла к пологу и снизу тоже высунула свою голову. Одна из трусих, увидев внизу чью-то голову и, не узнав девочку, вскрикнула от испуга. Этот вскрик и был услышан мужчинами. Почти до самого утра в палатке и машинах не утихали разговоры и смех.

По утренней росе машины выехали к шоссе и направились к Ленинграду. До города оставалось сто — сто двадцать километров.

Как ни спешили наши путешественники, к завтраку они опоздали. В квартиру, где когда-то жил Георгий с семьей, ввалились неожиданно. Мария Алексеевна, мать Георгия, даже несколько растерялась. К ней без предупреждения ввалились сразу семь человек. Вместе с радостью, что приехали сын, сноха, внук и внучка, она была озабочена, где и как разместить всех приехавших. Она успокоилась, когда после завтрака Генрих с семьей поехал к их общему другу по объекту — Ивану Горчакову.

В день приезда и на следующий день Георгий удалось навеситить всех, с кем он хотел встретиться. Повидался с братом и его семьей, свояченицей брата, у которой в годы учебы он и Нина прожили несколько дней. Они в то время мотались по частным углам. Дом свояченицы на Каменном острове остался в памяти тем, что он кишел несметным количеством клопов. Как-то ночью нахальный клопище заполз в ухо Георгий, когда тот спал. Там он устроил такой тарарам, какого не было во время артподготовки перед наступлением.

Объезд родных и знакомых Георгий завершил у Вани Горчакова. Об этой встрече на память осталась фотография, на которой были сняты все три дружные семьи: Георгия, Ивана и Генриха.

Мария Алексеевна, узнав о скором отъезде гостей, обиделась, что родные так мало побыли у нее. Сын не мог задерживаться, так как был в связке с Генрихом, да и время отпуска и большой маршрут не позволяли делать долгие остановки.

Дальнейший путь вел в Прибалтику. Из Ленинграда в Эстонию вело несколько дорог. Можно было ехать по побережью Финского залива до Петродворца и на Усть-Лугу. Этот путь был долгим и запутанным. Решили ехать напрямик, через Пушкин и Кингисепп до Усть-Нарвы (Нарва-Йыессу) и далее, вдоль побережья до Таллинна. Георгий ранее не бывал ни в Пушкине, ни в Кингисеппе, но вид окружавших их сел и деревень был типично русским и ему казалось, что когда-то он

здесь, в этих краях бывал. Проехав Иван-Город и мост через Нарву, они как будто попали в другую страну. Эстония уже более двадцати семи лет была в составе СССР, но тип построек и уклад жизни говорили о недавней в прошлом зарубежности этого края.

В Таллинне туристы побывали на площади ратуши. Проехали в Вышгород, где осмотрели старинный замок, которому исполнилось более пятисот лет. Город им понравился и можно было его еще досмотреть, но проблема ночлега пересилила желание побродить по улицам города и они не стали задерживаться. Решили ехать и остановиться на отдых на берегу моря. Наметили остановку на берегу Балтики, в районе города Пярну. Из Таллинна выехали после обеда и вечером были на намеченном месте. Остановились на пустынном берегу. Поставили палатки, которые вместе с машинами образовали небольшой лагерь. Сюда доехали не по побережью, а напрямик, так же, как ехали из Ленинграда до Таллинна. Зато после Пярну до самой Риги путь шел по самому срезу морского берега, где справа от дороги плескалось море, набегая тихими волнами на песчаный берег.

В Риге побывали в местах, памятных Георгию по 1944 и 1945 годам.

Он рассказал своим попутчикам, как их 43 Гвардейская дивизия участвовала в освобождении Риги в октябре 1944 года. В ноябре дивизия вышла из Риги на ликвидацию Курляндской группировки немцев. Перед выездом в путешествие Георгий забыл взять с собой записную книжку с рижскими адресами однополчан и знакомых. В Риге он попытался найти адрес Елизаветы Васильевны Майзите и Детлава Карловича Бранткална, но адресный стол их адресов ему не дал. Они были номенклатурными жителями города. Ему оставалось только сожалеть и ругать себя за опрометчивость с записной книжкой.

Немного помня Ригу, он повел всех к Домскому собору с надеждой зайти и послушать знаменитый орган. Собор, к сожалению, был закрыт. Один день пребывания в Риге они походили по узким улочкам старой Риги, побывали у Пороховой башни, у статуи “Свобода” на улице Ленина, которая ранее называлась, как и статуя, “Бривибас йела”^{*}.

^{*} Улица Свободы (лат.).

Им повезло в том, что они приехали в Ригу в Певческий день. Они увидели грандиозное зрелище. Хор из десятков тысяч певцов под управлением дирижера исполнял латышские и русские песни. Певческое поле, расположенное почти на берегу Даугавы, с трибунами, заполненными певцами и певичками в нарядных национальных платьях, масса слушателей, окружившая хоры плотной толпой — все это внешним видом являло собой изумительный праздник и создавало праздничное настроение. Мелодии песен, то усиливаясь, то затухая, создавали иллюзию плавной балтийской волны.

Увиденное и услышанное с лихвой компенсировало их неудачу с органным концертом в Домском соборе.

Приближался вечер и они с сожалением покинули Певческое поле. Простились с Ригой, оставившей заметный след в жизни Георгия, и выехали, чтобы вовремя найти подходящее место для отдыха и до темноты устроить ночлег. Отъехав от Риги семьдесят километров, остановились на лесистом берегу озера в районе Добеле. Недалеко от облюбованного места среди высоких деревьев стоял дом с мансардой. Утром познакомились с его хозяйкой. Средних лет миловидная латышка жила в доме с детьми. Мужа схоронила несколько лет тому назад. Она подошла к отдыхающим и когда увидела, что ребята удят рыбу с берега, дала им свою лодку. Спустя некоторое время она вновь пришла и принесла молоко и творог. Ее забота помогла решить проблему с завтраком. После этого она несколько раз навещала их и перед отъездом предложила им отпуска проводить здесь, на озере. Условия для этого есть: дом у самого озера, богатого рыбой, обилие ягод и грибов позволяли делать солидные заготовки варений и солений на зиму. Для Георгия предложение было соблазнительным и он намеревался воспользоваться любезностью хозяйки. Он не предвидел, что через пару лет многое изменится в его жизни и что ему не удастся воспользоваться ее приглашением.

Славно передохнув в этом чудесном уголке природы, они свернули свой лагерь и тепло простились с гостеприимной хозяйкой озера.

По дороге ему на память пришел один разговор с хозяйкой дома. Она сказала тогда, что озеро называется труднопроизносимым именем — Циепересом. Он стал мучительно вспоминать, откуда ему знакомо это название. Постепенно в памяти возникли события далекого прошлого. В этих местах дивизия вела ожесточенные бои и в штабных документах упоминалось это озеро.

Он вспомнил, что здесь в начале марта 1945-го произошли два трагических случая, когда полки дивизии дрались на участке дороги Добеле-Салдус.

5 марта в этих боях погиб заместитель командира 123 Гвардейского полка Саша Шебаршов, друг Георгия и знакомый его старшей сестры. В этот же день произошло ЧП с группой офицеров 125 Гвардейского полка. В только что отбитом у немцев блиндаже они устроили свой командный пункт. В блиндаж пробрался Заместитель командира полка Гриша Кириллов, с которым Георгий познакомился во время боев под станцией Насва. Тот прибыл для координации боевых действий подразделений. На следующий день началась контратака врага. Гитлеровцы оттеснили наши части и блиндаж с офицерами и солдатами-связистами оказался во вражеском тылу. Попытки выручить попавших в беду не удались. Бронетранспортер немцев подошел к дверям блиндажа и сделал несколько выстрелов в упор. Одновременно блиндаж был закидан гранатами. Бывший в блиндаже артиллерийский майор Рева приказал радисту связаться по радиации со своими и вызвать огонь на себя. Налет артогня разогнал немцев и из блиндажа успели выскочить несколько человек. Раненые этого сделать не смогли. Когда немцы ворвались в блиндаж, они зверски расправились с ранеными офицерами и солдатами. В этой неравной схватке погибло более десяти человек. Среди погибших был и Гриша Кириллов. После этого случая командир корпуса генерал Бранткалн запретил командному составу и штабам размещать командные и наблюдательные пункты в только что отбитых у врага блиндажах.

Воспоминания Георгию пришлось прервать. С приближением к побережью Балтики движение машин на шоссе стало интенсивнее и все внимание надо было обращать на дорогу.

Через два часа пути машины вырвались на Балтийское побережье. Въехали в Лиепаяу, которая раньше называлась Либавой. Город обладал всеми признаками портового города. На улицах полно матросов. Из-за крыш домов высывались стрелы портовых кранов. С набережной стал виден порт, забитый судами и суденышками под разноцветными флагами своих стран.

Шумливый город не располагал к остановке и не обещал спокойного отдыха перед дальнейшей дорогой. Поэтому город проехали без остановки. Тем более, что впереди маячило курортное место, известное всему миру, — Паланга.

Паланга не сразу оказала путешественникам гостеприимство. Мест в кемпинге не было и им пришлось выехать из города за его окраину. Остановились у подножия песчаной дюны, поросшей высокими стройными соснами. Где-то рядом, за дюной, плескалось море. Его видно не было. Даже поднявшись на дюну, оно не просматривалось, так как сосны закрывали обзор. Оно только ощущалось по шороху волн, набегавших на берег.

Вверху на дюне были видны остатки старого кладбища. Между соснами, тут и там виднелись замшелые обломки старых надгробий, по которым можно было догадаться, что здесь когда-то очень давно было еврейское кладбище. На каменных остатках надгробий проглядывали цифры и готические буквы, обозначающие даты и фамилия тех, кто здесь был захоронен. Около букв и цифр проглядывались очертания звезды Давида.

Прибывшиеся к дюне путешественники не успели развернуть палатки, как к их лагерю подъехали еще несколько машин. Разожгли костры. Стоянка стала походить на цыганский табор. Все атрибуты табора были налицо, за исключением, разве что, цыганской пляски. Были и костер, и музыка, и песни. Хорошо вечером сидеть у костра, смотреть в огонь и ни о чем не думать. Смотреть на пляшущие языки пламени и улетающие ввысь искры, на горящие дрова и дрожащие блики от костра на лицах сидевших у костра соседей и на листве кустарника. Видимо, из подобных моментов и складывается то, что называется отдыхом. Отдыхом от трудов, от тяжких дум и тяжестей суетной жизни.

Утром свернули палатки и поехали искать пристанище в Паланге. На берегу моря, рядом с рестораном, прозванным “шайбой”, стояла погранзастава, огороженная досчатым забором. Удалось договориться с начальником погранзаставы и получить разрешение поставить машины на их территории. Разместились и заимели рядом все необходимые удобства. Рядом море, ресторан и необходимые удобства. Ну, что еще надо “дикарям”?

К достопримечательностям Паланги Георгий отнес и городской пирс. Пирс стоял рядом с рестораном. Он далеко высунулся в море. По вечерам пирс заполняли жители города и отдыхавшие. Они приходили на него для проводов солнца. Георгий любил наблюдать эту церемонию с берега. Картина проводов солнца выглядела торжественно и в то же время

красиво. Она несколько напоминала древний ритуал языческих времен.

Медленно двигавшаяся плотная толпа людей поднималась на пирс и заполняла его целиком. Солнце уже на закате. Оно на противоположном от пирса горизонте медленно погружается в воду. К пирсу пролегает яркая солнечная дорожка, слепящая глаза. Постепенно солнце обрезается. Сначала наполовину, затем на три четверти и, наконец, в наступающей темноте над водой остается горбушечка светила. Когда солнце погружается полностью в море, горизонт некоторое время остается подсвеченным. Подсветка также постепенно темнеет и все вокруг погружается во тьму, в ночь. И в небе становятся видными мириады звезд.

По утрам по пляжам начинают шастать охотники за янтарем. Его море выбрасывает на пляжный песок и утром искателям выпадает удача. Правда, далеко не всегда и не всем.

В Паланге они прожили несколько дней. Посетили парк, где находится единственный в мире Музей янтаря. Янтарный берег и Музей янтаря невольно напомнили неразрешенную загадку с янтарной комнатой, пропавшей в годы войны. О ее судьбе ходило много версий. Главная была в том, что ее захватили фашисты и вывезли неизвестно куда. Позднее будут допускать возможность, что ее или подарили кому-то, или заплатили ею за что-то. Как бы то ни было, янтарная комната сгинула. И чем тратить время и деньги на ее поиски, дешевле, думал Георгий, сделать ее заново. Не перевелись же в России мастера.

В один из дней, когда погода немного испортилась, и море не звало искупаться, Георгий и Генрих с женами пошли в местный костел. Пошли, чтобы сравнить католический храм с православным. Внутреннее убранство костела и походило, и отличалось от убранства церквей. В церквях иконостасы, стены и колонны несут на себе маслом писанные иконы. В костелах иконы и изображения божеств и святых барельефные. В первых прихожане молятся стоя, во вторых — сидя за столиками. Перед концом молитвы со словом “Аминь” молящиеся опускаются на колени на пол между столиком и скамьей.

Когда они зашли в костел, женщины сразу же присели на скамью. Присели отдохнуть после променажа по улицам. Приближалось время службы и костел стал заполняться верующими. Прихожане входили и рассаживались на свои места. На скамью, где сидели подружки, сели прихожане и загородили выход из-за столика. С другого конца скамья упира-

лась в колонну. Их мужья стояли сзади них и вели между собой шепотный разговор об убранстве костела, об облачении ксендзов. Началась служба. Прихожане бросали косые взгляды на чужаков, занявших не свои места. Молитва стала подходить к завершению и при слове ксендза “Аминь” все опустились на колени. Жены растерялись и смущенно смотрели на своих мужей, как бы спрашивая их, что им делать. Георгий жестом показал, что они должны делать то, что делают другие. Георгий с Генрихом не стали ждать окончания этой сцены и вышли из костела на улицу. Как выбирались их жены из столь щекотливого положения, они не знали и не стали их спрашивать, когда они, как ошпаренные, выскочили из костела. Жены, конечно же, обвинили своих мужей за все то, что с ними произошло.

Дети нашли себе увлечение, не выходя с территории погран-заставы. Машины и палатки стояли рядом с забором, за которым светился круглый, как хоккейная шайба, второй этаж ресторана. Он был весь из стекла и с земли было видно все, что там происходило. Как только к вечеру в ресторане раздавалась музыка, а каждый раз она начиналась с песни “В нашем доме поселился замечательный сосед”, так ребята прилипали к забору и, задрав головы, смотрели на танцующих, обсуждая и оценивая все, что привлекало их внимание.

В Паланге Георгий случайно встретился с Виктором Андреевичем Зуевским, с которым виделся последний раз на юбилейном банкете, когда Харитону отмечали шестьдесят лет. Зуевский приехал на машине, но не нашел место для стоянки и отдыха. Георгий помог ему устроиться вместе с ними на заставе. Это была последняя встреча с земляком малоземельцем, выходцем из Арзамаса-16.

Как ни было хорошо отдыхать в Паланге, время брало свое и звало в дорогу. После Паланги им предстояло проехаться по Куршской косе, посетить Калининград и возвратиться домой, но уже другой дорогой.

В Клайпеде паром перебросил их на Куршскую косу. Коса протянулась узкой полосой от Клайпеды до Зеленоградска. Половина косы, до Ниды, считалась литовской, а другая половина входила в состав Калининградской области.

По краю косы, обращенному к морю, тянулась пограничная полоса. На песке местами была пропахана контрольно-следовая полоса. Изредка попадались сторожевые вышки пограничников. На некоторых участках стоял забор из колючей проволоки.

Первую остановку сделали в Юоднкранте. Соблазнила вывеска над входом в столовую. Она называлась “Рыбоухацкая”.

Машины припарковали на берегу залива, сплошь заросшем кустами красной смородины. Палатки ставить не стали и сразу направились в столовую. Зал был задрапирован старыми рыбацкими сетями и парусиной. Все было необычным и уютным. Но главная прелесть была в меню, в предлагаемых блюдах. Все меню состояло из угрей. Угри в ухе, жареные на сковородке. Копченые на холоде и на жаре. Угри царили везде. Не обед, а сплошное объедение. Планировали здесь пробыть сутки, но рыбный стол соблазнил их и они пробыли здесь два дня. Из-за задержки на угрях ранее запланированный заезд в Ниду был отменен и они без остановок проехали всю косу до Калининграда. Это был конечный пункт их маршрута. Отсюда дорога поведет к дому.

Калининград не походил ни на один русский город. Некоторое сходство у него было с городами Эстонии и Латвии, и немного Литвы. В центре города старинный замок с водоемом. Рядом памятник Эммануилу Канту, родоначальнику немецкой классической философии.

Старинный замок после войны не ремонтировался и своими очертаниями и потемневшими стенами напоминал нахохлившего путника, который как бы накрылся плащом и стоял, ожидая окончания непогоды. Это сходство усиливали дождливый день и мокрые стены застоявшегося замка.

Из разговоров с местными жителями они узнали, что в городе и области живут переселенцы из разных краев и областей Союза ССР. Переселялись в первые годы после войны. С тех пор прошло более двадцати лет. Молодежь считает этот край своей родиной, они здесь родились и выросли.

Из Калининграда выехали на Гвардейск, Черняховск и далее на Каунас. Шоссе до Гвардейска шло по аллее. Большие деревья стояли по обеим сторонам шоссе, как в почетном карауле.

Из-за пасмурных дней в Каунасе и Вильнюсе задерживаться не стали. Правда, на вокзальной площади в Вильнюсе сделали короткую остановку, во время которой смышленная цыганка умудрилась облапошить жену Георгия. Нина одна сидела в машине. Муж с ребятами пошли в магазин. Подошедшая цыганка предложила ей погадать. Та, чтобы убедиться в способностях цыганки к гаданию, попросила сказать, как ее зовут. Цыганка на это ответила, что скажет имя если та назовет первую букву, с которой начинается имя. Нина назвала букву “Н” и зачем-то

дала той двадцать пять рублей одной купюрой. Гадалка, узнав первую букву, сказала, что ее зовут Натальей, что по цыгански значится Надеждой. Нина отказалась гадать и потребовала вернуть деньги. Цыганка хлопнула в ладоши, поднесла руки к рту, подула в них и заявила, что деньги улетели. Раскрыла ладони. Денег там не было. Показала и быстро растаяла. Подошедшему мужу Нина рассказала о цыганке и о том, как она ее работала. Георгий посмеялся и сказал: “Вот как надо дуть и уметь надувать простушек”.

На обратном пути у всех было одно желание: поскорее добраться до дома. Шоссе Минск-Москва на этот раз показалось им новым, как с иголки. Асфальт был покрыт мелкой красноватой крошкой, что делало дорогу нарядной, покрытие было положено ровно и машины шли плавно, тихо шурша шинами по крошке. Ехать было одно удовольствие. В 1965 году, когда возвращались из Бреста в Москву, шоссе было другим. Выбоины, сколы и другие неровности дороги замедляли езду и они тогда делали вынужденную остановку. Пришлось заночевать в пути. По новому покрытию езда была совершенно иной. Расстояние, равное расстоянию от Москвы до Ленинграда, одолели, как говорят, за один присест. Утром проехали Минск и вечером были в Москве. Устали изрядно, зато побольше отдохнули в Москве, и стали ближе к дому.

Дома Георгия ждало известие от его старшей сестры. У ее сына, Валерия, что-то не заладилось с учебой. После десятилетки он возмечтал стать физиком. Пытался сдавать экзамены в Московский Физтех. Не набрал проходного балла и вернулся в Ярославль. Там сдал экзамены в Технологический, успешно закончил первый курс и... ушел из института, когда понял, что это не его профиль. Сестра просила совета, как ей быть и что делать.

На объекте было вечернее отделение Московского инженерно-физического института. Валерию предложили приехать на объект и попытаться поступить туда.

После оформления допуска он приехал в закрытый город и стал сдавать вступительные экзамены. Георгий следил за сдачей экзаменов и каждый вечер, придя с работы, смотрел его зачетку. Племянник сдавал все на пятерки.

Однажды Георгий встретил в Управлении объекта директора Вечернего Отделения института и поинтересовался успехами племянша. Тот развел руками, пожал плечами и заявил, что парень трудный и что его “тянут на волах”. Он сказал:

— Вашему племяннику помогут выдержать экзамены, но он вряд ли продержится более одного семестра. Уж очень запущенный парень. О многих вещах он даже понятия не имеет. Лучше бы он шел работать на завод или еще куда-нибудь. Не получится у него с учебой.

— Как же так? — сказал Георгий, — я каждый вечер смотрю его зачетку и там одни пятерки. Директор сделал удивленные глаза и с некоторым запалом ответил:

— Не может этого быть! У нас с Вашей фамилией только один абитуриент. И я говорю именно о нем.

Георгий улыбнулся и ошарашил того сообщением, что у Валерия совершенно другая фамилия, что он — Гусев.

Директор опешил и даже изменился в лице: “Ну, как же так! Гусев! Да Гусев у нас идет первым по всем предметам. Давно у нас не было таких абитуриентов”. И далее стал говорить, как бы сам с собой, вернее, не говорить, а спрашивать:

— Как же так получилось? Значит мы тащили не того. Вот это да! И тут они оба громко рассмеялись от того, что произошло.

Валерий успешно прошел весь институтский курс и даже многим помог учиться и заканчивать институт, в том числе и своей будущей жене.

ПОЕЗДКА К ЧЕШСКОЙ ГРАНИЦЕ

В очередной отпуск любители путешествовать решили прокатиться в южном направлении. Поехать туда, где не приходилось бывать. Избрали маршрут до станции Чоп, что на чехословацкой границе. Решили ехать тем же составом, каким ездили раньше.

Выезд несколько задержался из-за звонка из Горького. Звонил Начальник УКГБ генерал Горшков и предупредил, что они с Секретарем Обкома Катушевым Константином Федоровичем выезжают на объект. Не по служебным делам, а для короткого отдыха в заповедных местах. Георгий предупредил об этом директора заповедника и попросил его организовать подготовку Дома рыбака на озере “Инорки”.

Через несколько дней после их проезда в заповедник последовал звонок по ВЧ-связи. Обком разыскивал Катушева. Георгию пришлось потратить целый день, чтобы пробиться по телефонной линии на кордон “Инорки”. Прямая линия была на повреждении. Удалось добраться до кордона окружным путем че-

рез Темников, районный центр Мордовии. Слышимость была никудышная. Сквозь треск и шумы ему удалось узнать голос Наташи, жены лесника. Она разобрала еле слышный голос и поняла, что к телефону она должна позвать самого высокого по росту гостя. К телефону подошел Катушев. Георгий ему сообщил о звонке из Обкома и что его разыскивал “Первый”. Через полчаса Катушев был на объекте и со станции ВЧ-связи соединился с Москвой. После разговора он срочно выехал в Горький. Перед отъездом он попросил Георгия позвонить на кордон Горшкову и предупредить, что он вылетает в Москву и на кордон не вернется.

Через два дня газета “Правда” сообщила о том, что Катушев стал Секретарем ЦК КПСС. Как выяснилось впоследствии, вызов и назначение было связано с надвигавшимися событиями в Чехословакии. Высказывалось мнение, что Катушев учился в Высшей партшколе вместе с Дубчеком и был с ним в дружеских отношениях. Это обстоятельство и решено было использовать для удержания обстановки в начинавшихся там событиях. Как показало дальнейшее, повлиять на улучшение обстановки Катушеву не удалось. Слишком далеко зашли события. Странам Варшавского договора пришлось вмешаться и применить Вооруженные Силы. Это, к сожалению, был не последний силовой, вооруженный акт вмешательства в дела соседей. История в недалеком будущем обогатится еще подобным актом. Это будет Афганистан. Нечто похожее произойдет и в Чечне.

В начале поездки, при следовании из Горького в Москву и из Москвы до Орла в атмосфере чувствовалась необъяснимая напряженность. Вдоль шоссе, за посадками молодого леса, за кустарниками стояло много военной техники. Танки, самоходки. На всех перекрестках маячили военные регулировщики в белых португелях и крагах. Было видно, что войска передвигались в ночное время, а днем отдыхали. Оставалось загадкой: Куда? Зачем?

По дороге от Орла до Киева и от Киева до Одессы этой напряженности не чувствовалось. Военной техники ни на дорогах, ни рядом с ними не было.

После Киева ехали по новым незнакомым местам. Шел август. Погода создавала отпускное настроение и обещала приятный отдых.

Под Уманью ночевали на природе. Устроились на берегу реки. К ним припарковались другие машины. Образовался “дикий кемпинг”. Многие оказались попутчиками до Одессы. Один одесит с присущим им юмором настойчиво уговаривал Георгия и

Генриха посетить одесскую барахолку, на которой все можно купить. Можно купить даже папу с мамой.

Утром они узнали, что ночевали рядом со знаменитым Софиевским парком, созданным в XVIII веке известным магнатом того времени Потоцким. Парк он подарил своей жене-красавице Софии, отсюда и получил свое название этот парк. Они заехали, посетили его и не пожалели, что потратили на это время. Живописные пруды, фонтаны, беседки и ротонды и много-много скульптур. Прекрасный парк и не менее замечательная история его возникновения добавили прелести в их поездке.

В Одессе остановились у какого-то фонтана. Так там назывались некоторые улицы. Остановились во дворе частного дома, рядом с пляжем. Сначала решили знакомиться с городом. Прошлись по Дерибасовской. Постояли у знаменитой лестницы, знакомой многим по кинофильму “Броненосец Потемкин”. Лестницу так и стали называть “Потемкинской”. Полюбовались на оперно-балетный Дворец. На улицах встречались скульптурные группы, памятники, в том числе и посвященные Отечественной войне. Старожилы показали один памятник и рассказали о нем невероятную историю. На постаменте стоял броневичок с пулеметом. При обороне Одессы, якобы, эти броневички делали из машин Эмок. Обшивали их фанерными листами, красили в защитный военный цвет и пускали их впереди атакующей цепи. От первых же попаданий они горели, как свечки. Георгий не поверил их рассказам, но они уверяли его, что это было именно так.

Основное время пребывания в Одессе было отдано самому синему в мире — Черному морю.

В день десантирования войск в Чехословакию Георгий с сыном были на пляже. Все замерли, когда воздушное пространство от синих небес до поверхности моря заполнил гул реактивных моторов воздушной армады. Сын начал вести счет пролетающих самолетов. Они шли тремя колоннами, растянувшись от горизонта до горизонта. Самолеты летели вдоль берега моря с севера на юг. Сын сбился со счета, когда дошел до нескольких сот. Когда ушли последние самолеты и постепенно затихал их гул, Георгий полез в воду. Из-за нахлынувших дум о возможных причинах увиденного, он забыл снять наручные часы. Искупался и вышел из воды и тут сын показал ему на часы и сказал, что их пора выбрасывать. Действительно, часы наглотались морской воды и остановились. С пляжа они

пошли искать часовую мастерскую. Часовщик посмотрел механизм часов и посоветовал не терять времени и купить новые. Пришлось ехать в центр и покупать новые часы. Вернувшись домой, Георгий обнаружил пропажу паспорта. Он лежал в заднем кармане брюк. Он вспомнил. Когда выбирал часы, его крепко прижали к прилавку. Видимо, любители легкой наживы, а их в Одессе было хоть отбавляй, подумали, что в кармане бумажник, и увели его. О пропаже паспорта пришлось заявлять в милицию. У него, кроме паспорта, было с собой удостоверение личности и оно его выручило. Паспорт через полгода вернулся к Георгию. Он был найден раньше, но не сразу нашел хозяина. Паспорт имел “липовую” прописку в Москве, по улице Октябрьское поле без указания номера улицы. В Москве все они имели свои номера.

От Одессы пришлось ехать с осторожностью и с опаской. Дорога была забита войсками и военной техникой. Земля по обочинам дороги походила на перепаханное поле. Это поработали танки и самоходки. Обстановка напоминала последние годы войны в Белоруссии и Прибалтике, где проходил боевой путь 43 Гвардейской латышской дивизии.

Кишинев практически посмотреть не удалось. Георгий половину дня потратил на оформление разрешения для дальнейшей поездки до Черновиц. Проезд по всем дорогам, ведущим на запад был закрыт. Благодаря удостоверению личности ему разрешение удалось получить.

Недалеко от Орgeeва остановились на ночевку. Лагерь разбили на берегу Реута, впадающего в Днестр. Георгий надеялся, что накормит всех рыбой. Удочки и спиннинг он мочил во всех реках и водоемах, где только было можно. Он устроился рыбачить недалеко от местных ребят, удивших рыбу. Издалека спросил их об улове и они показали ему целый кукан с уловом. У Георгия не клевало, тогда как ребята то и дело вытаскивали рыбешку и нанизывали ее на кукан. Он завистливо взирал на удачливых рыбаков. Наконец, не выдержал и подошел к ним. Ему показали, на что они ловили. У них была мамалыга. У Георгия были черви, а здешняя рыба знала только кукурузную кашу и клевала на нее. Ребята поделились с ним мамалыгой и у него дело пошло. Правда, на уху он не наловил, но душу отвел.

Утром, перед отъездом, решили искупаться. Вода нагрелась и была, как парное молоко. Георгий плавал на спине и вдруг заметил, что он держится на воде, не двигая ни руками, ни ногами.

Он сначала даже не поверил, что такое возможно. Обычно в таком положении лежа на воде он обязательно погружался в воду и должен был работать ногами и руками, чтобы удержаться на поверхности. А здесь он спокойно лежал и не двигался. Попробовал раскинуть руки в стороны и лежать крестом, получилось. Опять не тонул. Он запомнил положение тела в воде и впоследствии сохранил способность лежать на воде и не тонуть. Он мог лежать часами, не двигаясь. Лежать и отдыхать. И даже читать книгу.

После купания и легкого завтрака путешественники направились в Черновцы. Там жил и работал хороший знакомый Георгия. Он до переезда сюда жил и работал на объекте и вместе с Георгием встречал Министра Щелокова, когда тот приезжал знакомиться с ядерным центром. При последней встрече в Москве он приглашал Георгия в Закарпатье. В Черновцах он разыскал Ивана Григорьевича. Тот принял гостей тепло и радушно. Быстро решил вопросы с гостиницей и стоянкой для машин и после ужина показал город. Для приезжих открытием была увиденная ими улица Ольги Кобылянской. В то время в Москве Арбат еще не был отдан пешеходам и они впервые увидели улицу, по брусчатке которой было запрещено движение автомашин. Улица была пешеходной. Она была на всю ширину заполнена фланирующей публикой. Была вторая половина дня и жара несколько спала. Группы взрослых и компании студенческой молодежи, ведя оживленные разговоры и рассказывая истории и случаи, вызывавшие всплески смеха, размеренно двигались по замкнутому овалу, не создавая встречного потока и не мешая друг другу. Георгий отметил похожесть их движения с фланированием зрителей в фойе театров во время антрактов.

Утром следующего дня Иван Григорьевич приехал за гостями в гостиницу. На двух служебных машинах проехали по городу. Побывали у Дворцового ансамбля, где разместился Государственный университет. Зашли в магазин, где Иван Григорьевич достал, не купил, а именно достал штоф “украинской горилки з перцем”. Георгий пошутил. Показывая на этикетку штофа, он спросил у Григорьяча, почему на штофе написано о трех перцах, а в нем только один? — А почему ты думаешь, что перцев должно быть три? — спросил тот. Тогда Георгий показал на этикетку второй раз, на которой указывалось “Горилка з перцем”. Шутка удалась и развеселила всех.

Иван Григорьевич предложил поехать на природу, на одно примечательное место, на “поляну встреч”. К сожалению, когда приехали на поляну, место оказалось занятым. На поляне стоял стол — отшлифованная временем каменная плита, лежавшая на нескольких крупных валунах. Вокруг стола вместо стульев стояли пни и вокруг горы битого стекла. Это были “визитные карточки” гостей, которые, усевшись за стол, ставили на него бутылки по-русски, с пристуком днищем по столу. Этот стол не прощал подобной вольности и наказывал за это.

Решили ехать выше по горной, сжатой с двух сторон лесом, дороге. Дорога привела к лесной поляне, откуда открывался вид гор, покрытых сплошь лесом. На поляне стоял стол из простых необструганных досок со скамейками по бокам. Стол длинный и рассчитан был примерно человек на двадцать, заняли один край стола, разложили привезенные припасы и получился застольный пикничок. За тостами, закуской и разговорами прошел какой-то час, полтора. Сидевшие за столом заметили, что погода начала меняться. Солнышко затянуло облаками. На поляне стало сумеречно. Обступивший поляну лес помрачнел и сгустил сумерки. До вечера было еще далеко, но всем казалось, что вечереет. Пришлось заканчивать трапезу и после уборки за собой мусора покинуть поляну.

Несмотря на теплый прием Ивана Григорьевича и его настойчивые уговоры задержаться еще на парочку дней, они вынуждены были отказаться. Им не хватало времени отпуска, чтобы без опоздания вернуться домой. Георгий с Генрихом стали готовить машины, чтобы с рассветом следующего дня отправиться в путь. Вечером распрощались с гостеприимным хозяином и выразили ему признательность и благодарность за теплый прием.

С рассветом, по утренней свежести выехали из Черновиц. Дорога на Чоп была перекрыта намертво. Решили добираться до Мукачево, оттуда свернуть на Львов. В Рахове хотели побывать в музее легендарного партизанского “Бати” — Ковпака. Как будто по какому-то злому року и здесь музей был закрыт и побывать в нем не удалось.

При подъезде к Тячеву стали думать об отдыхе и ночлеге. Свернули с шоссе и по наезженному проселку поехали в лес. При переезде через колею железной дороги Георгий поинтересовался у дежурной по переезду, где им можно найти местечко с речкой, где бы было можно переночевать. Дежурная, услышав о намерении пассажиров двух машин ночевать в этих

местах, замахала руками, заохала и заставила их развернуться, выехать на шоссе и заночевать где-нибудь в городе или в большом селении. Она сказала, что в этих глухих местах пошаливают и что было несколько случаев угона машин и пропажи их хозяев.

Развернувшись, машины поехали обратно на шоссе. На их пути стали встречаться цыгане. Сначала одиночки, потом небольшими группами и, наконец, дорогу перегородила целая их толпа. Вечерело и они возвращались в свои таборы. Они занимали всю дорогу и машины вынуждены были остановиться. Цыгане стали предлагать, а потом звать и настаивать, чтобы они поехали с ними в табор. Им с трудом удалось отделаться от этой напасти. Под дикий свист и улюлюканье толпы машины рванулись с места, толпа расступилась и они вырвались на шоссе и только там сбавили темп езды.

Ночевали в Мукачево. Город, когда они приехали, был уже в глубокой дреме. В центре нашли площадку с небольшим водоемом, похожим на громадную лужу. Установили палатки и завалились спать. Вечером ничто не предвещало грозы, которая разразилась ночью. Дождь, барабанивший по машинам и палаткам, к утру стал затихать. Гроза ушла и отзвуки грома слышались глухо издалека. Капли дождя стучали все реже и реже. И вот, дождь затих. Но день оставался пасмурным. От тепла и испарений стало, как в предбаннике. Кочевники наскоро позавтракали, свернули палатки и выехали из Мукачево по дороге на Стрый-Львов. Этот участок пути отличался от всех предшествовавших. Он шел через горы, через отроги Карпат. Мимо проплывали изумительной красоты места. Дорога редко шла по прямой. Больше шаталась справа налево, поднималась вверх и опускалась вниз. Населенных пунктов встречалось мало. Где-то рядом находился Трускавец со своей "Нафтуся" — известный курорт. Из-за нехватки времени они заехать туда не смогли, хотя их и подмывало это сделать.

Дорога пошла к перевалу и упорно полезла вверх. Слева была гряда гор с все возвышавшимися пиками и горбовыми вершинами, их угол возрастания был больше, чем угол возвышения дороги, и это создало у Георгия своего рода оптический обман. Ему казалось, что дорога пошла под уклон. Он решил дать машине отдых и перешел на нейтральную передачу, надеясь, что машина пойдет накатом. К его немалому удивлению машина стала останавливаться. Пришлось снова включать скорости. На прямой передаче мотор не потянул. Он включил

вторую, а немного погодя пришлось включать первую. Дорога, как шла на подъем, так и продолжала лезть вверх все круче и круче. Перед верхом перевала, перед седлом их нагнала гроза. Таких гроз им никогда не приходилось видеть. Молнии были необычно грозными и страшными. Сверкали рядом и как будто бы целились попасть в их машины. Грохот взрывного грома падал на них, как обломки скал. На седле перевала машины оставили на площадке, а сами укрылись под козырьком нависшей скалы. Воздух от грома дрожал и вместе с воздухом дрожали земля и люди, стоявшие в укрытии. Тучи пронеслись низко и почти царапали землю своими рваными краями. Из-за туч день потемнел. Разряды молний освещали окружающее мертвенным светом, как фотовспышки громадных размеров. Между перевалом и соседней грядой гор шла глубокая расщелина. Она была забита рваными белесыми облаками, которые, как клубящийся пар поднимались из расщелины вверх. По мере удаления грозы на перевале постепенно стихал дождепад. Напор ветра ослабевал и струи дождя переставали метаться. Капли дождя становились как бы крупнее и падали реже. Дорожные дождевые лужи запузырились. Пузыри вздувались и тут же лопались. Наступающее затишье позвало в дорогу. Не мешкая, уселись по машинам и стали сползать с перевала. Быстро ехать было опасно. Потоки воды продолжали скатываться по дороге вниз, стекая с нее на серпантинных поворотах. Чем ниже машины спускались с горы, тем теплее становился воздух. Когда спустились на равнинную дорогу, как будто попали в другой мир. Тучи и облака пропали и солнце сияло во всю мощь, затопляя теплом и светом округу.

Львов проехали не задерживаясь. В этом городе они побывали ранее. А в Брест решили завернуть, хотя там и были, и оттуда через Минск на Москву.

В Крепости-Герое Бресте за время, прошедшее после их посещения в первый раз, особых изменений не произошло. К сооружению памятного мемориала только-только начали приступать. Купили проспект о Бресте, изданный Минским издательством в 1968 году. На пяти языках дан очень краткий исторический обзор о прошлом города. В проспекте, к сожалению, скупо сказано о подвиге крепости и ее защитниках. Не были даны фотоиллюстрации с видами крепости и бастионов, хотя на титульном листе проспекта был проставлен канцелярский квадратный штамп "На память о посещении Брестской крепости-Героя".

Месяц отпуска подходил к концу. Надо было спешить с возвращением домой. Расстояние от Бреста до Москвы, более тысячи километров, одолели за два дня. Еще два дня ушло на отдых в Москве. Остаток пути от Москвы до объекта в шестьсот верст проехали на втором дыхании. Усталость от дорог и дорожных впечатлений свалилась на Георгия, когда он загнал машину в гараж и перешагнул порог своей квартиры. Утром, на следующий день он с трудом вспомнил, как пришел домой, как разделся и ложился спать.

Он рассчитывал отдохнуть от отпуска и машины неделю-другую, ходить на работу и быть дома, в гараж даже не заглядывать. Но с выходом на работу усталость как рукой сняло. Он снова закрутился как белка в колесе.

Во время отпуска его обязанности исполнял Начальник режимного отдела полковник Череп. Дмитрий Яковлевич в пику своей необычной фамилии был добродушным, добросердечным и общительным человеком. До него начальником отдела был бывший командир дивизии, охранявшей объект. Придя на отдел, тот не смог сразу перестроиться. Став руководителем по существу гражданской службы, он сохранил командирский стиль, что пришлось не по нраву горожанам и подчиненным. Впоследствии, будучи переведенным на другое предприятие, он сумел изменить свой стиль работы, определиться в новой ипостаси и успешно возглавлял службу в Обнинске.

Черепа отличало от предшественника умение строить отношения с людьми. До поста начальника он побывал в роли его заместителя и за это время накопил достаточный опыт работы на "гражданке". Георгий уважал его и зачастую вне рабочей обстановки называл его Димой. Любил его компанию на рыбалке, на отдыхе. Его необычная фамилия иногда обыгрывалась игрой слов. Телефонные звонки с вопросами: "Где Ваш Череп?" или "Нет ли у Вас Черепа?" вызывали невольную улыбку. Однажды, когда зашла речь об игре слов, Георгию рассказали о случае, имевшем место в дивизии. Одной из рот командовал капитан Дураков. Когда на инспекторском смотре была дана команда: "Строй роту, Дураков!", на плацу раздался громкий смех. Этот эпизод вспоминался и рассказывался как анекдот.

МУЗЕЙ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

С выходом Георгия на работу Дмитрий Яковлевич проинформировал его о предстоящем приезде на объект нового сек-

ретаря Горьковского Обкома КПСС Масленникова Николая Ивановича, который заменил Катушева на этом посту. Об этом его предупредил и Музруков и сказал о программе его посещения. Ему должны были показать музей ядерного оружия.

Георгий, когда работал в Отделе объектов “Т”, навещал музей и площадку, на которой тот находился. Правда, основную лямку музея тянул начальник площадки капитан Обертынский Александр Георгиевич. У истоков создания музея стоял первый начальник этого отдела полковник Ершов Николай Федорович. Ершов вспоминал, что против создания музея был генерал Мешик, бывший в ту пору Заместителем Начальника Первого главного управления. Вопросы, связанные с секретностью и обеспечением сохранности Государственной тайны при создании, производстве, хранении и использовании атомного оружия, в то время решались лично Берией и его правой рукой — Мешиком.

Главную и определяющую роль в создании музея сыграли Курчатов и Харитон с непосредственным участием в этом Зернова и Ершова.

Музеи в отличие от театров, начинаются не с вешалки, а с первого экспоната. Так было и здесь. Первые варианты бомб открыли первую страницу истории небывалого до сих пор музея. От пушечного, экспериментального и первого боевого, взорванного на Семипалатинском полигоне в августе 1949 года, началась жизнь музея. С годами музей пополнялся новыми изделиями, в том числе и боевыми частями ракет-носителей ядерных зарядов.

Когда Георгий пришел в отдел Заместителем Ершова, музей уже функционировал и пополнялся экспонатами. Момент назначения на эту должность запомнился Георгию тем, что оно произошло после возвращения его с Семипалатинского полигона, куда он доставлял в январе 1955 года комплектующие узлы для изделия, предназначенного к подрыву, и полторы сотни тысяч рублей зарплаты участникам экспедиции. Вез все самолетом в сопровождении караула охраны. Самолет был ведомственный. В салоне, несмотря на январский мороз, было тепло. Первую остановку сделали вечером на военном аэро-

Н.Ф. Ершов

дроме в Люберцах. Здесь должны были дозаправиться и утром лететь дальше. После выхода экипажа Георгий закрыл и опломбировал все входы и выходы в самолете и сдал его под охрану караулу. У него в Люберцах жила двоюродная сестра. Он решил ее навестить и остаться там ночевать. Ему с трудом удалось найти нужный дом. На звонок дверь открыла незнакомая женщина. Он подумал, что ошибся адресом, но когда разобрались, кто? да что? да зачем?, его пригласили зайти в квартиру. Сестры в комнате не было. Одна из двух женщин оказалась знакомой, землячкой, Варей Коклюшкиной, которая в селе Ивашково была старшей и заводилой. С той далекой поры прошло двадцать пять лет. За это время и Георгий и Варвара изменились. Варвара занимала какой-то важный пост на коврово-ткацком комбинате. Двоюродная сестра вышла из другой комнаты не сразу. Она только что вернулась из роддома с маленькой дочуркой. У сестры был испуганный вид. Георгию показалось, что его внезапный приход вызвал растерянность. Он решил не утруждать хозяйку и после нескольких слов о житье-бытье сославшись на служебные обстоятельства, распрощался и отправился в гостиницу.

Утром на аэродроме Георгий был встречен возмущенным начальником аэродрома. Его гнев был вызван поведением караула, который не допустил экипаж к самолету. Рано утром на аэродром прибывал самолет Министра Обороны маршала Жукова. Начальник аэродрома то ли согласно инструкций, то ли просто из служебного рвения хотел отогнать самолет со спецгрузом подальше, чтобы он не мозолил глаза Министру. Но караул не подпустил к самолету ни начальника аэродрома, ни экипаж.

Самолет Жукова благополучно приземлился и он на ожидавших его машинах уехал. Несмотря на благополучный исход, начальник аэродрома был недоволен, что ему помешали проявить прыть перед самым высоким начальником.

В Семипалатинск прилетели вечером. Их прилет ожидали и все были обрадованы, что комплектующие узлы прибыли вовремя и что дошли долгожданные деньги.

Доставив все по назначению, он стал готовиться к вылету обратно. Обратный рейс был трудным. Самолет дали грузовой и отсек, куда посадили пассажиров, не отапливался. Зашторенный с трех сторон брезентовыми пологами, отсек не держал тепло и морозил всех, как настоящий Дед Мороз. Температура в отсеке мало отличалась от температуры наружного

воздуха. Так казалось тем, кто был в грузовом отсеке. Все тепло от двигателей забирала пилотская кабина. Командир экипажа, видя замерзавших пассажиров, иногда разрешал им по очереди заходить в кабину погреться. Обогрева хватало ненадолго. При выходе из кабины в отсек холод, казалось, набрасывался более остервенело и забирал тепло в считанные минуты. Пассажиры отсека большую часть пути находились как бы в подвешенном состоянии. Ухватившись за верхние лаги и веревочные петли, они подтягивались и приплясывали на месте, подпрыгивали и делали разные упражнения, чтобы не замерзнуть окончательно.

Именно тогда, после возвращения с полигона и состоялся перевод Георгия на работу в Отдел Объектов "Т" и с этого времени он узнал о существовании музея оружия.

В музей оружия Масленникова сопровождали Музруков и Харитон. Пояснения давали Главные конструкторы Негин Евгений Аркадьевич и Кочарянц Самвел Григорьевич.

С.Г. Кочарянц

Е.А. Негин

Музей относился к категории совершенно секретных особой важности объектов. О нем нигде не упоминалось и допуск туда был строжайшим образом ограничен. Долгое время в музей не допускались сами разработчики оружия, а многие даже не знали о его существовании. Списки на право посещения музея работниками объекта каждый год переутверждались лично Музруковым. Не работавшие в институте могли посетить музей только по специальному разрешению руководства Министерства — Министра или его первого заместителя.

Строгости в статусе музея, естественно, не будут вечными. Со временем музей будет открыт и станет доступным для всех желающих. Так это и будет происходить потом, через несколько десятков лет. В 1995 году, когда Минатому России исполнится пятьдесят лет, первая атомная бомба будет выставлена на показ и всеобщее обозрение в Политехническом музее в Москве. О музее начнут писать и говорить открыто. К сожалению о создателях и организаторах музея пока писать не будут. Может быть это случится позднее. Думается, что при этом не будут забыты имена Юлия Борисовича Харитона и Игоря Васильевича Курчатова и конечно же Ершова Николая Федоровича, чьей активностью и напористостью становился музей и пополнялся новыми экспонатами.

С приездом Масленникова на объект в его свите постоянно находился недавно прибывший из Горького новый руководитель родственной Георгию службы. Этот человек был замечателен тем, что обладал феноменальной памятью, которая могла соперничать с памятью бытового компьютера. Он помнил имена, фамилии, даты рождений, номера личных автомашин всех, с кем ему приходилось иметь дела. Эта способность памяти обеспечила ему возможность создать особую систему знакомств и отношений с людьми, особенно с теми, кто его интересовал или был ему нужен. Много из этой системы напоминало школу Карнеги.

В минуту откровенности он говорил Георгию, что знание, например, имен не только нужных людей, но и их родных и близких и их дней рождения действует как ключик ко всем дверям и замкам. Его память делала его дальновидным и предприимчивым.

Секретаря Обкома Масленникова свозили на заповедное озеро "Инорки". Погода стояла теплая и тот решил искупаться. Когда он поплыл к противоположному берегу, а ширина озера в этом месте была метров пятьдесят, коллега Георгия быстро разделся и, как лев, бросился в воду, догнал высокого гостя и все время держался рядом с ним, пока он не вернулся обратно и не вышел из воды на берег. Как-то позднее, об этом эпизоде у них зашел разговор. Он откровенно признался Георгию, что гость все же живой человек. А с живым человеком могло случиться все, даже непредвиденное. Холодная вода, судороги ног, слабое сердце и все такое прочее.

Возможно, когда-нибудь в стране будет создан музей военной техники и оружия. Экспонаты объектового музея существенно ожи-

вят всю экспозицию и будут рассказывать об истории развития и совершенствования не только оружия, но и самих людей, которые создавали невиданные по мощности средства массового уничтожения себе подобных, живого и материального мира. Будущие далекие потомки будут с удивлением и недоумением взирать на это и задавать себе вопросы: почему их предки вместо совершенствования самих себя и создания более гармоничных условий для своего развития, думали и делали все для того, как бы больше уничтожить себе подобных. И что все это происходило не в эпоху дикости и варварства, а в эпоху научного и технического расцвета, каким будет характеризоваться двадцатый век?

Ученым, конструкторам, рабочим удалось сделать невероятное. Даже страшно подумать, что одна единственная в своем роде вещица, именуемая специзделием, или ядерной бомбой, или ядерной головкой ракеты, может заключать в себе мощность, равную мощности всех боеприпасов, взорванных во время Великой Отечественной войны!

В мире давно муссируется гипотеза о гибели в прошлом на земле всего живого от столкновения ее с крупным космическим телом. И произошло это, как будто, сравнительно недавно, каких-то шестьдесят-шестьдесят пять миллионов лет тому назад. Тогда на земле исчезли и динозавры.

А то, что на земле ядерными державами накоплено такое количество ядерного и термоядерного оружия, способного без столкновения с космическими телами погубить все живое на земле, как будто, никого не беспокоит и человечество, честно говоря, в своей массе инертно относится к этой опасности и не проявляет по данному поводу особого беспокойства.

Понимая страшную опасность для всех живущих на земле, возникшую с созданием ядерного оружия, физики-ядерщики стали задумываться над тем, что они создали. У подножия какого зла они оказались. Эйфория научных побед и открытий проходила. Прояснялось сознание, что они сотворили. Не пора ли остановиться и не идти дальше по пути, ведущему ко всемирному краху.

И вот, впервые, открыто на весь мир прозвучали слова о необходимости запрета атомного и водородного оружия. Это было сказано Игорем Васильевичем Курчатовым в марте 1958 года на Сессии Верховного Совета СССР. Он призвал ученых всего мира свои силы и знания направить на то, чтобы внутриатомную энергию из оружия разрушения превратить в ис-

точный энергии, несущей благосостояние и радость всем людям на земле.

После неоднократных обращений Советского Союза ко всем ядерным державам, в августе 1963 года Правительствами СССР, США и Англии был подписан Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космосе и под водой. Это было только начало пробуждения и прояснения голов. Впоследствии нераспространение и ограничение этого вида оружия получат в мире дальнейшее развитие.

В последние годы двадцатого столетия стали заметны процессы интеграции в самых различных областях жизни людей и государств. Происходит объединение государств Европы. Создается Европейское Экономическое Содружество. Подобные процессы стали наблюдаться и в отношениях новых государств — бывших республик СССР. К сожалению эти процессы интеграции, объединения еще не коснулись вплотную общечеловеческих отношений людей, населяющих планету Земля. Договорные отношения между отдельными странами или группами стран воспринимаются населяющими их людьми, как акты, касающиеся не их лично, а властных верхов. Да, к тому же, не всегда и не во всех странах все договора становятся известны всем.

Интересно было бы заглянуть в тот мир, когда договорные отношения будут охватывать все человечество, всех землян.

Уровень развития большинства стран и наций, наличие средств связи, информации и общения уже сейчас создали объективные возможности всеобщей интеграции всего разумного на земном шаре. Надо исходить из того, что все люди живут в одном доме, на одной земле. Этот дом будет жить и процветать тогда, когда все, живущие в нем, будут соблюдать единый, осязательный для всех порядок, принятый всеми добровольно. Даже в первобытном обществе, на заре человечества элементы этого существовали.

Представляется, что это по существу единственный путь ликвидации всех войн, накопления различных видов вооружения и расходования на это физических и материальных средств.

Сегодня это кажется несбыточной мечтой. Да. Кажется. Но рано или поздно, это должно быть. Не будет этого, не будет и мира на земле. Не будет мира на земле, может случиться, что не станет и самой земли. Накопленного оружия достаточно,

чтобы расколоть земной шарик и осколки его раскидать по космосу.

В настоящее время получила распространение такая форма выявления общественного мнения по жизненно важным проблемам, как референдум. Они полезны, если все участвовавшие в них будут относиться к этому со всей серьезностью.

Может быть стоит подумать и решать сообща все вопросы и проблемы, от которых зависит жизнь на земном шаре и которые касаются всего человечества, всех жителей планеты Земля.

Вместе с напоминанием об угрозе, которую затаил арсенал ядерного оружия, целесообразно открыть всем странам и народам глаза на то, какие потери понесло человечество при создании этого смертоубийственного арсенала. Сколько было заплачено на его создание. Можно представить себе, какой была бы жизнь на земле, если бы все средства и ценности, израсходованные на разработку, создание и накопление оружия пошли бы не на это безбожное дело, а были использованы на нужды людей. Как бы далеко шагнуло человечество в своем развитии и совершенствовании. Как бы преобразилась земля. Какой бы радостью стала сама жизнь человека.

С запрета производства всех видов оружия массового уничтожения живого и материального мира и ликвидации ранее накопленных их запасов должно начаться написание первых страниц новейшей истории человечества.

Все подобные мысли возникали у Георгия еще тогда, когда он по указанию Москвы готовил боевое изделие "для использования по назначению" в 1956 году. И впоследствии, когда он работал в Министерстве, и предлагал обратиться ко всем ядерным державам провести анализ всех затрат на создание запасов ядерного оружия и передать сведения об этих затратах в Организацию Объединенных Наций для обобщения и опубликования во всех странах и на всех континентах. Чтобы люди знали, куда и на что пошли их трудовые деньги.

Но все это было всего-навсего мыслями и раздумьями, похожими на мечту, а жизнь шла своим чередом. Вскоре, после визита Масленникова на объект пожаловал Кирилл Васильевич Боровков. Он познакомился с положением дел и дал им положительную оценку. Перед отъездом в Москву он обнадежил Георгия скорым решением его проблемы с дочерью и сказал, что ее решение можно ускорить, если тот не будет возражать перейти из кадров КГБ в систему МВД. Георгий ради решения проблемы с дочерью был согласен на все условия.

Стояли погожие дни бабьего лета. Шла грибная пора. В окружавшие объект леса ехали и толпами шли грибники. Благо, леса были богаты грибами. Некоторые грибники так набивали грибами багажники машин, что не справлялись с их обработкой и половину сбора сваливали в отходы.

Старые и верные друзья, Георгий и Генрих решили один выходной посвятить “тихой охоте”. Выехали ранним утром вместе с женами. Машины и жен оставили на заставе, а сами вдвоем вышли за проволочный забор зоны и углубились в заповедный лес. В этом районе заповедника они были в первый раз. Увлечшись сбором грибов, они не заметили, как оказались далеко от зоны. На их пути встретился малинник. На кустах рдели крупные ягоды. Они стали пригоршнями брать и поедать переспелые ягоды. Лакомились ягодами до тех пор, пока не увидели на влажной земле четкие отпечатки медвежьих следов. Страх выгнал их из малинника и они пошли быстрым шагом подальше от греха. Шли, оглядываясь, и на ходу прикидывая, куда им идти. Они перестали искать грибы и ускоренным шагом шли, не зная, в правильном ли направлении идут. Георгий посетовал вслух, что забыл взять с собой компас. Как только он заговорил о компасе, Генрих тут же вспомнил, что компас он взял. Георгий не стерпел и матюгнулся, почему тот молчал и они проплутали много лишних верст. Они по компасу определили направление и в темпе стали выходить из леса. Блуждая, они не заметили, что день заканчивался и наступал вечер. Вышли около незнакомого хутора. У местного жителя уточнили, где они находились. Оказалось, что они протопали более десяти километров от зоны. Добрались до заставы уже в сумерках. Застава была соседней с той, где они оставили жен и машины. Начальник заставы доложил Георгию, что на их поиски в заповедник вышла поисковая группа. Уставших грибников напоили горячим чаем и на машине отвезли на соседнюю заставу. Радость жен, что мужья их нашли, к моменту приезда мужей сменилась на обиду и сопровождалась упреками за то, что они их заставили страдать и волноваться. Это был последний выезд Георгия в заповедник за грибами. В следующую грибную пору он будет жить и работать в Москве.

В конце года состоялся перевод Георгия из кадров КГБ в действующий резерв МВД СССР.

Начинался 1969 год, который будет началом нового периода жизни Георгия с переменной работы и места жительства.

В первой декаде января на объекте отмечалось шестидесятилетие Главного Конструктора КБ-2 Самвела Григорьевича Кочарянца. На банкете по этому поводу Георгий допустил одну вольность, которую впоследствии не мог простить себе.

Поздравить брата с юбилеем из Армении приехала его сестра. За столом она сидела как раз напротив Георгия. Она сказала, что хотела бы выступить и поздравить брата, но не может потому, что плохо говорит по-русски, а армянский язык не поймет никто, кроме брата, да и тот многое уже забыл. Георгий посоветовал ей выступить и сказать то, что она хочет, уверив при этом, что ее все поймут. Она, в свою очередь, спросила Георгия: — А Вы поймете? Вы понимаете по-армянски?

— Пойдем, — ответил тот, — так, что не стесняйтесь и говорите.

— Ну, если так, я выступлю и надеюсь, что Вы переведете то, что я скажу.

Тамадой на банкете был прирожденный тамадист Сергей Попов, недавно произведенный в контр-адмиралы. Он тут же объявил, что выступает сестра юбиляра. Все затихли. Георгий пытался задержать выступление и предупредить, что выступление будет на армянском и что он переводчиком быть не сможет, но тамада усадил его и не дал возможности внести ясность. А в это время сестра начала говорить и одновременно рукой, глазами и кивками головой “подбадривала” самозваного “переводчика”, заставляя его переводить то, что она говорила. Ему ничего не оставалось делать, как что-то говорить. Он стал интерпретировать ее выступление, вкладывая все те слова, какие обычно говорят в подобных случаях. Когда она закончила свое выступление и села на место, то тихо поблагодарила его за “перевод”, сказав, что только в одном месте он допустил неточность.

В перерыве юбиляр подошел к “переводчику” и, не говоря ни слова, погрозил ему кулаком. Он-то знал, что это был за перевод. Все это произошло незадолго до переезда Георгия в Москву.

Боровков сдержал свое слово, данное два года назад. В апреле пришел приказ о переводе его на работу в министерство. Об истинной причине перевода знали немногие. Музруков знал и всячески поддерживал просьбы Георгия. Самвелу Григорьевичу Кочарянцу он вынужден был сказать, когда тот на-

стойчиво удерживал его на объекте. Тот перестал настаивать и снял свое возражение на перевод на бюро Горкома, когда узнал истинную причину, побудившую его поменять объект на Москву.

Приказ о переводе был подписан после решения Моссовета и прописке его семьи в Москве. В мае он был уже в Москве, а семья временно оставалась на прежнем месте. Дом, в котором была разрешена прописка, еще строился. Георгий временно обосновался у знакомых.

К третьему кварталу дом был сдан под заселение. Трехкомнатная квартира, выделенная его семье, была не очень удобна; метровая прихожая, узкий коридорчик и проходные комнаты мало подходила для семьи из шести человек. Ему пришлось отказаться от квартиры. Уговоры Боровкова вселиться временно с последующей заменой квартиры на другую не изменили его решения. Боровков взвился. Он не переносил, когда кто-либо ему перечил.

— Ты что, думаешь, что тебя перевели в Москву на должность заместителя Министра? — возмущенно сказал он, — не въедешь в квартиру — останешься без жилья. Въезжай в квартиру, а через полгода квартиру тебе заменим.

— Кирилл Васильевич! Я не хочу Вас дважды утруждать своей нуждой, — стал говорить Георгий, — а без жилья я не останусь. У меня есть квартира в Арзамасе-16. Поеду обратно на объект.

— Но там же твое место уже занято другим, — отпарировал он, — не будет тебе там работы. На это Георгий ответил, что у него есть шея. А раз так, на шею хомут найдется.

Боровков махнул рукой, высказался от души и заключил, чтобы Георгий решал свой квартирный вопрос сам, без него. На этом неприятный разговор закончился.

Все изменилось после случайной встречи Георгия с заместителем Министра по кадрам. Мезенцев Леонид Гаврилович знал Георгия и когда встретил его в коридоре Министерского здания, заинтересовался, перевез ли тот свою семью и понравилась ли квартира на Кантемировской улице, Георгий ему все рассказал, все, как было, и о разговоре на эту тему с Боровковым и об отказе от

Л.Г. Мезенцев

выделенной квартиры с перечислением причин отказа. Мезенцев поддержал Георгия в его отказе и посоветовал вызвать жену и посмотреть дома, которые строит Министерство в Покровском Глебово. Он последовал совету заместителя Министра. Вызвал Нину и вместе с ней поехал по указанному адресу. От станции метро “Сокол” ехали трамваем. Была весна. Трамвайный путь проходил мимо цветущих садов. Белая кипень яблонь и вишен радовала глаз и наполняла воздух тонким ароматом. Еще не видя дома, супруги были очарованы районом, обилием зелени и захотели поселиться здесь, рядом с этой благодатью. Строительство дома завершалось. Велась внутренняя отделка верхних этажей. Они поднялись на второй этаж и зашли в трехкомнатную квартиру. Полы были без паркета, но планировка квартиры уже просматривалась. Все комнаты были на юг. Большие коридор и кухня. Много стеновых шкафов и антресолей. И две большие лоджии. Все им понравилось. О поездке на смотрины Георгий рассказал Мезенцеву и тот на его заявлении наложил резолюцию о закреплении этой квартиры на втором этаже за его семьей. После резолюции он завел разговор об одном из последних звонков по ВЧ-связи в Арзамас-16, когда Георгий был еще там. Тогда Мезенцев передал Георгию указание Министра не допускать на объект Андрея Сахарова, который работал в Москве и собирался ехать на объект. Георгий тогда ответил, что выполнить указание Славского он не может и просил Леонида Гавриловича передать об этом Министру. На его вопрос, почему он не может выполнить указание Министра, Георгий ответил, что в городе проживает семья Сахарова, жена и трое детей. Мезенцев отказался передавать это Славскому и поручил ему самому доложить о своем неповиновении. Как ни уговаривал он Мезенцева проинформировать Министра о необходимости отмены его указания о запрете, тот остался непреклонен. Пришлось звонить Министру, что он и сделал. Министр был в кабинете и трубку снял сам. Когда Георгий доложил о себе и о том, что он не может выполнить его указания о запрете допуска Сахарова на объект, тот резко бросил: “Что такое? Почему?”. Георгий сказал о причине этого. Славский тяжело задышал в трубку и спустя некоторое время задал вопрос: “Почему

Е.П. Славский

Сахаров в Москве, а его семья в закрытом городе?”. На ответ, что об этом надо спросить самого Сахарова, Славский заключил: — Я разрешаю допустить Сахарова в город, но без права посещения промышленных площадок.

Вспомнив об этом разговоре, Мезенцев сказал, что Министр как-то в разговоре с ним вспомнил об этом эпизоде и обозвал тогда Георгия “поперечником”.

После посещения Покровского Глебова вместе с женой Георгий несколько раз наезжал туда и интересовался ходом строительства облюбованного дома. С той поры прошло полгода, когда позвонил Начальник Хозяйственного управления и пригласил зайти. Он поздравил его с окончанием стройки дома, выделением его семье квартиры и предложил выбрать любую квартиру на первом или одиннадцатом этажах. Дом был четырнадцатизэтажный. Тот удивился и сказал, что они смотрели квартиру на втором этаже и эту квартиру Мезенцев им подписал. Ему пришлось отказаться от предложенного выбора и снова идти к Заместителю Министра. После его вмешательства вопрос был улажен и он получил ордер на выбранную квартиру.

В январе 1970 года он смог перевезти свою семью в Москву, в понравившийся им район Покровское Глебово. За полгода, что прошло после первых смотрин, район изменился. Частные дома были снесены, сады вырублены. Но несмотря на это район казался им самым лучшим и самым удобным во всей Москве. Правда, перед переездом некоторые доброхоты отговаривали их селиться в этом районе, пугали близостью Института атомной энергии имени Курчатова и той вредностью, которая исходила оттуда. Георгию была известна ситуация и он не последовал их советам. Квартира находилась недалеко от школы, где должна была учиться их дочь Светлана, вернувшаяся в семью.

Еще до переезда семьи в Москву, когда Георгий жил в однокомнатной квартире на Ташкентский улице, к нему приехал сын, окончивший в июне среднюю школу на объекте. Он учился в английской школе и мечтал поступить в Московский институт международных отношений. Отец был уверен, что сыну не удастся поступить в столь престижный институт, где конкурс держали не абитуриенты, а их родители, и он отговаривал сына сдавать туда документы. Как отец говорил, так и оказалось на самом деле. Сын не набрал проходного балла и вынужден был ид-

ти работать. Год он проработал переводчиком в одном институте научно-технической информации.

В Министерстве Георгий возглавил отдел в составе Второго управления, которым руководил Боровков. Коллектив управления был ему знаком, поэтому он сравнительно легко вошел в новую работу на новом месте. Заместителями у Начальника управления были Иванов Александр Минович и Дорогов Герман Иванович. С первым, с Минычем, Георгий неоднократно бывал в командировках, участвовал в его комиссиях по проверкам предприятий. Со вторым сопровождали вместе тогдашнего министра внутренних дел Щелокова во время его посещения объекта. Он же вызывал Георгия в Москву на смотрины к Королеву, за что они оба получили втык от Боровкова. Бывший шеф Георгия на объекте — Степан Филиппович Жмулев был в это время начальником отдела Управления и впоследствии стал также Заместителем у Боровкова и куратором отдела Георгия.

Технический отдел в Управлении вел Евгений Мишин, который бывая в Арзамасе-16, посещал дом Георгия и делился с ним своими планами технизации охраны государственных секретов. Он стоял у истоков нового дела, которое начиналось не просто. Шли поиски путей развития совершенно новых направлений. По его инициативе на предприятиях стали создаваться подразделения технических средств охраны и спецсигнализации.

Это было началом. А когда был накоплен опыт нового дела, работа приняла более совершенные формы организации, и дело пошло.

На объекте была создана лаборатория технических средств. Лабораторию возглавил молодой и энергичный паренек — Николай Шарун, которому пришлось не легко, так как все надо было начинать на “голом” месте, с нуля.

В составе Управления было создано Специальное техническое управление (СТУ), а само Второе управление в 1977 году было преобразовано в Главное управление. Многим стало понятным, что работа новая, перспективная, крайне нужная, и за нее ухватились. И оказались правы. Некоторые руководители и исполнители разработок стали Лауреатами Госпремии.

Благодаря напору и энергии лично Мишина, дело пошло развиваться успешно. Это дело превратилось в новое направление науки и техники. СТУ было пока единственным в стране. Впоследствии деятельность Спецтехуправления перешаг-

нет рамки Министерства, перешагнет границы страны и выйдет далеко за ее пределы. Выиграли, в конечном итоге, и само дело, и все те, кто сумел предвидеть перспективу этого нового дела.

Отдел, принятый Георгием, только что начал организовываться. Был небольшим. Состоял из пяти специалистов, знавших дело, но не очень владевших ситуацией в масштабах всего Министерства. Это были честные труженики, любившие свое дело и свою специальность, полученную в Историко-архивном институте. Но занимались они, в основном, делами Центрального аппарата Министерства. На предприятиях появлялись крайне редко. Да и времени у них для этого не было. Слишком много документов крутилось в аппарате и иногда целые дни и недели уходили на поиск нужных документов в Архиве, который больше походил на склад старых дел. Создаваемый отдел был определен как отраслевой. Отсюда основными задачами отдела были научная организация отраслевого архивного фонда, состоявшего из дел и документов, накопленных за двадцать пять лет существования совершенно новой отрасли науки, техники и промышленности, каким являлось Министерство среднего машиностроения.

Отделу предстояло иметь дело с миллионами дел и документов, большинство из которых были носителями больших государственных секретов. Отдел должен был организовать и провести работу по упорядочению накопленных архивных материалов, обеспечить дальнейшее комплектование документального фонда, отражающего становление и развитие атомной науки и техники, добиваться создания условий для его хранения и сохранности и активного использования документов в научно-технических и производственных целях. Кроме того, на отдел была возложена обязанность по созданию и хранению мобилизационных фондов микрофильмов на конструкторскую и технологическую документацию по изделиям основной деятельности. Георгий понимал, что одному отделу такой груз был не под силу. Даже приход в Отдел новых специалистов-архивистов, молодых и тех, кто имел значительный опыт практической работы, таких, как Ким Галилов, Зоя Кулешова, Наташа Зотикова и других, не смог решить проблему в целом. Требовалось создавать новую службу и решать не простые организационные вопросы, что впоследствии и будет сделано.

В структурной схеме Главка отдел шел за седьмым номером. Но его попросту все называли “архивным”. Георгий первое время на вопросы знакомых о его новом месте работы отшучивался, говоря, что его досрочно сдали в архив.

Сложность работы в этой области заключалась еще и в том, что основное внимание руководителей обращалось на одну сторону дела — наличие государственных секретов в архивных документах. На историческую ценность документа не всегда и не всеми обращалось внимание. Не составляет тайны, что некоторые “ревнители” государственных интересов считали, что чем скорее будет уничтожен (сожжен) документ, тем надежнее будет сохранен секрет. Даже утрата документа, являвшегося ценным историческим памятником, считалась меньшим злом, чем утрата просто секретного документа. В силу такого положения много ценных исторических фактов и дел кануло в Лету.

Коллективом отдела был разработан план научной организации и постановки архивного дела в отрасли. План был одобрен и утвержден Руководством. Он предусматривал научно-техническую обработку всех документов, накопленных в отрасли. Для создания мобилизационного фонда на предприятиях были созданы лаборатории микрофильмирования и База хранения изготовленных микрофото документов.

ПОЕЗДКА В СРЕДНЮЮ АЗИЮ

В мае 1970 года куратор отдела Степан Жмулев наметил ознакомительную поездку по предприятиям Министерства, находившимся в республиках Средней Азии. В поездку он прихватил с собой Георгия, которому поездка была более, чем полезна. Там находились, в основном, горно-химические комбинаты и один проектный институт. С горными предприятиями Георгий раньше дел не имел и их совершенно не знал. В этой поездке посетили Узбекистан и Таджикистан.

Из Москвы прилетели в Самарканд, в эту древнюю столицу Тимуридов. Стояла майская жара, но она не очень помешала знакомиться с городом. Красочно выглядела величественная площадь Регистана, с медресе, декорами, посвященными Улугбеку, Шир-Дору и другим древним знаменитостям. Не так красочен оказался музей и мавзолей Гур-Эмира. Вход в мавзолей был закрыт, но оттуда доносился напевный голос, похожий на голос муэдзина. Через некоторое время голос смолк и из помещения через ворота стали выходить пожилые узбеки. После их ухода к

воротам подошел хранитель или смотритель музея. Он был в белой чалме и походил на муллу, а может быть и был им. Он извинился за задержку и поведал о том, что музей закрыт, что в нем идет ремонт.

Из Самарканда машиной выехали в Навои, на Горно-обогатительный комбинат. Навои совершенно новый город, выросший рядом со старым городком Кармине. В Навои все дома новой постройки с сохранением среднеазиатского колорита. Много цветов и зелени. На клумбах и газонах преобладали розы всех цветов и оттенков. Под открытым небом несколько плавательных бассейнов, в которых было тесно от купавшихся. Арыки, как кровеносные сосуды человека, снабжали живой влагой цветники, кустарники и деревья. Ближе к вечеру по улицам рейдировали поливалки, которые поливали не только растительность, но и ватаги ребяташек, бросавшихся под струи воды.

Из-за недостатка времени познакомились только с Управлением комбината. Его рудоуправления были разбросаны по всему региону и посетить их у москвичей возможности не было.

Перед вылетом в Ленинабад они решили посетить городской базар. Базар немного напоминал Георгию базары в Иране. На земле и на прилавках те же горы фруктов, ягод, дынь и арбузов. Все они были или ранними, или прошлогодними, но хорошо сохранившимися. Много было свежей клубники.

После посещения базара сразу же выехали на аэродром. По дороге они едва не попали в аварию. Перед их машиной с проселка на шоссе выскочила тяжелая грузовая машина. Она неслась, вихляя из стороны в сторону, создавая умышленно искусственные помехи для следовавшей сзади легковой машины. Водитель легковой машины, чтобы успеть к рейсу самолета, часто сигналил и пытался обогнать грузовик, но тот умышленно загораживал путь. По всему было видно, что грузовик ведет пьяный шофер. Перед грузовиком шел рейсовый автобус, битком набитый пассажирами. Автобус подошел к остановке и встал. Пассажиры стали вываливаться из него, как груши из корзины. Грузовик, не снижая скорости, с середины шоссе перешел на правую сторону, с ходу перескочил через арык и стал объезжать автобус справа, где выходили пассажиры. Те, увидев опасность, успели разбежаться, а то быть бы беде.

В населенном пункте, что стоял рядом с аэродромом, они увидели тот грузовик. Он стоял у крайнего дома. В кабине

спал пьяный солдат-водитель, навалившись всем телом на ба-ранку руля.

Самолет несколько задержался с прилетом и они успели на свой рейс. Полет занял немного времени и вот уже приземлились в Ленинабаде. В городе не стали задерживаться и выехали в Чкаловск, в Управление Ленинабадского комбината.

Все города, возникшие при предприятиях Минсредмаша, проектировались несколькими проектными институтами. Каждый институт вел свои города, и эти города походили друг на друга, как близнецы братья. Не отличался в этом смысле и Чкаловск, возникший на месте одного старого населенного пункта в 1956 году. Центр города украшал каскад прудов, расположенных уступами. Пруды были сделаны по генплану и использовались для разведения рыбы. Директор комбината ревностно относился к соблюдению своего запрета ловли рыбы в прудах. Горожане, прогуливаясь вдоль берегов, подкармливали рыб хлебом, принося с собой пакеты и авоськи корма. А им были не просто куски, корки и огрызки, а целые караваи и батоны хлеба. Любители закусывать рыбкой, не взирая на запрет директора, умудрялись втихую, вылавливать рыбку и пускать ее в дело. На большой крючок насаживали ломоть хлеба и забрасывали снасть в воду. Поплавка не делали. Конец бечевы держали в руке и стояли у решетки или сидели на травке и мирно беседовали о всякой чепухе, не обращая внимания на воду, но при этом осторожно оглядывали округу. При поклевке, которая отдавалась рывком в руку, рыбаки не торопились выбирать снасть из воды. Это они делали тогда, когда их никто не мог видеть. Подтянув рыбу к берегу, они камешком пристукивали ее, чтобы не трепыхалась и бросали ее в авоську. И тут же отчаливали от берега в магазин за бутылкой. Не зря же говорят, что рыба по сушу не ходит. А если рядом на берегу была помеха, они бросали свою снасть и рыба уходила вглубь от берега, утаскивая ее с собой. Но эта потеря была невелика. При задержании браконьеров потери для них были намного больше.

В выходной день местные товарищи повезли гостей на Кайраккумское водохранилище. Поскольку дорога шла через Ленинабад, по пути заглянули на Центральный рынок. То, что они увидели, лучше было назвать базаром. Про восточные базары много написано и много прочитано. Но видеть их воочию, совершенно другое дело. Атмосфера восточного базара, несмолкаемые шум и говор, процедура торгов и все это на

фоне навала разнообразнейших товаров, составляет незабываемое зрелище.

На водохранилище, как оазис в пустыни, стоял Дом отдыха комбината. Крутом пески и только Дом отдыха в зелени и в цветах. И здесь, как в Навои, главенствовали на клумбах и газонах розы. Изумительно смотрелось Кайраккумское водохранилище. Это целое море лазурной воды. Оно шириной в тридцать-сорок километров и длиной более ста казалось каким-то волшебством в знойной пустыни. На противоположном берегу, как мираж, виделись белые здания какого-то города, которые будто висели в воздухе над водой водохранилища. Такую нежность лазурной воды он видел однажды на озере Рипа, когда день был тихим и как будто золотистым.

После краткого пребывания в этом райском уголке москвичи машиной выехали в Ташкент. Дорога шла, в основном, по пустынным местам, прокаленным южным солнцем. Часть пути проходила по узкому каньону между скальных обломков и больших валунных камней. Когда проехали каньон, среди равнинных полей на возвышенном месте стал виден монументальный ансамбль. Подъехали поближе, увидели, что к зданию на возвышенном месте, построенном в классическом стиле, вела лестница, состоявшая из нескольких маршей. Весь ансамбль смутно напоминал своими очертаниями Петергоф, только не было фонтанов и вместо Самсона у подножия лестницы стояла скульптура то ли аиста, то ли лебедя. В этой посеребренной и потрескавшейся скульптуре было трудно опознать, кто это. Москвичи решили сделать остановку и подняться к зданию, вставшему среди бескрайних полей замком из волшебных сказок. Здание внешне походило на Русский музей в Ленинграде, только было меньше в размерах и имело запущенный вид. Из-под цоколя и из щелей стен пробивалась зеленая травка. Слева от парадного входа на небольшой площадке был сооружен мемориальный уголок, посвященный бывшему председателю местного колхоза, на чьей земле находился этот ансамбль. Рядом с бюстом председателя колхоза — дважды Героя Соцтруда стоял черный мраморный саркофаг. На первом этаже здания в его левом крыле москвичи нашли небольшую комнату правления колхоза. В комнате находился средних лет таджик, хорошо понимавший и говоривший по-русски. Он согласился быть гидом и показать дворец. Гид по ходу показа рассказал, что дворец строился долго. После постройки его несколько лет расписывали местные умельцы. На

потолке холла и залов было изображено много сотен квадратных с национальным орнаментом. Каждый орнамент был оригинальным и не повторялся дважды. В холле на большом стенде красовались портреты всех тех умельцев, украсивших дворцы орнаментами. По словам гида, на изображения орнаментов ими было израсходовано до трех миллионов яиц.

На первом этаже, кроме правления колхоза, было два зала. Один занимала выставка достижений колхозного хозяйства. Снопы пшеницы, гора белоснежного хлопка, арбузы, дыни, виноград и фрукты были основными экспонатами выставки.

Второй зал был залом Героев Социалистического Труда — колхозников этого колхоза. На стенах зала висело около тридцати портретов героев и героинь. Возглавлял галерею портрет бывшего председателя колхоза. На вопросы, как колхозу удалось вырастить столь много героев, гид рассказал целую историю производства собственных героев: — Колхоз своих героев делал сам, без чьей-либо помощи. Вчера, например, шла уборка хлопка. Все работали на одну Зайнаб или Фатиму. И кто-то из них становился Героями. А завтра все работали уже на другую или на другого и они тоже получали Звезду Героя. И так делали каждый год.

На втором этаже дворца были два больших зала. Один поменьше, на двести мест, был для собраний и заседаний колхозников и правления. Второй, большой, на пятьсот мест — зрительный зал с экраном и со сценой.

При выходе из дворца гид пригласил их подойти к мемориалу. Он поведал, что покойный председатель дружил с трижды Героем Соцтруда Турсункуловым. Оба они во время гражданской войны были во главе отрядов басмачей и воевали против Буденного. А потом, много позднее все они стали водить дружбу и дружили до конца. Буденный часто приезжал к ним в гости и они подарили ему отличного скакуна. Гид при рассказе очень уважительно отзывался о покойном. Даже привычку бывшего председателя садиться в седло с подставы, роль которой исполнял согнувшийся пополам колхозник, который имел право разогнуться только после того, как хозяин огреет его плеткой, он выдавал за умение председателя держать в колхозе крепкий порядок.

В завершении рассказа он обрисовал процедуру похорон, которая завершилась тем, что родные покойника ночью выкопали и перезахоронили его в другом месте.

На саркофаге из черного мрамора с двух сторон вились арабские надписи. Перевод их в устах гида звучал так: “Когда я родился, все радовались, а я плакал”. На другой стороне она звучала по иному: “Когда я умер, все плакали, а я радовался”.

Пока спускались по грандиозной, но страшно запущенной лестнице, Георгий в уме прикидывал, в какую сумму обошлось колхозу строительство такого Дворца. Видимо, все затраты окупило белое золото — хлопок.

До посещения колхозного зала Героев, виденного впервые, Георгий не очень задумывался о соотношении званий Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда. Он ставил между ними почти знак равенства. И различие видел только в том, что первое давалось за ратный подвиг или проявленное личное мужество, а второе — за организационные и трудовые успехи и достижения. Причем, во многих случаях учитывались не личные достижения, а успехи целых коллективов. Посещение Дворца и зала Героев подтвердило его мнение, что звание Героя Труда довольно редко присваивалось за личный трудовой подвиг. К таким он относил Терентия Семеновича Мальцева и подобных ему новаторов и тружеников, которые своим трудом, своим, как говорится, горбом, несмотря на все трудности и “препоны” доводили свои идеи и дела до реализации и приносили своему народу и Родине исключительную пользу или мировую славу.

Во всех других случаях трудился весь коллектив, а Звезду вешал один. Те руководители предприятий и организаций, которые пытались выделяться на общем фоне, успешно “делали” своих героев. Намечали кандидата, создавали ему все необходимые условия и оказывали помощь для достижения показателей, дававших право на присвоение звания Героя.

По мнению многих, в системе Государственных наград должно быть одно звание Героя, которое должно даваться за личное мужество в боевой обстановке и в мирное время. Мужество всегда остается мужеством, вне зависимости от времени, когда оно проявилось. За особые же заслуги в труде достаточно имеется других знаков и отличий в виде орденов, медалей, премий и благодарностей. Звание же Героя должно присваиваться только один раз в жизни человека. Алогично, когда из одного человека делают двух, трех и более героев. Само звание должно быть всегда особым, не будничным. Для этого, прежде всего, надо исключить огульность и необоснованность в присвоении его конкретным лицам. Всем еще памятни “радо-

стные вести” о присвоениях в недалеком прошлом высоких званий и звездных дождях, выпадавших на Леонида Ильича Брежнева. Две звезды Героя ему были навешаны в дни его рождения в 1966 и в 1976 годах. За что была дана третья, многие не знали. Раздача звезд Героя в качестве подарков ко дням рождений не могла не опорочить саму награду и ее статус. В стране, к величайшему сожалению, все послевоенные годы сопровождалась звездными дождями, которые сыпались на людей, многие из которых не пользовались в стране и у народа ни авторитетом, ни уважением. Особенно это проявилось в так называемые “застойные годы” Брежневского восемнадцатилетнего правления.

Весь остаток пути до Ташкента прошел в разговорах о посещении колхозного Дворца, единственного в своем роде в стране. В разговоре затронули и город, куда направлялись москвичи. Прошло пять лет, как Ташкент перенес крупнейшее землетрясение. Много зданий было разрушено и много людей погибло под их развалинами. В восстановлении города участвовали Москва, Ленинград, Минск, Киев и почти все республики Союза. Название городов и республик, приславших бригады спасателей и восстановителей, остались в названиях восстановленных ими районов.

В Ташкенте находился проектный институт, подведомственный Министерству. Он был небольшой и долгое время считался филиалом Московского института “Промниипроект”. Одного дня хватило столичным гостям, чтобы ознакомиться с институтом, его руководством и службами режима, охраны и делопроизводства. На другой день они московским рейсом вылетели домой.

СЕМЕЙНЫЕ АВАРИИ. НЕОБЫЧНАЯ ВСТРЕЧА С ПРОШЛЫМ И НАСТОЯЩИМ

Шел июнь, когда Георгий возвратился из командировки на юг. В городе начинали работать приемные комиссии вузов. Он предложил сыну подумать о дальнейшей учебе и порекомендовал ему пойти попробовать поступить в Военный институт иностранных языков. Начальником института был генерал-полковник Андреев. Сын после некоторого раздумья согласился с предложением отца. Георгий позвонил начальнику института, рассказал ему, как сын в прошлом году проскочил

мимо МИМО. Генерал назначил день встречи. Сын, следуя моде того времени, носил длинные волосы. Отец предупредил его о необходимости сходить в парикмахерскую, привести себя в порядок и подготовиться к поездке в институт. Миша не послушал совета отца и приехал в институт с гривой волос на затылке. Когда Андреев пригласил Георгия в кабинет, тот снова предупредил сына о стрижке волос. После предварительных переговоров с начальником института он вышел за сыном в коридор, но того на месте не оказалось. Через мгновение сын объявился подстриженным. Сын рассказал отцу, что когда тот ушел к генералу, к нему подошел какой-то майор и спросил, что он здесь делает. Сын ответил, что пришел поступать в институт. Майор на это ему сказал: “Вы, молодой человек, вероятно, ошиблись адресом. Вам надо ехать в Загорск и поступать в духовную семинарию”. Миша понял намек и быстренько слетал в парикмахерскую.

Отец с сыном зашли в кабинет начальника института. Генерал внимательно посмотрел на абитуриента, предложил сесть и повел с ним разговор:

— Ну, молодой человек, давай знакомиться,— начал генерал,— когда и чему учился и что закончил?

— Я учился в английской школе,— стал отвечать сын,— окончил десять классов. Учил английский.

— Ну, английскому языку и не только английскому мы сами учим. А в школе кроме языка, конечно, изучали другие предметы, например, литературу?

— Изучали. Была и литература,— продолжал отвечать Миша.

— А что из сочинений Льва Николаевича Толстого ты читал?

— Читал “Войну и мир”,— ответил тот.

— Может быть не читал, а смотрел кинофильм? (В эти дни на экранах шел фильм Бондарчука “Война и мир”.)

— Нет, читал сам роман,— утверждал Михаил. Генерал сделал короткую паузу в вопросах, как бы обдумывая, о чем еще спросить его.

— Ну, хорошо. А что еще читал Толстого?

— А с меня и этого хватило,— ответил Михаил. Его ответ вызвал улыбку у всех присутствовавших в кабинете, а Георгий ужаснулся таким ответом сына и подумал, что это конец, что дальше с сыном разговаривать не будут. Но он ошибался. Генерал продолжал спрашивать сына:

— Пушкина, конечно, ты тоже читал. А прозу Пушкина знаешь? Мишу смутило само слово “проза” и он задумался. Генерал стал задавать наводящие вопросы:

— “Дубровского” Пушкина читал?

— Читал,— отвечал тот.

— А “Капитанскую дочку”?

— И “Капитанскую дочку” читал.

— А “Героя нашего времени”? Это было откровенной покупкой, на которую попался Михаил, подтвердив, что читал. Но, тут же засомневался, несколько раз открывал рот, пытаясь что-то сказать, и, наконец, произнес, что “Героя нашего времени” написал не Пушкин, а Лермонтов.

После вопросов и ответов генерал вызвал в кабинет преподавателя английской литературы. На вызов явился полковник. Он начал вести разговор с Михаилом на английском языке. Они толковали минут десять. О чем они говорили, Георгий понять не мог. Он не знал языка и помнил только две фразы: “Эксюз ми” и “Гуд бай”.

По окончании собеседования полковник доложил генералу, что английскую литературу кандидат знает в пределах школьной программы.

Михаил понравился командованию института. Об этом Андреев сказал Георгию и в заключение обрадовал его, что если сын пройдет медицинскую комиссию, он будет зачислен на первый курс.

К сожалению, сын медкомиссию не прошел по зрению. У него обнаружился дальтонизм. Он не различал цвета и его забраковали. Осенью Миша был призван на действительную и прослужил в армии два года.

Приближалась зима. У Георгия оставался не решенным вопрос с зимней стоянкой машины, которую он на лето перегнал в Москву. На объекте у него был гараж и он решил машину на зиму отогнать туда.

В середине октября Министерство готовилось пересылать на объект комплект табуляграмм счета на ЭВМ задач по конструкции некоторых изделий. Георгий предложил свои услуги, поскольку собирался ехать туда на своей машине. Боровков дал согласие и он выехал из Москвы в Саров. С собой он прихватил ежа, которого дочь поймала в лесу и привезла домой. Еж всем поднадоел тем, что вел себя в квартире как хозяин. По ночам не спал и топал по всем комнатам, как какой-то мужик. Громкий топот

ежа будил и мешал спать. Георгий и решил использовать появившуюся возможность и вернуть ежа в лес.

Был Покров и ночью выпал первый снег, который к утру стал таять. Перед Владимиром в одном селе в этот день гуляли свадьбу. Молодые вместе с гостями вывалились на улицу. При виде машины они перегородили дорогу и потребовали выкуп. Так повелось на Руси давно. Георгий остановился и задумался, чем бы откупиться от молодых. Он вспомнил о еже. Выволоч его из-под переднего сиденья и преподнес его молодым со словами: “Желаю Вам на всю вашу совместную жизнь самых добрых отношений между Вами. Все острые моменты, все иголки, которые вдруг захотят появиться между Вами, пусть будут только на этом еже”. Молодые со смехом и благодарностью приняли необычный дар и пропустили машину.

Покров дал о себе знать. Перед Вязниками пошел снег, превратившийся в сплошной снегопад. Снежная завеса закрыла все вокруг. Видимости никакой. Георгий вынужден был остановиться. Он решил переждать, но его соблазнила увиденная возможность продолжить путь. Он упустил из виду, что был его фатальный месяц, который при неблагоприятных обстоятельствах мог принести беду. Он не последовал первому наитию и не стал ожидать конца снегопада. Когда он заметил, что шедшая медленно тяжелая грузовая машина оставляла на дороге широкую колею до асфальта, он решил воспользоваться этим и пристроился за грузовиком, держа дистанцию метров в пять. Он следовал за ним, стараясь повторять все его маневры и не упуская из виду задний борт. Снежный занавес то редел, то густел. Так, не спеша, то отставая, то приближаясь к ведущей машине, он проехал километров пятьдесят.

Несчастье произошло тогда, когда грузовик стал тормозить и его тормозной след превратился в ледяную колею. Грузовик остановился. Георгий, увидя это, резко нажал на тормоза. Машина сначала пошла юзом, потом ее понесло боком на полосу встречного движения. Снегопад продолжался. Первый встречный “Москвич” не сманеврировал и зацепил правую фару его машины. “Москвич” ушел вправо, а “Волга” Георгия встала посередине проезжей части шоссе. Водитель грузовой встречной машины из-за снегопада не видел, что впереди была помеха, что путь ему перекрыла легковая машина, вставшая на дороге, и не принял мер, чтобы избежать столкновения или хотя бы снизить скорость и смягчить силу удара. Лобовой удар выбросил “Волгу” за кювет дороги и она зарылась

с снег. Весь передок машины был разбит. Из поврежденного радиатора вырвались клубы пара, которые очнувшийся Георгий принял за дым и подумал, что машина горит. С трудом ему удалось открыть дверку машины и он вывалился в снег. Лицо заливала кровь. От ушиба кружилась голова и в глазах роились черные мошки. Убедившись, что машина не горит, он взобрался на переднее сиденье и забылся. В полузабытьи он услышал разговор двух подошедших к машине зевак. Один другому говорил о красивом ноже, лежавшем на заднем сиденье, который не плохо бы забрать, чтобы не пропал даром. Георгий понял, что речь шла о ноже, сделанном его братом и подаренном ему на память. Не открывая глаз, Георгий с растяжкой, но довольно внятно произнес, что в такой ситуации брать чужие вещи есть ничто иное, как мародерство. Зеваки поняли, что в машине лежал не труп, а еще живой человек, и быстро ретировались.

Подошедшая машина ГАИ забрала Георгия и документы, которые лежали в служебном спецпортфеле, и сдала все в госпиталь в Дзержинске. По просьбе Георгия документы забрали работники местного отдела КГБ.

Известие об аварии дошло до Музрукова. Он стал сразу выяснять возможность транспортировки его на объект, в больничный городок, на Маслиху. Главный хирург госпиталя не разрешил трогать его, так как он был нетранспортабельным.

В госпитале его не оставляли без внимания. Боровков поручил горьковчанам, работавшим на подведомственных предприятиях, изредка навещать пострадавшего. К нему из Москвы приезжали жена и сын, которому дали краткосрочный отпуск из части, где он проходил службу. Это внимание и участие родных, близких и знакомых помогало ему справляться с постигшей бедой, случившейся в его судьбоносный месяц.

Когда Георгий стал идти на поправку, с объекта была направлена носилочная машина неотложной помощи для перевозки его на объект. С больничным городком "Маслиха" Георгий познакомился давно. За почти двадцатилетнюю работу на объекте он раз пять был ее пациентом. Знакомство с "Маслихой" началось в октябре 1952 года после перевозки радиоактивных фильтров, прибывших с Семипалатинского полигона. Впоследствии он там перенес две операции и месяца полтора провисел на растяжке после повреждения шейных позвонков. В травматологическом отделении "Маслихи" у него обнаружили причину державшейся долго температуры. Этой причиной был перелом поперечного

отростка поясничного позвонка, который не был обнаружен в госпитале.

Пока Георгий “ремонтровался” на “Маслихе”, его разбитую машину доставили на объект в авторемонтный цех.

Лечение на “Маслихе” длилось около трех месяцев. При выписке из больницы ему были вручены ключи от машины. У подъезда его встречали бывшие коллеги и друзья. Рядом стояла отремонтированная машина, но он ее не признал. До аварии она была нежно салатового цвета, а здесь стояла машина цвета белой ночи. По ее внешнему виду нельзя было и предположить, что она недавно побывала в дорожной аварии и была разбита вдребезги.

Еще находясь в больнице, он думал, что больше никогда не сядет за руль машины. Здесь же, при виде машины он забыл о тех думках. Сел в машину, погладил баранку руля, включил зажигание и при первых звуках заработавшего мотора понял, что он ни в жизнь не расстанется с машиной и будет вместе с ней до конца. На предложения сменить машину на новую он отказался, заявив, что эта машина его спасла. В другой машине при такой аварии он вряд ли бы остался жив.

Через непродолжительное время он на отремонтированной машине выехал в Москву. Перед отъездом он подумал рассказать своему преемнику об одном заявителе, о котором вспомнил, находясь в больнице. Это было незадолго до сдачи дел и переезда в Москву. Заявитель пришел к нему на прием примерно за месяц до уезда. Он рассказал о своей жизни и о том, что произошло с ним когда-то. Он говорил неторопливо или обдумывая, или вспоминая прошедшее. Георгий, слушая его рассказ, сомневался, верить ему или нет. Рассказ он запомнил от начала до конца и после ухода заявителя суть заявления кратко занес в книгу приема посетителей. Заявление сводилось к следующему: он видел тайник, где были упрятаны драгоценности Саровского монастыря. Вот, каким был тот рассказ:

— “Я рано остался сиротой. Родители умерли, когда я был маленьким. Меня поместили в Ардатовский детский дом, где я жил, воспитывался и учился. Из всех родных у меня оставался дядя — брат отца. Он работал лесником и жил на кордоне. На летние каникулы я каждый год приезжал к нему и проводил время на кордоне, всегда вместе с ним. Куда направлялся он, туда шел и я. Правда, иногда он запрещал мне сопровождать его в лес и в такие дни я оставался дома с его женой. Она была родом из Мордовии, была малоразговорчива и жила как-то

замкнуто. Делала все молча. Перед войной, когда мне исполнилось пятнадцать лет, я приехал к дядьке на кордон. Он как-то осунулся, сгорбился и здорово сдал. Я пристал к нему с расспросами, что случилось, почему он стал таким? Он пошел в лес и позвал меня с собой. Когда шли по просеке, он шел и все время оглядывался. Останавливался, осматривался вокруг и вновь шел все дальше и дальше. На одной полянке он присел на пенек и стал под большим секретом говорить о том, что он хранит монастырский клад. “О нем никто не знает,— сказал дядя,— жена, кажется, догадывается. Жена о своем подозрении рассказала своим братьям и они сейчас пристают ко мне и требуют, чтобы я показал, где находится тайник. Они угрожали убить меня, если я не покажу им это место”.

Заявитель замолчал. Стал что-то обдумывать или вспоминать, опустив голову вниз. С минуту он молчал, потом, подняв голову, посмотрел Георгию в глаза, увидел, что его слушают с полным вниманием, продолжил свой рассказ:

— Дядя поднялся с пенька и пошел вглубь леса. На пути попалась тройная береза. Они все три росли из одного ствола и на высоте с полметра от земли расходились в разные стороны. Дядя показал на березу и предупредил, чтобы я запомнил их. Зашли в чашу. Дядя продрался через густой кустарник, наклонился и поднял серебристый мох, который был, как покрывало, и показал на щит, похожий на дверь. Это был вход в тайник. Дядя поднял щит, нагнулся и, сгорбившись, исчез в темном проеме, сказав, чтобы я его минутку подождал. Он зажег фонарь, высунулся из проема и поманил меня пальцем. Я зашел за ним во внутрь. Сначала я ничего не видел. Когда глаза привыкли к полутемку, я рассмотрел какую-то блестящую посуду и еще что-то. Дядя загасил фонарь, вышел наружу, осмотрелся и позвал меня. Он закрыл вход, положил и расправил мох и замаскировал проход в кустарнике. Еще раз осмотрел все, не остались ли какие следы. Убедившись, что все в порядке, он повел меня из леса к кордону. Он строго предупредил меня, чтобы я об увиденном никому не говорил. Особенно его жене и ее братьям.

Перед самой войной дядю убили, а кордон сожгли. В том году летние каникулы мне пришлось проводить в детском доме. В 1943 году меня призвали в армию. Попал на фронт. После войны приехал в родные места. Надо было где-то жить и работать. Детский дом был уже не для меня. Стал работать на заводе в Сарове. На том заводе во время войны делали снаряды для

катуш. Потом город закрыли. Вместо города стал объект. Сначала с объекта не разрешали выезжать даже в отпуска. Но я каждое лето выходил за зону. У меня был предлог — навещать могилу родителей. Каждый раз после посещения погоста я пускался на поиски тайника. За прошедшие годы все позабыл и найти его не смог. Вот и решил сделать Вам свое заявление. Может Вам удастся его найти. Жаль, если все пропадет и труды дяди окажутся напрасными. Если найдете, я ни на что претендовать не буду. Пусть все пойдет государству,— закончил свой рассказ заявитель.

Георгий поблагодарил заявителя и пообещал привлечь его к поиску тайника. Для организации поиска он заказал два миноискателя, но с переездом в Москву задуманного не осуществил.

После лечения на Маслихе при отъезде в Москву он предупредил своего преемника о возможном поступлении на объект миноискателей и о их поступлении просил позвонить ему в Москву. При всех он не стал ему рассказывать о сделанном заявлении и о цели заказа миноискателей.

О монастырском кладе Георгий вспомнит через двадцать с лишним лет. В 1994 году, когда ему предстояла серьезная операция с сомнительным исходом, он перебирая в памяти все, что еще не успел сделать, вспомнил о заявителе и кладе. Он сожалел, что не сказал об этом кому надо и про себя решил: если останется жив, обязательно откроет секрет клада.

После перенесенной операции, прошедшей как будто успешно (при таких болезнях загадывать надолго не положено), он посетил Свято-Данилов монастырь, надеясь встретиться с кем-нибудь из Патриархии. Там ему сказали, что резиденция и канцелярия Патриархии находится по другому адресу и сказали где. В канцелярии ему посоветовали встретиться с Владыкой Арсением, апартаменты которого были на втором этаже резиденции Святейшего. Около получаса длилась беседа его с Владыкой Арсением. Поговорили о Сарове, о монастыре, о преподобном Серафиме Саровском. Когда зашла речь о пропавшей монастырской утвари и возможном месте ее нахождения Владыко Арсений сказал, что Патриархия специальных поисков кладов и тайников с этой утварью не вела и вести не будет. “На все есть промысел Божий”, — сказал он и поведал о том, как промыслом Божиим был открыт клад монастырских ценностей при ремонтно-восстановительных работах в Смоленском монастыре.

После выхода Георгия из “Маслихи” он ехал домой с излишней осторожностью, хотя на дворе была весна и снега на дорогах не было. Во время пути в его памяти нет-нет да возникал тот или иной эпизод из происшедшей прошлой осенью аварии. Тогда он невольно снижал скорость машины. И так было несколько раз. Он отсутствовал на работе ни много ни мало, а около пяти месяцев и поэтому не стал использовать больничные дни, а сразу же по приезде в Москву вышел на работу. Боровков предложил ему выехать в командировку в Сибирь и Забайкалье. Предстояло посетить Красноярск, Иркутск и Читинскую область. По скромным прикидкам на это требовалось не меньше месяца.

За несколько дней до выезда в командировку вечером в квартире раздался телефонный звонок. Георгий поднял трубку. У него была хорошая слуховая память, но здесь не сразу узнал звонившего. Голос был знаком ему. Он силился вспомнить и пытался затянуть начало разговора подольше. После традиционных вопросов: “Кто говорит?”, “Кого нужно?”, “Узнаешь?”, “Не узнаешь?” Георгий наконец вспомнил и по голосу узнал, кто звонил. Это был его довоенный друг, который приходился дальней родней их соседям по полуподвалу в Ярославле. Последний раз они виделись после войны, когда Георгий вернулся из Ирана. Юрий, так его звали, в то время жил и работал в родном городе. Он был офицером и после фронта работал в Управлении МГБ Ярославля. Здесь он женился. Как потом оказалось, его жена была дочерью “врага народа”. По этой причине Юру разжаловали и уволили с работы в органах. Долгое время ярлыки “враг народа” и “родственник врага народа” были белыми билетами, игравшими печальную роль в судьбах их носителей. Его жене, из-за которой он потерял работу, показалось, что быть женой простолюдина, “простого Ивана”, как она изволила выразиться, было ниже ее достоинства. Она бросила мужа и, как мотылек, понеслась к более светлому огоньку.

Юрий после перехода на “гражданку” стал работать в магазине Книготорга. Что с ним стало дальше, Георгий узнал от него самого, когда тот приехал к нему домой и остался ночевать. Встречу отметили, как и принято, небольшим застольем. За столом наговорились от души. Благо, обоим было что рассказать друг другу. С последней встречи прошло двадцать пять лет. О том, что было с ними в годы войны, они рассказали друг другу еще в 1946 году. В эту встречу они рассказывали обо

всем, что было позднее. У Георгия жизнь сложилась не просто и изобиловала массой событий. У Юрия она также была сложной и поучительной. При рассказе он так обрисовывал события, что Георгий как бы зрительно видел то, что с ним происходило. На столе остывали блюда, а рассказам не было конца. Юра начал повествование с того дня и с тех событий, которые были неизвестны Георгию:

— После ухода “на гражданку” я работал в магазине “Когиза” и там познакомился с замечательной девушкой, с Женей. Мы с ней начали дружить. Когда партия бросила клич: “Коммунисты, в село!”, я решил бросить чиновничью работу и поехать в деревню. Женя одобрила мое решение и согласилась последовать за мной.

Делая крутой поворот в жизни, я решил испытать себя и попросился в самый отсталый колхоз. В то время таких колхозов было столько, что хоть пруд пруди. Приехали мы в деревеньку, забытую Богом и людьми. Колхоз влачил жалкое существование. Условия, в которых жили колхозники, вряд ли можно было называть жизнью. Все началось еще задолго до войны, когда заработанного на трудодни еле-еле хватало на пропитание. За все годы войны колхозники на заработанные трудодни ничего не получали. Их выручал и спасал свой огород.

Когда мы приехали в деревню, то застали там сплошную нищету. Колхозники, не получая ничего за свою работу в колхозе, относились к ней соответственно, без особого рвения. Я попросил собрать всех в самый большой дом, который считался когда-то клубом, но уже давно пустовал. Всем было не до веселья и развлечений. Когда собравшиеся расселись по лавкам и узнали, что к ним приехал очередной новый председатель, они забросали меня вопросами, а больше жалобами. Задавали каверзные и даже провокационные вопросы. Они были сыты предшествовавшими председателями, которые хозяйством не занимались и вели хмельной образ жизни.

Я рассказал о себе все, ничего не скрывая. Сказал, что я неграмотный в вопросах ведения сельского хозяйства, и выразил надежду, что общими силами нам удастся поднять колхоз и самим зажить нормально. Их больше всего устраивало, что я не пьющий, и они приняли меня в свой колхоз.

Здесь Юрий сделал передышку в своем повествовании, чем сразу же воспользовался Георгий. До сих пор он не прерывал рассказа гостя. Он спросил его, каким ветром занесло того в Москву, и был немало удивлен, когда узнал, что Юрий — делегат

XXIV партсъезда и, пользуясь перерывом заседания, разыскал адрес и приехал к нему домой.

После передышки Юрий продолжил свой рассказ: — Первый хозяйственный год в жизнь колхоза и колхозников особых изменений не внес. По завершении года собранный урожай, добытый немалым трудом, после закладки семенного фонда решили раздать колхозникам на трудодни. Я понимал, что такое решение для меня добром не кончится, но пошел на это, ибо без заинтересованности колхозников их было не поднять на тот труд, который вывез бы колхоз из нужды. Так и получилось. Меня вытащили в райком и обвинили в срыве заготовок и госпоставок. Грозил судом, тюрьмой и каторгой. На мои доводы о нищете колхозников, о необходимости позаботиться о человеке труда, о чем всегда ратовала партия, мне отвечали, что я, как коммунист, прежде всего должен думать о государстве. На первый раз меня строго предупредили. На следующий год результаты были повыше. Собрали неплохой урожай. Но и на этот раз все повторилось. После закладки семенного фонда и выдачи продуктов на трудодни на госпоставки ничего не осталось. На сей раз меня уже не предупреждали и, несмотря на протесты колхозников, заставили уйти с председательского места. По просьбе сельчан я остался работать в колхозе. Поступил на заочный в сельскохозяйственный институт, окончил его и стал работать агрономом.

Так шло до 1963 года. И вдруг в июне весь мир облетела весть: впервые в космосе первая женщина-космонавт, Валентина Терешкова. От колхозников, ввалившихся в мой дом, я узнал, что Валентина из нашей деревни. Я вспомнил, что в деревне жила такая девчонка, которая в конце пятидесятых годов или немного раньше уехала в Ярославль и стала там работать на “Красном Перекопе”. Так звался хлопчатобумажный комбинат, считавшийся в городе “фабрикой невест”. О том, что ее приняли в отряд космонавтов, никто в деревне не знал. Не знала этого и ее мать, жившая здесь же, в деревне.

Когда Валентина Владимировна выходила замуж за Андрияна Николаева, я оказался приглашенным на их свадьбу в числе гостей со стороны невесты. Это сделала мать космонавтки. Во время свадебного пира к матери Валентины подошел Никита Сергеевич (Хрущев) и, обняв ее, стал благодарить за дочь, которая своим подвигом прославила Родину. Мать, в свою очередь, решила познакомить Хрущева со мной и рассказала ему, как я зачинал быть председателем колхоза и какие беды свалились то-

гда на мою голову. Никита Сергеевич, хотя и был хорошо подда-
тым, с интересом выслушал ее рассказ обо мне и, подозревая быв-
шего на свадьбе Министра сельского хозяйства, представил меня
ему и сказал, что он нашел кандидата на вакантную должность
Заместителя к нему и чтобы он готовил меня к работе в этой
должности.

По возвращении из Москвы домой ко мне приехали из рай-
кома и передали приглашение в Обком. И с этого времени все
изменилось. Я стал вновь председателем колхоза. А когда в об-
ласти создали крупное свиноводческое хозяйство, мне предло-
жили его возглавить. Вот, так и получилось. Деревенская дев-
чонка поднялась в космос, а я не без ее взлета поднялся до поста
директора крупного хозяйства и делегата партийного съезда,—
закончил он рассказ о своей жизни.

Разговор друга детства закончили далеко за полночь.
Можно было разговор продолжать и дольше, было что вспом-
нить, но Юрию надо было вставать рано и успеть на утреннее
заседание. Утром, после легкого завтрака Юрий простился с
Георгием и Ниной и, выходя к машине, пригласил их побы-
вать в его хозяйстве. Георгий обещался, при случае, заехать к
нему и свое обещание сдержал. Но случится это лет через
десять.

ПОЕЗДКА ПО СИБИРИ И ЗАБАЙКАЛЬЮ

В первых числах апреля Георгий отправился в командиров-
ку. Он больше с Юрием не встречался. Тот после съезда уехал
домой, а Георгий в это время был уже в Красноярске. Пред-
приятие, куда приехал Георгий, было прописано в самом
Краевом центре, но на самом деле находилось на приличном
расстоянии от Красноярска. В Красноярске он остановился на
центральной улице города в квартире, считавшейся “гостини-
цей” предприятия. В его распоряжении было два дня и он ис-
пользовал их для знакомства с городом. Побродив по цен-
тральным улицам и площадям, он вышел на набережную Ени-
сея. У дебаркадера был пришвартован пароход “Святитель
Николай”, превращенный в музей. На нем в 1897 году везли
Ленина в ссылку, в Шушенское. Георгий побывал в музее. Об-
ратил внимание на каюты, которые не походили на арестант-
ские. Обставленные мебелью того времени, с буфетом, пол-
ным различной посуды, они выглядели даже комфортно.
Обойдя все помещения парохода, заглянул сверху в машинное

отделение, и даже сделал какую-то запись в журнале отзывов и предложений.

Машина за ним пришла на второй день. В сопровождении представителя комбината он направился в закрытый город с таким же статусом, что и его бывший объект, где от трудился до переезда в Москву. Город расположился на площадке между Енисеем и горной грядой. С широкими проспектами и свободными площадями он понравился Георгию. Сам комбинат находился вне города и в отличие от других предприятий Министерства размещался под землей. Рабочие смены доставлялись на комбинат электричкой. Первый раз Георгий с сопровождающими доехал до комбината на машине. На входных воротах прошли контроль и под гору пошли пешком по ходку. Ходок проставлял из себя узкий проход, вырубленный в скальной породе. Длиной более километра он выходил к центральной улице подземного предприятия. Когда прошли ходок, оказались на широкой и хорошо освещенной улице.

При ознакомлении с комбинатом он был поражен масштабами сооружений: в горной выработке было много улиц и переулков. Служебные и производственные помещения имели по два и более этажей. На улицах еще велись работы по оборудованию неровных скальных стен современными стеновыми материалами. По его мнению, величина, протяженность и объемы помещений комбината могли поспорить с Московским метрополитеном. Специальные цехи, оснащенные современной техникой, занимались жизнеобеспечением большого коллектива комбината и всех других подразделений и служб смежников. Мощные насосы закачивали отфильтрованный воздух в рабочие помещения. Хорошо продуманное освещение создавало иллюзию нахождения на поверхности, а не под землей.

К концу рабочего дня Георгий почувствовал разницу работы на земле и под землей. Голова затяжелела. Стало клонить ко сну и он не мог удержаться от позевоты. После окончания работы было лень идти пешком по ходку и поэтому решили выехать из-под горы электричкой. По центральной улице прошли до “вокзальной” платформы, где уже стояла электричка. У каждого вагона часовые-контролеры. Они проверяли пропуски у всех, входивших в вагоны. В установленное расписанием время электричка отправилась в город. Чтобы скоротать время в пути, пассажиры, разбившись на группы, азартно резались в карты, в подкидного дурака. Как рассказа-

ли попутчики, на первых порах по всем линиям: административной, партийной, профсоюзной, пытались бороться с этим увлечением, которое почему-то считали злом. Но когда поняли, что плетью обух не перешибешь, перестали трепать нервы и всем, и себе. У Георгия на этот счет было свое мнение. Он думал, что игра не только не мешала, а наоборот, даже положительно отражалась на многом. Играя, они коротали время в пути, отвлекались от своих горьких дум, которых всегда в избытке, и в спокойном состоянии приступали к работе. И было спокойней партийным и другим органам, потому что в этом увлечении, проходившем на глазах у всех, вряд ли могли возникнуть какие-либо политические и другие разные анти-проявления. У игроков сложились постоянные кампании, они занимали в вагонах всегда свои места и за время поездки умудрялись сыграть по несколько партий. Среди них были даже свои чемпионы.

В этом закрытом городе ему пришлось побывать много раз и с каждым новым приездом он видел происходившие здесь изменения. С одной стороны, становилось хуже со снабжением. Если в первые приезды магазины, образно говоря, ломились от продуктов, только одной колбасы были десятки сортов, то в последующие приезды полки магазинов оскудевали. Зато сам город рос и хорошел. Появлялись новые районы. Благоустраивались жилье и места отдыха.

После знакомства с комбинатом и городом Георгий выехал на другой комбинат, находившийся в ста пятидесяти километрах. Выехали машиной. Дорога, хотя и называлась транссибирской, была обычной и местами не очень хорошей и даже плохой. Глубокая колея и колдобины, встречавшиеся на пути, замедляли езду. Особенно это чувствовалось в районе Уяра, через который проходил их маршрут. В начале апреля здесь только начиналась весна. Дорога раскисла. Машина местами натужно буксовала. В Уяре решили передохнуть и подкрепиться. Зашли в столовую, что была рядом с дорогой. Она мало походила на себя. Грязь с улицы была занесена и сюда. Судя по качеству блюд повара не блистали кулинарным мастерством. Шеф-повар низкое качество блюд пытался объяснить плохими продуктами. Георгий на его объяснения привел китайскую поговорку: "Нет плохих продуктов, есть плохие повара". Тот все понял и не обиделся.

Обманувшись в надеждах попробовать сибирскую кухню, они отправились дальше. Обедать пришлось вечером, когда

добрались до комбината. На другой день после завершения работы Георгий до отъезда обратно прошелся по городку. Город Заозерный, построенный для работников комбината, протянулся узкой полосой вдоль реки Кан, впадающей в Енисей. Город притулился у подножия невысоких гор, защищавших его от северных ветров.

Из Заозерного возвращались в Красноярск той же дорогой, через Уяр. По пути решили заехать в Дивногорск — город строителей Красноярской ГЭС, побывать на самой гидроэлектростанции и завернуть в заповедные “Столбы”, где каменные скалы, отшлифованные временем и ветрами, образовали оригинальный ансамбль.

Дорога шла по гористой местности, делала многочисленные зигзаги и неожиданные крутые повороты и несколько напоминала дорогу от Сочи до Хосты, с такими же, как и там, “тещиными языками”. Но в этих дорогах было и различие. Здесь на опасных участках дороги были сделаны ловушки. На крутых поворотах, где был риск, что машины по каким-то причинам не вписывались в поворот и попадали в аварийную ситуацию их выручала ловушка — большой лоток, заполненный песком или опилками. Попав в ловушку, машина останавливалась и аварий не происходило. На южных дорогах таких ловушек не встречалось.

При подъезде к плотине дорога пошла вниз и за поворотом показалась величественная картина Красноярской ГЭС. На плотине еще велись какие-то строительные работы, но станция уже трудилась, уже давала ток. С высоты ста метров падал мощный поток воды. Выше плотины разлилось целое море воды. Осмотр ГЭС приехавшие вели снизу, с берега Енисея. Взбаламученная плотиной вода бурунами, покрытыми белой пеной, неслась вниз к Карскому морю. На левом берегу у низа плотины лежало громадное корыто. Оно по проекту предназначалось для перевалки речных судов через плотину, чтобы сохранить судоходство по Енисею от Абакана до Игарки и обратно.

Уставший от большой и трудной дороги, Георгий предложил ехать домой, а посещение Дивногорска и “Столбов” отложить на будущее. С его предложениями согласились все и машина успела засветло возвратиться в закрытый город.

Следующим пунктом его ознакомительной поездки был Ангарск. Надо было лететь самолетом. Дорога в аэропорт шла через краевой центр. По пути заглянули в новый поселок, построен-

ный для рабочих завода, который только что начал выпускать прицепы для КАМАЗов. Поселок еще не имел обжитого вида и только начинал обстраиваться. Это впечатление о нем создали груды строительного мусора и горы земляного грунта у котлованов, подготовленных для закладки фундаментов.

В аэропорту было много ожидавших. Некоторые рейсы задерживались или отменялись вовсе из-за нехватки горючего, как объясняли диспетчера. Георгию повезло. Ему удалось получить билет на проходящий рейс и он через один час с минутами был в Иркутске, где его встречал руководитель подведомственной ему службы Ангарского комбината.

Дорога на Ангарск шла через Иркутск. В этом городе несколько лет жила его жена во время их размолвки. Здесь же должен был жить и ее отец. Проезжая по улицам города, он всматривался в лица иркутян, допуская возможность случайной с ним встречи. Бывает же в жизни такое. Но на этот раз такого не случилось.

На комбинате он занялся делами службы и знакомством с производством. Директор комбината Виктор Федорович Новокушенов посоветовал ему при посещении цехов не пройти мимо картинной галереи, составленной из картин, подаренных местными художниками или купленных комбинатом. На первых порах создания галереи считали ее чудачеством директора. Но потом отказались от такого мнения. Картины, удачно размещенные по обеим стенам широкого и светлого перехода между цеховыми помещениями, удачно вписывались в интерьер и скрашивали рабочие будни коллектива.

На комбинате было несколько необычных цехов. Необычность была в их длине, достигающей километра. Из-за больших пролетов и расстояний там функционировал свой транспорт, состоявший из автокар, мотоколясок и велосипедов.

В Ангарске Георгий встретился с однокурсником по учебе в Ленинграде, на Мойке-45. Встреча произошла случайно. Петр Шер, как его звали, работал в Иркутске. В Ангарск приехал с проверкой своих служб, и остановился в той же гостинице, что и Георгий. Вечер был отдан рассказам о жите-бытье, а утром решили отдохнуть на природе. Как раз было воскресенье. Около полудня Петр повез Георгия знакомиться с тайгой, их машину сопровождал на служебной машине начальник местного ГАИ. Петр являлся представителем Областного управления МВД и служба ГАИ входила в сферу его проверки. Машины после плутания по Ангарску остановились на тихой и

зеленой улочке. Георгий вопросительно посмотрел на друга и сказал, что тайги он что-то не видит. На это Петр рукой показал на здание, на котором красовалась рекламная вывеска “Ресторан “Тайга”. В зале их встретил директор ресторана и провел к уже накрытому столику. Особое место в меню было отведено пельменям. Сибирские пельмени подали в глиняных горшочках. Они готовились в сметане. Директор ресторана был отменно гостеприимен. Он часто подходил к их столику, интересовался самочувствием гостей и тут же вынимал из кармашка серебряную стопку. Ему наливали и он, выпив за их здоровье, величественно уплывал к другим столикам. После “знакомства” с “Тайгой” решили поехать в настоящую. Поехали в сопки. Тайга на сей раз была самая настоящая. Величественные кедры вперемежку с соснами сдавливали дорогу с обеих сторон. Дорога спустилась в распадок. Внизу, в распадке, стояло несколько домов, срубленных из больших толстых стволов таежных деревьев. В самом большом доме была пекарня, чьи пшеничные караваи славились на всю округу. Георгия сюда привезли, чтобы показать ему эту, своего рода, достопримечательность края. Зашли в дом. Почти половину помещения занимала большая печь, в которой вершилась выпечка знаменитых караваев, прославившихся до областного центра. В пекарне трудились три русские красавицы. Рослые, статные, пышногрудые с раздумянными лицами они вершили свое чудо. Одна из них деревянной лопатой выхватывала из широкого зева печи большие поджаристые караваи и скидывала их на большой стол-лоток. Они юзом катились на противоположный край стола, где две другие еле успевали снимать их со стола и укладывать на полки. После разгрузки печи они сделали перерыв. Поговорили о разных разностях с пришельцами и одарили их караваем. Каждому по караваю. Расплатившись и поблагодарив красавиц, все пошли к машинам, чтобы ехать обратно. Вечерело и заметно похолодало. Машины при подъеме в гору стали буксовать. Оттаявшая днем дорога вечером покрылась ледяной коркой. Помогли местные мужики. Они сходили за веревками, впряглись гуртом сначала в одну машину, затем во вторую и с трудом вытащили их наверх. Для расплаты пригодился коньяк, предусмотрительно захваченный с собой в дорогу.

Пока добирались до гостиницы по половине караваев сжевали. Уж очень аппетитным оказался хлеб, особенно поджаристая хрустящая корочка.

Производственная программа командировки по этому комбинату была выполнена. Напоследок Георгий попросил местных товарищей свозить его на Байкал. До Листвянки добрались за полтора часа. Время было в обрез. У него уже были взяты билеты на самолет до Читы. После краткого пребывания на озере посетили ресторанчик, который больше смахивал на обычную столовку, чтобы попробовать знаменитого байкальского омуля, чего не удалось сделать. Оммуля не было. Официантка удивила всех своим заявлением, что, мол, если хотели попробовать омуля, то надо было его привозить с собой. А здесь бы его приготовили. Вот, так-то.

После Ангарска ему предстояло лететь в Читу. В аэропорт Георгий сумел прибыть как раз к своему рейсу. Шла проверка документов и пассажиров выводили на посадку. Рейс пролегал над Байкалом. Георгий, не отрываясь, смотрел в иллюминатор на это славное море, воспетое в песнях. На озере уже были большие проталины Там, где была вода, на ней был замечен след налетавшего ветра, который сверху казался клином или стрелой,двигающимися вместе с ветром. Слева вдаль виднелся остров Ольхон.

В Чите Георгий по имевшемуся у него адресу нашел представительскую контору Приаргуньского горно-обогатительного комбината. Ему помогли устроиться в гостинице "Ингода". Свое название гостиница получила от названия реки, на которой стоит Чита.

Рейс самолета на Краснокаменск, куда направлялся он, должен был быть на другой день. Это позволило ему походить по городу. Из всех зданий, что ему удалось увидеть в городе, ему больше всего понравилось построенное в классическом стиле здание Окружного дома Советской Армии. Его парадный вход был оформлен в виде портика со строгими колоннами.

На следующий день он вылетел в Краснокаменск, к Китайской границе, недалеко от которой и был комбинат — цель его командировки. В полете стюардесса предупредила пассажиров о запрете смотреть в иллюминаторы и, тем более, фотографировать местность. Георгия заинтриговало это предупреждение и он украдкой, сквозь щель в занавеске, посматривал на землю. Он обратил внимание на какие-то большие правильные квадраты и изредка появлявшиеся круги. Присмотревшись, он разобрал, что квадраты были образованы из множества танков, стоявших впритык друг к другу. Квадраты занимали различные площади и сколько танков было в каждом квадрате,

было известно одному только Богу и тем, кто ведал их учетом. Круги же, по его мнению, были пусковыми ракетными шахтами, может быть и ложными для дезинформации космической разведки потенциального противника.

Полет продолжался немного больше часа. Комбинат, как и сам город Краснокаменск, был молодым и продолжал развиваться ускоренными темпами. Развивался и город. Построенные объекты тут же вступали в строй, а рядом поднимались новые. Георгия свозили на шахту “Центральная”. Спускались на последний горизонт, находившийся на глубине восьмисот метров. Он, спускаясь в шахту, представлял ее такой, какие видел в кинофильмах о шахтерах: низкие и полутемные штольни, узкая колея откатной рельсовой дорожки, по которой гоняли вагонетки с углем толкачи-откатчики или лошади, потерявшие под землей зрение, с кровли беспрестанная капель подземных вод. И вслед за проходчиками крепильщики с кувалдами и крепежными стойками.

Спустившись вниз, он ничего подобного не увидел. Широкие и высокие штольни были хорошо освещены и укреплены домкратами. Рельс и тележек, откатчиков и лошадок не было. Проходка велась взрывным методом. Разрушенная взрывом порода пневматической машинкой грузилась в свой кузовок, подвозилась к приемному люку и сбрасывалась по наклонному лотку прямо в вагонетки, которые механическим способом доставлялись к подъемнику и поднимались на-гора.

Он впервые был в шахте и увиденное изменило все его представление о труде шахтеров, который можно организовать так же, как здесь, с применением новейшей техники и технологии. Он решил при возвращении в Москву поставить в Горном Главке вопрос о создании фильма о процессе добычи на шахте “Центральная”.

После шахты ему показали местный геологический музей, организованный женой директора комбината Волей Ивановной. Геолог по образованию и по призванию, она отдала всю себя своему любимому делу — собиранию того, что хранит в себе наша земля. Музей был ее любимым детищем, который был ей дорог так же, как и двое ее сыновей. Музей располагался в полуподвальном помещении Управления комбината. Воля Ивановна прилагала усилия и свои возможности для пополнения коллекции минералов, в том числе драгоценных и полудрагоценных камней. С этой целью она поддерживала связи с другими геологическими музеями страны и с любителями-со-

бирателями камушек. На застекленных стеллажах и на открытых полках лежали драгоценные и полудрагоценные камни: аметисты, лабрадориты, агаты, малахит, флюориты, яшма, горный хрусталь и даже один самородок чистого серебра, что довольно редко встречается в природе.

Последний день пребывания в Краснокаменске он провел на Советско-китайской границе. Граница была рядом. Дорога до нее шла по равнинной местности. На ней были раскиданы редкие сопки. Безлесная равнина была удобна для овцеводства. Об этом говорили встречавшиеся кошары и небольшие отары овец. На полпути от границы Георгию показали историческое место. Недалеко от дороги была поросшая травой обваловка, образовавшая квадрат размером двадцать пять на двадцать пять метров. По рассказанной легенде, здесь, якобы, стоял шатер Чингисхана. Рядом вся равнинная местность была занята тьмой конных воинов, готовившихся в Великому походу. Выйдя из большого белого шатра, Чингисхан подал сигнал и Великий поход начался. Была ли то правда или просто легенда, никто конкретно не знал, но то, что Великий поход состоялся, история подтвердила.

Пограничная застава стояла на высоком берегу поймы реки Аргунь, притоке Амура. По краю обрыва тянулся проволочный забор и стояли наблюдательные вышки.

Река Аргунь

Пограничники приехавшим показали учебные игры со служебными овчарками. Разыграли сценку задержания нарушителя и действия их против вооруженного. После учебных игр пограничники накормили гостей обедом.

Из рассказа, услышанного во время обеда, Георгий узнал о коварности пограничной реки. Аргунь раньше протекала по правой стороне поймы. По Советско-китайскому договору границу установили по руслу реки с правом судоходства по ней обеих Высококодоговаривавшихся сторон. Граница со всеми атрибутами: забором, погранзаставами, контрольно-следовой полосой, вышками размещалась по левому берегу реки. Вся пойма реки находилась на советской стороне и являлась территорией СССР.

Несколько лет назад река сделала своего рода финт. Она пробила себе новое русло и ушла на левую сторону поймы под ее высокий берег. Река полностью ушла на территорию СССР. Пограничная полоса осталась на прежнем месте, но согласно Договору китайская сторона сохранила право судоходства по реке. Теперь китайские суда могли спокойно, свободно и бесконтрольно входить на территорию страны и уходить снова обратно. Чтобы сохранить пограничный контроль, пришлось границу дублировать по левому берегу поймы. Формальная граница осталась на прежнем месте, а на новом месте пришлось все устраивать заново. Погранзаставы передислоцировались на новое место, а на старом были оставлены отдельные посты и секреты.

При создавшейся ситуации китайцы стали использовать пойменные луга на советской территории для выпаса своего скота. С этим была связана одна история, которая вспоминалась со смехом. Прошлым летом некоторые работники комбината организовали семейный выезд на реку для отдыха и рыбалки. На берегу Аргуни, за пограничным забором, был построен домик рыбака. Поскольку территория была своей и дом рыбака, хотя формально был как будто “за границей”, считался своим и никто иначе не думал. Отдыхавшие выехали вечером. Успели натаскать рыбешки, сварить ушицу и повечерять на природе. Рано утром жена одного рыбака-любителя вышла из дома и увидела темную массу, движущуюся с китайской стороны. Она, не разобравшись, подняла тревогу, что идут китайцы и их много. По тревоге все быстро, по-пожарному, поднялись и выскочили из дома наружу. И тут разобрались, что тревога была ложной. На пойму спускалось стадо коров.

Из Краснокаменска Георгию предстояло заехать в Первомайск, где находился Забайкальский Горно-обогатительный комбинат, ЗабГОК, как его величали в документах. Здесь в открытом карьере добывалась руда, содержащая необходимые элементы для научных и производственных нужд Министерства среднего машиностроения.

Незадолго до его приезда на комбинате была довольно неблагоприятная обстановка, вызванная не деловыми обстоятельствами, а неприязненными отношениями между некоторыми руководителями служб Управления комбината и города. К его приезду атмосфера этих отношений разряжалась и в воздухе как бы витали отдаленные отзвуки этой напряженности.

Два дня, что он пробыл на комбинате, он был без сна и отдыха. Не потому, что было много дел, а потому, что над городом почти круглые сутки висел густой гул моторов. Работа на карьере велась круглосуточно. Добытая руда вывозилась на сорокапятитонных МАЗах, моторы которых по издаваемым шумам могли поспорить с реактивными двигателями тяжелых воздушных лайнеров. Дорога к карьере проходила по горам. При спусках и особенно на подъемах рев моторов удесят�ерялся. В гостинице, где остановился Георгий, от рева их моторов все гудело и дрожало. Днем на работе в Управлении он шума особенно и не замечал. Зато ночами рев властвовал везде, заполнял все пространство, подавляя все другие звуки. Ни подушки, ни ватные затычки в ушах — ничто не спасало от шума. Местные жители, видимо, к этому привыкли и по ночам шум их не тревожил.

В последнюю ночь, когда шум не давал спать, Георгий вспомнил один разговор со знакомым, который был страшным храпунном. Он рассказал, что из-за храпа его молодая жена на второй день после свадьбы собиралась бежать в ЗАГС, чтобы ликвидировать недавнюю брачную запись, то есть развестись. Он ее с трудом уговорил. По ночам старался лежать тихо, как мышь. Она осталась. И постепенно так привыкла к его храпу, что когда его не было дома, когда он уезжал в командировку, она не могла заснуть.

Видимо, и жители города, так привыкли к гулу моторов, что, наверное, в нерабочие дни, когда шума не было, не могли засыпать.

Командировка заканчивалась. Почти месяц он мотался по Сибири и Забайкалью. Пора было возвращаться в Москву. Из Первомайска до Читы надо было лететь на ЛИ-2 местной

авиалинии. “Аэропорт” представлял собой строение, походившее на сарай. Он стоял на краю большого поля, покрытого зазеленевшей травкой. Это поле было и взлетной и посадочной полосами.

Рейс, на который был взят билет, по неизвестным причинам был отменен. Диспетчер по радию связался с самолетом, который был в воздухе и выполнял другой рейс с конечным пунктом в Чите. Диспетчер уговорил командира самолета завернуть в Первомайск и забрать нескольких пассажиров. Самолет завернул, но на борт взял не всех, что ожидали несостоявшегося рейса. У него было только пять свободных мест. Среди пятерых счастливиц оказался и Георгий.

Из Читы в Москву он вылетел на следующий день в семь часов утра по местному времени и в семь часов этого же утра он был в Москве. Но это было уже московское время.

Отчитавшись за командировку, Георгий приступил к разработке планов по упорядочению документального хозяйства, накопленного за прошлые годы. Он не забыл и о задумке создать фильм о шахте “Центральной” Приаргуньского комбината и внес свое предложение Руководству Главка, ведавшего горными предприятиями отрасли. К сожалению, его предложение не было реализовано.

С ростом задач отдела, руководимого Георгием, изменился и состав его работников. Новое пополнение состояло из специалистов с высшим специальным образованием. Все они в разное время окончили Московский историко-архивный институт и имели практические навыки и опыт работы по специальности.

КИНОДОКУМЕНТЫ. СЕКРЕТНАЯ БИБЛИОТЕКА

Приняв в свое ведение все дела, документы, киноматериалы Центрального аппарата Минсредмаша, накопленные с 1945 года, Георгий много времени потратил на ознакомление с ними. Документы, не содержавшие ценной информации, откладывались в сторону. На них жаль было тратить свое время и время сотрудников отдела. Предстояло большое и сложное дело — в море бумаг выявить те, которые представляли научно-историческую и практическую ценность. Всеми понималось, что только в этом фонде имелись сведения о возникновении, становлении и развитии совершенно новой отрасли науки и техники. Документы этого фонда свидетельствовали

о начале атомной эры в стране и в мире и о той роли, какую сыграл в этом коллектив Министерства, его предприятий и организаций.

Киноматериалы Отделу были переданы Спецгруппой Московской студии “Центрнаучфильм”, которой в то время руководил Дмитрий Александрович Боголепов. Они создали фильмы по всем испытаниям атомного и водородного оружия, по спускам и испытаниям атомоходов. Ими же снимались фильмы по запускам космонавтов и пускам тактических и баллистических ракет. В кинохранилище, кроме смонтированных фильмов, находились и пленки с кадрами, не вошедшими в фильмы.

Кинооператоры группы Боголепова (Суворов, Касаткин и другие) при каждом выезде на полигоны, на предприятия или на сопровождение в поездках тех, кого надо было запечатлеть на пленке, получали строжайшее указание заснимать каждый миг эксперимента, специальной работы, каждый шаг объекта съемки. Это и было понятно, почему так надо было делать. Эти съемки шли без дублей.

Для того чтобы разобраться в завале пленок, пришлось проводить покадровый просмотр всех пленок на монтажном столе. При просмотре попадались самые курьезные кадры и даже целые планы, снятые оператором тогда, когда, например, объект съемки шел туда, куда цари пешком ходили.

Специальные кинофильмы все или почти все имели грифы “Секретно”, “Совершенно секретно” и “Совершенно секретно. Особой важности”, их хранение и использование строго регламентировались. В первое время показ кинофильмов допускался по решению Высших правительственных инстанций. Правда, в этом деле допускались иногда и послабления, когда вопрос касался высоких чиновников Государства и Партии. С таким случаем послабления или вольности встретился и Георгий.

Как-то его вызвал к себе в кабинет Боровков и дал указание позвонить по Кремлевской вертушке по номеру 66-11 и предупредить, что это аппарат приемной Члена Политбюро товарища Кириленко Андрея Павловича и все, что будет сказано, надо безукоснительно исполнить. Георгий позвонил. Трубку поднял помощник Кириленко — Кувшинов. Так он назвался, когда ответил на звонок. Георгий назвал себя и Кувшинов передал, что его шеф, то есть Кириленко, желают в воскресенье на даче посмотреть фильм о взрыве водородной бомбы.

Георгий на служебной дежурной машине вместе с хранителем фильмов и яуфом с пленкой выехал на Старую площадь. Кувшинов уже поджидал их у подъезда. Георгий не обратил внимания, на какой этаж они поднялись, но когда шли по ковровой дорожке коридора, он на дверях видел таблички с фамилиями тех, чьи портреты в майские и октябрьские дни плыли над колоннами демонстрантов. Дверь с табличкой “Кириленко Андрей Павлович” привела в большую приемную, где находились еще два помощника. Кувшинов предложил Георгию оставить кинофильм в приемной, а когда его посмотрят, он пообещал сразу позвонить. Георгий был крайне удивлен такому обороту дела. Он привез кинодокумент с высшим грифом секретности и по положению не имел права передавать его без расписки кому бы то ни было... Об этом он и сказал Кувшинову. Теперь был страшно удивлен Кувшинов. Он с нескрываемым возмущением сказал, что такого здесь еще никогда не было, чтобы в Центральном Комитете Партии, да еще в приемной Члена Политбюро требовали расписки за что-либо. Когда Георгий заявил, что без расписки он кинофильм оставить не может, Кувшинов презрительным взглядом окинул его с ног до головы, решительным жестом открыл дверь и скрылся в кабинете своего хозяина. Через минуту он вышел и широким жестом руки не без злорадства предложил ему пройти в кабинет к “самому”, кто был одним из вершителей судеб страны и народа. Не без робости тот шагнул в “святую святых”.

В большом просторном кабинете вдоль стены с несколькими окнами тянулся длинный стол. В дальнем правом углу за письменным столом сидел сам, подсвеченный настольной лампой. Он не просто сидел, а как-то парил, возвышался над столом. Впритык к столу стояли два низких кожаных кресла. Из-под густых бровей на Георгия смотрели сердитые глаза большого партийного босса. Строгость взгляда усиливалась таким же голосом, когда он басисто спросил, в чем дело и почему какая-то неувязка с фильмом. Георгий ответил, что ему не понятно отношение Кувшинова к выполнению требований документов, утвержденных ЦК партии и Советом Министров СССР в части обращения с государственными секретами. Кириленко выслушал Георгия и кивком головы и легким взмахом руки проводил его из кабинета, ничего не сказав на заявление посетителя.

Не успела за Георгием закрыться дверь, как в приемной раздался крикнувший зуммер, по которому Кувшинов тут же и, как

показалось Георгию, с торжествующим видом юркнул в кабинет. Оттуда он вышел красный, как рак, как из парной. Угрюмо бросил что-то насчет расписки и, не вчитываясь в ее текст, расписался размашистым росчерком.

Обо всем случившемся Георгий по возвращению в Министерство сразу доложил Боровкову, на что тот ответил, что ему все известно и что об этом инциденте у него уже был разговор с Министром, который не только не ругался, а наоборот, одобрительно отозвался о действиях Георгия. Кто звонил Министру об этой истории, было неизвестно.

После посещения Кириленко у Георгия сложилось мнение, что тот высокого роста. Так казалось, когда он сидел за столом. Когда ему удалось сопоставить его рост с ростом других деятелей, он увидел, что Кириленко на самом деле был невысоким, кажется, даже ниже среднего роста. Тогда ему стало понятно, почему он сидел высоко, а кресла для посетителей были низкими и с глубокими сиденьями. Благодаря такой расстановке мебели он всем казался намного выше их.

В первых числах сентября Георгию позвонил давний его знакомый Дмитрий Переверзев, который когда-то был секретарем и телохранителем Курчатова. После смерти Игоря Васильевича он стал хранителем Дома-музея Курчатова на территории института его имени. Он сообщил, что готовится открытие памятника Игорю Васильевичу на площади перед зданием Управления института. Присланное им приглашение уточнило время и дату этого события.

К полудню 20 сентября 1971 года на площади собрались многие из тех, кто знал Курчатова и работал под его руководством по созданию ядерного щита Родины. Все стояли вокруг покрытого белым полотном памятника. Выступили представители Горкома КПСС, Моссовета, Академии наук СССР и Госкомитета по атомной энергии. После выступлений под звуки Государственного гимна полотно сползло с памятника и показалась большая голова Ученого. Памятник был необычен тем, что была одна голова на низком скошенном пьедестале и больше ничего. В этой композиции просматривалась аллегоричность памятника. Именно эта голова решила, казалось бы, неразрешимую проблему, вставшую перед страной в последние годы войны и в послевоенный период.

Большой объем документов и сжатые сроки, данные для приведения их в порядок, были не под силу одному отделу из шести сотрудников. Требовалось срочно решить некоторые

организационные вопросы и, в первую очередь, создать настоящую отраслевую службу, которая в перспективе должна была стать центром научно-методического руководства архивным делом в отрасли.

Зная хорошие отношения Боровкова с Министром Славским, Георгий уверовал, что предложение о создании Центра будет принято и он будет создаваться. По всем раскладкам Центр должен был быть в составе Отраслевого института научно-технической информации.

Перед выходом к Руководству с таким предложением он провел разговор с директором этого института Архангельским Игорем Алексеевичем. Разговор он начал с вопроса, почему его институт не охватывает в своей деятельности всей ретроспективной информации, содержащейся в документах, которые из разряда действующих перешли в категорию архивных, но не потеряли своей актуальности?

Директор пытался возражать, но припертый Георгием к стенке, вынужден был с ним согласиться.

Этот разговор состоялся еще до принятия решения о создании Центра и убедил не возражать против создания центра при его институте.

Для придания веса создаваемому отраслевому отделу и более качественной организации его работы Боровков поручил Георгию подобрать на должность руководителя специалиста с ученым званием не ниже кандидата наук. Такой кандидат нашлся в одном из институтов Министерства в Москве. Кандидат имел научное звание, жил и работал в столице, так что жилья ему не требовалось и не требовалось разрешения Моссовета на прописку в Москве. Марк Михайлович Башкирцев был кандидатом технических наук, а не исторических, как хотелось многим. Но это не послужило препятствием на его назначение. Центр должен был заниматься всеми документами, в том числе и научно-техническими, которых в отраслевом фонде было более половины.

По проведенным расчетам численность центра, который был назван Отраслевым отделом фондов, была установлена в тридцать человек.

С созданием Отдела Фондов и набором штата сотрудников, а ими были почти все архивисты с высшим специальным образованием, развернулась работа по научно-технической обработке накопленных документов. Георгий и сотрудники его отдела получили возможность заняться исправлением положения с архив-

ными фондами предприятий и организаций отрасли, разбросанных по всей стране, и кадрами архивистов, работавших на периферии. В кадрах в то время было мало специалистов-архивистов с высшим архивным или историческим образованием. Такое же положение с кадрами было и в других делопроизводственных службах — в первых отделах и канцеляриях (секретариатах). Было признано необходимым организовать их обучение в Институте повышения квалификации. Небольшой опыт обучения уже был: работники секретных органов учились на созданной при Институте Специальной кафедре. С этой же целью стали практиковать проведение отраслевых и кустовых совещаний по обмену опытом работы.

Жизнь заставляла более четко определиться со статусом архивной службы Минсредмаша с учетом того, что она, как и все Министерство, занимала автономное положение и стеной секретности была отделена от Главного Архивного Управления страны. Сложился парадокс, когда значительная и важная часть Государственного Архивного Фонда находилась вне поля зрения Главного Архивного Управления при Совете Министров.

Создание Отраслевого отдела фондов от возникновения идеи до ее реализации заняло около двух лет. Вопрос же об установлении статуса службы и ее места в системе Главархива СССР будет решаться дольше и труднее. Пройдет более пяти лет, когда все определится и выйдут соответствующие Постановления Правительства и приказы Министерства.

В самый накал работы, связанной с созданием Отраслевого отдела фондов, сработала “бомба замедленного действия”, роль которой сыграли давняя анонимка на Боровкова. Ей тогда не было придано внимания. Она пролежала в парткоме около или более десяти лет, и она дождалась своего часа.

Имевший большую власть над всеми в отрасли и пользовавшийся поддержкой Министра, Боровков “сгорел” в одночасье. 21 февраля 1972 года он был освобожден от занимаемой должности и убыл из Министерства.

Министр переживал уход своего верного помощника и надежного руководителя. Нового начальника Управления, прибывшего на замену Боровкова, он первое время, можно сказать, держал на расстоянии. Даже был момент открытой неприязни, когда секретарша Министра “подлила масла в огонь”. Она была уличена в неблагоприятных делах, граничивших с преступлением, и держала ответ перед преемником Бо-

ровкова. Чтобы избежать ответственности за свои проступки и зная или догадываясь о нерасположении Министра к новому начальнику Управления, она пожаловалась ему на, якобы, беспричинный и неприятный для нее разговор с ним, или, вернее, его с ней.

Министр вначале даже погорячился, но после уточнения всего того, что совершила секретарша, ее из Министерства убрали и отношения нового начальника Управления и Министра стали налаживаться и теплеть.

Новый начальник — полковник Лютов Николай Иванович (немного позднее он станет генерал-майором) до прихода в Министерство работал в Центральном аппарате КГБ СССР и давно был связан с оборонными отраслями, в том числе и Минсредмашем. Вхождение в новую работу на новой должности для него не составило особого труда. Познакомившись с деятельностью отдела, которым руководил Георгий, он одобрил его планы и впоследствии оказывал необходимую помощь в их реализации.

Н.И. Лютов

В момент смены руководства Управления Георгий занимался организацией секретной библиотеки и оборудованием помещения для ее размещения.

При отборе документов из общего фонда для комплектования библиотеки секретной литературой ему пришлось пересмотреть уйму научных, технических и проектных материалов. Среди них было много интересных документов, в том числе касающихся известных лиц.

Так, в тонюсенькой папочке из нескольких документов за 1945—1946 годы он обнаружил письмо старшего лейтенанта Власова, работавшего помощником коменданта Рижского морского порта, адресованное Лаврентию Павловичу Берии. В письме автор сообщал о том, что он в поезде случайно познакомился с капитаном, который оказался очень грамотным человеком, до войны окончил два высших учебных заведения, в том числе физико-математический. Что он знаком с ядерной физикой и мог бы участвовать в работах по созданию Советской атомной бомбы. Далее автор сообщал, что его знакомый в конце войны или сразу после ее окончания был осужден и находился в местах за-

ключения. Власов просил Берия дать возможность его знакомому проявить себя на этом поприще. Его знакомого звали Александром Исаевичем Солженицыным.

На письме никаких данных или помет о том, что оно дошло до адресата, не было. Но, судя по тому, что произошло потом, было видно, что письмо “сработало”.

Солженицына разыскали и доставили в Москву, в Бутырку. Летом 1946 года с ним встречался ученый-физик Блохинцев Дмитрий Иванович. Блохинцев впоследствии стал известен тем, что являлся одним из создателей первой атомной электростанции в мире, а в 1956 году стал первым директором Объединенного института ядерных исследований в Дубне и возглавлял его до 1965 года. Блохинцев после встречи с Солженицыным дал заключение о возможности его использования на работе на одном из объектов Первого главного управления по специальности.

Но судьбе было угодно, чтобы талант Александра Исаевича проявился на другом поприще. Георгий не исключал, что тогда Солженицын сам отказался от предложенной работы, сулившей ему если не освобождение из мест заключения, то существенные позитивные изменения в его жизни. Можно представить себе, что бы произошло, дай он согласие на работу по атомной проблеме. Возможно, он проявил бы себя как физик, достиг бы определенных успехов и даже известности. Но тогда мир вряд ли бы увидел и прочитал его сочинения и узнал об Архипелаге ГУЛАГа.

В материалах военного времени встретились документы, связанные с деятельностью “Зубра” — Николая Владимировича Тимофеева-Рессовского на посту руководителя лаборатории и отделения Кайзеровского института в Германии. Николай Владимирович в 1925 году выехал на стажировку в Германию. В те времена страна практиковала направлять за границу на стажировку наиболее одаренных студентов. За границей в Англии и Германии были Харитон, Лаврентьев и многие другие. Но все после стажировки вернулись домой, а Тимофеев-Рессовский не вернулся и остался в Германии. На неоднократные приказы и призывы вернуться на Родину, он ответил отказом. Может быть он тогда и правильно сделал, что не вернулся. Иначе бы он разделил судьбу и участь многих его коллег, сгинувших в неизвестности. В те годы в стране творилось что-то страшное. Процессы шли за процессами. Мельница репрессий крутилась безостановочно. Георгий

мысленно был согласен с его невозвращением. В то же время он недоумевал, почему ученый, ставший одним из основоположников генетики и молекулярной биологии, не эмигрировал из Германии с приходом Гитлера к власти, как это сделали Альберт Эйнштейн и другие. Оставшись в Германии ему волей-неволей пришлось работать на фашистскую Германию. Из-за своего решения остаться он потерял старшего сына, погибшего в застенках Гестапо. Поражение Германии в мае 1945 года спасло, можно сказать, его и его семью, несмотря на то, что “домой” он вернулся как заключенный. Здесь он стал работать по специальности, сначала в специальной лаборатории на Урале, затем в последние годы своей жизни он жил и работал в Обнинске. Здесь он работал до самой кончины и здесь же был похоронен.

При разборке залежалых материалов встретились труды, которые с первого взгляда можно было отнести к псевдонаучным. Более десяти папок содержали текст, расчеты и схемы с чертежами, из которых никто, к кому бы из ученых не обращались, не мог дать определенного ответа по существу предложений, содержащихся в этих папках. Автор предложений, некто Кононенко, рекомендовал себя автором нескольких артиллерийских орудий, Экспертом Главного Артуправления РККА, коим он, якобы, был до войны. В папках были предложения, относившиеся к различным областям науки и техники. Здесь были предложения по системе передачи энергии, беспроводным путем на разные расстояния; по конструкции кавитационного винта для морских судов и военных кораблей, позволявшего развивать скорости до пятисот километров в час; по новой технологии производства табачной продукции; по созданию нового вида оружия с использованием мощного светового луча по типу “гиперболоида инженера Гарина” из фантастического романа Алексея Толстого. В тексте, схемах, в формулах и расчетах автор применил не общепринятые, а свои собственные символы и обозначения. Каждая папка была оформлена как заявка на научное открытие или изобретение. В папки были вклеены портреты Сталина в военной форме и имелись обращенные в его адрес письма. В отдельной папке находились заключения ученых и мнение Специального Комитета при ГОКО, созданного Постановлением Государственного Комитета Обороны от 20 августа 1945 года за № ГОКО-9887, по существу предложений Кононенко. Некоторыми учеными “труды” Кононенко были оценены,

как бред сумасшедшего. Другие дали осторожные заключения, заявив, что расчеты похожи на правильные по форме, но они не смогли ответить по существу, так как автором использованы не общепринятые символы. Представителем Спецкомитета даны критические оценки не “трусам”, а самим заключениям ученых, которые в своих выводах не желали выставлять себя в невыгодном свете.

Часть папок Кононенко Георгий направлял на свой бывший объект в Арзамас-16 для экспертизы и определения возможности использования материалов Кононенко в своих работах. Материалы были возвращены без каких-либо заключений.

При первичном знакомстве с папками Кононенко Георгий вспомнил, что когда он готовил дипломную работу и копался в материалах выделенного хранения в Салтыковке (библиотека имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде), ему на глаза попались “Губернские ведомости” за 1915 или 1916 год, где была опубликована заметка о каком-то ученом “Н”, который изобрел метод передачи энергии взрыва на расстояние. В заметке описывался проведенный “Н” эксперимент, когда он произвел взрыв небольшого количества взрывчатого вещества в комнате на Выборгской стороне Петрограда, а эффект взрыва наблюдали в Гатчине. Заметка заканчивалась извещением об аресте “Н” и о передаче всех его материалов в Департамент полиции, на Фонтанку. Георгий про себя отметил похожесть этой старинной истории с тем, что содержалось в одной из папок Кононенко.

ОРГАНИЗАЦИОННО-РАСПОРЯДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ. УРАЛ И ПЕСЕННЫЕ ГОРОДА

В 1972 году Комитет стандартов СССР разразился целой серией стандартов на организационно-распорядительную документацию. Вводились новые требования к изданию и формам документов, к бланкам и штампам, использовавшимся в делопроизводстве. То, что это делалось для широкой автоматизации управленческого труда и применения новейшей техники, Георгий понимал. Но он не мог понять Комитет стандартов, почему тот мало занимался приземленными вопросами стандартизации в технике и технологии. В результате до последнего времени в одних и тех же машинах, установках, приборах и механизмах применяемые одни и те же детали одного и того же назначения имели разные стандартные разме-

ры. Особенно это проявлялось при сборочных, ремонтных и профилактических работах с узлами и механизмами, когда технический персонал вынужден был держать под руками целый арсенал инструментов, меняя их, образно говоря, при переходе от одних гаек и болтов к другим. Он пытался многим задавать вопрос, почему одна и та же деталь, один и тот же узел должны крепиться разными болтами или гайками. И никто ему вразумительного ответа не дал. Но все понимали, что пройтись одним гаечным ключом по всем местам крепления данного узла куда проще и лучше, чем это делать несколькими ключами.

Но поскольку он занимался документами, надо было внедрять новые ГОСТы на документы. Основная тяжесть работы по внедрению их ложилась на службу Георгия и Отраслевой Отдел фондов. Были созданы на всех предприятиях и в организациях комиссии по разработке форм бланков документов, необходимых в их деятельности. Подготовлены и проведены курсы работников делопроизводственных служб и архивов. На первую половину 1973 года было запроектировано проведение совещания работников отрасли, связанных с изданием, учетом и хранением документов. Наиболее подходящим местом для проведения совещания с намечаемым количеством участников до пятисот человек был избран Новосибирск. Ранее в этом городе проводилось кустовое совещание архивистов. Дирекция подведомственного предприятия в Новосибирске оказала большую помощь, предоставив для того совещания необходимое помещение и разместив участников совещания в гостинице. Совещание прошло успешно, без каких-либо замечаний. Участники совещания выразили директору предприятия глубокую благодарность, на что тот, в свою очередь, предложил и в дальнейшем пользоваться их базой для этих целей. При этом он чистосердечно признался, что когда давал согласие на проведение совещания, опасался каких-либо инцидентов, какие происходят среди людей, собираемых из разных мест и не знакомых друг с другом.

Георгий, помня этот разговор с директором, позвонил ему и попросил еще раз принять их и помочь провести большое совещание, нужное всей отрасли. Тот с ходу согласился, но когда узнал, что будет до пятисот участников, задумался. Где разместить столько народу? Гостиницы явно не хватит. После короткого раздумья он предложил совещание проводить в конце мая.

К этому времени завод отремонтирует пионерский лагерь и до его открытия там можно будет поместить участников сбора.

На эти условия согласилось Руководство Управления. На совещание предприятия командировали всех руководителей главных бумажных служб: секретных отделов, канцелярий и отделов и групп фондов, как стали называться архивы.

Для проведения совещания предприятие предоставило только что построенное новое молодежное кафе. Оно не было официально открыто и поэтому три дня, что шло совещание, кафе не функционировало. Жили участники совещания, в основном, в пионерлагере. Небольшая группа поселилась в гостинице. Перевозили участников совещания в пионерлагерь и обратно в город автобусами завода.

Несмотря на конгломератную кампанию представителей разных предприятий и разных служб, не всегда и не везде живших мирно между собой, совещание, к удивлению, прошло без сучка, как говорится, и без задоринки. Никаких замечаний по дисциплине и поведению участников не было, потому что причин для этого не возникало.

Это было единственное совещание с таким большим количеством участников. И всем было на удивление, что никаких эксцессов не произошло. Тем не менее, на будущее таких совещаний решили больше не планировать и не собирать. Основной формой обмена опытом решили избрать кустовые совещания, проводимые по регионам. Такие совещания впоследствии проводились в Обнинске, Навои и Новосибирске.

При подготовке совещаний учитывалось, что на них приедут работники предприятий, в основном, закрытых городов, у которых не всегда была возможность посетить исторические и памятные места. Поэтому программы совещаний составлялись так, чтобы у участников была возможность посетить такие места, находившиеся в регионе проведения совещания.

В Обнинске участники совещания посетили первую в мире атомную электростанцию, побывали в доме, где находился штаб Западного фронта, когда им командовал Георгий Константинович Жуков, съездили в Тарутино, Малоярославец, в Угодский Завод. Из Новосибирска, желавшие посетить Сибирское отделение Академии наук СССР, выезжали на Обское водохранилище, в Академгородок. Многие из участников совещания в Навои, несмотря на изнуряющую жару, сумели съездить в Самарканд, Бухару.

Георгию по делам службы довелось побывать в Навои более пяти раз. Свободное от работы время он посвятил ознакомлению с городами Узбекистана. Кроме Самарканда, где он был ранее, он побывал в Зерафшане, Бухаре, которая запомнилась ему мавзолеем Исмаила-Самани, минаретом Калян с ансамблем древних памятников и... павлинами с распушенными и цветастыми всеми цветами радуги хвостами, которые свободно разгуливали по большому двору, огражденному забором затейливого литья.

Однажды он с группой коллег побывал в гостях у одного председателя колхоза Самаркандской области, у Курбана-Аки. Тот принимал гостей в доме директора школы. Дом с постройками был обнесен высоким дувалом. Когда гости вошли в калитку, их встретили дети хозяина дома. Они принесли кувшины с водой и полили им на руки. Отряхнув руки от капель воды (гости заранее знали, что здесь не принято вытирать руки полотенцем), они пошли к дому. Перед входом в дом Курбан-Ака спросил гостей, как их лучше принять: по-узбекски, или как. Всем захотелось узнать, как принимают гостей по-узбекски. На том и порешили. Перед входом в дом сняли обувь и прошли вовнутрь. В большой комнате на полу был разостлан ковер. Мебели не было. На ковре подушки и подушечки по краям, а посередине посуда с питьем и закусками. За ковровым столом следил сам хозяин дома. Ему в этом помогал средних лет узбек. Женщин в доме не было. Может быть они были на кухне или на женской половине дома. Может быть. Но они не мелькали и за все время застолья не показывались.

Курбан-Ака рассказал о себе, что во время войны служил у Чуйкова. После войны вернулся в родные места и теперь руководит колхозом. Колхоз на хорошем счету. Живет зажиточно. Строит новый поселок для колхозников. В поселке будут школа и детский сад. Детворы у колхозников много. Их надо растить и учить.

Гостеприимный хозяин долго не отпускал гостей, говоря в шутку, что он зарезал трех барашков и пока гости все не скушают, он их не отпустит. За разговорами и шутками время пробежало незаметно. Уже стало темнеть, когда гости выехали из села, пожелав Курбан-Аке на прощанье успешной стройки нового села.

В один из приездов в Навои ему показали золотой завод. Навоийский комбинат имел в Заравшане подразделение, которое в карьере добывало золотоносную руду. По особой техно-

логии стали извлекать из руды золото. На срезе карьера Георгий побывал и посмотрел, как внизу мощный экскаваторный агрегат черпал породу и переваливал ее в кузова большегрузных машин. Одним ковшем загружался семидесятитонный МАЗ. Сверху машины казались маленькими жуками, которые ползали, разворачивались, подставлялись под ковш экскаватора и лезли по серпантину в гору. Воздух внизу, в карьере, был настолько загазован, что казался туманом. Позднее кабины МАЗов оборудуют кондиционерами.

Громадные машины везли руду к шаровым мельницам, откуда начинался технологический процесс извлечения золота. МАЗы были настолько велики, что легковая машина рядом с ним казалась игрушечной. Диаметр колес МАЗа был больше двух метров.

Группу, в которой был и Георгий, познакомили с техпроцессом получения золота. Они увидели, как руда превращалась в песок, как золотые песчинки осаждались в гальванических ваннах на пластины, как листы желтого металла снимались с пластин и плавилась в тиглях на конечном пункте техпроцесса. После соответствующей очистки расплавленный металл сливался в формочки и после остывания золотыми кирпичиками сдавался в хранилище. Один из остывших кирпичиков золота лежал на столе комнаты. Присутствовавшим было сделано предложение: кто одной рукой, не передвигая кирпичик по столу, поднимет его, тому он передается в качестве приза. Никому, кто сделал попытку, не удалось поднять золотой слиток. Одна из присутствовавших, Зоя Сергеевна Танан, делала попытку поднять и когда ей не удалось это сделать, улыбаясь, сказала, что неважно, что ей не удалось поднять, зато она позолотилась и теперь вправе заявить, что у нее золотые руки. При посещении золотого завода Георгий познакомился с директором завода, позднее ставшим директором Навойского комбината. Летом 1976 года Георгий с женой был в санатории. Там же отдыхал и директор золотого завода с женой. Вместе они ездили на озеро Рица и на форельное хозяйство. Форели было столь много, что приходилось, образно говоря, разводиться ее руками, чтобы просунуть в воду крючок с наживкой. На свежем воздухе и уха и жареная форель шли отменно.

У Георгия в марте появилась первая внучка. Родители не стали ей давать имя кого-нибудь из предков. Они посчитали, что давать новорожденной имя бабушек стало старо. Назвали

ее Яной. Имя Георгию и бабушке Нине понравилось. Да и сочетание с отчеством звучало складно: Яна Михайловна. Первые месяцы жизни внучке дались трудно. У нее началась диспепсия. Она побледнела и похудела так сильно, что однажды вечером, когда все были на кухне, туда вбежала бабушка Нина и сказала, что Яна умерла. Все бросились в детскую. Сноха Георгия выхватила дочь из кроватки и крепко прижала ее тельце к себе. Головка Яны на тонкой шейке качалась из стороны в сторону. Яна была жива. Георгий с трудом сдержался, чтобы не наказать жену за непозволительную опрометчивость. Он тут же вместе с сыном — отцом Яны отправился на поиски дежурной аптеки. Таковую нашли в районе Старой площади. В аптеке им дали состав, который помог вывести Яну из болезненного состояния и вернуть ей здоровье. Постепенно все налаживалось. Внучка росла и набиралась сил. Яне стукнул годик. Сыну выделили квартиру и он вместе с семьей покинул отчий дом. С их уездом Георгий остался в квартире с женой, тещей и дочерью. Стало посвободней и поспокойней. Но все это длилось не столь долго, как хотелось бы.

Яна Михайловна

Развернувшаяся в отрасли работа по упорядочению архивных фондов и по созданию страхового фонда микрофильмов на конструкторскую и технологическую документацию на основные изделия, как принято было называть ядерное оружие, привела к частым командировкам Георгия на предприятия отрасли, а на некоторые из них по несколько раз. Много раз он выезжал во главе комиссий по проверке режима секретности. Часто он бывал на Урале и в Предуралье. Командировки продолжались от двух недель до месяца. Находясь в командировке он по выходным дням совершал походы и поездки по интересным местам. В Глазове ему показали комнату-музей Сталина, созданный в местном техникуме. Отсюда тот руководил боевыми действиями против Колчака. В Свердловске он побывал в доме Ипатьева, в котором в ночь с 16 на 17 июля 1918 года были расстреляны Николай II, члены его семьи и обслуга. Из Свердловска ему удалось съездить в демидовские места. В Невьянске по этажам Демидовского дома. В подвале дома, как гласило предание, изготавливались

серебряные рубли фальшивой чеканки и он был затоплен перед приездом царских чиновников. В подвале Георгий увидел муляжи работных людей, занимающихся отливкой фальшивых денег. На втором этаже дома была сооружена особая комната с акустикой, позволяющей слышать все разговоры, ведущиеся в этой комнате. По легенде, в этой комнате Демидов собирал купцов и промышленников перед торгами и сделками и подслушивал все разговоры присутствовавших с пользой для себя и своего дела.

На двух верхних этажах — колокольне размещался музыкальный вал и колокола. От рычагов музыкального вала шла веревочная передача к колоколам. Каждый час вал включался, двигал рычаги и колокола прозванивали мелодию гимна “Боже, храни царя”.

При поездке из Свердловска в Челябинск сделали остановку в селе Щербаковка из-за простого любопытства: почему в селе столпилось много автомашин из разных городов и весей. Оказалось, что в этом селе находился пивной завод, славившийся своим пивом. Георгий заглянул в контору завода. В конторе был один директор, который при знакомстве назвался Александром Федоровичем Набока. Большой кабинет свидетельствовал о своем хозяине большим стеллажом, заставленным пивными кружками разных времен и народов. Хрустальные, керамические, деревянные, металлические разной вместимости и всевозможных расцветок они приковывали взгляд и восхищали. Георгий был немало удивлен тем, что в глухомани стоит завод, слава о котором прошла по всему Уралу и даже дальше. На вопрос, почему именно в этом месте обосновалось пивное производство, Набока рассказал, что в этом “виновата” местная вода, которая придала пиву особый вкус. Когда Набока узнал, что приехавшие из Москвы, он обратился к ним с вопросом, не могут ли они помочь заводу в получении некоторого оборудования и материалов, необходимых для ремонта цехов завода. Георгий пообещал выяснить такую возможность и попросил дать ему ведомость необходимого. Когда посетители собрались уходить и стали прощаться с Набокой, он их задержал, позвонил в цех и велел принести свежего пива прямо из линии. Через несколько минут в кабинет внесли канистру с пивом. Пиво налили в парадные бокалы. Оно еще хранило тепло агрегата, в котором доводилось до кондиции.

По возвращении в Москву Георгию удалось договориться в Главснабе об оказании пивзаводу помощи в приобретении необ-

ходимого, которое было вскоре отгружено ему. Когда через несколько лет Георгий вновь следовал по этому маршруту, он завернул на завод. Он был не один, а с группой работников, входивших в состав комиссии, где он был председателем. Директор, узнав прибывших, поблагодарил их за помощь. Цехи отремонтировали. Он угостил всех прибывших пивом и пригласил заезжать в любое время в гости. Из-за заезда на пивзавод Георгий и его спутники наполовину опоздали на самолет. В аэропорт Кольцово они приехали, когда посадка на их рейс заканчивалась. Из восьми бронированных для них мест четыре были проданы, и половина состава комиссии вынуждена была добираться до Москвы другим рейсом.

В одну из зимних командировок в Забайкалье Георгию удалось побывать в песенных городах, как он обозвал Шилку и Нерчинск. Зима выдалась морозная и снежная. Мела поземка, наметая сугробы и перекаты, на дорогах. В один из нерабочих дней решили ехать в эти города. Микроавтобус с двумя ведущими осями с трудом, но преодолевал снежные помехи на дороге. В одном месте увидели застрявшую в снегу легковую машину с женихом и невестой. Они мерзли на ветру и ждали выручку. Георгий предложил молодоженам пересесть в их машину, съездить с ними в песенные города и потом вернуться домой. Молодожены отказались. Они уже сообщили о вынужденной остановке и ожидали с минуты на минуту вызванную помощь.

Погода несколько утихомирилась. Ветер стих и поземка прекратилась. До Шилки доехали спокойно. Бегло на ходу осмотрели городишко и решили здесь не задерживаться и ехать дальше, в Нерчинск. Нерчинск — небольшой городок, известный больше как древний острог, как место ссылки заключенных в прошлые времена, да и теперь тоже. Вместе с тем, Нерчинск до революции был очагом культуры и просвещения для этого отдаленного уголка России. Проводником культуры был местный купец. В его домах расположились местные власти, библиотека и краеведческий музей. В музее осмотрели две экспозиции. Одна была посвящена купцу-просветителю. Экспонатами были его вещи и оригинальные предметы мебели, сделанные из корней и пней кедра и лиственницы, старые картины, писанные не установленными художниками. Георгий заинтересовался одной картиной. Большая по размерам, в старинной золоченой раме, она потемнела так, что было затруднительно разобрать, что на ней было

изображено. На вопрос, почему картина в таком состоянии и не отреставрирована, директриса музея ответила, что неоднократно просили прислать реставраторов, просили Москву и Ленинград. Ответили, чтобы картину привезли туда сами. У музея и города возможностей для этого не оказалось и картина старого письма осталась в прежнем виде и безымянной. Георгий допускал, что картина может где-то значиться в каталогах и возможно ее разыскивают, а она спокойно пребывает в Нерчинском музее в полной безвестности. Вторая экспозиция была отведена предметам быта и обихода жителей местного края и соседних якутов. Здесь же было много статуй и изображений Будды.

В здании Нерчинского горисполкома, бывшем доме купца, сохранился зеркальный зал. Стены и простенки сплошь были зеркальными. Зал сохранил свой прежний торжественно-праздничный вид. По рассказам хранительницы музея зеркала были венецианскими. Из Италии их везли водой, чтобы не разбить дорогой. Везли морями до Николаевска-на-Амуре, затем реками Амуром и Шилкой до Нерчинска. Все зеркала довели в целостности и сохранности. Таких зеркальных залов, как Нерчинский, не часто встретишь в других городах России.

После посещения песенных городов Георгий с попутчиками завернули в Краснокаменск. Благо он был почти рядом, каких-то двести пятьдесят километров.

Было холодно. Мороз до тридцати градусов. Хорошо, что не было ветра и не мела поземка. Солнце светило по-зимнему. Светило, но не грело. С Георгием были один из работников Главка и руководительница группы фондов проектного института, который проектировал Приаргунский ГХК. После выполнения заданий по командировке решили съездить на границу. Ехали по дороге, знакомой по прошлым посещениям. Сделали остановку на месте стоянки Чингисхана. При следовании по дороге Георгий обратил внимание на некоторые изменения, происшедшие после предыдущего посещения этого края. Исчезли кошары. Не было видно отар овец. Из-под снежного покрова виднелась редкая щетинка прошлогодних трав. При рассмотрении в этой растительности распознали овсяные колоски, которые были уже без зерен. Оказывается, прошлым летом земля была распахана и засеяна овсом. Кошары ликвидировали. Овец не стало. Кому-то пришла идея засеять землю. Засеять засеяли, а осенью овес не убрали. Так неубранным он ушел под снег, откуда проглядывал пус-

тыми колосьями. Почему так произошло, никто не мог пояснить. Почему благие цели и затраченный труд закончились такой преступной бесхозяйственностью? И подобных явлений кругом было хоть отбавляй. Действительно, теоретики социализма оказывались правы, говоря о крепости и преимуществах социалистического строя. Сколько бы ни теряли и не губили плодов затраченного труда, сколько бы ни растаскивали и не уничтожали материальных ценностей, а страна социализма, ставшего в последние годы развитым, жила и как будто бы процветала. Об этом много говорилось, но те, кто в этом процветании жили от зарплаты до зарплаты, с трудом сводя концы с концами, в душе желали, чтобы такое процветание когда-нибудь закончилось. Командировка заканчивалась. Дела все сделаны. Границу и погранзаставу навестили. Пора было возвращаться домой. В Читинский аэропорт прибыли вечером. Мороз прижимал. Температура воздуха понизилась до минус 33°. В связи с аварией на теплотрассе, а они происходят, как правило, в самые сильные морозы, здание гостиницы аэропорта стали обогревать паровозом. Подогнали его к зданию и подсоединили к трубам отопления гостиницы. В комнатах держали температуру +5°, держали не для обогрева постояльцев, а для предохранения труб отопительной системы от разморозки.

Всю ночь, чтобы не окоченеть от холода, все были на ногах и старались двигаться. Георгий надел на себя все, что можно было одеть. Это спасало мало и к утру он закоченел так, что когда объявили посадку в самолет, он еле смог добраться до трапа самолета. Согрелся только перед посадкой самолета в Омске. В полете он многое передумал о сервисном обслуживании пассажиров аэрофлота. Хорошо, что авария в Читинском аэропорту произошла на земле и не с самолетом, а с теплотрассой. Ему вспомнились некоторые аварийные ситуации, в которые он попадал или участвовал в разбирательстве причин, приведших к ним. Когда он работал еще в Сарове, самолет ИЛ-14 при подлете к объекту зацепил крылом березку. Случилось это в день тяжелый, в понедельник. Командир самолета накануне полета крепко подгулял и не вполне отошел от воскресного застолья. По маршруту полета перед объектом был большой и глубокий овраг, за которым начиналось аэродромное поле. Когда командир экипажа увидел на высотомере увеличение высоты, он, видимо, не учел, что самолет был над оврагом и тот повлиял на показания прибора. Он отдал штур-

вал от себя и самолет пошел вниз. Второй пилот, стоявший рядом, увидел, что самолет пошел носом в склон оврага, поросший лесом. Он оттолкнул командира, резко взял руль на себя и самолет взмыл вверх. Но было уже поздно. Пассажиры удара крыла по дереву не слышали. Они только почувствовали, что самолет на какое-то мгновение как будто остановился, развернулся немного в сторону и продолжил полет дальше. Самолет благополучно совершил посадку. Пассажиры по трапу спустились на землю и вдруг увидели: в обшивке крыла рядом с мотором зияла пробоина, в которой застрял обрубок ствола березы. И к ним пришел страх. Они мысленно представили себе, что могло с ними случиться, если бы самолет врезался в склон оврага.

Георгию вспомнился случай, происшедший с ним самим. Однажды зимой он был в Пензе и в пику коллегам, выехавшим в Москву поездом “Сура”, решил их обогнать и лететь самолетом АН-10. Вылетели во второй половине дня. Не успели подняться в воздух, как началась пурга. Встречный ветер мешал полету, бросая самолет то вправо, то влево. Заметно убывало горючее и экипажу стало ясно, что до Москвы не дотянуть. Решили искать промежуточный аэропорт. Самолет согласился принять аэропорт Тамбова. Когда садились, было темно и шел густой снег. Посадочная полоса была расчищена. С обеих сторон полосы возвышались снежные отвалы, как стены, высотой более трех метров. Самолет приземлился нормально, но при торможении его развернуло и кинуло на снежную стену. Весь самолет почти до хвоста ушел в снег, в сугроб. К счастью пассажиров, выход из салона самолета был в хвостовой части и он оказался свободным от снега. Всех пассажиров в пожарном порядке выгнали из самолета и направили в аэровокзал. Выгнали без вещей. Многим пальто пришлось натягивать на бегу. Боялись взрыва горючего от повреждений, полученных самолетом при ударе о снежную стену.

Случайным грузовым рейсом Георгий добрался до Москвы. С момента вылеты из Пензы прошли почти сутки. Коллеги, выехавшие поездом, рано утром были дома, а Георгий в это время еще отсиживался в Тамбове.

Несколько ранее был аварийный случай в аэропорту Кольцово. Подлетали к Кольцову вечером во время сильного ветра. Аэропорт Кольцово расположен в зоне сильных ветров и подобное там случалось довольно-таки часто. Экипаж долго маневрировал, чтобы посадить самолет. Для перестраховки за-

держали посадку и стали кружить над городом и аэропортом, чтобы выработать горючее на случай аварийной посадки. Садись против ветра. В первую попытку не сели. При второй попытке удалось коснуться посадочной полосы. Но прежде чем сесть, самолет сделал несколько раз козла. Самолет остановился, но от работающих двигателей и ударов порывов ветра вздрагивал и дрожал мелкой дрожью. Пассажиры, согнувшись пополам, продирались сквозь ветер к вокзалу. Ветер бил в лицо и на ходу многие оборачивались и продвигались задом наперед. Они видели, как один самолет сорвало со стоянки и понесло по полю на другой самолет. Они столкнулись. Что было дальше, пассажиры не видели, так как штормовой ветер загнал их в аэровокзал.

После Омска Георгий, согревшись от тепла калориферов и выпитого в аэропорту Омска горячего чая, заснул и почти весь остаток пути до Москвы проспал. Сказалась бессонная ночь в гостинице Читинского аэропорта.

В Москве его ожидала одна не решенная проблема: что делать с кинофильмами, сделанными на нитропленке, и где их хранить. Нитропленка имела одно неприятное свойство: она при определенных условиях могла взрываться. Такие случаи отмечались и в Москве.

В кинохранилище было более двух тонн нитропленки. Он неоднократно ставил вопрос о переводе пленки в другое место, но все его обращения к руководству Хозяйственного управления о строительстве специального хранилища успеха не имели. Однажды ему на глаза попала книга о Карнеги и его школе. В его память врезалась авторская мысль о том, что если ты хочешь решить какой-либо вопрос, надо сделать так, чтобы этого захотел тот, от кого зависит решение этого вопроса. Георгий последовал этому совету и у него удалось. Совет помог. Кинохранилище находилось на первом этаже здания, а над ним располагался зал Коллегии Министра. Он попросил куратора от Управления пожарной охраны составить предписание на имя начальника ХОЗУ, в котором указать, что в нарушение всех норм безопасности под залом Коллегии Министра расположен склад взрывчатых веществ в виде двух тонн нитропленки. Предписание сработало без промедления. Теперь сам начальник ХОЗУ захотел того, о чем не хотел раньше слышать.

На другой день Георгия пригласили в ХОЗУ, где он выслушал от его начальника много неприятных слов в свой адрес, которые были как бальзам на больную душу. Георгию было предложено

дать незамедлительно проектное задание и предложение о месте строительства специального кинохранилища. Георгий мысленно вознес хвалу Карнеги в благодарность за то, что своим советом помог решить неразрешимый ранее вопрос. Почти полгода ушло на поиски места и еще около года на строительство специального здания, отвечавшего всем требованиям секретности и взрывопожаробезопасности.

В плане командировок, которые были ежегодно и не по одному разу, сложилась какая-то нелогичность. Командировки на Урал, в Сибирь и в Забайкалье приходились, в основном, на зимнее время, а командировки на юг, на Кавказ, в Казахстан и Среднюю Азию падали на летние месяцы. Так случилось и в 1977 году, когда совещание в Навои и проверки предприятий в городах Шевченко, Пятигорске и Лермонтове пришлось на май и июнь месяцы.

В Навои проводилось кустовое совещание. Участвовали в нем представители предприятий южного и восточного регионов. Из Москвы на совещание вместе с Георгием прибыли его внештатный заместитель Ким Борисович Галилов и представители Отраслевого отдела фондов.

Для того чтобы совещание дало больше пользы и больше практической помощи его участникам, оно проводилось в форме работы по секциям с проведением нескольких пленарных заседаний. Польза совещаний была и в том, что они укрепляли связи и общение между коллегами по работе и создавали условия для более тесного обмена опытом работы.

Посещая города, выросшие при предприятиях Министерства, Георгий замечал, как они росли и развивались, как изменялись условия жизни и быта их жителей. В жарком Навои ранее были несколько открытых бассейнов для купания. Теперь город получил водоем в виде большого озера. Многие годы пытались сделать такой водоем. Раскопали пески, углубили котловину, заполняли ее несколько раз водой, а она уходила в песок. Долго бились над решением проблемы удержания воды и, наконец, сделали дно, способное ее удерживать. Большое зеркало водного пространства не только изменило пейзаж, но и повлияло несколько на микроклимат. Город получил прекрасное место отдыха.

В последний вечер, когда совещание было окончено, в ресторане при гостинице был устроен прощальный ужин. Георгий на вечере выразил благодарность участникам совещания за их нелег-

кий труд и пожелал всем успехов в деле сохранения исторической памяти, содержащейся в архивных документах.

С вечера он ушел пораньше, чтобы побывать на рукотворном озере. Узнав о его намерении, вместе с ним отправились несколько человек.

Был глубокий вечер. Полная луна создала сказочное освещение. Чистое от облаков небо было усеяно крупными яркими звездами. Южное небо отличается тем, что звезды здесь кажутся подвешенными ниже и поэтому, как бы, находятся ближе к земле. Поверхность воды озера была спокойной и гладкой. Она четко держала лунную дорожку и ясно отражала светящиеся точки звездного неба.

На берегу озера они были одни. Решили купаться, как у себя дома в ванной комнате. Разделись и вошли в воду. Она была настолько теплой, что почти не ощущалась. Наплескавшись вволю, вышли на берег и стали одеваться. В воде было теплее. Ночной воздух посвежел и отдавал прохладой. Когда отошли от озера метров на двести, Георгий обнаружил, что он оставил на пляже часы. Их на руке не было. Надежд найти их ночью было мало, но они все же решили вернуться и поискать их. Пошарили по песку там, где раздевались. Безрезультатно. Тогда Георгий решил применить испытанный когда-то метод поиска блестящих предметов по отраженному ими лучу света. Он разделся, вошел по горло в воду и стал передвигаться вдоль берега. Первый замеченный проблеск был не от часов, а от осколка стекла. Пришлось все повторить снова. По второму отблеску Георгий пришел к часам. Пропажа нашлась и все благополучно возвратились в гостиницу.

Утром участники совещания разъезжались по домам, а Георгию предстоял путь на восточный берег Каспийского моря, в город Шевченко.

Шевченко сравнительно молодой город. Ему не исполнилось и пятнадцати лет. До 1964 года на этом месте стоял небольшой населенный пункт — Актау. С открытием залежей полезных ископаемых возник город, который был назван Шевченко. Город расположился рядом с фортом, где отбывал ссылку Тарас Григорьевич Шевченко.

Город стал расти и развиваться с пуском установок для опреснения морской воды. В этих пустынных и знойных в летнее время местах вода является основным источником всего живого.

Этот приезд Георгия являлся по сути ознакомительным. Он впервые был в этом городе, который находился в стадии активного строительства и развития. Город обосновался на большой и прочной каменной плите, которая заметна по высокому скалисту и красиво узорчатому с причудливыми колоннами берегу, круто обрывающемуся в море. Если верить разговорам, плита надежно защищала город при землетрясениях.

Руда добывалась в открытом карьере, где Георгию побывать не удалось. В местном музейчике ему показали найденные в карьере бомбу горного хрусталя и зубы доисторической акулы, возраст которым был миллионы лет. Горный хрусталь был оформлен красиво. В бомбе горного хрусталя пробили отверстие и во внутрь ее вмонтировали освещение. Горный хрусталь в виде сосулк льда, остриями направленными к центру бомбы-шара, освещался изнутри. Свет хрустальные сосульки отражали всеми цветами радуги. Если бы не объемность и вес бомбы, он прихватил бы ее с собой в Москву, как сувенир, как память о посещении этих мест.

Выезд из Шевченко был затруднительным. Плыть теплоходом через Каспийское море заняло бы много времени. Самолеты летали один раз в сутки. Из-за отправки детей на летние каникулы на Кавказ и в Крым на самолет сразу попасть не удалось. Пришлось ждать еще сутки. Как раз был выходной день и хозяева пригласили Георгия отведать казахской кухни. Прием устроили на квартире работника комбината. Было много мясных блюд и все они были приготовлены из конины. Бишбармак, отбивные, жареное и тушеное мясо все было приготовлено отменно. Начавшееся пиршество было прервано, когда на большом подносе в комнату внесли голову молодого коня, запеченную в духовке. Хозяин стола объявил, что глаз коня — это угощение самому уважаемому гостю и посмотрел на Георгия. Все поняли, о ком шла речь. Георгий опешил. Он не знал, что таков обычай казахского стола. Он никак не хотел быть знатным гостем за этим столом и напряженно думал, как ему выйти из столь щекотливого положения. Он обводил всех сидевших за столом взглядом, пытаясь у кого-нибудь из них найти поддержку для своего отказа. Он понимал, что это страшно неприлично, но что-то надо было делать. И тут его взгляд остановился на пожилom казахе, убеленном в голове и в бороде. Георгий встал, поблагодарил за уважение и с поклоном в сторону аксакала сказал, что за столом находится более почтенный и уважаемый гость. Сидевшие за столом заулыба-

лись и одобрили предложения Георгия, а тот был в душе рад, что так вышел из создавшегося положения. Запеченное глазное яблоко коня было торжественно вручено аксакалу.

На другой день Георгий был в аэропорту Минеральные Воды. Более часа занял перелет через Каспийское море. От Минеральных Вод он машиной доехал до Пятигорска, где находился завод “Импульс”. Здесь ему надлежало ознакомиться с состоянием документального хозяйства. Завод был сравнительно небольшой. В службе, подведомственной ему, работал один сотрудник. Объем документов был незначительным и работа заняла мало времени.

На заводе он встретил одного “малоземельца”. Это не та “Малая земля”, которая прославила Брежнева, “малоземельцами” называли всех тех, кому привелось работать в Сарове, в закрытом городе Арзамас-16. “Малоземелец” Николай Иванович Махров когда-то жил и работал на объекте и одновременно учился заочно в ВЮЗИ. Георгий ему несколько помогал консультациями, в подготовке курсовых работ и в написании дипломной работы. После окончания института он успешно поработал адвокатом. Провел несколько удачных защит в суде и стал известен в городе. Когда его теща, проживавшая в Пятигорске, заболела, он и жена переехали в Пятигорск и здесь укоренились. Теща умерла и они с женой стали продолжать вести большое хозяйство. Николай был человек хозяйственный и хваткий. Занимался садом, разводил нутрий и в свободное от работы время занимался ими. За всеми хозяйственными хлопотами он забросил юриспруденцию и полностью с головой “утонул” в хозяйственном омуте. Добрые отношения между ними сохранялись до конца 1986 года, когда тяжелая болезнь свела его в могилу.

После Пятигорска он три дня пробыл в Лермонтове, что рядом с Пятигорском, где тоже находилось подведомственное предприятие. Здесь тоже работал “Малоземелец”. Виктор Иванов был заместителем директора предприятия, поэтому все вопросы, стоявшие перед Георгием, были решены оперативно. В оставшееся до вылета в Москву время ему удалось съездить на гору Машук, побывать на месте дуэли Лермонтова с Мартыновым, у памятника поэту, и завернуть к знаменитому провалу, где Ильф с Петровым заставили Остапа Бендера брать плату за проход к этому провалу.

С возвращением в Москву он вновь окунулся в гущу проблемных дел и вопросов, которых с течением времени несколько не

убывало. Вплотную встал вопрос о строительстве Центральной базы хранения микрофильмов. Один проектный институт Министерства обороны вел проектирование базы. Площадка для ее строительства была выбрана под Москвой. Стройка только-только начиналась и шла с великим трудом. Много времени уходило на согласование отвода земли и земельных участков для подъездных путей, на вырубку нескольких десятков деревьев, о подключении к кабельным и другим коммуникационным системам. Все это требовало постоянного проталкивания и контроля. А жизнь, между тем, шла своим чередом.

В 1976 году в Монреале пришли XXI Олимпийские Игры. Следующие, XXII по решению МОК должны были проводиться в Москве в 1980 году. Москва, загодя, стала готовиться к Олимпиаде. Подготовка велась с не меньшим подъемом, чем это было перед народными празднествами 1 Мая и годовщинами Октября. Город постепенно на глазах менялся. Чистился и хорошел. Строилась Олимпийская деревня и готовились все спортивные площадки.

Несмотря на бойкот игр некоторыми странами, не пославшими в Москву свои делегации из-за Афганских событий, Игры состоялись и прошли на высоком международном уровне. Песни, звучавшие в дни Игр в Москве: “Мы желаем счастья Вам...” и другие, и прощание с Мишей, сопровождавшееся слезами участников игр, будут долго вспоминаться с волнением.

В предолимпийские годы дочь Георгия познакомилась с юношей, работавшим на Войковском чугунолитейном заводе формовщиком, и вышла за него замуж. Чтобы поближе узнать зятя, Георгий побывал на заводе, где познакомился с его директором — Прибытковым Василием Ивановичем. При встрече он был даже несколько удивлен тем, что такой большой завод возглавляется таким молодым директором. Он не знал, сколько ему было лет, но выглядел он очень молодо.

Узнав о цели посещения завода Георгием, он снял телефонную трубку и соединился с начальником литейного цеха:

— Анатолий Васильевич! У тебя кто работает формовщиками? Выслушав ответ, он подтвердил, что его зять действительно работает в цехе и предложил посетителю пройти в цех и посмотреть и цех, и работу своего зятя. Василий Иванович попросил Георгия после цеха зайти к нему и поделиться своими впечатлениями.

Сопровождал его заместитель начальника цеха, который назвался Алексеем Филипповичем.

Литейный цех был самым большим на заводе. Это и понятно. Ведь завод был чугунолитейным. Помещения были заняты плавильными печами, станочным оборудованием и конвейерной линией разлива металла.

Формовщики работали на маленьком пяточке, на полу около окна с открытой фрамугой, через которую с улицы валила густая струя морозного воздуха. Опоки стояли на полу и несколько человек, согнувшись пополам, формовали каждый в своей опоке. Среди них Георгий увидел своего зятя. Раздетые до пояса, потные они колдовали над песком и моделями и, завершив формовку, с немалым усилием поднимали опоку весом не менее пятидесяти, а то и больше, килограмм и на руках бережно, как малое дитя, несли ее к месту заливки расплавленным металлом.

Из цеха он, как и было оговорено, зашел к директору завода. Вместе с впечатлениями от посещения цеха, он высказал недоумение, почему труда формовщиков не коснулась механизация и они вынуждены на руках таскать тяжелые опоки. Василий Иванович выслушал его, улыбнулся и сказал:

— Во-первых, они не таскают, как Вы выразились, тяжелые опоки, а переносят. Во-вторых, Вы правы. Труд их не из легких и есть возможность применять механизацию. Но, Вы попробуйте найти хотя бы одного мастера формовки, который бы согласился доверить свое детище кому бы то ни было и тем более механизму. Он несет опоку на заливку не шелохнувшись, чтобы, не дай Бог, потревожить форму. Иначе будут трещинки и вся отливка пойдет в брак.

Гость вынужден был согласиться с доводами директора, но в душе был не согласен с той физической перегрузкой, которую испытывали формовщики. Он думал, почему нельзя формовать детали непосредственно на месте заливки опок. Но высказать это вслух не решился из-за опасения попасть снова впросак.

Время шло и на повестке дня встал вопрос о жилье для дочери с зятем. У себя он поселить их пока не мог. С ним проживала семья сына. Это могло быть и будет после получения сыном своего жилья.

Дочь с мужем решили поселиться в заводском общежитии, где жил и был прописан зять. Делать было нечего и Георгий вынужден был согласиться с их решением, но предварительно решил посмотреть, что это за общежитие, и в каких условиях будут жить молодые. Он поехал и увидел. Построенное в про-

стом обычном стиле здание общежития внешне выглядело даже прилично. Из молодежного оно должно быть давно превратилось в смешанное, где жили и одинокие и семьями. Об этом говорили детские коляски и саночки, забившие лестничные площадки и полутемный коридор, загроможденный, кроме того, какими-то ящиками, тумбочками и шкафами. Из-за дверей некоторых комнат доносился детский плач попеременно со смехом.

Георгий зашел в комнату, где проживал его зять. В ней был один из жильцов, молодость которого приходилась, наверное, на первые послевоенные годы. Он, вероятно, только что проснулся, хотя был уже полдень. Его заспанный вид, отекавшее с темными под глазами лицо и помятый вид говорили о недавнем крепком застолье. Это подтверждалось и заставленным грязной посудой столом, где в беспорядке громоздились тарелки с остатками закуски и опорожненные бутылки.

Комната была не прибрана. На двух кроватях из четырех не было постельного белья, видимо, его отдали в стирку. Старые замызганные матрасы придавали комнате вид тюремной камеры. Поблекшие обои стен были в темных полосах, оставленных охотниками за клопами. Он изумленно оглядывал неприглядное жилье, где много лет ютился его будущий зять.

— Ну, че тебе? — протирая глаза, прохрипел постоялец, — если зашел выпить, то опоздал. Вчера усидели все, что было. Может у тебя есть что с собой, ставь на стол, — сказал и стал вялыми руками сгребать все на край стола, освобождая место в центре.

— Да, нет! Я не по этой части зашел, — ответил Георгий, — здесь живет мой зять. Вот я и зашел посмотреть, где и как он живет.

— А его нет. Он на работе, а вечером уедет к жене. Он сюда стал редко заглядывать и когда его нет, я занимаю его койку.

Георгий отказался присесть на предложенный стул и покинул общежитие в глубоком раздумье.

Убогость и запущенность общежития, где задумали поселиться дочь с мужем, расстроили его и он стал обдумывать, как и что нужно сделать, чтобы изменить условия жизни и быта в этом общежитии. Сначала он подумал переговорить с директором завода, но вспомнив о встрече с ним, когда тот много говорил о трудностях и сложностях у завода, решил воздержаться и поискать другие пути. Снова на память пришла теория Карнеги. Как бы сделать так, чтобы завод сам захотел быстро отремонтировать

общежитие? И он придумал. Нашел номер телефона завкома и позвонил:

— С Вами говорят из Комитета по подготовке Олимпийских Игр в Москве,— представился он,— Мне поручено уведомить Вас, что некоторые иностранные молодежные делегации высказали желание познакомиться с условиями жизни и быта молодых рабочих чугунолитейного завода имени Войкова с посещением молодежных общежитий. О времени посещения завод будет уведомлен заранее,— сказал и повесил трубку.

До Олимпийских Игр оставалось еще около двух лет. Георгий думал, что времени для ремонта общежития у завода более, чем достаточно. Месяца через три после телефонного звонка он решил навестить общежитие. Надежды было мало, и он не очень ожидал того, что увидел: в общежитии шли ремонтные работы. Значит, его задумка сработала. До этого у него были моменты угрызания совести, что он пошел на обман. Но когда увидел, что шел ремонт, он успокоился. Ведь от того, что он сделал, выиграют все, кто там жил.

О завершении ремонта он узнал от зятя, когда тот объявил о выделении ему комнаты и что они переезжают жить туда.

В своей комнате общежития молодые прожили недолго. Обстоятельства стали складываться таким образом, что они должны были вернуться к родителям.

Заканчивался октябрь месяц. Георгий надеялся, что на сей раз его месяц пройдет без каких-либо особых событий, влиявших на его судьбу и жизнь. Но он в своих надеждах ошибся.

Его дочь была в положении. По всем расчетам роды ожидались под Новый год. Судьба распорядилась по-иному. Дочь работала в институте Курчатова. Там непредвиденное и произошло. На работе она поскользнулась и упала. Падение вызвало преждевременные роды и 22 октября она подарила мужу двоих дочерей, а родителям двух внучек. Теперь у Георгия и Нины стали три внучки. Недолго удалось им пожить без пеленок, ночных бдений и тревог. Старшая внучка более года прожила в квартире бабушки и дедушки и только недавно переехала со своими роди-

Илона и Наташа

телями в другую. Теперь уже дочь позаботилась, чтобы ее родителям не было скучно одним. Теперь у них вместо одной певуны появилось сразу две. Вначале редкая ночь проходила без хлопот. Нарастала усталость. Сказывались и напряженка на работе, и домашние хлопоты, и уже не молодые годы. Так длилось несколько лет, пока семья дочери не переехала от родителей в другую квартиру.

Приближалось лето 1980-го. В Москву стали съезжаться и слетаться участники Игр. Москву стало не узнать. Как-то изменился темп жизни. Город остепенился. На улицах стало меньше машин и спешащих москвичей. Размеренность и покой, наступившие в жизни столицы, были необычными. Необычным было и отсутствие очередей в магазинах. И оформление улиц и площадей по маршрутам следования молодежных делегаций из Олимпийской Деревни до Лужников. И объявление остановок на станциях метро на английском языке: “Некс стоп...”.

Хорошо было бы, думал Георгий, чтобы Москва сохранилась такой и в дальнейшем. К сожалению, этого не произошло. Кончились Олимпийские Игры. Олимпийский Миша улетел в голубую высь. И все постепенно вернулось на круги своя. Правда, кое-что осталось. Осталась память о светлых, праздничных и радостных олимпийских днях. Остались песни тех дней. Да постепенно на всех видах городского транспорта стала вводиться автоматическая система объявления остановок.

КОМАНДИРОВКА ЗА ГРАНИЦУ

С развитием Министерства и расширением специальных производств требовалось все больше и больше уранового сырья. В то время в Германской Демократической Республике на некоторых рудниках велась добыча серебросодержавших руд. Когда среди сопутствовавших элементов был обнаружен уран, состоялось решение о создании Советско-Германского Акционерного Общества “Висмут”. Управление Акционерного общества разместилось в Карл-Маркс-Штадте, который ранее назывался Хемницем.

По договоренности с Управлением внешних поставок, кому была подведомственна русская сторона общества, было решено проверить состояние документов советской стороны. С этой целью в ГДР был командирован Георгий. В качестве советника и помощника он взял с собой сотрудника Отраслевого Отдела Фондов Владимира Серкова. В Берлин прилетели ут-

ром. В аэропорту в обменном пункте обменяли разрешенные к провозу за границу сто советских рублей на триста тридцать три немецкие марки. После этого отправились в город. В их распоряжении имелось полдня и они использовали это время для осмотра Берлина, вернее, половины его, так как вторая половина была за Берлинской стеной, в западном Берлине. Они подходили к Бранденбургским воротам, за ними была западная часть города. Постояли у холмика, обнесенного невысоким проволочным забором. Под ним был захоронен бункер Гитлера, в котором он из-за страха возмездия за свои злодеяния покончил с собой, предварительно умертвив свою любовницу-жену Еву Браун. Здесь же, во дворе бункера в последние дни Третьего Рейха были сожжены их трупы.

Из-за Бранденбургских ворот справа виднелся Рейхстаг. Купола над ним не было. Поговаривали, что купол был куплен кем-то из англичан и увезен в туманный Альбион в качестве сувенира.

От Бранденбургских ворот они прошли по Унтер-Ден-Линден.

Центр Берлина, вид Бранденбургских ворот и Рейхстага вернули Георгия в 1941 год. Тогда летним июльским вечером в их полуподвальную комнату в Ярославле ураганным ветром войны занесло двух беженок, живших когда-то в Берлине, маленькую худенькую женщину и ее дочь Магду. Идя по центральной улице города, он вглядывался в дома и дворцы и думал, что в каком-то доме этого скопища зданий до войны жила благополучная семья, радуясь жизнью и пользуясь всеми благами, которые она им давала. Приход фашистов к власти разметал их семью по разным странам. Как-то сложилась их судьба? — думал он, — пережили ли они то страшное время? Сумели ли выжить и возвратиться домой, сюда, в этот город? Если да, вспоминают ли они ту июльскую ночь, проведенную в Ярославле?

По Унтер-Ден-Линден они дошли до здания Советского посольства, куда должна была прийти за ними машина, чтобы ехать в Карл-Маркс-Штадт. Время позволяло и они решили до отъезда пообедать здесь же в столовой посольства. В столовой посетителей было мало. Официантка приняла от них заказ и стала обслуживать. Носила блюда без подноса. Когда несла первое блюдо, случилось непредвиденное. Официантка споткнулась и весь суп вылила на брюки Серкова. Тот растерялся и не знал, что делать. Георгий прогнал его в туалет и

порекомендовал замыть брюки холодной водой. Растерявшаяся официантка, чуть не плача, пыталась объяснить. Из ее лепета Георгий уловил одно: она жена работника посольства и только что поступила сюда работать. Георгий, как мог, успокаивал ее, уговаривая не переживать, и заверил, что этот случай останется между ними. Володя вернулся к столу. Растерянность его прошла. На брюках никаких следов от супа не осталось. Расплатившись с извинявшейся официанткой, они вышли во двор посольства, где их ожидала машина для поездки в “Висмут”.

По дороге из Берлина в крупные города, стоявшие на пути, они не заезжали. Дорога была дальняя и они только-только успевали к позднему вечеру приехать на место. Останавливались в пути один раз. Около дорожного ресторана было много машин, с номерными знаками ГДР, ФРГ и других зарубежных стран. Здесь они впервые познакомились с платными общественными местами, с автоматическими турникетами. Таких в их стране еще не было и в помине.

Перед отъездом из Москвы они уточнили все необходимые сведения в Советско-Германском Акционерном обществе. Обязанности Президента Общества исполнял представитель Советской стороны, а его заместителем был немец. Так полагалось по Уставу. Через определенное время их роли менялись. Но практически им долгое время был Советский представитель.

В Управление “Висмута” они прибыли к вечеру. Их проводили в дом для гостей — гостиницу для приезжих. Ее роль выполняла вилла, стоявшая посредине сада с цветущими деревьями. Вилла ранее принадлежала генералу СС, командовавшему Хемницким округом. Дом был сработан капитально, по-немецки. Простояв почти сорок лет, он выглядел новым. На первом этаже были кухня, библиотека, рабочий кабинет и гостиная. На втором и третьем этажах находились спальные комнаты. Первое время на вилле были двое: Георгий и его напарник. Вскоре на третьем этаже объявился сосед. Он отрекомендовался Борисом Григорьевичем. Тоже командированным и тоже из Москвы. Вечером за ужином познакомились поближе. Он рассказал, что является родственником Анастаса Ивановича Микояна. Жил в их семье. Из своей жизни у них он кое-что рассказал, в том числе и о том, как шутили между собой сильные мира того. Однажды Анастас Иванович вернулся домой. Следом за ним, буквально, через пару минут пришла

его жена и сказала: — Анастас, я шла домой и мне повстречался Лаврентий (Берия). Он просил передать тебе привет. Уж очень настойчиво он это делал. Повторил несколько раз свою просьбу. Что бы это могло значить. Анастас Иванович очень удивился.— Ведь я только что виделся с ним. Мы вместе вышли из здания и разошлись по домам,— сказал он,— что бы это значило? Нет, передавая привет, Лаврентий что-то имел в виду. Он так просто ничего не говорит и не делает. Он стал осматриваться и обшаривать себя и обнаружил в кармане пальто раздавленный помидор. Он рассмеялся. — Так вот почему Лаврентий при расставании так тепло прощался и так крепко обнимал меня, так тепло и сердечно, и так ловко засунул мне в карман помидорку, что я и не заметил. Засунул и раздавил. Вот ловкач, так ловкач.

В течение нескольких дней Георгий с помощником рассмотрели все документы Советской части Акционерного Общества, провели их экспертизу ценности и подготовили перечни документов, подлежащих государственному хранению. После завершения работы у них было еще два дня, которые они решили посвятить знакомству с незнакомой республикой. Первым городом был Дрезден. Город справился с разрушениями последней войны. Только в центре был оставлен участок с разрушенными зданиями. Его специально сохранили как напоминание о том, что приносит с собой война. Так думал Георгий. А могло быть и не так. Их газеты в 1944—1945 годах писали о разрушениях, как “о варварстве” воевавших с Германией стран-союзников.

Исполнилась их задумка. Они в Дрезденской галерее. В одном зале были выставлены полотна старых мастеров кисти, мировые шедевры, возвращенные Советским Союзом Германской Демократической Республике. Хорошо бы и немцы, думалось Георгию, возвратили янтарную комнату и другие художественные и исторические ценности, награбленные в первые годы войны.

Перед входом во второй зал, где экспонировались картины современных художников, висело громадное полотно. В ярко красном цвете была изображена лежащая обнаженная женщина, колени которой занимали весь передний план картины. Георгий понимал, что все настоящие художники общались к красоте мира, рисуя обнаженное женское тело. Что может быть прекраснее его. Но на этом полотне была изображена скорее всего не женщина, а этакая пьяная баби-

ща, омерзительного вида и в такой же позе, как она сама. Эта картина так повлияла на Георгия, что он отказался от дальнейшего осмотра. В этот день в Дрездене им удалось посетить музей транспорта и “Зеленые своды”, этот, своего рода, алмазный фонд ГДР. В музее транспорта было тесно от экспонатов, от первого колеса, от первого велосипеда до последних моделей авто. В зале гужевого транспорта разные повозки и кареты всех видов.

В музее “Зеленые своды” они увидели богатства, принадлежавшие когда-то курфюрстам и эрцгерцогам разных земель Германии. Золотые купели, в которых их крестили, бриллиантовые ветки, мечи и кинжалы, инкрустированные алмазами и другими драгоценными камнями, предметы парадных одежд и головные уборы, отягощенные драгоценностями. Все это завораживающе действовало на посетителей музея. Проходя по залам, они, к своему удалению, не заметили ни одного охранника.

На другой день они поехали в Бухенвальд. С ними поехал переводчик. Перед выездом москвичи купили себе по зонту. Георгий купил зонт-трость, а помощник — японский зонтик-автомат. В Веймаре, недалеко от которого был концлагерь, они посмотрели на дома-музеи Гете и Шиллера. В музеи они не попали, так как они были закрыты. В центре городка находилось кладбище, не похожее на обычный погост. За невысокой металлической ажурной решеткой виднелся сад с редкими деревьями. Посреди сада церковка-часовня с золоченым куполом. Между деревьев небольшие надгробия. В саду могила Иоганна Вольфганга Гете. Сопровождавший переводчик давал пояснения. В частности, о часовне он рассказал, что она была построена русской Великой княжной, представительницей дома Романовых, выданной замуж за влиятельного эрцгерцога. Она завещала похоронить ее в этой часовне, поставив саркофаг так, чтобы он постоянно в течение дня освещался солнечными лучами. Действительно, когда зашли в часовню, саркофаг был в солнечных лучах.

Из Веймара поехали в Бухенвальд. Дорога медленно поднималась в гору и завершилась площадкой перед лагерными воротами. Погода стала портиться. Поднялся ветер и заморозил мелкий дождь. Пригодились купленные зонтики. Когда налетевший порыв ветра вывернул зонт-автомат наизнанку, Георгий помощнику напомнил, что тот зря подтрунивал над ним во время покупки зонта-трости, который оказался намного прочнее его автомата.

Над воротами концлагеря сохранилась витиеватая вязь трех слов: “Эдем дас зейн”^{*}. Практически всем входящим в эти ворота была уготована одна и та же участь. Все они были обречены на мученическую смерть. Около шестидесяти тысяч человек погибло здесь, в этом лагере.

За воротами шел Апель-плац. За ним веером расходились линии барачков. Бараки после войны были снесены. Земля заасфальтирована. На месте барачков установлены столбики-указатели с надписями, кто в них содержался. Справа от входных ворот, недалеко от крематория и растрельной комнаты, где жертв убивали выстрелом в затылок, сохранился столб, телега и каток, применявшиеся для истязаний заключенных. Во время посещения крематория прибывшие увидели группу школьников. Пояснения им давала их учительница.

На задней стене крематория навешена мемориальная доска. Текст на ней гласил, что здесь в ночь с 17 на 18 августа был убит Эрнст Тельман и сожжен в печи крематория.

В одном из зданий устроен музей, в котором больше всего фотоснимков из жизни лагеря того времени. Но есть и страшные стенды. За их стеклами помещены горы женских и детских волос, где на первом плане брошена девчоночья косичка с ленточным бантиком. Рядом стенд с обувью, где преобладали детские ботиночки и туфельки. Страшно было смотреть на экспонаты из татуированной человеческой кожи и на высушенные человеческие головы, оформленные в виде настольных сувениров.

Рядом с лагерем находился открытый карьер-каменоломня, где бессмысленным и изнуряющим трудом убивали заключенных.

На высоком месте поставлена набатная башня с колоколом, воспетым в известной песне “Бухенвальдский набат”, песне, обращенной к людям: “...на минуту встаньте. Слушайте, слушайте...” и вспомните тех, кто погиб от рук фашистских палачей.

С тяжелым чувством возвращались они в Карл-Маркс-Штадт. Всю дорогу обсуждали увиденное в лагере. Георгий сожалел, что не сохранили бараки, этих свидетелей ужаса, длящегося в них около десяти лет. На виллу приехали, когда было уже темно. Хозяйка виллы фрау Элиза Лотте приготовила гостям ужин и сама ушла домой. Она очень заботливо ухаживала за проживав-

* Каждому свое (нем.).

шими на вилле. Проработав несколько лет в этом качестве, она привыкла к русским и понимала их без переводчика. На второй или третий день после приезда, она обратилась к Георгию с вопросом, чем она не услужила ему и не должна ли она подать заявление об уходе. Георгий в первую минуту даже растерялся от ее вопроса, не понимая в чем дело. Он ответил, что ему не совсем понятен ее вопрос, и, наоборот, все очень довольны приемом и обслуживанием. Тогда фрау Элиза Лотте спросила, почему же он сам по утрам заправляет свою постель. Привычку Георгия самому заправлять свою постель она приняла за его недовольство работой горничной.

Выполнив задание по командировке, москвичи с Дрезденского аэропорта вылетели домой.

Георгий второй раз был за рубежом. Первый раз был в Иране, второй раз в ГДР. То, что он увидел в Германской Демократической Республике, его поразило. Везде и во всем проявлялась немецкие чистота и порядок. Магазины, полные товарами и продуктами, резко контрастировали с магазинами в Москве и в других городах страны. После пустых полок магазинов в Москве было поразительным увидеть полки, ломившиеся от товаров с ярлыками и марками почти всех стран мира. Только один раз довелось увидеть Георгию очередь в магазине. Полтора десятка ребят и девчат кучковались в одном из магазинов в ожидании продажи какой-то новомодной обуви. Он заходил в магазины, чтобы выполнить указы жены и детей. Сын просил купить джинсовый костюм. Он уплатил стоимость костюма и у стола выдачи покупок его немного задержали. Контролерша обнаружила какой-то незначительный дефект. Она усмотрела, что одна нитка из-за зацепа была вытянута и образовала петельку. Хотели произвести замену костюма, но не оказалось нужного размера. Георгий согласился взять "бракованный". Ему упаковали покупку и сделали уценку. Касса вернула ему часть денег. Такого в жизни ему раньше не встречалось, чтобы без волокиты решался такой вопрос, как уценка товара.

Сложнее было с заказом жены. Она заказала купить лифчик своего размера. Георгий забыл, какой размер, восьмой или девятый. Он в отделе женских причандал долго раздумывал, как ему спросить продавщицу о нужном товаре. Когда-то в школе он пытался учить немецкий, но за тридцать с лишним лет он все позабыл. Кое-как, словами и жестами, казавшимися со стороны неприличными, он пытался объяснить продавщице, что ему

нужно. Чтобы уточнить размер лифчика, он показал ей на одну покупательницу, бюст которой был как будто бы одинаков с бюстом жены. Георгий купил лифчик, но не угадал. Он оказался великоват.

В аэропорту Дрездена, в комнате аэрофлота дежурная презентовала Георгию журналчик, в котором было несколько пластинок. Он поблагодарил за подарок и, особенно, за пластинку с записью голосов птиц. Уже в полете он достал журналчик и стал рассматривать его. Он заметил, что сидевшие на другой стороне от прохода пожилые муж с женой, вытягивая шеи, пытались рассмотреть, что это за красивая книжица. Георгий со словами “битте” протянул им журналчик. Они, не торопясь, внимательно обследовали каждую страницу журнала и вернули его Георгию. При передаче журнала он, увидев в их глазах выражение сожаления или скорби, вернул журнал им обратно, пояснив, что он дарит им этот журналчик в память о совместном полете. Они приняли журнал и стали о чем-то шептаться. Дама стала рыться в своей сумочке, достала оттуда нитку жемчуга и протянула ее Георгию в качестве ответного дара. Георгий оценил дар по советским меркам — настоящий ширпотреб. Он определил это по проволочной сцепке бусинок и по смытой местами перламутровой краске. Поскольку даренному коню в зубы не смотрят, он с благодарностью принял дар и положил его в портфель.

Наблюдая в иллюминатор перистые облака, небесную синь, он поглядывал и на грешную землю. Проплывавшие внизу лесные кущи и исполосованные дорогами, тропинками и бороздами поля и делянки выглядели по-разному, в зависимости от того, над чьей территорией пролетали. Сверху сразу угадывалась граница между Германией и Польшей. Когда кончились ухоженные поля, было ясно, что Германия осталась позади и началась польская земля. Границу между Польшей и Украиной определить было трудно. Большой разницы в видах полей не наблюдалось.

Наблюдая и сопоставляя виденное, он мысленно перенесся в немецкие города, которые удалось посетить. Горький осадок остался в душе при сравнении условий жизни на родине и в ГДР. Вопрос, как заноза, саднил душу. Почему побежденные живут в тысячу раз лучше, чем победители? Так думали и задавали себе вопрос те, кто побывал за рубежом, в Германии. Многие объясняли причину создавшегося положения в условиях жизни побежденных и победителей тем, что страна-победитель в Отечест-

венную войну понесла потерь больше, а восстанавливать разрушенное вынуждена была собственными силами. Германии же помогали подняться все капиталистические страны. Стране во время войны оказывали помощь союзники по борьбе с фашизмом. Бывшие союзники могли бы помочь стране и в мирное время, думал Георгий, но, видимо, страна что-то делала не так. Потерялись бывшие союзники. Добытая большой кровью народа победа над общим врагом, не была использована с большей пользой для этого народа.

Георгий почти всю жизнь жил той жизнью, которая была уделом подавляющего числа населения страны победившего социализма, и думал, что иной жизни на свете нет и не может быть. А оказывается, люди могут жить и живут иной жизнью, но подавляющее большинство населения этого не знали, что было важно для власть придержащих. Было спокойнее, когда население довольствовалось тем немногим, что давали, или, вернее, тем, что каждый себе доставал. В этих целях долго и надежно служил так называемый “железный занавес”. Просочившаяся информация о жизни “за бугром” объявлялась тлетворным влиянием запада. Все средства массовой информации, пропаганды и агитации на всех языках прославляли жизнь советских людей и положение человека в стране. Во всех песнях пелось о том, как хорошо в стране советской жить.

Перебирая в памяти всю свою жизнь, Георгий отметил только несколько светлых пятен. Ему запомнилось, как незадолго до войны, году в 1939 торговля пыталась ввести новые формы обслуживания покупателей. На дом приходил представитель магазина и принимал заказы на нужные продукты. Рослый дядя в белых нарукавниках записывал в блокнот все, что заказывала мать. Через некоторое время он появлялся с большой корзиной, заполненной свертками и кулками. За обслуживание и доставку продуктов мать платила двадцать копеек. Дефицита продуктов в то время не ощущалось. Второе светлое пятно — это жизнь в Сарове, на объекте, где служба рабочего снабжения делала все, чтобы оправдать свое название и назначение. Все другие периоды его жизни были как бы затемнены. Голод 1929—1933 годов, трудности в снабжении в последующие годы, заставлявшие простаивать ночами в очередях за хлебом, выращивать себе картошку на полоске земли в пригородной зоне, голодные послевоенные годы. Георгий помнил, как в 1946 и 1947 годах, живя в Галиче, возил в Ярославль матери и теще рыбу, купленную у галичских рыбаков. Заморо-

женных лещей в мешке он тащил волоком по земле с вокзала домой. Голодные собаки, урча и тявкая, провожали его, пытаясь ухватиться за мешок, иногда им удавалось порвать мешок и стащить рыбину.

Вспоминая о трудных днях и годах, он не мог найти ответа на вопрос: почему такая богатая по природным условиям страна живет такой трудной жизнью?

Еще учась на юридическом факультете Ленинградского университета, Георгий увлекался политэкономией. Даже пытался заочно сдавать кандидатский минимум в Педагогическом институте имени Герцена и защищать диплом на тему “Производительные силы РСФСР и их роль в экономике СССР”. Отъезд из Ленинграда на объект в 1952 году сорвал его планы защищаться.

Анализируя состояние экономики страны, Георгий пришел к неутешительным выводам. Преимущественное развитие производства группы “А” (тяжелая промышленность) по сравнению с производствами группы “В” привело к тому, что тяжелая промышленность работала, в основном, на себя. Металл работал на металл и только малая часть давалась на нужды легкой промышленности. Вложенные громадные средства в производство первой группы (группы “А”) замораживались на долгие годы. Оборачиваемость капитала в тяжелой промышленности была на несколько порядков ниже, чем в отраслях легкой промышленности. В то же время металл и изделия из него не могли заменить ни одежды, ни обуви, ни продуктов питания. Наоборот, тяжелая промышленность, забирая львиную долю национального дохода на свое развитие, оставляла легкую промышленность на голодном пайке. Это положение не смогло не сказаться на уровне жизни людей. Усугубило положение и то, что накопление капитала, который был необходим для индустриализации страны, шло не за счет развития промышленности, производящей предметы потребления, а за счет налогового пресса, “добровольных” внутренних займов и ужесточения тарифов и норм выработки. Возникшая после войны так называемая “холодная война” и вслед за ней гонка вооружений стали пожирать и без того малые крохи, что шли на легкую промышленность. На улучшение жизни и быта людей средств становилось все меньше и меньше. Оставались только призывы и лозунги. Правда, уже не звучал лозунг о том, что жить стало лучше, жить стало веселее. Зато всюду вещалось, что главное для партии — это забота о человеке.

“Все для человека, все во имя человека”. По этому поводу даже одно время ходил анекдот. Чукча возвратился из Москвы. Его земляки обступили и спрашивают, что он там видел. Тот рассказывает о Кремле, о метро и о лозунгах на фронтонах домов, где было написано: “Все для человека”. На это земляки ответили, что эти лозунги они видели в кино и в газетах. На это чукча ответил. Да, но я и того человека видел. Где? — спросили его. — На трибуне в большом Кремлевском дворце, — ответил тот.

ВРЕМЕНА ПРЕДПЕРЕСТРОЕЧНЫЕ

Некоторые мероприятия, проводившиеся в стране для блага народа, иногда давали негативный результат и приводили к значительному ущербу для страны в целом. К таковым можно отнести пресловутую антиалкогольную компанию борьбы за трезвость. Благие намерения остались намерениями и принесли потери. Никто не сосчитал, сколько и чего потеряла страна и ее народ, за чью трезвость сражались новоявленные донкихоты... Спиртовые заводы, которые планировали перепрофилировать, закрыли и..., закупленное импортное оборудование целых заводов по производству спиртного осталось ржаветь на складах. Заключенные договоры на экспорт алкогольной продукции большей частью оказались не выполненными и привели к неустойкам и штрафам. Промышленные виноградники были вырублены и многолетний труд по их выращиванию пошел, как говорят, коту под хвост. Тысячи гектолитров изготовленного зелья были слиты и уничтожены. Приходная часть государственного бюджета лишилась одной из крупных статей дохода. Пройдет немного времени и все вернется на круги своя. Авторы идеи борьбы за трезвость и они же виновники стольких потерь тихо отойдут в тень и умоют руки. Винно-водочное производство начнет постепенно возрождаться и восстанавливаться. Миллиарды народных средств проплыли мимо рта налогоплательщиков. Эту “передышку” похмельного производства ловко использовали потенциальные инвесторы, которые вместо вкладывания капиталов в производственную сферу, в недалеком будущем заполнят внутренний рынок своей винно-водочной продукцией, пользуясь сворачиванием советского производства этой продукции.

Массу бед принесли развившиеся наркомания и токсикомания, возникшие с началом антиалкогольной компании. Народ был

в состоянии сделать все от него зависящее, чтобы улучшить свою жизнь. Но основное зависело не от него, а от того, кто стоял у государственного руля, кто твердил, что экономика должна быть экономной.

Еще до начала перестройки ожидание наступления более лучшей жизни витало в воздухе. Состояние здоровья златоносного орденоносца да и его возраст говорили о скором изменении в стране и вселяли надежду, что эти изменения будут к лучшему. Георгий предполагал, что все может произойти в предстоящий судьбоносный месяц. Он немного ошибся. Все произошло в ноябре, после последнего стояния его на трибуне мавзолея Ленина по случаю 65-й годовщины Великого Октября.

Во главе страны встал Юрий Владимирович Андропов, которого Георгий знал еще по довоенному времени, по Ярославлю, когда тот был секретарем обкома комсомола. Тогда его вмешательство спасло Георгия от исключения из рядов ВЛКСМ за использование комсомольского билета не по назначению.

С приходом его к власти кривая нарушений дисциплины резко пошла вниз. Люди как бы встряхнулись от дремы. Более ритмично заработало производство. О методах подтягивания трудовой дисциплины ходило много баек. Рассказывали, что будто бы однажды в гастрономе на Смоленской площади, что рядом с Министерством иностранных дел, в полдень по внутреннему радио прозвучало объявление дирекции магазина о том, что для работников МИДа открыта специальная касса. Всех, кто оказался у этой кассы, переписали и список направили руководству Министерства. Попавшие в список оказались нарушителями трудовой дисциплины, так как покинули рабочие места задолго до обеденного перерыва. Георгий верил, что такое могло быть, потому что он сам в эти дни попал в “облаву”. Он прилетел из командировки и прямо из Домодедово направлялся в Министерство. На Пятницкой он зашел в магазин, где продавались спиртные напитки. Уже появилась водка “Андроповка”, названная так потребителями. Он стоял в очереди, когда к нему подошли “контролеры” во главе с майором милиции. Проверив документы, они стали записывать его фамилию. Георгий понял, что попал в какую-то неприятную историю. Когда он узнал, в чем дело, предъявил проверяющим командировочное удостоверение. По отметкам о прибытии и убытии на нем “контролеры” убедились, что он

следует из командировки, а не сбежал в магазин в рабочее время, и вычеркнули его фамилию из списка нарушителей.

Слишком мало времени было отпущено Андропову Всевышним. Болезнь подтачивала его здоровье. Он сам это понимал и торопился сделать побольше. Планов у него было много, но они остались планами. Менее полутора лет он возглавлял государство. Возможно, что-то бы изменилось к лучшему, пробудь он на этом посту столько же лет, сколько был его предшественник.

Когда 10 февраля 1984 года было передано сообщение о кончине Андропова и о назначении председателем комиссии по похоронам его Константина Устиновича Черненко, Георгий на листочке настольного календаря начертил пять букв: Кучер. Он давно заметил, что все председатели госкомиссии по похоронам становились после похорон главными в стране. В слово “Кучер” он вложил имя, отчество и фамилию Черненко в сокращенном виде. Видимо, из такого сочетания букв Ленинградский поэт Михаил Дудин позднее напишет о нем: “Извозчик выбился в цари и... умер с перепуту”.

КИНОФИЛЬМ “КАРАКУМЫ, 45° В ТЕНИ”

В 1982 году студия “Туркменфильм” вела съемки фильма о газовиках. По сценарию, из-за аварии на скважине, происшедшей во время бурения, газ вырвался наружу и стал неуправляем. Газовый фонтан был потушен подземным ядерным взрывом. Студия обратилась в Министерство с просьбой о помощи в съемках эпизода тушения фонтана ядерным взрывом. В начале мая в кабинете Георгия появилась группа представителей “Туркменфильма” Ходжакули Нарлиев и Владимир Гаврилович Сухоревров — авторы сценария фильма. Нарлиев был и режиссером фильма. С ними был Главный художник Аннамамед Ходжаниязов. Георгию поручили быть консультантом кинофильма под названием “Каракумы, 45° в тени”. Нарлиев оставил Георгию сценарий. Условились о времени приезда его в Ашхабад.

В третьей декаде мая Георгий вылетел в Ашхабад. Хаджикули Нарлиев в это время был на съемках фильма в пустыни. Георгия встречал его брат Ходжадурды Нарлиев, тоже киношник, как и его брат.

Май в Туркмении всегда жаркий. Днем Георгий отогрелся, пожарился, а вечером и, особенно, ночью он, как ни странно,

даже замерз в номере гостиницы. Он не знал, что в шкафу имелось дополнительное одеяло и, съездившись, пытался согреться под тонким покрывалом. Только утром, когда пожаловался дежурной по этажу на холодную ночь, он узнал о дополнительном одеяле. Утром он побродил по городу, который в октябре 1948 года (снова октябрь) был сильно разрушен землетрясением. Город был отстроен заново.

Как было оговорено ранее, Ходжадурды Нарлиев заехал за Георгием около полудня и они поехали в район, где он вел съемки своего фильма. Это было курортное место, именуемое женским именем — Фирюза, расположенное у советско-иранской границы. Фирюза — это Жемчужина Туркмении. Здесь, в зеленой зоне рядом с детскими санаториями и домами отдыха, расположились виллы и особняки влиятельных лиц республики.

Съемочная площадка Ходжадурды Нарлиева находилась недалеко от Фирюзы. На площадке выстроили макетный поселок. Съемки только начинались. С приездом режиссера и Георгия на берегу ручейка устроили “шапку”, которой отмечалось начало съемок каждого нового фильма. Такой обычай существует у многих профессий. У землепашцев отмечается первая межа. У каменщиков — первый кирпич. У рыбаков — первый улов. “Шапку” устроили около воды, у высокого берега ручья. В берегу виднелось множество круглых дыр. Один из участников застолья пояснил, что это были норы змей. Он же рассказал о случае, который произошел в последнее воскресенье в Фирюзе. На воскресный отдых приехала группа мужчин и женщин. Одна из женщин от выпитого и от жары почувствовала себя плохо. Она вышла из-за стола и улеглась в тени куста. Задремала. Когда открыла глаза, увидела перед собой змею, которая приподнялась и стоя покачивала головой. Женщина не почувствовала опасности. Она, видимо, что-то сказала змее, высунула и показала ей язык. Змее не понравилось поведение гостьи. Она метнулась к ней и ужалила ее в язык. Женщина закричала. На ее крик подбежали. Змеи уже не было. Женщина стала задыхаться. Язык моментально распух и задавил дыхательное горло. Приехавшие врачи ничем ей помочь не могли. Они зафиксировали смерть от удушья.

Когда отмечали “шапку”, за столом присутствовал артист Ашхабадского театра, участвовавший в съемках фильма. Он очень боялся змей. При рассказе о случае в Фирюзе он бледнел и вздрагивал. Это было подмечено и один из участников

“шапки” решил его разыграть. Во время одного тоста он вдруг сделал большие глаза и громко вскрикнул, что будто бы сзади появилась змея. Это было неожиданно для всех, но все остались на своих местах и только Ашхабадский артист вскочил из-за стола и перемахнул на другой берег ручья. Он даже не обиделся на розыгрыш и честно признался, что боится всех змей.

Когда пришло время Георгию уезжать и он стал прощаться со всеми, змеиный розыгрыш повторился. Георгий, протянув руку для прощания, подходил к артисту Ашхабадского театра, а тот, глядя куда-то мимо Георгия, стал медленно пятиться назад. Следя за его взглядом, Георгий обернулся назад и увидел, что автор розыгрыша шел за спиной Георгия, держа на палке извивающуюся змею.

Фильм “Каракумы, 45° в тени” снимался в Марийской области, в песках Каракумов. Из Ашхабада до Мары он летел самолетом. Его попутчиком оказался Гурген Аганесович Тонунц, талантливо сыгравший роль Камо в одноименном фильме. Тонунц летел на съемки того же фильма, что и Георгий. Всех участников съемки газовики снабдили одеждой и сапогами. Георгий остался без сапог, так как его размера обуви не оказалось. Его предупредили, что в песках быть без сапог опасно. В жару всякая тварь зарывается в песок и если кто ее тревожит она наказывает виноватого своим жалом. Ему сказали, что по песку он должен ходить за кем-либо, ступая след в след. Позднее привезли сапоги его размера и он стал ходить самостоятельно. С артистом Московского театра киноактера Владимиром Меренковым он неоднократно бывал на Главном Туркменском канале. Там купались и баловались рыбалкой. Однажды они стали свидетелями варварской ловли рыбы браконьерами. В этой роли выступали местные чиновники из прокуратуры и милиции. Они забрасывали в канал кошку с остро заточенными лапами, рывками подтаскивали ее к берегу и подсекали все живое, что попадалось на ее пути. Если рыба зацеплялась непрочной, она срывалась и потом погибала от полученных ран.

Для очистки канала от водорослей туда были запущены толстолобик и голубой амур, которые пожирая водоросли, достигали до тридцати и более килограмм веса.

Когда Тонунцу пришло приглашение из Армении присутствовать на столетнем юбилее Камо, он собрался ехать. На его проводы пригодился толстолобик и голубой амур из Туркмен-

ского канала. При ночной прохладе под открытым небом проводы продолжались до полуночи.

В съемках фильма принимал участие Владимир Матвеевич Краснопольский, снимавшийся в роли академика Никитина. Он в свое время снимался в фильме о Валериане Куйбышеве, где играл главную роль. Он внешне очень походил на Куйбышева. Краснопольский жил и работал в Ашхабаде и делал неоднократные попытки перебраться в Москву или в родной Куйбышев, на Волгу. Он поведал Георгию, что надеялся на помощь в этом переводе на Тонунца, которого считал своим кумиром. Георгий сказал о своем сомнении в возможности Тонунца и оказался прав. Краснопольский не дождался помощи и оставался в Туркмении до конца дней своих.

Георгий впервые был на съемках фильма и впервые видел некоторые приемы киношников создавать у зрителей иллюзии о происходящем на экране действии. Для съемок горящего газового фонтана был сделан макет аула. Макет сделали на большом дощатом настиле, на метр приподнятом от земли. На настиле изобразили кусочек песчаной пустыни. Среди песка макеты домов и юрт аула. Из бытового газового баллона газ по шлангу подавался под настил с выводом горелки наверх песка.

Подоженный около аула газ горел высоким пламенем. На макете все выглядело детской игрой. На экране все было по-другому. И аул был, как настоящий. И огненный факел поднялся высоко в небо и при звуковом сопровождении на экране воспринимался как огненно ревущий газовый фонтан, пожиривший ежесекундно многие кубометры газа.

Георгий консультировал ту часть фильма, которая была связана с ядерным зарядом. По сценарию ядерный заряд с набором необходимых кабелей опускался в скважину с вышки бурильщиков. Он вместе с главным оператором фильма Христофором Васильевичем Триандофиловым выехал в пустыню на поиск подходящей вышки. Жара стояла невероятная. Казалось, что она намного выше, чем указана в названии фильма. Подъехали к вышке, отработавшей свое ранее. Металл вышки полыхал жаром и не позволял дотрагиваться до него руками. Поднимались по лестничным маршам до верхней площадки без пользования перилами. Георгию казалось, что вышка раскачивается и вот-вот упадет. Его самого качало от жары и изнеможения от подъема по лестнице. То же ощущал и главный оператор. Прикинув наскоро, где и как делать подвеску заряда, как и в каком порядке производить спуск его в

скважину, они скатились с вышки и надеялись отдышаться в машине. Надежды, увы, не оправдались. За время стоянки она разогрелась больше, чем буровая вышка. В салоне машины было, как в парной бане, с той лишь разницей, что в машине было тяжелее. Чтобы сократить время в пути, поехали другой дорогой. Недалеко от дороги они увидели три юрты и решили завернуть. В юртах жила семья казахов. Две юрты были жилые, третья — для хозяйства. В тени хозяйственной юрты прятались от жары две лошадки. Из юрты вышла казашка. Она оказалась гостеприимной хозяйкой. Взмокшим от жары путникам она предложила прохладного чала. Это было кислое верблюжье молоко. Вряд ли она дождалась бы отказа из вежливости. Непрошенные гости в знак согласия закивали головами и заулыбались. Казашка ушла в юрту и вынесла оттуда чем-то оплетенную посудину. Вместе с ней из юрты вышла ее дочь лет восьми, которая несла две большие пиалы. Георгий протянул свою пиалу и наблюдая, как она наполняется белым чалом, глотал слюнки и облизывался, предвкушая предстоящую благодать. Прохладный чал немного остудил их, но жажду уменьшил не намного. Георгий поинтересовался, не страшно ли одним им быть в пустыне. Казашка ответила, что они не одни. Что отец в юрте. Он совершает намаз. А молодежь уехала на работу. Закончив намаз, из юрты вышел пожилой казах с редкой седой бородой. Он поклонился гостям и пригласил их зайти в юрту. В юрте было прохладнее. Такой жары, как на воле, не чувствовалось. Юрта изнутри была как будто бы больше, чем она казалась снаружи. Пол и стены были сплошь в коврах. У входа в юрту лежал войлочный коврик из овечьей шерсти. Он служил защитой от змей, которые не выносят запах овец. Аксакал подробно расспросил гостей, кто они, что делают в пустыне и откуда приехали сюда. Услышав ответы на все свои вопросы, он поблагодарил гостей, что они заехали к ним на стоянку и когда уезжали, он на прощание пожелал им успешно завершить работу.

Роль союзного министра в фильме играл Кирилл Лавров. Съёмки планов с его участием проводились в Москве. Остальные планы снимались в пустыне.

Подошло время съёмок планов фильма, которые консультировал Георгий. Сигарообразное тело специального ядерного заряда, вернее его макета, было окрашено под зебру. Белые полосы чередовались с красными. Съёмки производились на той буровой вышке, которую облюбовали Христофор Василье-

вич с Георгием. К сигарообразному телу заряда подсоединили трос, второй конец которого перекинули через блок и присоединили к буксирному крюку машины. По сигналу оператора машина стала медленно двигаться к вышке и заряд стал медленно опускаться в скважину. Пришлось делать несколько дублей, потому что не сразу добились плавного опускания и было несколько промахов, когда заряд не попадал в горловину скважины. Механизм подрыва, его запуск и сам взрыв были сняты позднее на основной площадке. Приборную часть оборудовали в небольшом автобусе. Из автобуса убрали все сиденья и установили лабораторные столы. В качестве пускового автомата был использован наборный диск телефонного аппарата. Код запуска автоматики подрыва состоял из трех цифр. Одним киноаппаратом снимался наборный диск автомата в момент набора шифра-кода пуска, а вторым — площадка макета аула с горящим газовым факелом. После набора кода, по сигналу режиссера по днищу макета ударили чем-то тяжелым. Площадка вздрогнула. Песок, на котором стоял макет аула, пришел в движение. Зажженные дымовые шашечки создали имитацию подъема легкой пыли. Медленным поворотом крана газового баллона пламя факела стало медленно уменьшаться и, наконец, погасло.

На этом роль Георгия как консультанта фильма завершилась. Задание по командировке было выполнено. Он распрощался с новыми друзьями и благополучно добрался до Ашхабада. На Центральном рынке он закупил ранних ягод и фруктов, чтобы вернуться домой не с пустыми руками, и вылетел самолетом в Москву. Он захватил с собой адреса тех, с кем жарился в песках Каракумов, и договорился с ними о встрече в Москве.

В конце года в Московском Доме Кино состоялся просмотр нового кинофильма “Каракумы”, 45⁰ в тени”. На просмотре был и Георгий с супругой. В зале он встретился со всеми, с кем не так давно расстался в Марыйской области Туркменистана. Народу на просмотре было много. Фильм получил положительную оценку и был впоследствии показан по Центральному телевидению. Христофор Триандофилов получил премию за свое операторство.

Спустя несколько дней после просмотра к Георгию нагрянули гости. Пришли Владимир Краснопольский и Володя Маренков с женами и Христофор Триандофилов с подругой. За воспоминаниями о съемках, о Каракумах, о жизни в песках

время пролетело незаметно и быстро. Расходились уже в полночь. Все были довольны встречей и договорились при случае повторить ее.

В августе следующего года Георгий отмечал свое шестидесятилетие. На юбилей съехались его родные и близкие. Были сестры из Ярославля и Ленинграда. Были Ульянов Михаил Григорьевич и Коклюшкина Варвара Георгиевна, дальняя родственница Георгия, его землячка по селу Ивашково. Варя когда-то работала директором Люберецкого коврового комбината, затем секретарем Горкома КПСС и Председателем Горисполкома Люберец. Одно время ее метили выдвигать по партийной работе и избрать Секретарем ЦК КПСС. Но как раз в это время она познакомилась и сошлась с Ульяновым, который оставил свою семью и сошелся с ней. Это послужило причиной отказа в переводе ее в ЦК и вместо нее туда пришла Фурцева, которую прозвали Екатериной Третьей.

Ульянов занимал какой-то важный пост. Он ведал вопросами строительства в Московской области. В марте 1985 года Георгий встретился с ним в Монино за праздничным столом. Михаил Григорьевич всегда был веселым и общительным. Но в тот день он был задумчив и неразговорчив. На вопрос, “что случилось?”, — он рассказал о возникших сложностях по работе:

— Понимаешь, оказался между молотом и наковальней. Секретарь Обкома Василий Иванович Конотоп поручил организовать и провести работы по установке в Серпухове бюста Гришина, которому в сентябре прошлого года дали вторую звезду Героя за то, что он дожил до семидесяти лет. В проектных документах я обнаружил некоторые противоречия действующим законам. По проекту площадь должна быть обустроена нетиповыми зданиями и покрыта гранитом. Для первого требовалось решение Госстроя, а для второго — разрешение Совета Министров. Обо всем этом я доложил Конотопу и попросил его обговорить эти вопросы с Гришиным. Василий Иванович отмахнулся и сказал, что у него и без этого натянутые отношения с Секретарем МГК и Членом Политбюро. И поручил это сделать мне. Михаил Григорьевич достал сигареты, закурил и продолжал свой рассказ:

— Я знал Гришина и понимал, что миссия будет не из приятных. Но, что было делать. Пришлось идти и докладываться. Гришин выслушал. Насупился и взорвался. Посылал меня туда, куда всегда посылают, и сказал, ну и... с Вами. Делайте все по проекту до нулевой отметки, а остальное сделает Московский стройтрест.

Так и было сделано. Бюст был торжественно открыт при скоплении приведенного на площадь народа.

Позднее, уже в перестроечные годы Георгию встретила одна газетная заметка, то ли в “Вечерке”, то ли в “Подмосковье”. Ее автор рассказывал о случае, которому он был очевидцем. При посещении одного подмосковного города он увидел, как на центральной площади бульдозерист на “Беларуси” сгребал снег к центру площади и насыпал высокий снежный холм, из которого высовывалась голова известного в недалеком прошлом партийного деятеля, чей бюст был на этой площади. За несколько минут работы он завалил снегом голову по макушку.

Георгию вспомнился рассказ Ульянова о Гришине и он почему-то подумал, что в заметке писалось о Серпухове. А почему бы и нет?

ПРОЦЕСС ПОШЕЛ. ЧЕРНОБЫЛЬ

В марте 1985 года в стране и в партии произошла смена руководителя. После Черненко Пленум ЦК избрал Генсеком Горбачева Михаила Сергеевича. Народ прозвал его “Меченым”. С его приходом к власти в стране начались изменения, обозванные “перестройкой”, которая в конечном итоге привела к развалу СССР.

Изменения коснулись не только страны, но и всего мира. В этих изменениях были и позитивные стороны. Прежде всего сюда надо отнести окончание “холодной войны” и ослабление напряженности в международных отношениях между странами Варшавского Договора и входящими в пакт “НАТО”. Постепенно стал меркнуть образ “Империи зла”, как именовали Советский Союз в западных странах и в Америке.

Подходило время начала перестройки, когда “процесс” пошел и начиналось “новое мышление”, приведшие впоследствии к непредвиденным катаклизмам.

Прошел ровно год с момента вступления страны в совершенно новый период развития. Прошел XXVII Съезд партии. В заключительной речи при закрытии съезда Горбачев пророчествовал о судьбах партии. Коснулся мыслей Ленина, высказанных о том, что “Все революционные партии, которые до сих пор гибли — гибли от того, что зазнавались и не умели видеть, в чем их сила, и боялись говорить о своих слабостях”. Ленинскую мысль он дополнил своей, заявив: “...А мы не

погибнем потому, что не боимся говорить о своих слабостях и научимся преодолевать слабости”.

Знакомясь с заключительной речью нового Генсека, Георгий обратил внимание на слова “научимся преодолевать слабости” Он подумал, неужели раньше не было слабостей и не на чем было учиться их преодолевать? И сколько еще придется учиться, чтобы научиться? Конечно, ни Георгий и никто другой не могли и предположить, что не пройдет и пяти лет, как сбудутся Ленинские мысли о гибели партии.

Прошло немногим больше одного года после предпоследнего съезда в истории КПСС. Приближались майские праздники. Строились планы на летние отпуска. Никто не ожидал трагедии, разразившейся в субботу, последнюю в апреле субботу ночь. Город, давший название одной из крупнейших атомных станций страны, стал известен во всем мире на другой после аварии день. Город носил название — Чернобыль, что в переводе на русский язык означает полынь, горькую траву.

Ночью 26 апреля 1986 года на Чернобыльской АЭС произошла авария, ставшая аварией века. Атом не выдержал небрежного отношения к себе со стороны людей и доказал, на что он спосо-

4-й блок ЧАЭС

бен. В одном из самых цветущих районов страны, да и во всей стране, жизнь пошла по совершенно новым измерениям. Авария затронула не только прилегающие районы Украины, Белоруссии и Российской Федерации. Она распростерла свои черные (Чернобыльские) крылья до Запада и Скандинавии. Из Чернобыльской зоны, как и в начале Великой Отечественной войны, потянулись колонны и вереницы эвакуированных. Подъездные пути и дороги были перекрыты контрольно-пропускными пунктами, а в последствии и пунктами дозиметрического контроля. Начинался новый отсчет времени, и не только в зоне поражения. Весь мир с напряжением следил за событиями тех дней. Опасность, затаившаяся в мирной технологии производства электроэнергии, показала, насколько она грозна.

Второго мая, когда Георгий был дома, ему сообщили о просьбе Президента Академии наук СССР Анатолия Петровича Александрова, сделать все возможное, чтобы разыскать документы о ранее случавшихся происшествиях, связанных с радиоактивным загрязнением.

В понедельник он собрал группу архивистов и включил их в поиск нужных документов. Во время поиска шли запросы от Госагропрома, Лесхоза, Рыбхоза, Министерства заготовок и от других по тому же поводу: найти документы, которые могли бы подсказать, что делать и как поступать в условиях загрязнения. За две недели поисков удалось найти несколько десятков документов по авариям и аварийным ситуациям подобного типа. Документы разыскивались и собирались долго и трудно. Сказывалось отсутствие соответствующего справочного аппарата и разбросанность их по многим предприятиям и организациям Минсредмаша и Академии наук СССР.

Для организации работ по ликвидации последствий аварии подготавливался проект Постановления Правительства. Георгий узнал об этом от Аверьянова Юрия Павловича, который готовил проект этого Постановления. Помня о мучительно трудных и долгих поисках документов, он внес предложение о включении в проект специального пункта о документах, создававшихся при ликвидационных работах. В предложенном им тексте содержалось указание всем предприятиям и организациям, участвовавшим в этих работах, создаваемые документы не уничтожать до рассмотрения их экспертами Минсредмаша. Своим предложением он преследовал цель сохранить те документы, которые могли бы потребоваться при возникновении подобных с Чернобыльским случаев в дальнейшем.

Министр Славский предложенный пункт из проекта Постановления исключил, не подозревая о том, что в любых случаях подобного рода все запросы будут приходиться в Минсредмаш и что без документов, без сохранения их отвечать на эти запросы вряд ли удастся.

Для рассмотрения и решения вопросов о документах, создававшихся у ликвидаторов аварии, в Чернобыль в июле был командирован Георгий. Перед выездом он встретился со своим хорошим знакомым, соседом по дому и гаражу, Заместителем начальника Транспортного управления Министерства Евгением Савушкиным. Он только что вернулся из Чернобыля. Вопрос транспорта на первом этапе ликвидационных работ был определяющим. Ликвидаторам по железной дороге шли механизмы, оснастка, материалы, продовольствие. На станцию Тетерев только одного цемента поступало по двадцать пять — тридцать вагонов в сутки. Грузы со станции должны были перевозиться наземным транспортом на расстояние более ста километров. И все это должно было делаться в спешном порядке. Обстановка обязывала к этому. Железнодорожный транспорт даже участвовал непосредственно в возведении укрытия IV блока станции, названное саркофагом. Опалубка защитной стенки блока монтировалась на раздетых от деревянных бортов и пола железнодорожных платформах и вместе с платформами ушла в бетонную стену. Можно представить толщу этой защитной стенки, если она стала шире железнодорожных платформ.

Евгений Савушкин поделился с Георгием об обстановке на станции, о том накале работ, который был там.

Георгий выехал из Москвы поездом до станции Тетерев. Со станции его направили в бывший пионерлагерь “Голубые озера”, где находился пункт приема прибывающих на аварийные работы. В комнате, где он получил место, проживало более десяти человек, работавших в разных сменах и разных вахтах. Ему выдали комплект одежды и пару сапог. По установленному распорядку дня подъем приходился на шесть часов. Сорок минут отводилось на утренний туалет и на завтрак... Автобусы до Чернобыля отправлялись ровно без двадцати минут семь. До Чернобыля было чуть больше ста километров. Кто опаздывал на автобус, те добирались до места работы кто на перекладных, кто как. За опоздания и прогулы по головке не гладили. Да и случаев таких на памяти Георгия не было. Вся обстановка напоминала годы войны. Отличие было разве

только в том, что не было стрельбы и артиллерийских залпов. А в остальном все было похоже. Строгий, соблюдаемый беспрекословно порядок, жесткая дисциплина, оперативность и обязательность отличали работу до аварии и теперь, когда она произошла.

Многие работы по ликвидации аварии легли на Министерство среднего машиностроения. Его представителями в Правительственной комиссии были Заместители Министра Александр Георгиевич Мешков, Александр Дмитриевич Захаренков, Лев Дмитриевич Рябев. Заместитель Министра Александр Николаевич Усанов возглавил Центральный штаб отрасли по ликвидации последствий аварии. Активную роль в штабе и в ликвидационных работах сыграл начальник одного из управлений Министерства Игорь Аркадьевич Беляев.

Ответственные участки ликвидационных работ по сооружению укрытия Четвертого аварийного блока — “Саркофага”, возглавлялись В.И. Рудаковым, Е.В. Рыгаловым, Г.Д. Лыковым и другими представителями Министерства и его предприятий.

Для многих участие в ликвидации аварии на Чернобыльской атомной электростанции оказалось злым роком. Свое участие А.Д. Захаренковым, В.И. Рудаковым, А.Н. Усановым, А.Г. Мешковым и другими было оплачено самой высокой ценой — своей жизнью.

Управление строительства № 605 стало головным от Минсредмаша в этих работах. Оно размещалось в здании городской автобусной станции города Чернобыля. Об этом напоминали автоматические камеры хранения багажа и небольшие оконца билетных касс. Здесь же размещались и проектировщики из Ленинградского проектного института Минсредмаша.

По приезде в Чернобыль Георгий прошел регистрацию в дозиметрической службе, размещавшейся в здании “У быка”. Рядом со зданием когда-то давно, еще в “мирное время” было установлено скульптурное изображение быка, от чего и произошло название этого здания “У быка”. Здесь он встретился с “малоземельцем” из Арзамаса-16 Львом Федоровичем Беловодским, который в это время был старшим “дозконтролером”.

Вопросы дозиметрической службы и техники безопасности при работе с радиоактивными веществами для него были не новы. На объекте в Арзамасе-16 ему приходилось иметь дело со всеми радиоактивными веществами непосредственно, когда он был хранителем и самих веществ, и изделий из них во время

работы руководителем Отдела объектов "Т". В Чернобыле он первый раз оказался в июле, через три месяца после аварии.

Июль был жарким в прямом и переносном смысле. В садах яблони и груши сгибались под тяжестью плодов. Окна рабочих комнат были закрыты наглухо. Все находившиеся в помещении работали в респираторах. За день приходилось менять респираторы по несколько раз. Снимали их только в столовой во время обеда.

Когда были рассмотрены документы Управления строительства № 605, Георгий отправился на АЭС. До нее было километров восемнадцать. Дорога была забита транспортом. Больше было военных машин, колоннами следовавших на станцию и обратно. Машины везли солдат, работавших вместе с гражданскими по ликвидации последствий аварии. Много было строительных машин и механизмов. Без конца сновали поливочные машины. Специальным раствором они поливали дороги, обочины дорог, чтобы ветер не смог переносить загрязненную радиоактивную пыль туда и обратно.

Территория станции была залита специальным составом вершка на три-четыре. Чернобыльская АЭС была одна из самых крупных станций. К четырем действовавшим реакторам строились еще два, пятый и шестой блоки. Если б не авария на четвертом блоке, они вступили б в разряд действующих в этом или в 1987 году.

На станции Георгий встретился с Начальником Спецтехуправления своего Главка генералом Мишиным. Евгений Трофимович намеревался ехать к аварийному четвертому блоку на БМП, надеясь за ее броней защититься от радиации. Он пригласил с собой Георгия. Они подошли к БМП и их дозиметрические счетчики зашкалило. Оказалось, что машина была сильно загрязнена и сама стала источником повышенной опасности. Решили идти пешком. До четвертого блока было метров сто пятьдесят-двести. Когда пошли, Георгий одной ногой попал в углубление и зачерпнул жижу. Пришлось спуститься в убежище, где находился командный пункт охраны станции. Сделали санобработку. Георгий к четвертому блоку не пошел и отправился в Административно-бытовой корпус АЭС в комнату второго этажа. Окна комнаты были забраны свинцовым листом на две трети высоты. Дозприбор, который Георгий привез из Москвы, регистрировал то увеличение, то уменьшение уровня радиации. Аварийный блок дышал, как сказочное чудовище. Сделает вдох — радиация падает. Сдела-

ет выдох — уровень радиации скачком поднимается до края шкалы. Для того чтобы убедиться в надежности свинцовой защиты окон, он несколько раз поднимал свой датчик выше свинцового листа. Датчик сразу же менял звуковой сигнал со щелчков на резкий свист. Свинец задерживал львиную долю радиоактивного потока.

Вечером Георгий автобусом выехал со станции домой, в пионерлагерь “Голубые озера”. По пути их автобус несколько раз проверялся постами дозслужбы. Последний контрольный пункт был при входе на территорию пионерлагеря. По показаниям дозприборов Георгий был раздет до трусов. Его одежда оказалась загрязнена и подлежала захоронению в могильнике. Ему дали чистые тапочки и он в спортивном виде добежал до своего жилья, где оделся в полученную в день приезда спецодежду. Выезжая первый раз в Чернобыль на станцию, он забыл переодеться и поехал во всем своем.

На следующий день ему предстояло рассматривать документацию служб УС-605, находившихся в пионерлагере и на станции “Тетерев”. Документы отдела кадров и бухгалтерии оказались более-менее чистыми. Те, которые “фонили”, Георгий помечал условным знаком и откладывал в специально отведенное место. На эти документы у него ушло два дня. После проверки на другой день он встал пораньше, не торопясь позавтракал и успел на автобус. Весь день он провел в монтажном районе, который размещался поблизости к станции. Приборы показывали очень большую загрязненность документов и он работал в респираторе. Перед обедом в комнату зашел начальник Главного монтажного управления Министерства Рудаков Владимир Иванович, возглавлявший все монтажные работы ликвидаторов при сооружении защитного кожуха на аварийный четвертый блок. Рудаков пришел без респиратора и, разговаривая с Георгием, сказал ему: — Да сбрось ты этот намордник. С тобой и разговаривать как-то неудобно.— Георгий снял респиратор, а после ухода Рудакова забыл одеть его и продолжил свою работу с грязными бумагами. К концу работы он вспомнил о респираторе и натянул его на лицо. Но он опоздал. За те несколько часов копошения в бумагах он надыхался бумажной пылью, зараженной бета-частицами. Если в первые дни по приезде в Чернобыль он ощущал только першение в горле и сухость во рту, то теперь он почувствовал резь в глазах, головную боль, слабость и какое-то апатичное состояние.

Задание по командировке было выполнено не до конца. Из-за состояния здоровья он выехал в Москву. По приезде домой он вынужден был лечь в больницу. Давило легкие. Трудно было дышать. Он временами забывался или чувствовал себя, как в положении невесомости. Его то поднимало вверх, то опускало вниз. В больнице он пробыл около месяца.

После выхода из больницы ему пришлось совершить несколько voyages по стране. Он побывал в Свердловске, Златоусте, Усть-Каменогорске. В декабре ему пришлось вновь выехать в Чернобыль для рассмотрения новых документов, которые вышли в свет во время его отсутствия.

В Свердловске, между делами, он решил еще раз зайти в Ипатьевский дом. К сожалению, вместо дома он увидел ровную площадку. Дом снесли, а площадку заасфальтировали, как будто на этом месте ранее ничего не было. Теперь ничего не осталось, что бы напоминало о трагедии царской семьи, которая здесь разыгралась в ночь с 16 на 17 июля 1918 года.

О сносе дома Ипатьева было принято специальное закрытое Постановление Политбюро ЦК партии. Первым секретарем обкома партии в то время был Борис Николаевич Ельцин. Позднее, в своей “Исповеди на заданную тему” об этом эпизоде своей жизни он напишет: “... рано или поздно всем нам будет стыдно за это варварство. Будет стыдно, но ничего исправить уже не удастся”.

При командировке в Златоуст из Москвы летели самолетом до Уфы, откуда до предприятия добирались машиной. По пути завернули на родину Игоря Васильевича Курчатова, в город Сим, где он родился и который стал носить его имя. Здесь он прожил первые шесть лет своей жизни. В доме, где жила семья Курчатовых, создан небольшой музей. Отдав дань памяти “Бороде”, поехали дальше и вскоре были на месте. Завод и рабочий поселок примостились в лощине между трех гор. От этого и пошло название городка “Трехгорный”. Горы, защищая город от ветров, затрудняли естественную вентиляцию воздуха, из-за чего выбросы из заводских труб зависали над городом и создавали сумеречную обстановку.

В процессе ознакомления с делами и документами предприятия Георгий узнал, что при нем создан музей художественного литья. Он побывал в музее и был очарован тем, что там увидел. В музее были собраны прекрасные творения Каслинских и местных мастеров. Особенно понравилась копия статуи “Россия” и не менее замечательной была историй о

статуе. Она была отлита в 1896 году Киштымским умельцем Лаврецким и в 1900 году экспонировалась на Парижской выставке, где стояла у входа в Русский павильон. Когда павильон захотел купить один из собирателей редкостей, он потребовал павильон продать вместе со статуей “Россия”. Ему был дан лаконичный ответ, ставший потом, своего рода, летучей фразой: “Россия не продается”.

Статуя изображала стоящую женщину в шлеме и кольчуге. В ее правой руке меч, в левой — щит. Рядом с ней на невысоком постаменте, как на столе, на подушке — корона, держава и скипетр.

Будучи в Усть-Каменогорске, Георгию удалось второй раз побывать на Иртыше. Первый раз это было зимой 1957 года, когда он был на Семипалатинском полигоне. На сей раз было начало осени. Стояли теплые и погожие дни. В выходные дни местные товарищи предложили поплавать по Иртышу на теплоходе и заодно порыбачить. Все согласились и не прогадали. Небольшой теплоходик оказался уютным суденышком. Иртыш в верховье имеет несколько рукавов и протоков. В субботу, во второй половине дня отправились в плавание. В первый вечер делали несколько попыток поймать на ужин рыбки. Не получилось. Клева не было. Ужинали тем, что прихватили с собой. На ночь бросили якорь в тихой заводи и разбрелись по каютам. Рано утром заядлые рыбаки были уже на берегу. Они ловили на удочки и закидушки. Георгий сменил несколько мест, пока не нашел рыбное. Окунь один за другим стали хватать наживку, не давая крючку опуститься на дно. Он сначала ловил на две удочки, потом вынужден был одну удочку бросить. Он еле успевал снимать окуней и делать новые забросы. Другие рыбаки, видя удачу у него, подтянулись ближе к более рыбному месту. Ловлю продолжали до завтрака. Было поймано столько сизо-горбатых окуней, что их хватило на несколько дней. Каждый день повара столовой жарили по два больших противня. Жареная рыба была на завтрак, обед и ужин.

В первой половине декабря Георгий вновь был командирован в Чернобыль. На сей раз он поехал с помощником. Они остановились в том же лагере “Голубые озера”, где Георгий останавливался в первый приезд сюда. Жили в лагере, а на работу ездили на автобусе в Чернобыль. На этот раз на дорогу до места работы тратили не час двадцать, как было летом, а все два с половиной часа. Виновата была дорога. За день она немного подтаивала или намокала от морозящей мерзости, а за ночь покрыва-

валась ледяной пленкой. Даже тяжелые машины с трудом ползли по дороге. Те же, кто спешил, оказывался в кювете или за обочинной.

Обстановка на ЧАЭС продолжала оставаться напряженной, хотя многое изменилось. Над четвертым блоком поднялось монументальное сооружение в железобетонном исполнении. Это над ним встал саркофаг. В июле, в бытность здесь Георгия, сооружение саркофага шло бешеными темпами. Были пущены несколько бетонных заводов. Колонны миксеров сновали по дорогам от бетонных заводов к перевалочному пункту и обратно. Чтобы не пачкать все миксеры радиоактивной “грязью”, был выстроен пандус с приемником бетона наверху. Чистые миксеры поднимались по пандусу наверх, сливали бетон в приемники, а внизу “грязные” миксеры принимали его в свои емкости. Привезенный ими бетон насосами подавался в опалубку саркофага. Георгию стали тогда известными несколько странных случаев, случившихся при бетонировании защитного кожуха над четвертым блоком. Ему рассказали, как во время напряженной работы к четвертому блоку подъехал желтый пикап. Вышедший из машины человек

представился работником дозиметрической службы и скомандовал всем уйти в укрытие из-за, якобы, выброса больших доз радиации. Все бетонщики и шоферы миксеров разбежались. Работа по бетонированию замерла. Выброса не последовало. Дозслужба, как оказалось, в этом эпизоде участия не принимала. Кто спровоцировал и сорвал слаженную работу на саркофаге, установлено не было. Но кому-то и зачем-то это было нужно. Начальник строительства Геннадий Лыков рассказал Георгию о других попытках срыва работы, когда не установленные личности останавливали миксеры, сле-

Саркофаг

довавшие с бетоном на станцию, уговаривали шоферов не рисковать своим здоровьем и сливать бетон в лесу или в поле. Чтобы предотвратить такие случаи, была введена система контроля за рейсами миксеров.

Летом Георгий столкнулся с отдельными случаями небрежности к выполнению требований техники безопасности и к правилам поведения в зоне радиоактивного загрязнения. В районе самого города Чернобыль он стал свидетелем, когда раздетые по пояс солдаты без респираторов работали по обваловке берегов рек Припять и Уж. Солдаты делали защиту этих рек от слива в них радиоактивной пыли и песка. Они лопатами возводили из песка береговые валы и покрывали их пленкой. Потные тела солдат были покрыты пылью и ею же они дышали полной грудью. Рядом с ними находился подполковник. И тоже без респиратора. Только после вмешательства Георгия, тот скомандовал одеть респираторы. В этом случае, по мнению Георгия, проявились и неграмотность, и недисциплинированность, и легкомысленная беспечность. И все это, в конечном итоге, вело к преступному небрежению жизнью и здоровьем своим и подчиненных солдат.

В декабре в числе происшедших изменений Георгий отметил смену ландшафта, окружавшего четвертый блок. Летом вблизи четвертого блока стоял порыжевший от аварии сосновый бор с проблесками березовых стволов. В бору на поляне росла причудливая сосна. От основного ствола в обе стороны сосна дала две крупные ветви. Ветви в двух с половиной метрах от основного ствола изгибались и почти под прямым углом шли вверх, образуя вместе со стволом, своего рода, трезубец. Во время войны, на этих "плечах" сосны немцы и бендеровцы вешали партизан. После войны на этом месте у этой причудливо-трагической сосны, у могил погибших, сделали неболь-

Бор у 4 блока ЧАЭС

Сосна, что стала "обелиском"

шой мемориал. К основанию сосны установили мраморную плиту, на которой написали: "И ты, идущий по весне, остановись! И поклонись ей низко. Кому? Да этой вот сосне. Сосне, что стала обелиском!"

Теперь этого бора не было. Из-за загрязненности деревьев бор вырубил, а место, где он стоял, засыпали чистым песком и грунтом. Пощадили только одну сосну, что стала "обелиском".

При рассмотрении документов было установлено, что большое количество их, представлявших научную и историческую ценность, бы-

ли сильно загрязнены и подлежали захоронению. Но пока, до решения вопроса об изготовлении их дубликатов, их не трогали. К ним удалось вернуться позднее, в конце весны следующего года.

К Новому году Георгий вернулся в Москву и после Нового года выехал в Сибирь и Забайкалье. В Красноярске для Специальной базы хранения микрофильмов было оборудовано новое помещение. Георгий принял участие в комиссии по приемке этого помещения в эксплуатацию. Главная боль об обеспечении сохранности страхового фонда микрофильмов была снята.

Из Красноярска он должен был самолетом вылететь в Читу, откуда следовать в Краснокаменск. Время вылета и номер рейса, которым должен был лететь Георгий, были переданы в Краснокаменск и его должны были встречать в Чите.

Задолго до отправления самолета Георгий приехал в аэропорт. Когда подходило время посадки, по внутреннему радио диспетчерская служба объявила, что его рейс из-за отсутствия в Читинском аэропорту горючего проследует до Владивостока без посадки в Чите. Георгий сдал билет и выехал в Читу поездом. Сообщить в Краснокаменск о происшедших изменениях сразу не удалось, а когда сообщили, встречавшие уже выехали в Читу.

Георгий первый раз ехал по этой примечательной дороге, любуясь видами зимнего Байкала. Поезд от Слюдянки до Бабушкина шел по самому берегу озера. Мороз и брызги воды не замершего у берегов Байкала превратили прибрежный кустарник в причудливое хрустальное украшение. К удивлению Георгия, в некоторых местах на берегу стояли заиндедевевшие рыбаки с удочками в руках. Они что-то ловили. Да, действительно, охота пуще неволи.

Около полутора суток Георгий следовал в купейном вагоне скорого поезда, не подозревая, что его разыскивали, как пропавшую грамоту. Сообщили в Москву, что самолет, на котором должен был лететь Георгий, проследовал без посадки в Чите на восток. Запросили аэропорт Владивостока. Оттуда получили ответ, что в списках прилетевших такой не значится. Успокоились, когда из Краснокаменска сообщили, что он едет поездом.

Встретили его на вокзале и без передышки поспешили в аэропорт, чтобы успеть на рейс в Краснокаменск.

Зима стояла морозная. Лютость мороза усиливалась тем, что земля была только припудрена тонким снежным покровом. Местами ветер сорвал тонкое снежное покрывало и земля стояла голая.

И в этот приезд один из выходных дней был посвящен рыбалке на Аргуни. Перед выездом за пограничный забор их предупредили, чтобы далеко от заставы не отъезжали. На всякий случай, для перестраховки Заместителю директора комбината и Георгию вручили по карабину и по обойме патронов. К рыбакам присоединилась и водитель машины. Будучи женщиной, она, одетая в ватные брюки и телогрейку, с сигаретой в зубах, воспринималась за мужчину. Ей удача сопутствовала больше всех. Ее улов был больше уловов мужчин, вместе взятых.

После возвращения с рыбалки, на другой день с водителем-рыбачкой произошел анекдотичный случай. К хозяину машины заскочил в кабинет один работник Управления комбината и попросил дать ему машину для срочной поездки в подразделение. Машина ему была нужна на тридцать минут и хозяин уважил просьбу. Проситель сел в машину, не подозревая, что водитель женщина. Он предложил ей перед отправкой закурить. Она от предложенной папиросы отказалась и закурила свою сигарету. Отъехав от города, он попросил остановить машину, чтобы справить малую нужду. Выходя из машины, он пригласил водителя разделить с ним компанию. Та отказалась. Седок вышел из машины, подошел к переднему ко-

лесу и сделал то, что делают по малой нужде. Облегчившись, с чувством исполненного долга, он взобрался на сиденье и машина тронулась дальше. О казусе стало известно от самого провинившегося. Он, вернувшись из поездки, зашел к хозяину машины, чтобы поблагодарить за помощь. Он одобрительно отозвался о водителе, сказав, что парень на все сто и даже больше. И только тут он узнал, что водитель женщина. Он смутился. Вспомнив и покраснев до корней волос, стал просить хозяина машины передать даме свои извинения.

Это было последнее посещение Забайкалья. На обратном пути он побывал в Ангарске и на Байкале. Несмотря на сильные морозы, Ангара ниже Шайтан камня не замерзла. На чистой воде гнездились тучи диких уток. Енисей ниже плотины Красноярской ГЭС на много километров тоже не замерзает. Там это понятно почему. Проходя турбины, вода нагревалась и долго не замерзала, стекая вниз, к морю. Пары теплой воды Енисея нависали толстым инеем на ветвях деревьев, создавая сказочную картину, достойную кисти художника. Почему не замерзала Ангара ниже Шайтан камня, Георгий объяснить не мог. В Листвянке заглянул в Лимнологический музей, где смог ознакомиться с флорой и фауной Байкала. Ученые считают возраст Байкала около тридцати миллионов лет. Оно хранит почти двадцать процентов мировых запасов поверхностных пресных вод, простирается на шестьсот с лишним километров в длину и на восемьдесят километров в ширину. Байкал можно признать за младшего брата Каспийского моря, ибо по объему воды он занимает второе место в мире после Каспия. И тот и другой являлись по существу озерами.

Полный впечатлениями о поездке по Забайкалью и Байкалу Георгий вернулся в Москву.

Из нерешенных пока проблем у него оставалась Чернобыльская документация: как сделать дубликаты важных документов, которые загрязнены и подлежали захоронению. Ксерокопирование исключалось, так как при нем происходил бы контакт грязных документов с аппаратурой и ксерокопиями. Этот способ дал бы новую массу загрязненных документов. Было решено попробовать изготовить копии документов фотометодом. В очередную командировку в Чернобыль весной 1987 года Георгий выехал с фотографом и необходимой аппаратурой для фотографирования. Первые пробы показали, что не все документы поддаются этому методу копирования. Пленка засвечивалась. На второй или третий день работы фо-

фотограф предупредил Георгия, что он не сможет поехать на станцию и продолжить съемки из-за неисправности аппарата. Он пояснил, что фотоаппарат он случайно уронил на бетонный пол и тот вышел из строя. На предложение Георгия достать другой аппарат он отказался, сказав, что на других аппаратах он работать не может. Пришлось опыты отменить, а фотографа откомандировать домой.

Опасность условий, в которых приходилось работать ликвидаторам, была понятна всем. С учетом вредности и для предупреждения лучевой болезни была установлена максимальная доза облучения, равная двадцати пяти бэр. Как только дозиметр работника показывал дозу максимальную или близкую к ней, работник выводился с работы и откомандировывался домой. Было много таких, кто и после получения максимальной дозы оставался работать в зоне станции. Но были и такие, кто ловчил и не только пытался уйти от выполнения работы в опасной зоне, но и получить вознаграждение, выплачиваемое при больших дозах облучения. Они снимали с себя дозиметры и прятали их в укромном месте в опасной зоне. Утром дозиметры ими изымались и передавались в дозиметрическую службу для оформления справок о предельной дозе, якобы, полученной при работе. Датчики за ночь набирали излучения и показывали уровень, дававший право закончить работу и вознаградиться. Когда дозслужба разобралась в трюкачестве, она каждый случай быстрого набора предельных доз тщательно рассматривала и анализировала. Это было полезным не только для установления самого факта, но и для выявления причин и обстоятельств, приводивших к переобучению работавших, и для выработки необходимых мер по устранению этих причин.

После откомандирования фотографа Георгий переехал жить в поселок "Зеленый мыс", находившийся ближе к станции. Он стал тратить на дорогу времени в два раза меньше, чем было от лагеря "Голубые озера".

В связи с невозможностью изготовления дубликатов документов было принято решение очень сильно загрязненные отправить в могильник, а остальные, хотя и "грязные", заложить в спецхранилища контор Всесоюзного объединения "Изотоп". Часть документов по личному составу, таких как учетные карточки дозконтроля, списки личного состава и документы бухгалтерии по начислению заработной платы было решено отправить в Москву, чтобы они были под рукой и позволяли быстро отве-

чать на письма и заявления ликвидаторов, поступление которых предполагалось в будущем. На такое решение было получено согласие Министра Льва Дмитриевича Рябева. Правильность такого решения подтвердилось быстро. Заявления о подтверждении работы на ЧАЭС по ликвидации последствий аварии, о полагавшихся льготах и об оказании помощи посыпались в Министерство, как из ведра. Большую заслугу в сохранении документов, особенно по личному составу, необходимо отнести руководителю отраслевого отдела фондов Саше Щегельскому и его помощнику Володе Пичугину. Именно им обязаны ликвидаторы за возможность подтверждения их участия в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС.

После Чернобыля Георгию пришлось побывать в нескольких командировках. На Ленинградской АЭС он ознакомился с условиями хранения документов и обеспечением их сохранности. Ему понравился город атомщиков — Сосновый Бор. Приехав туда, он узнал, что этот город строил его старый знакомый, который ранее строил объекты “ГН” (пусковые шахты для ракет). Георгий тогда помогал ему людьми и техникой. Это был полковник Латий. Его в Сосновом Бору Георгий не застал. Его там уже не было. Город, построенный им, понравился. Внутри кварталов и во дворах домов были сохранены вековые сосны. Детские площадки были сделаны на мотивы русских народных сказок. С теремками, башенками и горками. Город стоял на красивом месте. Георгий, будучи в душе художником, глядя на город со стороны, образно представил себе, что город встал на берегу Финского залива и преградил лесу дорогу к морю. А лес, прорывая преграду, просочился своими соснами сквозь кварталы домов и отдельными могучими лесными богатырями вырвался к морю и встал навечно на морском берегу. Благодатное место изобиловало ягодами и грибами. Ему показывали грибы, найденные в черте города в обеденный перерыв.

Посещение Соснового Бора ему напомнило эпизод, связанный с Ленинградской АЭС. ЧП произошло во время проведения строительных работ, когда был поврежден кабель. Повреждение было быстро устранено и станция продолжала работать в нормальном режиме. Но в той обстановке Чернобыльских событий это ЧП явилось той “каплей”, которая переполнила чашу.

Об этой “капле” Георгию рассказал Александр Георгиевич Мешков, тогдашний Заместитель Министра, после Политбюро

ЦК КПСС, на котором решилась, можно сказать, его судьба. Он рассказал, что на этом Политбюро, которое вел Горбачев, рассматривались причины и обстоятельства аварии на Чернобыльской АЭС. Перед выездом на Политбюро Славский предупредил его не упоминать о случае повреждения кабеля на Ленинградской АЭС. Министр не учел, что информация о ЧП обязательно дойдет до ЦК. Так оно и случилось.

Горбачев в ходе заседания Политбюро задал ему вопрос, который как Главный инженер отрасли докладывал о возможных причинах аварии в Чернобыле:

— Скажите, товарищ Мешков, а что у Вас произошло на Ленинградской АЭС? Получив ответ, что станция в Сосновом Бору работает нормально, Горбачев не сдержался:

— Как же так? Вы — Главный инженер Министерства среднего машиностроения и не знаете, что у Вас там произошло ЧП? ЧП, которое могло привести ко второму Чернобылю.

Все было бы гораздо проще, если бы Мешков на прямой вопрос Горбачева сказал бы о ЧП в Сосновом Бору. Но, будучи связан разговором со Славским, промолчал, чем и был вызван гнев и возмущение Горбачева.

Горбачев тут же, не уточняя подробностей по Сосновому Бору, предложил членам Политбюро его строго наказать в партийном порядке и снять с должности Заместителя Министра. А что значило для Членов Политбюро предложение Генсека. По сложившейся многолетней практике предложение Генсека по существу являлось решением, которое обжалованию не подлежало.

Вины Мешкова, по мнению Георгия, в Чернобыльской трагедии и в ЧП на Ленинградской АЭС не было.

Министр Славский, давший ему указание не вспоминать на Политбюро о случае на Ленинградской АЭС, был на этом Политбюро и ни слова не сказал в защиту Мешкова.

Славскому, если бы он дал пояснение Горбачеву о разговоре со своим заместителем перед Политбюро, ничего бы не было. В худшем случае ему попеняли бы на несвоевременность информации ЦК о ЧП и Мешков бы не пострадал.

Александр Георгиевич Мешков после решения Политбюро не ушел из системы Министерства. Несколько лет он возглавлял одно крупное предприятие. В 1990 году вернулся в Центральный аппарат и вновь стал Заместителем Министра. Но это произойдет тогда, когда вместо Славского Министром будет Виталий Федорович Коновалов.

Длительная, в течение многих лет, работа с радиоактивными материалами, участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и пережитые потрясения сказались на его здоровье и он преждевременно ушел из жизни.

После возвращения из Соснового Бора Георгий отправился в Дубну, в Объединенный институт ядерных исследований. В институте он встретился с Виктором Бронниковым, который ранее работал на объекте в Арзамасе-16 и они с ним частенько выезжали в совместные командировки на предприятия отрасли. Здесь он увиделся и со своей родной Волгой, с которой не встречался лет пять. Это было году в 1981—1982, когда он был в Рыбинске. Тогда привелось порыбачить и на Волге, и на Рыбинском водохранилище. Возвращаясь из Рыбинска, он заезжал в Чебоково, к своему старому другу, Юре Новожилову, которому обещал приехать в последнюю с ним встречу, когда тот был делегатом XXIV партсъезда.

Немного ранее, Георгий вместе с женой совершили небольшой круиз на теплоходе от Москвы до Ярославля. Прошли по каналу Москва-Волга, вышли на большую Волгу и стали спускаться вниз. Мимо Дубны, Савелово, Кимр, Углича и Рыбинска. В Кимрах посетили памятник прославленному авиаконструктору Андрею Николаевичу Туполеву. В районе Калязина теплоход прошел мимо чуда нашего века. Среди широкой водной глади стояла колокольня, отражаясь в Волжской воде своими шпилем и крестом.

До войны заключенные строили Рыбинскую плотину. Перегородили Волгу и вода затопила некоторые районы Ярославщины и Вологодчины. Водой были затоплены леса и населенные пункты: деревни, села и городища, оказалось затопленным и то село, где стояла та церковь. Над водой осталась одна колокольня. Возможно, были затоплены и другие церквушки, но они, видимо, стояли на более низких местах и ушли под воду целиком.

Вскоре, после Калязина, показались купола церквей и храмов Углича. Теплоход, как плавучий дом отдыха, вез, в основном, отдыхающих и туристов. Вез от Москвы до Астрахани. Георгий с женой были просто попутчиками. Но и они старались не отставать от тех во время остановок и экскурсий. В Угличе остановились на два часа. Город в Истории России сыграл печальную роль. Здесь в лето 1591 месяца мая в 15-й день был убит брат царствовавшего Федора Ивановича — царевич Дмитрий.

Этим злодейским убийством боярин Борис Федорович Годунов расчищал себе путь к трону и к короне. Он не предполагал, что имя убитого им царевича будет использовано двумя Лжедмитриями и что самозванцами будет пролито много русской крови.

Рыбинское водохранилище теплоход проходил ночью. Георгий слышал много чудес об этом рукотворном море и хотел посмотреть на него, но проспал и очень сожалел об этом. Ранее он видел его только с берега.

После поездки в Ярославль Георгий был командирован с группой коллег в ГДР и снова в “Висмут”. Остановились в той же гостинице-вилле, где хозяйкой работала фрау Элиза Лотте. В их приезд происходила смена власти в Акционерном обществе. Генеральным становился представитель немецкой стороны. Бывшему Генеральному директору — представителю Советской стороны исполнилось семьдесят пять лет и он переходил на пенсию. Рассказывали, что правительством ГДР в благодарность за многолетний труд и взаимопонимание юбиляру был преподнесен памятный дар. Когда дар, укрытый в деревянный контейнер, привезли и раскрыли, то, якобы, увидели большой бюст Карла Маркса.

Командированные посетили города Дрезден, Геру и Ауэ. Под Дрезденом съездили на высокий берег Эльбы, где причудливые скалы смотрелись, как Красноярские Столбы. С высоты этого скального причудливого берега были видны большая пойма реки и далекие поля и зеленые пятна лесных кущ, разбросанных по видимому пространству.

Обратный путь их в Москву пролег через Берлин. Из Карл-Маркс-Штадта в Берлин выехали машиной. Путь Георгию был знаком. В первый свой приезд он проезжал здесь, только в обратном направлении. В Берлине остановились на “Висмутовской” гостевой вилле. Рейс самолета приходился на следующий день. За день до их приезда в Берлин из этой виллы в Москву выбыл ушедший на пенсию Генеральный с супругой. На вилле задержался личный шофер бывшего Генерального, который в последний раз прокатил своего шефа до Берлина. От шофера узнали об обиде, нанесенной шефом своему шоферу, служившему ему четыре года верой и правдой. Шофер рассказал, что шеф решил с собой забрать служебную машину, которой он пользовался последнее время. Купленную машину шеф поручил перегнать в Москву шоферу. При этом он обязал его захватить с собой дополнительно один полный комплект

резины и запас бензина на дорогу до Москвы. Шофер согласился все сделать, но попросил дать денег на эти расходы. Шеф возмутился:

— Неужели ты за четыре года работы у меня не накопил несколько сот марок, чтобы уважить меня,— сказал бывший хозяин.— Ты неблагодарная... (по словам шофера, далее следовали непечатные выражения). Шофер был обижен и отказался от предложения гнать машину в Москву.

Домой москвичи летели первым классом. Георгий впервые так комфортно добирался домой. В салоне было несколько больших кресел. У каждого пассажира свое место со столом. Всю дорогу стюардесса кружилась вокруг столиков с подносом, заставленным разными напитками и тарелочками с закусками. Она вежливо предлагала все, что у нее было на подносе, в буфете и в холодильнике. На память о полете всем подарили сувениры-чехольчики для ключей.

В середине ноября Георгий в последний раз выехал в Чернобыль в составе комиссии, созданной для ликвидации строительства № 605, которое завершило работы по ликвидации последствий аварии.

Основные работы по ликвидации последствий аварии на четвертом блоке станции были закончены. Но аварийный реактор четвертого блока продолжал жить. Под бетонной оболочкой саркофага продолжались физические и химические реакции. Под саркофагом затаился страшный зверь, за которым надлежало теперь смотреть и смотреть, не спуская глаз. Для этого была образована экспедиция Института атомной энергии имени Курчатова. Было предельно ясно, что безопасность аварийного реактора могла быть обеспечена при постоянном поддержании определенного температурного режима и неослабном контроле за всеми параметрами его состояния. Действующие реакторы можно остановить и расхолодить. Четвертый реактор в результате аварии стал неуправляем и не подвластен людям и его так просто не остановить.

Георгий по образованию не физик. Он — юрист. Но проработав тридцать пять лет в системе Минсредмаша, он многое узнал и открыл для себя. Однажды он даже пытался выступить со своими предложениями по усовершенствованию конструкции ядерного заряда. Было это в конце 1953 года. У него возникла одна идея, но не обладая способностью расчета констант деления атомных ядер и размножения нейтронов, он решил посоветоваться со специалистами. В соседнем с ним зда-

нии работали ученые физики-теоретики. Георгий зашел в комнату, где в это время находились Евгений Забабахин, Евгений Негин и Борис Бондаренко. Георгий обменялся с ними своей идеей и на доске мелом нарисовал примерную схему заряда, как он ее себе представлял. Негин на этой же доске написал формулу, произвел расчеты и сказал, что предлагаемый вариант не пройдет. Вылетающие нейтроны вызовут преждевременное возбуждение и реакция может произойти, но она не будет иметь взрывного характера.

Думая об аварийном реакторе, Георгий пытался понять, что может произойти, если вдруг перестанет действовать система охлаждения и вентиляция, смонтированные в саркофаге. Системы работали от электросети. Она, как это бывает в жизни, частенько выходит из строя. Живут люди в хорошем доме. Пользуются электроплитами и лифтами. И, вдруг, все останавливается. Отключилась электроэнергия из-за аварии на линии. Бывает. Но там не все так страшно. Голодный желудок можно обмануть холодными закусками. Без лифта можно прожить. Не смертельно. Даже полезно для здоровья поработать по лестнице ногами, если живете на пятом-шестом этажах, но не выше. В случае с реактором сложнее. Без системы охлаждения пойдет разогрев всего, что осталось в реакторе. А осталось ни много, ни мало, полторы сотни тонн урана да плюс наработанный ранее плутоний. Как они поведут себя при высоких температурах? Одному Богу известно. Нелегкая задачка легла на плечи “Комбината” и Экспедиции курчатовцев.

Как член ликвидационной комиссии, Георгий должен был закончить решение вопроса о документах и определении их судьбы. Тех, которые были еще не рассмотрены. На этой завершающей стадии ему помогали Руководитель Отраслевого отдела Фондов и ведущий специалист этого отдела.

Заканчивался 1987 год. Надо было спешить и вернуться домой до наступления Нового года. Документы, отобранные для передачи на хранение в конторы “Изотопа”, погрузили в автобус и с этим же автобусом сами выехали в Киев. Документы, отобранные для отправки в Москву решили доставить туда вагоном после Нового года. Председатель ликвидационной комиссия Федор Архипович Ермаков и Начальник Управления

строительства Дроздов Владимир Павлович согласились с таким решением, получившим впоследствии одобрение Министра. Документы в Москву прибыли в конце января 1988 года. На этом завершилась работа Георгия, связанная с аварией на Чернобыльской АЭС. Память же о ней останется у него на всю оставшуюся жизнь.

ДУМЫ И РАЗДУМЬЯ О ПЕРЕСТРОЙКЕ

В стране набирала темпы перестройка. И, как оказалось, ее проводили люди, не представлявшие себе, к каким результатам она может привести страну и народ. Рядом с Верховным Советом стал заседать Съезд народных депутатов. Пришла пора демократической эйфории. При этом демократию разные представители понимали по-разному. Под шумок демократической эйфории начался процесс растаскивания народного добра. Шумно проходили съезды народных депутатов. Академик Сахаров, тот самый, который работал на объекте в Сарове и стал “отцом” водородной бомбы, неоднократно выступал с трибуны съезда и настоятельно предлагал “народным депутатам” принять Декрет о власти. Он в отличие от последнего Генсека ЦК партии видел гибельный курс, которым повели страну “прорабы перестройки”. Крикуны-депутаты Съезда называли выступления и предложения Сахарова возмутительными, потребовали лишить его слова и не пускать больше на трибуну Съезда(!).

Они кричали и брызгали слюной, обвиняя Сахарова во всех смертных грехах.

После разумных предложений о власти, о конституции, о государстве, о земле и роли партии он вынужден был уходить с трибуны под свист и оскорбительные выкрики с мест, не досказав до конца своих предложений. Присутствовавший на съездах Горбачев также пытался прерывать выступления академика и всячески поддерживал крикунов одобрительными репликами и кивками головой. Позднее, на похоронах Сахарова он со скорбью в лице и голосе будет произносить душещипательный панегирик по усопшему. Трудно совместить Горбачева, негодующего на Сахарова во время его выступлений на съезде с Горбачевым, скорбящим у его гроба.

Ставший Главой перестройки и Первым Президентом страны, Горбачев проявил себя мечущейся и непоследовательной личностью. Это стало заметно при обсуждении шес-

той статьи Конституции СССР на Съездах Народных Депутатов, в которой говорилось о руководящей и направляющей роли КПСС. Сначала он намертво отметал предложения об исключении этой статьи из текста Конституции. Впоследствии он согласился и пытался выступить, как автор такого предложения. Также он вел себя при отстаивании однопартийной системы, и в августе 1991 года, когда своим странным поведением в отношениях с ГКЧПистами породил сомнения в своей непричастности к попытке переворота. Многим тогда казалось, что Горбачев занял выжидательную позицию и в зависимости от хода событий решать, к какому берегу ему надо приставать. Может быть в своем видении происходящего они ошибались и были далеки от истины. Но что было, то было. К таким мыслям их подталкивали те отношения, которые возникли и развивались между Горбачевым и Ельциным. Возможно и начавшиеся в стране августовские события, по их мнению воспринимались Горбачевым, как некая помощь ему в конфронтации с Ельциным. На такие мысли могли повлиять события в самом Форосе: “арест” без ограничения свободы передвижения и с сохранением возможности связи с внешним миром. Трудно было понимать Горбачева, когда тот на пороге важнейших событий для страны и народа, перед заключением союзного договора, который должен был оформить решение всенародного референдума о сохранении СССР как единого государства, взял и уехал в отпуск, в свой Форос. Мог ли так поступать Руководитель страны? Конечно же не мог. А он взял и уехал. Так он поступил, видимо, не как Президент, а как Генеральный секретарь партии. Не случайно, после Фороса стал ходить такой анекдот: “В стране наступил пик плюрализма. Мнение Президента не стало совпадать с мнением Генерального секретаря”.

После поражения гекачепистов и роспуска КПСС пошли разговоры о судьбе денег партии. Было начато даже расследование, куда и сколько денег партии утекло из страны? Особенно стали будироваться эти вопросы после самоубийств бывшего Управделами ЦК Павлова и последнего Управляющего делами ЦК Кручины. Георгия удивляло то, что в информации и в разговорах о партийных деньгах не упоминалась вообще фамилия Генерального секретаря. По его мнению, вряд ли Горбачев не был информирован о том, куда были отправлены и где осели деньги партии. Горбачев, да и бывший главный банкир не могли не знать сколько, куда и на какие счета они

положены, шифры и коды счетов и фамилии лиц, на кого эти счета были открыты. О деньгах партии прокуратурой в 1991 году было заведено уголовное дело за № 18/6220-91. По всей вероятности, оно будет вестись бесконечно и вряд ли дойдет до конца.

НА ЗАСЛУЖЕННЫЙ ОТДЫХ. МЫСЛИ О СЪЕЗДАХ И ДУМАХ

В 1988 году Георгию исполнилось шестьдесят пять. Он, полковник по званию, прослужил больше положенного срока целых пятнадцать лет.

Возрастной предел службы — пятьдесят лет. Он ушел в отставку ровно в шестьдесят пять. В октябре у него появился паспорт и он стал гражданином страны в гражданском качестве. Переход из военного состояния в гражданское был не простым. Начало было болезненным.

В первое время он по утрам неизменно поднимался в обычное время, чтобы успеть побриться, позавтракать и идти на работу. Опомнившись, он валился снова в постель. Заснуть не удавалось. Все думалось о работе, о всем том, чем он занимался долгие годы. Он в своих думах делал оценку всех своих дел и приходил к выводам, что можно было сделать еще больше и еще лучше. Но и то, что он оставил после себя более-менее упорядоченное документальное хозяйство отрасли, сумел провести решение инстанций об определении особого статуса Министерского архивного фонда, несколько снижало боль об оставленных делах и сроднившихся коллективах.

В конце года в Министерстве общего машиностроения узнали, что Георгий ушел на заслуженный отдых, как было принято говорить о переходе на пенсию. Нашли его дома и упростили придти к ним поработать, помочь сделать то же самое, что он сделал в Министерстве среднего машиностроения. То есть помочь оформить статус их архивной службы по тому же образу и подобию, как он сделал на прежней работе. Георгий принял предложение и целый год проработал в Министерстве ракетчиков и космонавтов, которое когда-то, в 1965 году, приглашало его на работу в КБ к Королеву. В этом Министерстве Георгий обрел хороших друзей. Побывал на ряде предприятий, находившихся в Москве и Ленинграде. Ему запомнился один случай, когда пришлось созваниваться с отрядом космонавтов. К нему с просьбой обратился Главный оператор, сни-

мавший фильм “Каракумы, 45° в тени”, Христофор Васильевич Триандофилов. Он снимал фильм о детской школе космонавтов. Его просьба состояла в том, чтобы он помог пригласить кого-либо из отряда космонавтов, чтобы тот согласился выступить в фильме со словами напутствия к детям, увлеченным космосом. Георгий позвонил Шаталову. Его на месте не было. Трубку подняла его секретарша Надежда Васильевна. Выслушала вопрос Георгия и посоветовала ему позвонить Джанибекову. Владимир Александрович оказался на месте. На просьбу Георгия выступить с обращением и напутственным словом к детям он ответил отказом. Причину отказа он объяснил дефицитом времени. При этом он признался, что у него у самого есть дети, которых он видит от случая к случаю. Времени для своих детей, мол, у него нет, что же говорить о других детях. Просьбу Триандофилова выполнить не удалось.

В последний месяц работы у ракетчиков произошло печальное событие. Умер Андрей Дмитриевич Сахаров. Они вместе проработали в одном институте почти пятнадцать лет. Последний раз Георгий видел его в конце 1969 года на Большой Ордынке, недалеко от здания Минсредмаша. Сахаров выглядел потрясенным и растерянным. На вопрос, что случилось, он с горечью в голосе ответил, что умерла Клавдия Алевксеевна, его жена, и теперь он и дети остались одни.

Гроб с телом Сахарова был установлен во Дворце молодежи на Комсомольском проспекте. Для прощания с ним Георгий поехал туда. От метро “Парк культуры” группами и одиночками для того же шли москвичи к молодежному Дворцу, который уже был оцеплен милицией.

Георгий прошел в вестибюль, где на постаменте был установлен гроб с телом покойного. Рядом находились Елена Георгиевна Бонер и кто-то из ее детей. Через некоторое время во Дворец прибыла правительственная комиссия по похоронам Сахарова во главе с Примаковым. В составе комиссии был и Заместитель Председателя Совета Министров СССР Лев Дмитриевич Рябев, бывший до этого Министром среднего машиностроения. Рябев, увидев Георгия, подошел к нему и попросил организовать встречу делегаций из Сарова и с Урала, которые должны прибыть на похороны. В выполнении этого поручения помогал милицейский генерал, обеспечивавший охрану порядка при проведении траурной церемонии. Делегации прибыли и был организован их пропуск во Дворец. Среди приехавших он встретил многих из тех, с кем работал в Сарове.

Сахарова, без преувеличения можно сказать, провожала в последний путь вся страна. Одни, следуя за гробом на кладбище, другие — переживая боль понесенной утраты Пророка своего Отечества.

Андрей Дмитриевич как будто догадывался, что срок его жизни, отпущенный судьбой, подходил к концу. Он торопился по-больше успеть сделать. 1 декабря 1989 года он вместе с группой депутатов обратился ко всем трудящимся страны провести 11 декабря предупредительную политическую забастовку с требованием включить в повестку Второго съезда народных депутатов СССР обсуждение законов о земле, собственности, о шестой статье Конституции СССР.

10 декабря Межрегиональная депутатская группа, сопредседателем которой был Сахаров, обратилась ко всем избирателям, чтобы они всеми возможными средствами: письмами, резолюциями, телеграммами, выразили поддержку требований группы о включении в повестку Съезда указанных выше вопросов. Съезд не внес эти вопросы в повестку и ушел от их обсуждения.

В этот же день, вечером, Сахаров выступил на заседании Межрегиональной депутатской группы и не подозревал, что это было его последнее выступление. Поздним вечером того же дня его не стало. Последними его словами были: “Завтра будет большой бой”. Он имел в виду предстоящее обсуждение позиции по отношению к антидемократическому большинству Съезда народных депутатов, к руководству СССР и ЦК КПСС. Можно предположить, что именно все эти вопросы были предметом обсуждения при последней встрече Сахарова и Горбачева вечером того же дня после заседания Межрегиональной депутатской группы, дня, который стал скорбным для всех людей доброй воли.

Дальнейшие события подтвердили все то, о чем говорил и предупреждал Сахаров. Если бы тогда были приняты его предложения по законам о власти, о земле, о партии, возможно, не произошло бы то, что произошло. Не развалился бы Союз ССР. Не случилась бы ГКЧПейная ситуация. Не было бы Карабаха и Чечни. Возможно.

11 марта 1985 года, когда Пленум ЦК избрал Генеральным секретарем партии Горбачева Михаила Сергеевича, ему только что исполнилось 54 года. В стране не было давно такого, сравнительно молодого, руководителя. С его приходом к власти широкую гласность приняли разговоры о перестройке. Начались пер-

вые шаги по разрядке международной напряженности. Включились тормоза гонки вооружений. Всем стало понятным, что наступает иная пора в жизни страны и мира. Все эти новые веяния связывались с именем Горбачева.

Георгий первые веяния перестроечной поры воспринял с большой надеждой на исправления уродливого положения, при котором государство, управляемое партийной верхушкой, только на словах было народным. Уродливость положения проявлялась в том, что в стране не государство было для народа, а народ для государства.

Перспективы перестройки ему казались радужными. Но прошло немного времени и он понял, что в очередной раз он обманулся. В его жизни подобное уже было, когда в октябре 1964 года после замены Хрущева Брежневым, он послал в ЦК некоторые свои предложения, наивно думая, что намечавшиеся тогда изменения коснутся и тех вопросов, которые он ставил в своем письме. Он писал, что пора кончить нянчиться с вкладыванием всех сил в развитие производств первой группы и главное внимание уделить производству товаров народного потребления. Далее он писал о не совсем понятном отношении в стране к сельскому хозяйству, к сельскохозяйственному производителю. Все слова о благих целях стирания граней между городом и деревней оставались словами. В своем письме в ЦК он писал прописные истины, надеясь, что они дойдут до сознания верхов. Он пытался доказывать, что основой всего во всех странах является сельское хозяйство, дающее людям пищу, одежду, то есть все необходимое для жизни, и сырье для промышленности. Что колхозник в процессе производства выступает как элемент средств производства, а без правильного сочетания орудий и средств производства невозможен нормальный производственный процесс. На это сочетание внимания почему-то не обращалось. Техника росла и развивалась. Промышленность гнала в деревню тракторы, комбайны и прочую технику. А положение колхозника или ухудшалось, или оставалось на прежнем низком уровне. Пропадал интерес к труду и заинтересованность в нем. Производительность труда и его результаты падали.

Обо всем этом он написал и не думал, что его письмо пойдет в мусорную корзину.

Георгий следил за информацией о состоянии этой области жизни и производства в своей и в других странах. Сравнение показателей было явно не в пользу СССР. Если "там" с гектара

снимали по тридцать пять-сорок и более центнеров зерна, то “здесь” стандартно двенадцать-пятнадцать. А если кому удавалось собрать двадцать-двадцать пять центнеров, то во всех средствах массовой информации взахлеб говорилось об этом как о великой победе или великом достижении. Он понимал, что пока колхозник будет в таком положении, страна всегда будет в ущербе и народ этой страны никогда не станет счастливым. Он понимал это, но ему было непонятно, почему этого не понимали там, наверху.

Все могло измениться к лучшему, думал Георгий, если изменятся условия жизни колхозника, когда он получит землю, приличное жилье, с отоплением, горячей водой, с душем и ванной, когда ему не надо будет ездить в город за покупками и за культурой. Когда разницы в жизни между городом и деревней не будет или она будет незначительной. И все это реально достижимо. Смогла же страна навалиться всем миром и поднять целину, построить десятки крупнейших промышленных и энергетических гигантов. Несмотря на послевоенные трудности смогли решить атомную проблему в течение пятилетки. Значит и проблему изменения жизни деревни и колхозника страна могла решить. И Георгий надеялся, что перестройка начиналась именно для этих целей. Может быть это задумывалось и прорабами перестройки. К величайшему сожалению, все оказалось наоборот. Ком первого блина с борьбой за трезвость был не единственным и не самым большим. Перестройка оказалась закваской, дрожжами, в результате брожения получился продукт, повлиявший на головы, умы и сознание тех, кто начинал перестройку, и тех, кто попал в ее орбиту. Вместо перестройки развалилась промышленность, развалился Союз, перестала существовать одна из величайших держав. Вместо расцвета жизни и человеческой личности началась безработица. Резко упал уровень жизни большинства населения страны. Вместе с ощущением сладости свободы появились и горечь обид, и новая прослойка в классовой структуре общества — Бомжи. Политические страсти раскачали страну, как лодку, которая в конце концов “перевернулась”. Страна, некогда могучая держава, с которой считались и которую побаивались и уважали, перестала существовать. На обломках “Великой империи” стала возрождаться Россия, которая долгое время в Союзе республик была падчерицей, этакой РСФСэрюшкой. Возрождение было не простым, и младенчество России стало не из легких. Старая партийная власть не хотела уступить до-

рогу новому добровольно. Дело даже дошло до заговора. Возник ГКЧП. Молчаливое согласие с гекачепистами выразили сторонники старого режима. Были и такие, кто открыто выразил свое согласие. Заговор провалился. Все, кому была дорога свобода, вышли на улицы и преградили дорогу гекачепистам. Своим заговором они подписали приговор КПСС. Она была распущена. Но она не погибла. Она сменила название. И только. Несколько изменилась ее стратегия и тактика борьбы за “светлое будущее”. Многие не исключали, что возникавшие некоторые трудности и осложнения могли быть тактическими приемами этой борьбы. Манипуляция с деньгами, замена купюр, создание искусственного дефицита газетной бумаги и тому подобные случаи, вызвавшие недовольство и возмущение народных масс. В этой борьбе партии помогали отдельные промахи и не совсем продуманные действия органов управления Новой России. К этому можно отнести и издание Указов без предварительного создания механизма их исполнения, и применение танков при осаде Белого Дома в октябре 1993 года. Последнее дорого обошлось России и авторитету Президента. Не добавила авторитета и проведенная ваучеризация, которая так и осталась непонятной народу. Она, к сожалению, сыграла роль дымовой завесы, за которой хорошо “поработали” разные МММ, Техинвесты и “Тибеты”, обманувшие миллионы простаков.

Все это в дальнейшем принесет немало голосов избирателей КПСС, которая стала называться КПрФ.

Обстановку в стране осложнили Чеченские события. Они явились не ложкой, а ведром дегтя в бочке меда. Разоружение “бандформирований” превратилось в настоящую и грозную войну. В этом деле Президента, скорее всего, обманули и ввели в заблуждение. “Лучший” из министров обороны Павел Грачев обещал привести Чечню к повиновению в течение двух часов силами одного батальона десантников. Он, заявляя это, скорее всего, держал кукиш в кармане, как делали ребяташки, когда говорили неправду.

В декабре 1989 года, после ухода из Минобщемаша, Георгий некоторое время трудился в одной фирме, созданной в здании Минсредмаша, на Большой Ордынке. Фирма официальной задачей имела оказание помощи и поддержки малому предпринимательству, а по существу занялась посредничеством. Георгий из фирмы ушел и совместно с группой однополчан организовал и зарегистрировал благотворительный центр по оказанию помощи

ветеранам войны, служившим в частях 130 Латышского стрелкового корпуса. Надежды на спонсорство и добровольные пожертвования средств не оправдались. Когда Георгий заболел, Центр прекратил свое существование.

В марте 1994 года ему была сделана операция. Врачи опасались за ее исход. О серьезности заболевания он понял из намеков и разговоров врачей между собой, которые случайно были подслушаны Георгием. Он понял, что у него злокачественная болезнь, и знал, чем обычно она заканчивается. Он согласился на операцию, ибо она давала, пусть небольшой, но все-таки, шанс на благополучный исход.

Будучи знаком с медициной немного больше, чем рядовой обыватель, он допускал различный исход своей болезни и поэтому заранее подготовил небольшую записку, которую просил считать завещанием. Он просил после его смерти тело кремировать, а прах распылить с моста в Твери в Волгу, чтобы он проплыл по реке мимо всех городов, где он жил и работал, от Твери до Каспия.

К счастью, после операции последующие несколько проверок не показали каких-либо остаточных явлений. Его оперировал Главный проктолог Третьего главного управления Минздрава Чумак Виктор Николаевич. Не тот Чумак, который, говорят, лечит маханьем рук, а другой, настоящий доктор, руководитель небольшого, творческого коллектива, оказавшего неоценимую помощь многим своим пациентам.

После перенесенной операции Георгию стал активно помогать Фонд “Чернобыль-Надежда”. Фонд неоднократно предлагал ему путевки на санаторное лечение в Карловых Варах. Но из-за большой осведомленности в государственных секретах, ему отказали в выдаче загранпаспорта, хотя он с этими секретами не работал уже более семи лет. Даже ходатайство его родного Министерства Российской Федерации по атомной энергии оказалось бессильным. На лечение в Чехию его не пустили.

Время шло и неумолимо наматывало свою нить на колесо истории. Старики “богатели” своими годами, молодая поросль поднималась и развивалась. Не стало многих родных и близких Георгия и его жены. Ушли из жизни их матери. Скончался его младший брат, когда при перитоните отказался показаться врачам. За братом последовали его жена со своей старшей сестрой. Средний брат отца, который был крестным отцом Георгия, дождал до девяносто пяти лет и умер в дни, когда отмечалась Пятьдесят первая годовщина Победы.

Подрастали внуки Георгия. Старшая — Яна Михайловна после окончания средней школы поступила в колледж, чтобы получить специальность, о которой мечтала с малолетства — быть воспитателем или учителем. Младшие внуки-близняшки Илона Васильевна и Наталья Васильевна только что закончили специальную школу и подали документы в учебное заведение, дающее образование и специальность. В каникулы они решили пойти работать и на заработанные деньги съездить на юг.

Старшая внучка в январе 1996 года вышла замуж и стала Бахметовой.

В последние годы молодую Россию сотрясали политические бури и страсти. Набирали силу уличные шествия и митинги. Многочисленные партии и блоки соревновались между собой, чтобы вовлечь в свои ряды как можно больше сторонников. В предвыборной компании по выборам в Государственную Думу возросла активность всех и особенно КПРФ. Несмотря на заявление Президента о недопущении коммунистов в Думу, сторонники КПРФ набрали много голосов избирателей и получили большинство мест в нижней палате Парламента, в Государственной Думе.

В августе 1996-го Георгию стукнуло семьдесят три года. Впереди октябрь месяц. Он не забывал предсказания, сделанного хиромантом-латышом Розеном в 1944 году, о том, что ему судьбой отпущено прожить семьдесят три года. Сбудется или не сбудется это предсказание? Георгий воспринимал все довольно спокойно, не паниковал и не горевал. Что будет, то будет. Возможно, будет несколько позднее, думал Георгий.

25 июня он стал прадедушкой. Внучка Яна Михайловна подарила миру и всем своим родным нового человека, названного Максимом.

Дай-то Бог новорожденному счастливой жизни, наполненной интересными днями и настоящей земной радостью.

Его благополучие будет зависеть от судьбы его Родины, ее настоящего и будущего. Не оставь, Господи, Россию и ее много терпеливый народ. Вразуми ЕГО и помоги Ему.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Георгий всегда и всем говорил, что как бы ни тяжела была его жизнь, ему в жизни крупно повезло. Он прошел всю войну и остался жив.

Всю его жизнь главным наставником был труд. Ему повезло и здесь. Коллективы, в которых ему привелось трудиться, по-

могали ему во всех делах. Повезло ему и тем, что на его жизненном пути встречались замечательные люди, у которых он многому научился. Среди них были и великие ученые, и крупные военачальники, и замечательные организаторы и руководители промышленности, и рядовые труженики, не щадившие в своем труде ни своих сил, ни своего здоровья. Всех их было много и, к сожалению, автор не смог их перечислить и всех упомянуть.

Пусть они и читатели простят автора. Он все это сделал не по забывчивости. Он всех их помнил с благодарностью за то, что они делали и сделали.

Повезло ему в том, что в трудное для страны послевоенное время ему довелось быть среди тех, кто создавал ядерный щит Родины, участвовать в его создании и видеть, как становилась, развивалась и крепла новая отрасль науки, техники и промышленности, которая в 1995 году отметила свое пятидесятилетие.

Пора везения у Георгия, как и у большинства людей, закончилась в перестроечное время, когда перестройка пошла не совсем по тому пути, который должен был привести страну к свободе и расцвету.

Изменить ситуацию и пустить перестройку по нужному направлению должен сам народ — россияне, как назвал его первый Президент России.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	4
Родные места и родные люди.....	5
Конец учебы. Начало войны.....	19
У латышских стрелков.....	32
Ученик индийской хиромантки. ОКР “Смерш”.....	43
Дорога на Ригу. Конец войны.....	47
Встреча с Ленинградом.....	56
Через Баку в Иран.....	60
Сборы домой. Костромской Галич и снова немцы.....	73
Возвращение в Ярославль. Странный сон.....	80
Ленинград, Мойка-45.....	85
Первая проблема страны — атомная, Саров (Арзамас-16).....	99
В среде ученых.....	142
Лето и осень 1964-го.....	150
Поездка с Миным на Урал. “Сватовство к Королеву”.....	159
Новая должность. Новое звание.....	163
Путешествие вдоль Балтийского побережья.....	176
Поездка к Чешской границе.....	188
Музей ядерного оружия.....	196
Последние дни в Сарове. Переезд в Москву.....	204
Поездка в Среднюю Азию.....	211
Семейные “аварии”. Необычная встреча с прошлым. и настоящим.....	217
Поездка по Сибири и Забайкалью.....	228
Кинодокументы. Секретная библиотека.....	239
Организационно-распорядительные документы. Урал и “песенные” города.....	248
Командировка за границу.....	268
Времена предперестроечные.....	278
Кинофильм “Каракумы, 45° в тени”.....	280
“Процесс пошел”. Чернобыль.....	287
Думы и раздумья о перестройке.....	308
На заслуженный отдых. Мысли о съездах и Думах.....	310
Послесловие.....	317

Юрий Хабаров

ЭТОТ ФАТАЛЬНЫЙ МЕСЯЦ ОКТЯБРЬ

Корректор Спиридонова Е.М.
Художник Оводов Б.И.

ЛР № 030719 от 20.01.97

Подписано в печать 25.08.97. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 20. Тираж 1000 экз.
Заказ № 2409

Издательство по атомной науке и технике ИздАТ
Международной Ассоциации Союзов “Чернобыль-Атом”
123479, Москва, ул. Рогова, д. 7, корп. 7, тел. 9474100

Московская типография № 2 Российской Академии наук
121099, Москва, Шубинский пер., 6